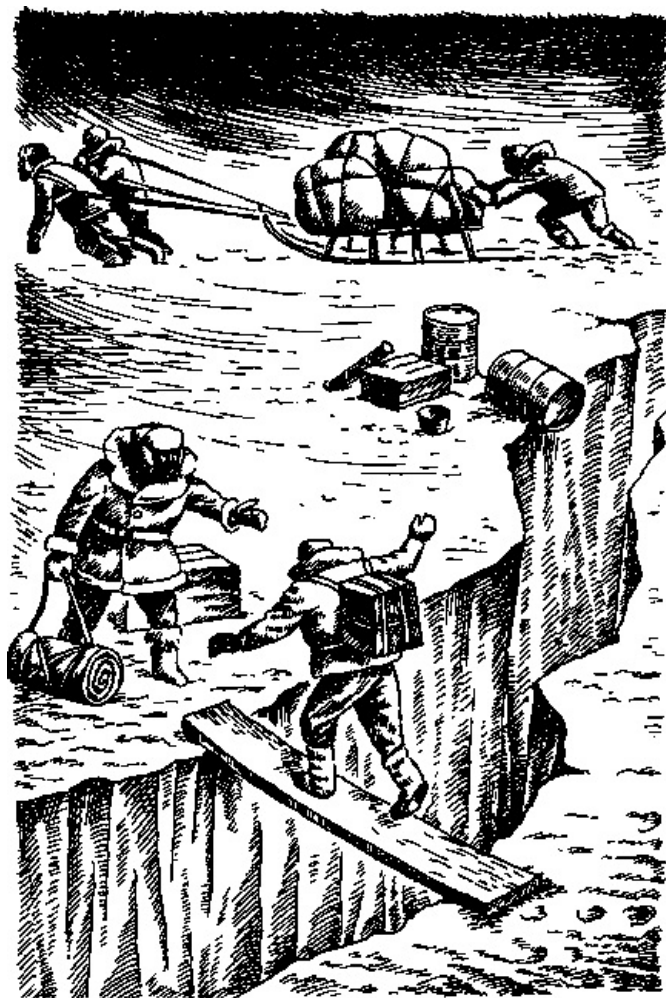

Волович В.Г.

Засекреченный полюс

В. ВОЛОВИЧ

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ ПОЛЮС

Повесть

Моим дорогим друзьям - участникам трудного дрейфа на станции "Северный полюс-2" посвящается эта повесть.

"Между исследователем, который производит опыты в лаборатории, и тем, который изучает явления в природе, существует большая разница. Первый имеет возможность регулировать условия опыта, последовательно изучать отдельное явление и из ряда наблюдений вывести свои заключения. Второй непосредственно наблюдает сложные опыты, которые производит сама природа, и пытается постигнуть их при помощи первоначальных законов, установленных лабораторными опытами. Оба движимы одним и тем же стремлением постигнуть природу, но в то время, как один имеет возможность получать ответы на интересующие вопросы посредством лабораторного труда, другому приходится иногда целыми годами накапливать наблюдения, пребывая в самых труднодоступных местах Земли, чтобы подвинуться на какой-нибудь шаг к постижению сущности явлений и связи между ними".

Х. Свердруп. Плавание на судне "Мод" в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского

"Главное то, что станция СП-2 работала, по существу, в военной обстановке, коль скоро иметь в виду трудности, прямой риск для жизни и условия секретности. Ведь если справедлива поговорка: "На миру и смерть красна!", к участникам дрейфа она не имела никакого отношения - мир ничего не знал о них и они работали как бы в тылу врага, без регулярной переписки, без всякой информации об их дрейфе".

3. Каневский. Льды и судьбы

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К северу от невидимой границы - десятиградусной июльской изотермы простирается огромное пространство - царство льдов, снегов и метелей, называемое Арктикой. Название это произошло от греческого слова "арктос" - так именовали древние греки созвездие Большой Медведицы.

Арктика - это 13 миллионов квадратных километров Северного Ледовитого океана и почти 10 миллионов квадратных километров островов, архипелагов и прибрежной тундры.

Арктика издавна привлекала внимание России. На запад через нее пролегли торговые дороги, связывающие Российское государство с европейскими странами. На восток вдоль арктических берегов Евро-Азиатского материка протянулся кратчайший путь из Белого моря в Тихий океан. Арктические просторы хранили богатейшие запасы рыбы, пушнины и морского зверя.

Но практически настоящее освоение Арктики началось лишь после 1932 года, когда впервые в истории мореплавания Северным морским путем в одну навигацию прошел из Белого моря в Берингово ледокольный пароход "Сибиряков". Одна за другой отправлялись в арктические моря советские экспедиции. На берегах Ледовитого океана вырастали города и поселки. Конец тридцатых годов ознаменовался высадкой дрейфующей станции на Северном полюсе, блестящими перелетами через полюс самолетов, пилотируемых В. Чкаловым и М. Грозовым, героическим трехлетним дрейфом седовцев, отважным полетом И. Черевичного на Полюс относительной недоступности. В годы Великой Отечественной войны немало героических страниц вписали полярные летчики и моряки.

Но не успел затихнуть гром орудий на полях сражений, как в военных штабах за океаном началась подготовка к новой войне.

Важнейшая роль в ней отводилась Арктике.

Согласно новой "Арктической доктрине", главным театром военных действий (ТВД. - В.В.) должен был стать Центральный полярный бассейн. Через него пролегли кратчайшие пути для нанесения бомбовых и ракетных ударов по важнейшим центрам Советского Союза. "Если возникнет новая мировая война, - писали американские стратеги, - современные виды оружия, такие, как реактивная авиация, межконтинентальные ракеты, атомные подводные лодки-ракетоносцы превратят Ледовитый океан в Средиземное море третьей мировой войны". Советский Союз не мог остаться безучастным к заокеанским угрозам. Стало необходимо быстрее изучение Центрального полярного бассейна как будущего ТВД.

Весной 1948 года в Центральную Арктику отправилась Высокоширотная воздушная экспедиция "Север-2". Ей предстояло детально изучить особенности полетов в воздушных просторах над океаном, методы аэронавигации и надежность оборудования, отработать способы выбора с воздуха посадочных площадок на дрейфующем льду, постройки ледовых аэродромов. Одновременно намечалось широкомасштабное изучение состояния ледовых полей, характер их дрейфа, скорость и направления течений на различных глубинах, особенности радиосвязи и многое другое. За первой экспедицией последовали вторая, третья.

Поскольку исследования носили кратковременный характер, было решено высадить на дрейфующие льды научную станцию, которая могла бы собирать длительное время необходимую информацию. В начале апреля 1950 года на ледяное поле у Полюса относительной недоступности была высажена дрейфующая станция "Северный полюс-2".

Эта повесть не плод фантазии автора. Она рождалась в полярную ночь, в маленькой, утонувшей в снегу палатке, под завывание пурги и гул торосящегося льда. Здесь все правда: и о событиях, и о людях, об испытаниях, выпавших на их долю, об их радостях и горестях.

Отдаю ее на суд читателям.

ПРОЛОГ

И в этот час я вспомнил снова

Дела давно минувших дней,

И снова образы былого

Теснятся в памяти моей.

Они проходят вереницей

Пред взором умственным моим -

Давно исчезнувшие лица,

Костров давно угасших дым.

О Северном полюсе географическом слышали все. О Северном полюсе магнитном - многие. О Полюсе относительной недоступности знают единицы.

К северу-востоку от острова Врангеля, в 1500 километрах от берегов земли простирается огромная область Ледовитого океана, в центре которой находится точка, названная Полюсом недоступности.

Сюда никогда не ступала нога человека. Ее вековой покой не нарушали ни человеческие голоса, ни собачий лай, ни скрип снега под полозьями нарт полярных путешественников.

И вот нашлись смельчаки, отважившиеся проникнуть в тайны этого заповедного края. Это были известный полярный исследователь Губер Уилкинс и его друг полярный летчик Бен Эйлсон. Они понимали, сколь огромен риск полета в глубь Арктики на одномоторном самолете. Случись что, и помощи ждать неоткуда. Они помнили слова великого Амундсена:

"Мы не видели ни одного годного для спуска места в течение всего нашего долгого пути от Свальбарда до Аляски. Ни единого!.. Наш совет таков: не летайте в глубь этих ледяных полей, пока аэропланы не станут настолько совершенными, что можно будет не бояться вынужденного спуска".

И все же они решились. В тесной кабине самолета едва уместились навигационные приборы, эхолот, две винтовки с патронами и скромный запас продовольствия. И вот, после пятичасового полета над ледяными просторами они благополучно произвели посадку на 78° с. ш. и 175° з. д. Это произошло 29 апреля 1929 года.

Прорубив во льду два отверстия, Уилкинс приступил к промеру океанских глубин. Но шум двигателя мешал исследователю, и он попросил Бэна выключить его хоть на десять минут. Уже впоследствии, вернувшись на Большую землю, Эйлсон рассказал с мрачной усмешкой: "Ладно, пусть делает промер, - подумал я. - Но если мотор остановится и мы уже никогда больше не запустим его, только Господь Бог и мы двое будем знать, какая здесь глубина". После двукратных измерений прибор показал 5400 - самую большую глубину, ранее определенную в Ледовитом океане.

Двигатель все же удалось завести. Но, охладившись, он работал с перебоями. Четыре попытки взлететь кончились неудачей. И только на пятой самолет наконец поднялся в воздух. Но полет был недолог. Им снова пришлось идти на посадку, с трудом отыскав подходящую льдину. Устранив неполадки, они двинулись в дальнейший путь. Несколько часов спустя двигатель неожиданно заглох на высоте 1100 метров. Летчик перевел самолет в планирующий полет и посадил машину между торосами. Путешественники отделались легким испугом, но машина была утеряна безвозвратно. Уилкинс определил координаты места посадки. Оказалось, что до земли еще не менее 150 километров. Но помощи ожидать было неоткуда. Дождавшись окончания неожиданно налетевшей пурги, они вышли в путь, погрузив свой немудреный скарб на самодельные сани. Однако вскоре от них пришлось отказаться. И тогда, взвалив груз на плечи, они двинулись дальше. Только через одиннадцать суток, преодолевая гряды торосов, перебираясь через трещины, путешественники наконец достигли спасительного берега Аляски.

К сожалению, результаты экспедиции, едва не кончившейся гибелью ее участников, были довольно скромными. Даже глубина океана, измеренная ими в точке посадки, оказалась (как это было установлено впоследствии) ошибочной. Полюс относительной недоступности продолжал хранить свои тайны.

Прошло 14 лет. И вот на лед бухты Роджерса (остров Врангеля. - В.В.) 20 марта 1941 года совершил посадку четырехмоторный самолет. Это был АНТ-6, одна из знаменитых машин, высадивших в мае

1937 года на Северном полюсе знаменитую папанинскую четверку. Экспедиции предстояло проникнуть в район Полюса относительной недоступности и провести разносторонние научные исследования в этом остававшемся белым пятном районе.

Поэтому на борту самолета, помимо экипажа - летчика И. И. Черевичного, второго пилота М. Н. Каминского, штурмана В. И. Аккуратова, бортрадиста А. А. Макарова, бортмехаников Д. П. Шакурова, В. П. Барукина и А. Я. Дурманенка - находилась группа ученых: астроном-магнитолог М. Е. Острекин, метеоролог Н. Т. Черниговский и гидролог Я. С. Либин. Погода не благоприятствовала исследователям. Только 2 апреля самолет, взлетев, взял курс на северо-восток. После многочасового полета Черевичному удалось подыскать подходящее ледяное поле и совершить посадку на 81° с. ш. и 178° в. д. Вокруг простирались все те же льды, покрытые снежным покровом, над ними было все то же белесое полярное небо. Но это был Полюс - тот самый Полюс относительной недоступности. После четырех суток напряженной работы на тридцатиградусном морозе экспедиция вернулась на остров Врангеля, чтобы неделю спустя вновь отправиться в дальний полет. Успешно завершив работы уже в новой точке, на 78° с. ш. и 176° в. д, исследователи вернулись на базу.

23 апреля Черевичный вновь повел машину в центр Арктики. На этот раз счастье едва не изменило смельчакам. Низкая сплошная облачность вынудила пилотов опуститься до 150-200 метров. После двух часов безуспешных поисков им все же удалось обнаружить подходящее ледяное поле на 80° с. ш. и 170° з. д. На шестые сутки исследования были успешно завершены и самолет лег на обратный курс.

За время экспедиции ученым удалось обследовать состояние льдов на огромной площади океана, произвести десятки замеров глубин океана, измерить скорость океанских течений, определить элементы земного магнетизма. Одиннадцатого мая Н-169 приземлился на подмосковном аэродроме. Но блестящий успех экспедиции не был оценен по достоинству. Этому помешала война.

Глава I НАСМОРК НАПОЛЕОНА

"Многие историки говорят, что Бородинское сражение не выиграно французами потому, что у Наполеона был насморк, что если бы у него не было бы насморка, то распоряжения его до и после сражения были бы еще гениальнее, и Россия погибла бы и облик мира изменился".

Лев Толстой. Война и мир

Все началось июньским утром 1948 года. Как обычно, залиvistый голос горна поднял с коек личный состав 351-го десантного полка. Под крики самой ненавистной армейской команды "Подъем" солдаты, подгоняемые крепкими словами сержантов, потянулись на плацу на физзарядку.

Вскоре у входа в старое трехэтажное здание из красного кирпича - полкового штаба появился полковник Буйнов, приземистый, полноватый, с молодцеватыми запорожскими усами на добродушном лице. Среди офицеров, окруживших командира полка, я заметил старшего врача капитана Дубинина. Он подозвал меня повелительным жестом:

- Капитан Волович, быстро собирайтесь. У Паши Головина сильный насморк и температура поднялась, так что вы вместо него поедете в медсанбат за медикаментами.

Через полчаса я уже трясся в старенькой "санитарке", чутко реагируя на каждую колдобину.

Путь от Ефремова до Тулы был неблизкий, и мы подкатали к домику медсанбата только к полудню. Командир ушел на обед, и посему я устроился на скамеечке в тенике под березой. Видимо, я задремал, убаюканный шорохом листвы.

- Давно ждете, капитан?

Я открыл глаза. Передо мной стоял высокий подполковник медицинской службы с приветливым широкоскулым лицом.

Я встал со скамейки и, взглянув на часы, сказал, минут сорок, не больше. Начальство убыло на обед.

- Вот незадача, - сказал подполковник, усаживаясь рядом. - Делать нечего, придется ждать. Курите? - Он достал пачку "Казбека" и протянул мне. - Ну что ж, давайте познакомимся.

- Капитан Волович Виталий Георгиевич. Я врач батальона в Ефремове.

- Буренин, - сказал он.

- Часом не Павел Иванович? - спросил я, заинтересовавшись.

- Так точно, Павел Иванович, - удивился он. - А вы откуда меня знаете?

- Как не знать. Наверное, все военные медики вас знают. Ведь это вы прыгали с парашютом на остров Бунге.

- Было дело, - довольно улыбнулся Буренин. - Вот и в прошлом году пришлось в Арктике побывать.

- Везет же людям, - завистливо вздохнул я. - А больше в Арктику не собираетесь?

- Нет, с севером покончено. Надо ехать в Москву на экзамены. В адъюнктуру собираюсь поступать. - Он помолчал немного, о чем-то раздумывая, и вдруг сказал: - Послушай, капитан, а ты бы часом не хотел в Арктику прокатиться?

- Конечно, хотел бы. Еще в детстве об этом мечтал. Только бодливой корове бог рог не дает.

- Это почему же? Может, рога тебе и достанем. У тебя много парашютных прыжков?

- Всего семьдесят четыре.

- Вполне достаточно. А с хирургией ты знаком?

- Вроде бы знаком. И в академии в кружке занимался. Да и в Ефремове хожу в больницу. Там хирург - отличный мужик, дает мне ассистировать.

- А ну-ка давай свои координаты. Может быть, у нас что-нибудь получится.

Он подробно записал в блокнот мои биографические данные и поднялся.

- Я, пожалуй, пойду в штаб. А сюда загляну попозже.

Прошло почти полгода. Меня перевели в Тулу. Я уже и забыл о нашем разговоре под сенью березы, как в середине февраля в двери квартиры, которую я снимал у милойшей Петровны, громко постучались.

На пороге стоял молодцеватый майор с повязкой помощника дежурного по штабу корпуса.

- Капитан Волович? - спросил он. - Вас к командующему вызывают.

Через десяток минут я уже поднимался по лестнице штаба и следом за дежурным прошел в кабинет. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, возвышалась могучая фигура в кителе с генерал-лейтенантскими погонами. Рядом сидели начальник штаба и замполит.

Я доложил, как положено, и замер по стойке "смирно".

- Ты на Северном полюсе бывал? - неожиданно спросил Добровольский, посмотрев на меня в упор.

- Никак нет, товарищ командующий.

- Значит, будешь. Даю тебе на сборы два часа. Получишь документы и отправишься первым же поездом в Москву. Завтра утром явишься в Главное управление Северного морского пути. И смотри не подведи. Помни, что ты десантник. Понимаешь: десантник, - повторил он.

Утром прямо с Курского вокзала я поехал на улицу Разина, 9. В этом старинном особняке размещался знаменитый "Главсевморпуть".

Получив пропуск, я поднялся в приемную и, открыв тяжелую, до потолка дверь, вошел в кабинет. Он был заставлен громоздкой, обитой коричневой кожей мебелью. С потолка свисала огромная люстра, переливаясь искрами хрустальных подвесок. Окна, выходившие в переулок, были наглухо зашторены коричневыми бархатными портьерами. Комната была полна людей. Они сидели в глубоких креслах, на ручках дивана, на стульях с высокими резными спинками. Все были увлечены беседой, от чего в кабинете стоял легкий гул. Справа от двери за столом, не уступавшим по размеру бильярдному, сидел, склонившись над бумагой, грузноватый мужчина с ежиком седых волос, с мохнатыми, словно тронутыми ином бровями. На нем была потертая кожаная летная куртка на "молнии" с золотой звездочкой Героя Советского Союза. Это же Водопьянов, тот самый знаменитый Водопьянов, чьи портреты не сходили со страниц газет со времени челюскинской эпопеи и высадки папанинцев на Северный полюс. Я подошел к столу и закашлялся, чтобы обратить на себя внимание. Водопьянов оторвался от бумаг и вопросительно посмотрел на меня.

Я отрапортовал как положено.

- Никак доктор прибыл? - сказал он, улыбнувшись одними глазами. - Парашютист?

- Так точно.

- Знаешь, зачем вызвали?

Я пожал плечами.

- Ладно, сейчас тебе все объясню. Ты назначен флагманским врачом Высокоширотной воздушной экспедиции. Полетим в Арктику. Твоя задача - лечить от всяких хворей, но, главное, если что приключится с самолетом, прыгнуть к нему на парашюте и оказать помощь экипажу. Усек?

- Усек, товарищ генерал.

- Ты это брось - генерал, генерал. У нас так не принято. Называй Михаил Васильевичем. Ну это так, к слову пришлось. Сейчас иди к начальнику полярных медиков Шворину. Он тебя подробно просветит.

Борис Исаевич Шворин был человеком неординарным. Высокий, чуть полноватый, с большим лбом мыслителя, он сразу покорила меня своей интеллигентностью и душевностью. Усадив в кресло, он долго расспрашивал меня о жите-быте. Старый, опытный полярник, он отлично разбирался во всех вопросах арктической медицины. Позже, во время экспедиции я не раз с благодарностью вспоминал его мудрые советы. Я слушал его внимательно, стараясь не упустить ни одного слова, и лишь по временам искоса бросал уважительный взгляд на орден Ленина, поблескивавший на лацкане его модного пиджака, - награды по тем временам крайне редкой.

В отделе кадров, куда я отправился из шворинского кабинета, мне вручили мандат с синим штампом "Главное управление Северного морского пути", свидетельствовавшим, что "гвардии

капитан медицинской службы Волович В. Г. находится в распоряжении Главсевморпути при Совете Министров СССР с 15 февраля 1949 г. для выполнения особого задания".

Глава II НА ШТУРМ АРКТИЧЕСКИХ ТАЙН

В конце марта 1949 года с подмосковного аэродрома с загадочным названием МАГОН (Московская авиагруппа особого назначения) ушла на север группа самолетов высокоширотной воздушной экспедиции "Север-3". Их пилотировали прославленные полярные асы М. В. Водопьянов, И. П. Мазурук, И. И. Черевичный, М. И. Козлов, В. И. Масленников, М. Н. Каминский, И. С. Котов, В. М. Перов, М. А. Титлов, В. Н. Задков, Ф. А. Шатров, И. Г. Бахтинов, Г. К. Орлов, И. Г. Бахтинов. Маршруты в арктическом небе прокладывали опытейшие полярные штурманы В. И. Аккуратов, Д. Н. Морозов, В. П. Падалко, Н. В. Зубов, И. М. Жуков, Б. И. Иванов. Им предстояло обследовать огромные пространства Центрального полярного бассейна, высадить на льдины, выбранные с воздуха, научные группы, называемые "прыгающими". Ученые были оснащены механическими бурами для сверления льда, моторными лебедками, с помощью которых можно было опускать в океанские глубины гидрологические приборы для изучения скорости и направления течений, взятия проб воды на различных горизонтах. Портативные самописцы позволяли вести непрерывную регистрацию элементов магнитного поля Земли. Аэрометеорологи были вооружены аппаратурой для изучения процессов, протекающих в атмосфере. Комплексные исследования, проводившиеся одновременно в разных точках Ледовитого океана, позволяли выявить общую картину развития гидрологических, геофизических, гляциологических, метеорологических явлений в Центральном полярном бассейне.

Исследованиями руководили виднейшие полярные ученые геофизики Е. К. Федоров, М. Е. Острекин, океанологи Я. Я. Гаккель, В. Х. Буйницкий, М. М. Сомов, А. Ф. Трешников, А. Г. Дралкин, П. А. Гордиенко, В. Т. Тимофеев, Л. А. Балакшин, метеорологи-аэрологи Е. И. Толстиков, К. И. Чуканин, В. Г. Канаки.

Оказавшись в компании этих замечательных людей, я поначалу чувствовал себя не в своей тарелке. Я был не только самым незнаменитым, но и самым молодым. Однако полярники народ особый, и я вскоре "прижился", приобрел уверенность, а после нескольких удачных операций по выправлению вывихов, лечению простуды и удалению зубов был признан "своим".

Но моя главная задача заключалась в другом. Посадка на льдину, выбранную с воздуха, всегда связана с немалым риском. Даже самый опытный глаз не всегда может обнаружить препятствие, скрытое под снежным покровом, жесткие, как бетон, заструги, запорошенную снегом трещину, притаившийся ропок. Могла случиться и вынужденная посадка. Вот тогда мне предстояло спуститься на парашюте к месту происшествия для оказания помощи пострадавшим.

Правда, до сего времени лишь один человек прыгал с парашютом в северных краях - Павел Буренин. Но сама идея использования парашютов в Арктике родилась в конце тридцатых годов, после появления в газете "Известия" фантастического рассказа "Десант на полюс", автором которого был Маврикий Слепнев, летчик герой челюскинской эпопеи.

Рассказ М. Слепнева вызвал оживленную дискуссию специалистов-полярников: какому методу отдать предпочтение - посадке самолета или парашютному десанту? Полярные летчики и ученые давно вынашивали мысль об организации на полюсе длительно действующей научной дрейфующей станции.

За посадку самолета на льдину ратовали известные полярные асы М. Водопьянов, В. Молоков и сам М. Слепнев - первые Герои Советского Союза - спасители челюскинцев, оказавшихся на льдах Чукотского моря после гибели судна.

Идею парашютного десанта отстаивал известный летчик-парашютист Я. Мошковский. "Качество наших людей и наших парашютов, обычных и грузовых, - писал он, - позволяет утверждать, что высадка десанта на полюс будет произведена блестяще". Доказывая преимущество своего предложения, он ссылаясь на опыт Р. Амундсена. Знаменитый полярный путешественник, после своего полета на 88° северной широты, писал: "Вполне естественно, что мысль о месте спуска всегда занимает авиатора. Моторы могут заикариться в любое время и, естественно, в любой этот момент нет места для спуска, ему придется плохо. Но все равно: куда ни кинь взгляд, нигде не было ни малейшего признака удобного для спуска места. Повсюду лед больше походил на огромное количество отдельных небольших участков, рассеянных по всей поверхности без конца, без края. А между всеми этими участками воздвигнуты высокие каменные заборы...

Несмотря на блестящий полет Бэрда, наш совет таков: не летайте в глубь этих ледяных полей, пока аэропланы не станут настолько совершенными, что можно будет не бояться вынужденного спуска".

А известный полярный летчик А. Д. Алексеев считал, что "рассчитывать на хороший естественный аэродром на полюсе не приходится. Там могут оказаться ровные площадки молодого тонкого льда между торосистыми полями. Но они не выдержат веса тяжелой машины. Старые же ледяные поля,

толщиной по пять-шесть метров, всегда покрыты торосами от одного до шести метров".

Возражая ему, М. В. Водопьянов писал: "Практики парашютных прыжков в условиях Арктики у нас нет. Вряд ли можно сбросить на грузовом парашюте ряд хрупких, необходимых для научной работы на полюсе аппаратов и приборов".

Но не прошло и полугода, как фантастическая идея посадки самолетов на Северном полюсе блестяще была осуществлена советскими полярными авиаторами. 21 мая 1937 года четыре тяжелых самолета АНТ-6 сели на льдину у полюса, высадив четверку ученых во главе с И. Папаниным, положив начало планомерным исследованиям природы Центрального полярного бассейна. Их бесценный опыт не прошел даром.

Но, к счастью, мои хирургические знания так и оказались невостребованными. За два месяца полетов в Центральной Арктике летчики совершили сотни посадок на льдины, выбранные с воздуха. И ни одной аварии, ни одной мало-мальски серьезной поломки. Вот оно, высочайшее летное мастерство. Так и пролежали бы мои парашюты, укутанные в брезент, если бы...

Экспедиция уже подходила к концу. Наступило 9 мая.

Я лежал в спальном мешке. Было тепло и уютно. Тихо постанывал ветер в трубке вентилятора. Поземка по-мышьиному осторожно скреблась в стенку палатки. Где-то тревожно потрескивал лед. Время от времени с тяжелым "у-ух" скатывалась ледяная глыба с гряды торосов.

Я прислушивался к этим звукам, таким привычным за два месяца палаточной жизни на дрейфующем льду в центре Арктики.

Лучи незаходящего полярного солнца с трудом проникали сквозь толстую пленку наледи, покрывшей круглый глаз иллюминатора, отчего в палатке царил легкий полумрак. Меблировку палатки составляли две походные раскладные койки, складной столик под иллюминатором с шеренгой баночек и коробочек с медикаментами и двумя металлическими стерилизаторами, фанерный ящик, служивший обеденным столом, о чем свидетельствовали многочисленные жирные пятна, двумя жестяными банками с пельменями, заменявшими стулья, и легкая двухконфорочная портативная газовая плитка, соединенная шлангом с газовым баллоном.

Я поднес к лицу руку с часами. Стрелки показывали восемь утра. Я с завистью посмотрел на соседнюю койку, где сладко посапывал, забившись с головой в спальный мешок, радист Борис Рожков. Крохотное отверстие, оставленное им для дыхания, обросло пушистым венчиком инея. Оттуда то и дело, словно игрушечный гейзер, выскакивала струйка холодного пара.

Я взглянул на термометр над кроватью: красный столбик спирта застыл на отметке 18. Восемнадцать градусов мороза в палатке! От одной мысли, что сейчас придется вылезать из мешка, по спине побежали мурашки. Кажется, ко всему можно привыкнуть в полярной экспедиции: постоянному чувству опасности, неудобствам палаточной жизни, к холоду. Но к вставанию по утру в промерзшей палатке - никогда!

Прежде чем окончательно покинуть пухово-меховое гнездышко, надо хоть немного обогреть палатку. Я действую отработанным приемом: не вылезая из мешка, приседаю на койке и, согнувшись пополам, дотягиваюсь до плитки. Теперь остается только зажечь спичку (коробок лежит под рукой) и, открыв краник, поднести ее к шипящей газовой струе.

Все в порядке. Я вновь принял горизонтальное положение и стал дожидаться, когда потеплеет. Подхваченные током теплого воздуха, зашевелились куртки, унты, меховые носки, подвешенные под потолком палатки для просушки.

- Доктора к начальнику экспедиции, - раздался за стенкой палатки чей-то громкий голос. Я мигом выскочил из мешка и через несколько минут предстал перед светлыми очами начальства.

- Вы готовы прыгнуть с парашютом на Северный полюс? - спросил Кузнецов, пристально глядя мне в глаза.

- Так точно. Готов! - выпалил я, с трудом сдержав волнение.

- Вот и прекрасно. Задание, сами понимаете, чрезвычайно важное и... - он сделал многозначительную паузу, - ответственное. Ведь вам доверяется совершить первый в мире парашютный прыжок на Северный полюс. Прыгать будете вместе с Медведевым. Андрей Петрович уже вылетел к нам с базы на Северной Земле.

В 13 часов 05 минут наши парашюты раскрылись над заветной точкой. Видимо, руководство Главсевморпути осталось довольно моей персоной. Осенью я с бьющимся сердцем обнаружил свою фамилию в списке награжденных орденом Красного Знамени, а месяц спустя получил предложение участвовать в очередной высокоширотной экспедиции "Север-5".

И вот я снова на льдине. Но теперь я чувствовал себя настоящим полярником. Работа шла своим чередом. Однако на этот раз перед экспедицией была поставлена новая важная задача. Опыт предыдущих экспедиций показал, что кратковременных исследований оказалось недостаточно для разработки оперативных и долгосрочных метеорологических и ледовых прогнозов, крайне необходимых для обеспечения деятельности авиации и флота на трассе Северного морского пути. Требовалось длительное, непрерывное изучение многообразных физических процессов, протекающих в системе "Атмосфера-лед-океан". Для осуществления этой задачи предполагалось организовать две дрейфующие станции наподобие папанинской. Одну у Северного полюса, другую на льдах Полюса относительной недоступности.

Едва штаб экспедиции высадился в ЦБП, немедленно начались поиски подходящих ледяных полей для будущих станций.

К сожалению, в районе Северного полюса не нашлось ни одной подходящей для этой цели льдины. Но зато летчику Перову удалось разыскать надежное пристанище для станции у самого Полюса относительной недоступности. Начальником ее был назначен М. М. Сомов.

До самого конца экспедиции я тайно надеялся, что меня вызовут к начальству и предложат принять участие в этой эпопее.

Но мои мечты оказались тщетными. И тогда я решил: если гора не идет к Магомету, то Магомет сам должен отправиться к горе. Приподняв откидную дверцу штабной палатки, я смущенно остановился на пороге, не зная, с чего начать.

- Вы ко мне, доктор? - спросил Кузнецов, заметив мою переминающуюся с ноги на ногу фигуру. - Что-нибудь срочное? Не заболел кто?

- Нет, с народом все в порядке. Все здоровы. Я, Александр Алексеевич, скорей, по личному вопросу.

- По личному? - удивился Кузнецов.

- Я подумал, что на дрейфующей станции может понадобиться моя помощь.

- Ишь ты какой прыткий, - усмехнулся Водопьянов.

- А что, Александр Алексеевич, - поддержал меня главный штурман экспедиции В. И. Аккуратов. - В предложении доктора есть резон.

Кузнецов смерил меня испытующим взглядом и, постукивая карандашом по столу, сказал:

- К сожалению, штат станции утвержден правительством. 16 человек, и ни одного больше. Так что уважить вашу просьбу никак не могу. Да и станция будет дрейфовать только до осени. Если что и случится - сбросим вас туда на парашюте. Вам ведь не привыкать прыгать в Арктике, - улыбнулся он и, смягчая отказ добавил: - А за стремление участвовать в этой трудной работе спасибо. Мы это учтем на будущее.

Итак, мы возвращались домой в Москву, к весне, к теплу, а там, за тысячи километров от нас, уже разворачивалась работа.

Льдина, обнаруженная летчиком В. П. Перовым, и впрямь оказалась отличной. Настоящий остров, длиной семь, шириной пять километров, она, словно бастион, возвышалась среди окружающих ее ледяных полей. Перов, покружившись над ней, посадил самолет на прилегавшее поле ровного молодого льда. Экипаж быстро установил палатку и послал в эфир сообщение, что льдина для станции найдена, и, передав ее координаты, расположился на отдых после многочасового полета.

Несколько часов спустя над ними появился Пе-8 летчика Задкова. Первым по трапу спустился Сомов - начальник будущей станции. Еще с воздуха он опытным глазом океанолога оценил удачный выбор льдины и, не теряя времени, отправился в сопровождении метеоролога Константина Ивановича Чуканина обозреть свои владения. Вернулись они через пару часов усталые, промерзшие, но страшно довольные виденным.

- Ну, Виктор Михайлович, - обратился Сомов к Перову, - спасибо тебе. Потрафил ты нам, голубчик. Льдина первый класс. Настоящий многолетний пак. Думаю, что она долго нам послужит.

Тем временем прибывшие на льдину зимовщики, радист Константин Митрофанович Курко, шифровальщик Александр Иванович Дмитриев и аспирант Залман Маркович Рудкович, собрали палатку-радиостанцию, и Курко, распаковав аппаратуру, приготовился к работе.

- Ну как наша льдина, Михал Михалыч? - спросил Гудкович, поднимаясь навстречу вошедшим Сомову и Чуканину.

- Отличная льдина, - сказал радостно Чуканин. - Вокруг нее уйму льда наторосило, а она целехонькая.

- Еще бы. Толщина у нее не меньше трех метров, а может быть, и больше. Счас напишу радиограмму Кузнецову, что готовы начать работу. Вот только народ подлетит, и сразу приступим к развертыванию станции, - сказал Сомов, грея над плиткой озябшие руки.

- Вот и добро, ребята. Значит, с вас магарыч, - сказал Перов, - надеюсь, льдина вас до конца дрейфа не подведет.

- Правда, далековато от аэродрома до лагеря. Пока перетаскаешь все грузы через ропаки и заструги - намаешься, - сказал Курко. - Хорошо бы поближе.

- Не обессудьте, - улыбнулся Перов, - я бы и рад посадить машину рядом с палатками, да природа не позволяет. Это вам не ровный годовалый лед. Мигом машину угробишь.

- Ладно, ты не серчай, - сказал Сомов. - А пока, друзья, надо кончать разговоры и приниматься за дело. Не ровен час пурга налетит.

Он как в воду глядел. Пока новоселы тянули нагруженные нарты к месту будущего лагеря, налетела поземка. Сбросив неуклюжие рукавицы, все торопливо принялись за сборку палатки. Работа оказалась непростой. Пальцы прилипали к металлу, дуги не хотели входить в пазы, узлы не вязались. Но наконец мучения кончились. Каркас был собран, на него накинута тяжелый кирзовый полог, закреплена последняя растяжка, пол застелен в три слоя пушистыми оленьими шкурами. А когда над конфорками вспыхнули голубоватые язычки газового пламени - жизнь снова показалась прекрасной.

Наскоро сварив пельмени, напившись до отвала крепкого чая, все забрались в спальные мешки и мигом заснули. Поутру Гудкович с Курко разыскали среди грузов складной столик, несколько стульев, и все расселись вокруг в ожидании торжественного момента: первой записи в вахтенном журнале.

Сомов извлек из кирзового портфеля толстую тетрадь, почему-то называемую "амбарной книгой", с многозначительной надписью на первом листе "Экземпляр единственный. Совершенно секретно. Высокоширотная экспедиция "Север-5". Дрейфующая станция. 1950 год".

Чуть ниже каллиграфическим почерком синими чернилами было выведено: "Вахтенный журнал Восточной дрейфующей станции. Время московское". Сомов медленно обвел взглядом сидящих за столом и, чуть волнуясь, сказал:

- Начнем, пожалуй".

"31 марта 1950 года в 19 часов 50 минут (МСК) первая группа экспедиции, состоящая из начальника станции М. М. Сомова, руководителя аэрометеорологической группы К. К. Чуканина, зав. радио К. М. Курко, гидролога З. М. Кудковича и шифровальщика А. И. Дмитриева, высадились на льдину в точке №36 76°05 с. ш., 193°24' з. д., на которой в этот момент находился самолет В. М. Перова и подвижная группа научных работников "Север-5", возглавляемая А. Г. Дралкиным. Группа прибыла на самолете Задкова (ПЕ-8) с грузом 3,1 тонны. После разгрузки самолета и выбора места для станции группа приступила к переброске грузов к выбранному месту и установке радиостанции. Место для станции выбрано на старом поле в 500 метрах к западу от аэродрома.

Начальник станции М. Сомов".

Глава III ДРЕЙФ НАЧИНАЕТСЯ

Итак, дрейф начался. 2 апреля Курко закончил оборудовать радиостанцию и вышел на связь с радистами мыса Шмидта. 4 апреля на станцию прибыла еще тройка зимовщиков: Макар Макарович Никитин - гидролог и парторг станции, Василий Гаврилович Канаки - аэролог и ледоисследователь Иван Григорьевич Петров.

Все шло по плану. Население лагеря увеличивалось, гора грузов росла, радиостанция работала как часы. Но хорошее настроение омрачил неожиданный сюрприз, преподнесенный Арктикой. В полсотни метров от радиостанции лопнул лед. И хотя трещина поначалу была невелика, всего 2-3 сантиметра, однако она подозрительно "дышала" и в конце концов разошлась к вечеру на целый метр.

После недолгого обсуждения было решено перебазировать лагерь еще на 250 метров к центру льдины.

Как ни рвались ученые начать поскорее исследования, все прекрасно понимали, что "такелажные работы" сейчас важнее всего. Ругать льдину за подвох, из суеверия, никто не решался, чтоб не сглазить.

- Далековато теперь будет таскать грузы, - сказал, сердито сплюнув, Канаки.

- Нам бы транспорт какой, автомобильчик там или вездеход.

Но все прекрасно понимали, что это лишь розовая мечта.

- А может, шмидтовцев попросить собачек прислать? - сказал, оживляясь, Курко. - Я в этом деле немного кумекую. Когда зимовал на Амбарчике, пришлось покаюрить.

- Молодец, Костя. Хорошая упряжка здесь, на льдине... Да ей цены не будет, - поддержал идею Никитин.

Сомов не заставил себя упрашивать и набросал записку начальнику полярной станции, передал Титлову с просьбой посодействовать в этом важном деле.

Не прошло и суток, как на льдину прилетел Ю. К. Орлов. Он подошел к Сомову и, хитро улыбаясь, сказал:

- А мы вам, Михал Михалыч, необычный подарочек привезли. Принимайте.

Подарочек оказался упряжкой колымских лаек. Из открытой грузовой двери посыпались на льдину ездовые собаки. Едва встав на ноги, собаки набросились друг на друга, образовав огромный рычащий мохнатый ком. Бортмеханик схватил палку и, орудуя ей, разогнал драчунов. Они расселись на снегу, еще дрожа от возбуждения, высунув длинные розовые языки. Лайка - неоценимый помощник жителей Арктики! Существует с десяток разновидностей лаек - зырянские, камчатские, чукотские, колымские.

Опытный глаз северянина сразу отличит их по окрасу, росту, сложению. Четвероногие лагерные гости были представителями настоящих чукотских лаек - потомков волков. Рослые, похожие на своего дикого предка, с широким черепом, торчащими ушами, острой мордой, на которой, отливая зелеными огоньками, сверкали кривой прорезью глаза. Их длинное, мускулистое тело, покрытое пушистым мехом черного и коричневого окраса, с густым подшерстком, защищавшим от жестоких морозов, заканчивалось загнутым колечком хвостом.

Упряжка из десяти таких собак могла запросто тащить до полутонны груза, преодолевая за сутки 60 километров.

- Ну и кто же займется этими зверюгами? - сказал Курко. - Во время зимовки в Амбарчике мне пришлось немало покаюрить.

- Вот и отлично, - облегченно вздохнул Сомов. - Принимайте, Константин Митрофанович, упряжку под свое начало. Будете у нас главным каюром.

Курко сразу принялся за дело. Кликнув на помощь Гудковича, он с его помощью притащил длинные деревянные с широкими полозьями и дугой впереди сани - чукотские нарты. Вытянув на полную длину потяг - ремень из кожи лахтака, он привязал цугом, попарно, всех десять упиравшихся, ворчавших псов к торчавшим елочкой клыкам - постромкам. Собаки улеглись на снег, опасливо поглядывая на остол - длинный, окованный по концам деревянный шест в руках у Курко.

- Ну вот и порядок, - сказал Константин Митрофанович, довольно оглядывая упряжку. - Теперь можно грузить нарты.

На нарты положили десяток ящиков, приторочили их веревками. Курко гаркнул: "Тагам" - вперед, и собаки потащили нарты, постепенно убыстряя ход, оставляя за собой на снегу две глубокие борозды.

- Ну вот и новая техника на льдине появилась, - резюмируя успешное укрощение четвероногих помощников, сказал Канаки. - Ил-14 у нас есть, Ли-2, Пе-8, значит, в самый раз новую технику можно назвать ПСИ-10.

Пока всеобщее внимание было привлечено упряжкой, никто не заметил еще одного, одиннадцатого четвероногого пассажира. Он боязливо жался к ногам бортмеханика, с опаской поглядывая на свирепых ездовых псов.

- Это что же? Запчасть к упряжке? - сострил Канаки.

- Не гневи бога, Гаврилыч, - сказал с укоризной Орлов. - Это же чистокровная колымская лайка. Ее вам зимовщики со Шмидта в подарок прислали. Все веселее с собакой на льдине. Да и посмотри, какой он красавец, а ведь он только щенок. Ему от роду месяцев пять-шесть будет, не больше.

- Давайте назовем его Ропак, - предложил Сомов. Поскольку возражений не последовало, собаку так и нарекли - Ропак.

- Ропак, Ропак, иди сюда, - позвал, похлопывая по унту, Сомов.

Собацьи уши поднялись торчком, и песик, замахав хвостом, подбежал к Сомову и улегся у его ног.

Пока разгружали самолет, рассортировывали грузы, а экипаж баловался чайком, Курко вернулся из лагеря и лихо подкатил на нартах к горе грузов.

- Ну как ваши подопечные, Константин Митрофанович? - спросил, довольно улыбаясь, Сомов.

- Порядок, Михал Михалыч. Тянут как звери. Вот только каюрить мне дальше не с руки. Надо на вахту. Может, поручите это дело кому-нибудь другому? Ну хотя бы Гудковичу. Он парень смекалистый, да и дело не такое уж хитрое. Как, Зяма?

- С удовольствием, - согласился Гудкович.

В следующий раз с грузами он отправился вместе с Курко, на ходу овладевая премудростями погонщика собак. Но пришлось еще немало пролить пота, прежде чем собаки почувствовали доверие к новому хозяину. Они то останавливались на полпути и нахально валились на снег, высунув языки. То вдруг устраивали свару, то мчались вперед, игнорируя грозные крики погонщика, то сворачивали с дороги, и нарты, зацепившись за торосину, переворачивались вверх тормашками.

Однако настойчивость Зямы принесла, наконец, свои плоды. Зычный голос Гудковича, и увесистый остол сделали свое дело. Они лихо мчались вперед по команде "хак-хак", сворачивали налево при крике "кхр-кхр", направо, услышав "подь-подь", и покорно останавливались по команде "тах" - стой.

Полярный поселок разрастался на глазах. Одна за другой среди снежных сугробов вырастали палатки, похожие на черные грибные шляпки.

Они были сконструированы С. Шапошниковым специально для высокоширотных экспедиций. Остовом палатки служил каркас из дюралевых дуг, соединенных сверху венцом. Они и придавали ей необычный для палаток вид полушария, что повышало ее устойчивость к натиску арктических ветров. На каркас натягивался трехслойный намет тонкой кирзы, байки и бязи. Воздушная прослойка между ними служила отличным изолятором от холода. От сырости и задувания снизу защищал прорезиненный пол, подвернутый под соединительное, состоящее из коротких дужек кольцо снаружи вверх, под карниз.

Такая конструкция пола позволяла без труда переносить палатку с места на место в случае необходимости. Освещение палатки обеспечивали двойные круглые иллюминаторы, вмонтированные в намет, а поступление свежего воздуха - вентилятор, вмонтированный в венец. Палатки на станции были двух видов. Одни, поменьше - КАПШ-1 (Каркасная арктическая палатка Шапошникова) использовались для размещения людей. Высотой 2 метра и площадью 12,5 метра, они обеспечивали безбедное существование двух-трех человек вместе с научной аппаратурой. Другие - КАПШ-2 предназначались для размещения складов и научных лабораторий. Они были более просторными за счет двухметровой цилиндрической вставки. Пол палаток утеплялся двумя-тремя слоями оленьих шкур, придававших им своеобразный уют.

Вход в палатку закрывался откидной дверью из толстого войлока, на который впритык были набиты десяток деревянных реек. Чтобы проникнуть в палатку, надо было просто приподнять дверку, а захлопывалась она сама, под собственной тяжестью, прочно прилегая к раме.

Может быть, некоторые и предпочли бы привычную деревянную, однако откидная имела одно несомненное преимущество: она закрывалась автоматически и тем исключала дурную привычку некоторых людей, забывающих закрывать за собой дверь. Амундсен некогда даже разделил всех полярников на две категории: одну - закрывающих двери за собой, а другую - оставляющих ее открытой. Место привычных примусов и бензиновых печек заняли легкие двухконфорочные газовые плитки, питавшиеся из 40- и 60-литровых баллонов, заполненных жидкой смесью из пропана и бутана. Чтобы придать жизни на льдине хотя какой-то комфорт, была изготовлена специальная мебель: складные столики и стулья на дюралевых ножках и складные койки, получившие впоследствии широкое распространение среди дачников.

А грузы все прибывали, Их навезли столько, что вполне хватило бы для солидного аэродрома с командой грузчиков и автотранспортом. Тридцати двух пар рук и собачьей упряжки было явно недостаточно, чтобы быстро перетаскать их за полтора километра в лагерь. А ведь природа могла преподнести любые неожиданности. Поэтому день и ночь не прекращались такелажные работы, выматывавшие все силы. И все же научные группы, пользуясь малейшим свободным окошком, начали монтировать свои приборы. Всем не терпелось начать исследования.

13 апреля В. Г. Канаки доложил Сомову, что аэрологи готовы к запуску первого зонда. Поутру под своды просторного брезентового шатра собралось чуть ли не все население лагеря, чтобы присутствовать при сем знаменательном событии.

Канаки с Благодаровым, раскурочив банки с едким натром и ферросилицием, засыпали первую порцию химикатов в генератор - конусообразный стальной сосуд с двумя раструбами и залили водой. В генераторе забулькало, заклокотало, и струя пара со свистом вырвалась из раструба. Образовавшийся водород пошел по шлангу во второй, чуть поменьше металлический бак и там, очистившись, как в кальяне, от паров воды, устремился в газгольдер - шестикубовый серебристый перкалевый мешок. Благодаров подсоединил к нему оболочку шара. Быстро раздувшись, он затрепетал на ветру, норовя вырваться из рук. Канаки прикрепил к шару продолговатую коробочку радиозонда и, как только Благодаров, прильнувший к теодолиту, выкрикнул: "Я готов"! - разжал пальцы. Шар устремился вверх и вскоре превратился в крохотную точку. Он будет подниматься все выше и выше до тех пор, пока где-то там, в поднебесье, его резиновая оболочка, постепенно раздуваясь, не лопнет, как мыльный пузырь. А до той поры умный прибор будет непрерывно слать на землю радиосигналы, извещая о состоянии температуры, влажности воздуха и барометрическом давлении. А в это время наблюдатель в теодолит будет следить за полетом, ежеминутно отмечая в журнале его координаты, что позволит определить скорость ветра на разных высотах.

Почти 22 года прошло с того дня, когда первый шар-зонд, сконструированный профессором Молчановым, ушел на разведку воздушной оболочки земли. Но впервые этот маленький "разведчик погоды" поднялся среди Ледовитого океана. Теперь синоптики на Большой земле смогут своевременно узнавать о зарождении вихрей-циклонов, сведения, столь необходимые для составления точных метеорологических прогнозов.

Яковлев с Петровым тоже не теряли времени зря. Облюбовав на северо-востоке в 250 метрах от лагеря две ровные площадки, они, очистив одну от снега, принялись устанавливать актинометрические приборы. С помощью одних (пиранометры) гляциологи будут измерять суммарную солнечную радиацию - прямую, рассеянную (отраженную от небесного свода) и отраженную от ледяного покрова океана. Другие (балансометр) предназначены для определения радиационного баланса - результирующей потоков лучистой энергии. Она образуется в результате того, что лед, поглотив часть солнечного тепла, сам становится источником теплового излучения в атмосферу, а она, в свою очередь, тоже излучает тепло. Для непрерывной записи этих процессов в палатке, расположенной в 50 метрах от площадок, установили самописцы-гальванометры, соединив с актинометрическими приборами кабелями.

Для наблюдений за процессами нарастания льда гляциологи проделали 15 скважин и вморозили в них Г-образные рейки. Теперь оставалась самая трудоемкая часть работы: установка теперов - столбиков с крестовинами для проведения нивелировки ледяного поля - определения превышения одних точек его над другими. В различных точках были вырублены полутораметровые углубления, в каждое из которых был вставлен тепер, укреплен ледяными осколками и залит водой.

19 апреля все подготовительные работы были наконец завершены, и гляциологи приступили к регулярным, четыре раза в сутки, научным наблюдениям. 24 апреля совместными усилиями установили десятиметровую градиентную мачту, увенчанную флюгаркой в виде стрелы с двойным оперением и четырьмя разноцветными штырями, указующими на страны света. На пяти ее ряях развесили электротермометры, напоминавшие фарфоровые изоляторы высоковольтных линий и анемометры. От них к небольшой трехгранной палатке с кокетливой звездочкой над входом протянулись два многоканальных кабеля к самописцам, непрерывно регистрирующим скорость и

направление ветра на различных горизонтах, и электромостик с аккумулятором для измерения температуры воздуха.

Магнитологи тоже не ударили лицом в грязь. Рядом с жилой палаткой появились еще две. В одной из них установили прибор с прозаическим названием "маятник", с помощью которого Рубинчик будет определять ускорение силы тяжести Земли. Во второй разместилась вариационная станция для записи изменений магнитного поля от легких колебаний до магнитных бурь, пагубно влияющих на радиосвязь. В снежной хижине развернули "комбайн" для регистрации составляющих магнитного поля, а по соседству с ним на площадке, окруженной невысокой стенкой из снежных кирпичей, раскорячилась тренога с теодолитом - главным оружием станционных астрономов. Теперь к тридцати пяти тысячам пунктов на территории СССР, где проводятся регулярные магнитные наблюдения, добавился еще один. Но какой!

Экспедиция "Север-5" завершала свою работу, и летчики торопились обеспечить станцию всем необходимым. Комендант аэродрома А. П. Медведев забыл о сне и отдыхе, то и дело принимая самолеты с всевозможными грузами. Один за другим покидали лагерь временные его жители, а на их место прибывали будущие аборигены. 29 апреля улетели М. Е. Острекин и геофизик Н. Б. Папков, которого сменил Михаил Михайлович Погребников. Отряд аэрологов пополнился новым членом - Петром Федоровичем Зайчиковым.

Забрали на Большую землю бесценных четвероногих помощников - упряжку ПСИ-10. 1 мая улетел А. П. Медведев, передав бразды коменданта аэродрома механику Михаилу Семеновичу Комарову, снискавшему среди участников высокоширотных экспедиций славу большого умельца, эдакого полетного Кулибина. Комаров прихватил на льдину в подарок ее жителям от зимовщиков острова Врангеля трехмесячного белого медвежонка. Покинул льдину и кинооператор Леня Котляренко, которого сменил его коллега по киноцеху Евгений Павлович Яцун.

Как и положено, первомайский праздник встретили торжественным митингом, собравшись у разукрашенной лозунгами снежной трибуны, и не менее торжественным праздничным обедом, венцом которого стал полутораметровый осетр и гора пирогов.

2 мая преподнесло очередной сюрприз. В полукилометре от палаток начал тороситься и ломаться лед. Часть льдины, на которой располагался аэродром, измололо на куски и отнесло на восток. Контрольные площадки, находившиеся на ней, исчезли вместе с вмороженными там электротермометрами. Неожиданные подвижки заставили поторопиться с переносом грузов в лагерь. Всю ночь возили и таскали оставшиеся на аэродроме бочки с бензином и ящики с оборудованием.

Конец апреля принес новые неприятности. Через аэродром, расколов его на две неравные части, прошла трещина шириной в полметра. Все надеялись на благосклонность природы - авось снова сойдется. Но она подышала, подышала и к вечеру 29 апреля разошлась, местами на 20-30 метров. Самое неприятное заключалось в том, что Яковлев с Петровым остались по ту сторону трещины, а вместе с ними научное оборудование и бочки с бензином. После недолгих раздумий решили соорудить плот из пяти пустых бензиновых бочек. Сказано-сделано.

Через трещину перекинули веревку, и импровизированный паром ушел в свое первое плавание. Успех окрылил, и вскоре все добро оказалось в лагере. К вечеру прилетел Ю. Орлов и мастерски посадил свой Ли-2 на пятисотметровый обломок аэродрома. Вместе с ним прибыли еще два новых "дрейфуна": магнитолог Михаил Михайлович Погребников и аэролог Петр Федорович Зайчиков.

1 мая общими усилиями приготовили праздничный обед. Но не успели сесть за стол, как появился Курко и сообщил, что Задков на подходе. К счастью, трещина снова сошлась, и мороз восстановил статус кво.

Так что для четырехмоторного Пе-8 аэродромной полосы было вполне достаточно. Кроме горы грузов, среди которых нашелся ящик с фруктами и овощами, Задков доставил последнюю пару зимовщиков: кинооператора Евгения Павловича Яцуна и механика Михаила Семеновича Комарова.

Оказалось, что Комаров прибыл не один. За ним на поводке, переваливаясь, топал медвежонок. Он, бедолага, остался сиротой, и полярники острова Врангеля прислали его в подарок. Несмотря на младенческий возраст, младенец обладал могучим голосом. Ропак даже не отважился к нему подойти.

Праздничный обед выдался на славу. Стол ломился от яств, среди которых почетное место занимал полутораметровый осетр.

В ночь на третье мая снова взбунтовался лед. Трещину опять развело, а затем обломки полей полезли с треском и шорохом друг на друга, образовав трехметровую гряду торосов.

Свое прибытие на станцию Комаров отметил решением одной из самых обременительных лагерных проблем - заготовкой воды на камбуз. Ее требовалось огромное количество для приготовления

пищи, чая, мытья посуды и прочих хозяйственных забот. Для получения 1 литра воды надо было растаять 10-15 тысяч кубических сантиметров плотного снега, и эта процедура поглощала тьму драгоценного газа.

Сразу после завтрака Комаров, призвав на помощь Дмитриева, прикатил пустую бочку из-под бензина, вырубил зубилом верхнюю крышку, тщательно отмыл стенки кипятком. Затем, склепав треногу, он водрузил на нее бочку а под низ поставил АПЛ (авиационную подогревательную лампу). Бочку заполнили снегом, подкачали лампу, и под ее могучее гудение снежная масса стала быстро превращаться в воду. Чтобы дежурному по камбузу не приходилось каждый раз выбегать на мороз за водой, Комаров протянул от бочки в палатку резиновый шланг с краником на конце.

5 мая Ю. Орлов прилетел в последний раз. Быстро разгрузившись, он поднял машину в воздух и, сделав над лагерем прощальный круг, растворился в белесо-голубом небе. Воздушный мост "Точка-36-материк" прекратил свое существование. Теперь станцию с окружающим миром связывала лишь зыбкая невидимая ниточка радиоволн.

13 июня ртутный столбик термометра впервые перевалил через нулевую отметку и остановился у отметки +1,3°. А на следующий день задождило. Сугробы насквозь пропитались водой. Пришлось надеть резиновые сапоги. Талой воды становилось все больше, и то там, то тут возникали озерца голубой воды-снежницы глубиной до сорока сантиметров. Пришлось палатки перетаскивать на новое место. А солнце пригревало все сильнее. Любой темный предмет, лежащий на снегу, через короткое время втаивал на несколько сантиметров. Лагерь постепенно превращался в северный филиал Венеции.

А к довершению неприятностей начались подвижки ледяных полей в окрестностях станции и образовалось несколько разводий. Пришлось приводить в боевую готовность все аварийные средства: надуть клипперботы, изготовить плот-понтон из пустых бензиновых бочек, создать в разных точках льдины склады с аварийными запасами пищи и обмундирования, газовыми баллонами, палатками и спальными мешками. А тут еще появились белые медведи. Один из них, здоровенный самец, подобрался незамеченным к палатке-камбузу и напал на Дмитриева. Переполох был страшный. Но на этот раз все обошлось без серьезных последствий, для всех, кроме нахального мишки.

Полярное лето наступило 17 июня. Появились чайки, а в разводьях все чаще показывались морды любопытных нерп. А несколько дней спустя стационарный зоопарк пополнила стая белух. Они долго кружили, демонстрируя свои серовато-стальные спины.

Но солнце принесло еще одну неприятную неожиданность. Стали портиться продукты. Это казалось парадоксальным. Вокруг миллиарды тонн льда, а уберечь мясо и рыбу невозможно. А объяснялось это так называемым парниковым эффектом льда. Видимая часть солнечного спектра проникала через лед. Тепловые лучи поглощаются, а обратного излучения не происходит, так как поверхностная корочка льда задерживает тепло и оно постепенно накапливается даже при отрицательной температуре воздуха.

А вода все продолжала наступать. Попытки спустить ее в океан, проделав во льду сквозные отверстия, не принесли успеха. Скважины мгновенно забивались талым снегом и ледяным крошечком. И снова выручил Комаров. Он целые сутки что-то мастерил в своей мастерской и наконец положил на стол кают-компания необычный бур с десятисантиметровым пером.

Все свободные от работы немедленно отправились испытывать комаровскую конструкцию. Но когда поток воды, журча и булькая, устремился в скважину, даже скептики вынуждены были признать, что Комар - "это голова". Третьего июля льдина снова пересекла 78-ю параллель, продрейфовав на полградуса к югу. Дни проходили в работе и хлопотах, в борьбе с водой и... белыми медведями, повадившимися на станцию.

А 12 июля произошло ЧП - загорелась палатка радистов. Высохший за несколько солнечных дней палаточный тент вспыхнул как порох. А тут грохнул бачок с бензином и стали взрываться винтовочные патроны.

Вдруг Яковлев закричал: документы, там документы, не раздумывая, бросился в палатку. К счастью, чемоданы с материалами научных исследований оказались у самой стенки. Их вытащили из огня и бросили прямо в снежницу. А от палатки и, главное, от радиостанции остались рожки да ножки. Это была настоящая беда - остаться без связи.

Выход из положения нашли Курко, Канаки и Комаров, соорудив из имеющихся деталей новый передатчик.

15 июля над лагерем появилась летающая лодка И. И. Черевичного. Не найдя для посадки подходящей полыньи, Иван Иванович покружил, покружил, сбросил три тюка на грузовых парашютах и, покачав крыльями, удалился на юг.

Короткое полярное лето закончилось 1 августа. Солнце ходило по кругу, с каждым днем опускаясь все ближе к горизонту. Ясные, солнечные дни сменили хмурое, затянутое облаками небо с морозящим дождем.

Снежицы покрылись 5-6-сантиметровой корочкой льда. Как-то вечером после ужина Сомов просил всех задержаться.

- Вот что, друзья мои, - сказал Михаил Михайлович, - надо обсудить важный вопрос. Наступает зима, и надо бы лагерь перенести на новое место. Я понимаю, все устали и вряд ли эта работа доставит кому-нибудь удовольствие. Но иначе нельзя. Во-первых, поверхность льдины основательно пострадала от летнего таяния и она вся покрылась ямами и колдобинами. Выпадет снег, и они превратятся в многочисленные ловушки. Не ровен час кто-нибудь угодит в такой капкан. А во-вторых, палатки отстоят друг от друга слишком далеко. Наступит ночь, и это создаст массу неудобств, да и в случае разлома льдины возникнут трудности при эвакуации. - Сомов помолчал немного, достал папиросу, постучал мундштуком по привычке о тыльную часть кисти и добавил: - А вот куда переносить лагерь, давайте решать совместно.

Гляциологи предложили поставить палатки поближе к опытным площадкам, располагавшимся метрах в двухстах к северу. Но это не устраивало гидрологов. В этом случае пришлось бы заново пробивать лунки.

Победило мнение радистов. Лагерь решили переместить к северу метров на сто. Там, как оказалось, поверхность льдины почти не пострадала, но, главное, не требовалось заново устанавливать радиомачты. Палатки разместили по кругу, а в центре поставили камбуз. С приходом зимы возникла еще одна важная проблема: как утеплить палатки. Запасы газа подошли к концу, и холодище в них давал себя знать. Стоило на короткое время выключить горелки, и мороз тут же принимался за дело. Впрочем, в распоряжении зимовщиков был отличный утеплитель - снег. Бригада строителей принялась нарезать снежные кирпичи, и вскоре вокруг каждой палатки выросла стенка из снежных блоков, а у входа выстроили тамбуры разных форм и размеров в зависимости от архитектурных и строительных способностей ее обитателей. С наступлением сильных морозов все вокруг - снежные обкладки палаток, холмики грузов, радиомачты, градиентная установка - обросло мохнатым инеем, превратив лагерь в сказочный снежный городок, который вполне мог служить обителью северных духов во главе с самой снежной королевой.

22 октября солнце впервые так и не показалось над горизонтом. Лишь в полдень на короткое время наступали сумерки, сменявшиеся почти полной темнотой полярной ночи. Все чаще налетала пурга, переметя стежки-дорожки, скрывая под снегом привычные ориентиры, что особенно осложняло работу Яковлева и Петрова, которые почти ежедневно навещали свои отдаленные исследовательские площадки.

11 сентября льдина достигла 78°57' с. ш. и 194°03' в. д. С начала дрейфа прошло уже полгода. Солнце уже много дней не выбиралось из густых туч. Все чаще сыпал снег. Погребников с Петровым обследовали северное разводье, образовавшееся несколько дней назад. Его уже замело снегом, и только в центре чернел молодой лед. Петров едва не принял холодную ванну, решив попробовать его прочность ногой.

Канаки с Яцуном занялись изготовлением помпы для заливки аэродрома. По их идее, эту оригинальную конструкцию должен был приводить в действие ветер, вращая лопасти, соединенные с поршнем.

Но главным событием, повергшим многих участников дрейфа в уныние, была радиограмма от начальника Главсевморпути. По решению руководства дрейф станции продлевался до весны 1951 года. Но ее штат сокращался до 11 человек, поскольку отменялись все аэрологические наблюдения, а геофизические исследования тоже частично сокращались. Следовательно, семерым предстояло покинуть льдину. Семерым, поскольку на станцию должны были прибыть врач и новый геофизик.

16 сентября разразилась пурга, а температура воздуха упала до -17°. А на Большой земле стояла теплая осень. Театры открывали новый сезон. На экране демонстрировались новые кинофильмы. Улицы заполняла оживленная толпа. А где-то за тысячи километров от материка на дрейфующей льдине трудились 16 самоотверженных людей. Никто не знал их имен, никто не слышал об их существовании.

Глава IV НА ДОРОГЕ К МЕЧТЕ

"Люди отправляются в дальние неведомые страны по разным причинам: одних побуждает к этому просто любовь к приключениям, других - неутомимая жажда научных исследований, третьих, наконец, влечет в отдаленные страны таинственность и очарование".

Эрнст Шеклтон

Я с детства ненавидел ночные телефонные звонки. Они всегда таили в себе какую-нибудь неприятность. Поэтому телефонная трель, прозвучавшая в полночь, вызвала глухое чувство тревоги. И кто бы это мог позвонить мне в столь поздний час? Я поднял трубку и с удивлением узнал голос Люды Ольхиной - секретаря заместителя начальника Главсевморпути В. Ф. Бурханова.

- Доктор, вы еще не спите?

- Только собираюсь почивать, - ответил я игривым тоном.

- Так вот, почивать вам не придется. Быстренько собирайтесь и летите к нам на Разина.

Мне повезло: такси высадило пассажиров почти у самого моего дома. Улицы ночной Москвы уже опустели, и поэтому через пятнадцать минут машина остановилась у знаменитого дома № 9.

Перескакивая через ступени, я взбежал на второй этаж и вошел в приемную начальства.

Ольхина, завидев меня, таинственно улыбнулась: раздевайтесь, доктор, и проходите в кабинет Бурханова. Вас ждут.

Я отворил дверь и очутился в знакомом просторном кабинете. За тем же огромным столом, заваленным кипами бумаг, сидел Водопьянов в неизменной потертой кожаной куртке на "молнии" со звездочкой Героя. Прижав к уху телефонную трубку, он что-то сердито выговаривал невидимому собеседнику. Заметив меня, он коротко бросил: "Подожди маленько". Я огляделся. Народу в кабинете, видимо из-за позднего часа, было не много. На диване вели оживленную беседу В. И. Аккуратов и начальник Управления радиостанций М. И. Ходов.

Развалившись в глубоких креслах, листали папки с документами летчик Б. С. Осипов и М. А. Титлов, знакомые мне по прошлым экспедициям.

Все были поглощены делом, и я, чтобы не мешать, стал рассматривать длинный застекленный стеллаж с макетами полярных судов. Все это были прославленные "старики", много лет бороздившие арктические воды. Крохотный "Персей", ставший первым отечественным полярным научно-исследовательским судном, участвовавшим за свою короткую восьмилетнюю жизнь в 84 полярных экспедициях. "Александр Сибиряков", начавший свою жизнь скромным зверобоем, а двадцать три года спустя проложивший дорогу с запада на восток, в одну навигацию - Северный морской путь. По соседству с ним виднелись спасители экспедиции У. Нобиле: гордость ледокольного флота могучий "Леонид Красин" и неприметный пароход "Соловей Будимирович" ("Малыгин". - В. В.). А вот и детище адмирала С. О. Макарова ледокол "Ермак".

В самом конце стеллажа притулился бедолага "Челюскин", затертый льдами в Чукотском море, породивший славную эпопею, названную челюскинской. Я задержал свой взгляд на красивых обводах "Георгия Седова", продрейфовавшего три года в Ледовитом океане, и вдруг услышал раскатистый бас Водопьянова:

- Доктор, ты куда это запропастился?

- Я здесь, - откликнулся я, подходя к столу.

- Ну здорово, доктор, - сказал Михаил Васильевич, крепко пожав мне руку. - Знаешь, зачем вызвали? - И, не дожидаясь ответа, продолжил: - Разговор с Кузнецовым на льдине припоминаешь?

Я даже поперхнулся от радостного предчувствия и не мог выговорить ни слова.

- Ну чего молчишь, словно в рот воды набрал? Хотим направить тебя к Сомову на станцию. Согласен? Или, может быть, передумал?

- Конечно, согласен, - обрел я наконец голос, - готов хоть сегодня лететь.

- Ну сегодня лететь не надо. Но деньков через десять, пожалуй. Так что завтра с утра принимайся за дело. Только вот еще что, - в глазах у Водопьянова запрыгали веселые чертики, - штат станции сокращен до 11 человек и тебе придется совмещать обязанности врача с поварскими. - Водопьянов

помолчал и добавил: - Только учти, работа эта адская. А ты хоть готовить умеешь?

- Если честно сказать, то не очень, - признался я. - Разве что пельмени варить, антрекоты жарить, строганину сделать.

- Ну на первое время этого достаточно. Знаешь, как говорят: не умеешь - научат, не захочешь - заставят. Но в общем, доле твоей я не завидую. Матюгов тебе поначалу достанется порядочно. Только помни: характер свой не показывай, терпи до усеру.

- Да уж постараюсь. Не подведу.

- Значит, замечано. - Водопьянов затянулся папиросой. - Счас включу тебя в приказ. И вот еще что. Там Сомова медведи одолели, и он просил прислать десяток пистолетов. Завтра к 11.00 чтоб стоял в бюро пропусков Главного артиллерийского управления. Как покончишь с оружейными делами, дуй прямо к Шворину. Он в курсе. Получишь от него все указания по медицинской части. А сейчас отправляйся домой да выпишись хорошенько.

Да какой уж тут сон. Всю ночь я ворочался с боку на бок, обуреваемый мыслями о предстоящей экспедиции. Чуть свет я уже был на ногах.

Точно в назначенное время я вошел в бюро пропусков и едва успел просунуть в окошечко свое удостоверение, как услышал хриплый глас репродуктора: представителя Главсевморпути просят подойти к проходной. Меня встретил молодцеватый полковник, с удивлением покосившийся на мои капитанские погоны. Видимо, его несколько смутил скромный чин посланца столь солидной организации. Мы поднялись на третий этаж, где, судя по шикарной ковровой дорожке, размещалось начальство. Миновав приемную, полковник приоткрыл массивную дверь кабинета и, остановившись на пороге, доложил: товарищ генерал, представитель Арктики прибыл.

Из-за стола навстречу мне поднялся рослый генерал с густой седой шевелюрой и разноцветьем орденских ленточек на кителе.

Я представился, почтительно пожал начальственную руку и уселся в предложенное кресло.

- Ну-с, с чем пожаловали, доктор?

- Командование Главсевморпути просит для выполнения правительственного задания одиннадцать пистолетов.

- ТТ вас устроит или что-нибудь посolidнее?

И тут червячок романтики, копошившийся в моей душе, поднял голову.

- Желательно кольты, - выдохнул я, вспомнив любимое оружие северных героев Джека Лондона.

- Кольты, - хмыкнул генерал, - может, лучше дать вам автоматы?

- Нет, именно кольты.

- Ну что ж. Кольты так кольты, - он набрал номер внутреннего телефона. - Василий Петрович, нужны кольты, одиннадцать штук. Есть в наличии? Вот и отлично. А патроны к ним? В Туле? Так слушай меня внимательно. Завтра же доставь все это имущество в Захарково на аэродром полярной авиации. О выполнении доложишь мне лично.

Генерал нажал кнопку звона, и, как по взмаху волшебной палочки, на пороге кабинета возник тот же полковник с подносом, на котором стоял большой фарфоровый чайник, два стакана в серебряных подстаканниках, вазочки с печеньем и конфетами "Мишка на севере".

- Угощайтесь, доктор. - Он сам наполнил мой стакан и, поглядев на меня с прищуром, спросил: - А скажите, голубчик, если это не секрет, для чего это вам понадобились кольты?

- В общем, это секрет, - помялся я в нерешительности.

- Да ты не тушуйся, - сказал генерал, переходя на доверительное "ты", - сам понимаешь, мне ведь и не такие тайны доверены.

И я решился:

- В Северном Ледовитом океане есть такой район, который называется Полюсом недоступности. Так вот там на льдине с весны работает дрейфующая станция, вроде папанинской. Последнее время там часто стали появляться медведи. Сейчас, с приближением полярной ночи, опасность встречи с медведем, да еще в темноте, сулит большие неприятности. Вот и потребовалось надежное личное оружие. - Я, конечно, не сказал, что кольты - моя сугубо личная инициатива. - Армейский кольт

сорок пятого калибра вполне подойдет. Надежная штука.

- А кто их доставит на льдину?

- Сам повезу.

- Сам? Значит и зимовать там будешь, - сказал он уважительно. - Ну молодец, молодец. Наверное, тяжеленько там придется всю полярную ночь, на льдине? Это вы, значит, как папанинцы будете дрейфовать?

Он задал еще множество вопросов и о надежности льдины, и о полярной ночи, и о морозах. Удовлетворив свое любопытство и поднявшись, крепко пожал мне руку.

- Ну, капитан, с богом. Ни пуха тебе, ни пера.

- К черту, - расхрабрился я и, довольный успешно выполненной миссией, покинул кабинет.

Вернувшись на улицу Разина, я напрямик направился к Шворину.

Он встретил меня, как старого знакомого, и, полуобняв за плечи, сказал:

- Я уже в курсе дела. Скажи, Виталий, честно, не ожидал такого сюрприза?

- Если честно - то не ожидал. Но согласился сразу, не раздумывая.

- Молодчина. Я от тебя и не ждал другого решения. Однако в твоём назначении - твоя собственная заслуга. Я уже слышал от участников экспедиции немало лестных слов и о твоём характере, и о твоих профессиональных знаниях. Так что выбрали твою кандидатуру не случайно. Только смотри - не возгордись. Ладно, - сказал он, помолчав, - на разговоры у нас с тобой ещё будет время, а сейчас быстренько разыщи Буравика, ты с ним уже знаком, и готовь списки медицинского имущества на станцию.

Абрам Григорьевич Буравик - главный спец по медснабжению уже ожидал меня в своём крохотном кабинете под лестницей. Маленький, сухонький, с копной седых волос, он, несмотря на свой почтенный возраст, прямо лучился энергией.

Мы притулились с ним за столиком и принялись за работу. Список получился длиннющий. Чего там только не было - и медикаменты, и инструментарий, и перевязочные материалы, и всякие там грелки, клизмы. Список завершал большой хирургический набор (а вдруг придется делать операцию?). Буравик обещал, что "кровь из носа", но через три дня все будет получено и доставлено в МАГОН (Московская авиагруппа особого назначения. - В. В).

Мы бы, наверно, просидели ещё не один час, уточняя и утрясая список, но нашу кипучую деятельность прервал телефонный звонок.

- Доктор, - раздался в телефонной трубке бойкий голос Ольхиной, - быстренько к Кузнецову на совещание.

Кабинет начальника Главсевморпути генерал-лейтенанта авиации А. А. Кузнецова был полон народу. Здесь собрались все главные участники предстоящей операции - летчики, штурманы, руководители отделов ГУСМП. Лица большинства присутствующих мне были хорошо знакомы по прошлым экспедициям.

- Все прибыли? - спросил Кузнецов.

- Так точно, - отрапортовал Водопьянов.

- Тогда начнем совещание. Ваша задача обеспечить Сомова на зимний период дрейфа всем необходимым: продовольствием, газом, бензином, научным оборудованием. Кроме того, вы произведете замену части личного состава станции и семь человек вывезете на материк. Вместо них доставите двух новых зимовщиков - врача Воловича и геофизика Миляева.

В операции участвует отряд из трех машин: Си-47 - командир Б. С. Осипов, Ли-2 - командир М. А. Титлов и Пе-8 - командир В. Н. Задков.

Общее руководство операцией возлагаю на М. В. Водопьянова. Вылет из Москвы Осипова и Титлова назначаю на 13 октября. Задков пойдёт позже и догонит вас на Шмидте. Хочу ещё раз всем напомнить о чрезвычайной секретности операции. Если вопросов нет - все свободны.

Мы гуськом покинули начальственный кабинет. Времени оставалось в обрез, но трудности состояли в том, что станция была "ужасно засекреченной" и о её существовании знал лишь ограниченный круг лиц даже в самом Главсевморпути. Нашим эмиссарам то и дело приходилось выслушивать

недоуменные вопросы: а зачем? а кому? а куда? На которые приходилось отвечать лишь пожатием плеча да ссылками на повеление начальства.

Наконец под вечер 12 октября автобус и грузовик, загруженные "под завязку", прибыли в Захарково. Первым делом я помчался в первый отдел (так именовался секретный отдел во многих учреждениях) узнать, как обстоят дела с моими кольцами.

- Привет, доктор, - сказал начальник отдела, сухощавый, с бесцветным лицом и зализанными назад редкими темными волосами, одетый в принятую для сотрудников спецчасти в полувоенную форму. - Твой груз уже третий день как доставили.

Он поставил на тумбочку аккуратно сбитый зеленый ящик, вооружился отверткой и ловким движением сорвал пломбы.

- Любуйся своим хозяйством, - сказал он, освобождая от промасленной бумаги лежавший сверху пистолет.

Я так и ахнул: Вместо предмета моих романтических грез, сверкающего вороненой сталью и отливающего чернью барабана револьвера, в руках у начальника спецотдела оказался пистолет, похожий на обыкновенный армейский ТТ. Не заметив моего разочарования, начальник тщательно обтер пистолет ветошью и, примерив по руке, уважительно сказал:

- Хорошая машина. С такой не только на медведя, на мамонта можно ходить. А вот в этой "цинке" - две сотни патронов. Вот только с кобурами промашка вышла. Не подвезли. Но ты не беспокойся. Я по нашей линии уже дал команду в Тикси. Там пошлют кобуры. Ну, до завтра, - добавил он. - Все это хозяйство загрузим на борт Титлову. И вдруг, вот чего я не ожидал, он подошел ко мне, обнял и сказал: - Желаю удачи, доктор. Чтобы льдина не лопалась и больных было поменьше.

Теперь оставалось только получить полярные шмотки. Я отправился на вещевой склад, и скоро облезший брезентовый мешок наполнился пахнущим нафталином обмундированием. И чего там только не было: начиная с шерстяных носков, свитера, перчаток, длиннющего шарфа, костюма спецпошива из толстого черного сукна, мехового жилета, шапки из пыжика, унты и унтов из черного собачьего меха, кожаных сапог на меху и меховых брюк и кончая тяжелым спальным мешком с пуховым вкладышем и огромными рукавицами-грелками.

Я сменил модные полуботинки на меховые сапоги, нахлобучил пыжиковую шапку, набросил на плечи меховой реглан цвета разведенного какао, называвшийся почему-то "французенкой", и поволок полученное добро в "красный уголок". Устроившись в кресле, я извлек из кармана после долгих поисков трубку. Набил ее пахнущим медом табаком "Золотое руно" и закурил. Синие кольца дыма поплыли к потолку. До отлета оставалось еще часов десять, так что надо было набраться терпения, которое, по словам великого Нансена, является "величайшей добродетелью полярника". Устроившись на диване, я накрылся "французенкой" и задремал.

Ночью я несколько раз подбегал к окну: как там погода. Ведь понедельник, да еще тринадцатое число, по мнению многих летчиков, не самый удачный день для вылета. Но в Арктике, видимо, жили по другим законам, и мы, невзирая на столь неблагоприятное сочетание, покинули без помех московский аэродром, а через шесть часов благополучно приземлились в Архангельске на Кег-острове. Переночевав, самолеты взяли курс на восток: Амдерма, Косистый, Хатанга, Тикси. Здесь мы задержались на двое суток: надо было получить продовольствие. Вскоре грузовые кабины заполнили десятки оленьих туш, банки с пельменями, изготовленными руками жен тиксинских старожилов. Перед самым отлетом на собачьей упряжке подкатил укутанный до бровей красный молодец и обрадовал нас несколькими мешками свежего картофеля, тщательно укутанными в старые ватные одеяла, и ящиком репчатого лука.

Местный "особист" вручил мне пакет с одиннадцатью брезентовыми кобурами, одну из которых я мигом приобщил к делу, запихнув в нее кольт и привесив к поясу. Еще одна посадка в Певеке, беспокойная ночь, проведенная в борьбе с голодными клопами. Последний перелет, и вот самолетные лыжи уже скользят по обледенелому полю аэродрома на мысе Шмидта. Здесь царит настоящая зима. Одноэтажные домики поселка до самых крыш замечены снегом. По широким улицам гуляет поземка. Двадцатиградусный мороз с непривычки безжалостно кусает щеки и нос, заставляя кутаться в шарф. Чувствуется приближение полярной ночи, уже окутавшей поселок серыми сумерками.

Разместившись в скромном домике аэродромной гостиницы, все, наскоро пообедав, собрались на командном пункте аэродрома.

- Работать будем по следующему плану, - сказал Водопьянов. - Первыми к Сомову Осипов с Титловым. С ними полечу я, Алексей Федорович (Трешников. - В. В.) и Миляев. Обратным рейсом захватим зимовщиков, завершивших работы на станции. Доктор остается на Шмидте и проследит за сохранностью грузов. Завтра вторым рейсом отправим его тоже на льдину. Как только машины

будут готовы - вылетаем немедленно.

25 октября в 11 часов по МСК все, и улетающие и провожающие собрались на аэродромном поле. Перед самой посадкой в самолет Трешников вдруг отозвал меня в сторону и, закрываясь от пронизывающего ветра, сказал:

- Вот что, Виталий, хочу с тобой посоветоваться, как с врачом, по одному деликатному вопросу.
- Слушаю вас внимательно, Алексей Федорович.

Трешников на минуту задумался.

- Дело вот ведь какое. У Михал Михалыча незадолго до нашего отлета умер отец. У меня в кармане письмо Серафимы Григорьевны (жена Сомова. - В. В.) с этим печальным известием. Я вот все голову ломаю - отдать письмо или не отдавать. Зимовать в полярную ночь с такой тяжестью на сердце - это такое тяжкое испытание.

- Сказать честно, - сказал я, подумав, - лучше не отдавать. Как он его перенесет не сорвется ли?

- Да нет, не сорвется. Я Михал Михалыча давно и хорошо знаю. Человек он крепкий. Выдюжит. Но я все же еще подумаю. А за совет спасибо.

Трешников натянул поглубже капюшон меховой куртки, и его грузная фигура исчезла в просвете самолетной дверцы.

Ровно в 12 часов самолеты один за другим поднялись в воздух и вскоре растворились в сумерках наступающей полярной ночи. Я медленно поплелся в аэродромную гостиницу, закрываясь от резких порывов ветра. Значит, еще одна ночь ожидания.

Но ни я, ни оставшийся экипаж Пе-8 и предположить не могли, сколь горький сюрприз преподнесет нам судьба.

Время шло к ужину, когда дверь моей комнаты распахнулась и на пороге возникла заснеженная фигура штурмана Николая Зубова.

Запыхавшись от быстрого бега, он, едва переведя дыхание, выпалил охрипшим от мороза и волнения голосом:

- Беда приключилась, доктор!! Давай скорей на КП. От Бармалея (Титлова. - В. В.) радиограмма. Леша Челышев (радист Титлова) отстучал 25-25 - имею на борту раненых и больных. Видимо, Осипов разбился.

Одеваясь на ходу, я помчался на командный пункт аэродрома. Там уже собрался весь экипаж Задкова. Они стояли тесной кучкой, вполголоса обсуждая происшествие. Завидев меня, начальник авиапорта сказал, не скрывая беспокойства:

- Произошло несчастье: Осипов разбился. Как это случилось - пока не известно. Очень опасаясь, что он захватил с собою зимовщиков, которых решено было заменить на станции. Если мое предположение подтвердится - тогда полный п...ц. Лазарет у нас маленький, человек на пять, не больше. Где раненых размещать - ума не приложу! Вы до прилета Титлова сходите в лазарет стройбата, и чтоб подготовили все к приему пострадавших, команду я уже дал. Но врач у нас молодой, только недавно окончил Военно-медицинскую академию. Сами понимаете, какой из него помощник.

На пороге лазарета меня уже ждал его начальник - лейтенант медицинской службы с юным, немного испуганным лицом. Однако парень он оказался расторопным. В автоклаве уже стерилизовалось белье. В двух больших электрических стерилизаторах, заполненных хирургическими инструментами, кипела вода. Ампулы с кровью, извлеченные из холодильника, лежали на тумбочке, обогревались, обернутые одеялами. Хирургический стол и кушетка были застелены чистыми простынями. Бывших обитателей лазарета выписали и отправили долечиваться в казарму.

Оставалось только ждать. Но каким мучительным было это ожидание. Я не выдержал и отправился на аэродром встречать самолет. Было морозно. Ветер гнал по аэродромному полю потоки снежной пыли. Я отмерил не одну тысячу шагов, когда наконец на северо-востоке послышался гул моторов. Титлов с ходу направил машину на летную полосу и мастерски посадил ее прямо у "Т". Винты еще крутились, когда я подбежал к самолету. Распахнулась дверца, и на снег выпрыгнул механик Володя Водопьянов - сын Михаила Васильевича. Задышавшись от быстрого бега, я только и смог спросить: "Сколько и кто?"

Володя понял меня с полуслова и коротко бросил:

- Отец и Коля Коровин.

Слава богу, мелькнуло в голове, что только двое. Подтянувшись на руках, я забрался в кабину и сразу увидел Водопьянова, притулившегося у большого свертка оленьих шкур. Он тихо раскачивался, поддерживая руками голову, замотанную бинтами, на которых алели пятна крови. Неумело наложенная повязка сползла на самые брови.

- Михаил Васильевич, дорогой, что случилось, как вы себя чувствуете?

- Не волнуйся, доктор. Ну царапнуло немного голову, - успокоил он меня. - Вот Коле Коровину здорово досталось. Ты его осмотри скорее, а я и подождать могу.

Коровин лежал рядом на чехлах, поверх которых набросили оленьи шкуры. Он был без сознания и тихо стонал. Я опустился рядом на колени. Рукав его кожаной куртки был разорван в нескольких местах и покрыт пятнами запекшейся крови.

- Его винтом задело, - сказал Аккуратов. - Еще бы чуток, и руку бы напрочь отрубило.

У самолета послышались громкие голоса.

- Носилки давай, - крикнул кто-то.

Коровина быстро уложили на носилки и, завернув в меховое одеяло, понесли через сугробы в медпункт. Но Водопьянов, несмотря на все мои настойчивые уговоры, от носилок отказался.

Положение Коровина оказалось серьезнее, чем я предполагал сначала. Плечевая кость была раздроблена и поврежден локтевой сустав. Тут нужна была помощь специалистов и операция в условиях настоящей больницы. Только где взять эту самую больницу? Ведь до ближайшей километров шестьсот, если не больше.

Пока я осматривал Коровина, мой молодой коллега уже помог Водопьянову раздеться, забраться на операционный стол и ввел противостолбнячную сыворотку.

Я разрезал бинты и снял повязку. Ну и ну. От левой брови через лоб, пересекая голову почти до самого затылка, зияла рваными краями широкая рана. Кожа до самой кости была сорвана напрочь. Но кровотечение прекратилось. Однако серьезно встревожили темные, почти черные кровоподтеки вокруг глаз, так называемые "очки", которые нередко являются признаками внутренней травмы черепа. Я аккуратно промыл рану перекисью водорода и, к своей радости, при самом тщательном осмотре не обнаружил никаких повреждений костей черепа. Успокаивало также отсутствие следов кровотечения из ушей и носа, а главное, что мой пациент ни, разу не терял сознания.

- Ты чего это примолк, доктор, - буркнул Водопьянов. - Говори, что там у меня, не темни.

- Думаю, Михаил Васильич, ничего серьезного. Кости целы, только кожу сорвало. Счас наложу пару швов - и хоть завтра в самолет, - сказал я, стараясь придать голосу спокойную уверенность, хотя на душе у меня скребли кошки.

- Только, доктор, не очень старайся, волосы не шибко выстригай. А то изуродуешь меня, как бог черепаху. Мне ведь скоро в Москву возвращаться.

Я поклялся, что волос уберу самую малость, и, наполнив шприц новокаином, собирался сделать укол.

- Ты эти детские штучки брось, - сказал Водопьянов. - Обойдусь без анестезии.

- Ну, Михал Васильич, тогда придется потерпеть, - сказал я, вонзая хирургическую иглу в край кожи.

Водопьянов только скрипнул зубами, но промолчал. Наконец я наложил последний шов и, облегченно вздохнув, принялся сооружать повязку, известную под названием "шапка Гиппократ".

- Ну вот и конец вашим мучениям, Михал Васильевич, - сказал я, вытирая лоб, намоченный от усердия и жары. - Теперь надо денек-другой полежать, и тогда все будет в порядке.

- Добро, - сказал, соглашаясь, Водопьянов, - так уж и быть - полежу. Но тебе, кровь из носа, надо лететь завтра на станцию. Тебя там уже, наверное, ждали.

Тем временем начальник шмидтовского аэродрома лихорадочно опрашивал все ближайшие авиапорты, где есть больница, прося согласия на прилет Титлова с раненым.

- Что будем делать, Михал Алексеевич? Певек закрыт по погоде. Бухта Провидения не принимает - пурга. И в Анадыре пурга. Остается только Сеймчан. Но до него топать больше тысячи километров.

Да и, сказать честно, я не очень уверен, что они дадут добро. Как-никак лагерная зона. Но все же попытаюсь добиться их согласия. Ведь Сеймчан - единственный выход.

На удивление быстро Сеймчан дал добро, и Титлов распорядился готовить машину к вылету.

- Как думаешь, Гена, - обратился он к штурману, - сколько нам времени потребуется, чтобы добраться до Сеймчана?

- Если ветер будет попутным, то часа за четыре, - сказал Федотов, прикидывая по карте маршрут предстоящего полета.

Самолет долго пробивался сквозь клубящуюся муть насыщенных влагой облаков и наконец вырвался на голубой простор, подсвеченный начинающим тускнеть солнцем. Под нами простиралась мохнатая серая пелена, похожая на сероватую вату, скрывшая заснеженные конуса сопки, застывшие извивы рек. Самолет шел на автопилоте. Мерно гудели моторы.

Я занял место рядом с Коровиным, время от времени приоткрывая меховое одеяло, в которое он был закутан с головой. Николай спал после укола морфия. Дыхание стало ровным, глубоким. На бледном, осунувшемся лице красноватой полоской выделялись тонкие искусанные губы.

Промерзнув в неотапливаемом салоне, я протиснулся в пилотскую и устроился на маленькой скамеечке между креслами летчиков.

- Как там дела у Коровина, доктор? - спросил Титлов, сдвигая со лба шлемофон.

- Пока вроде бы нормально. Спит. А что же там произошло с Осиповым, Михал Алексеевич? Я ведь до сих пор толком ничего и не знаю.

- Мы уже подлетали к станции, когда радист передал сообщение, что полосу только что сломало. Целым остался кусок метров в пятьсот. Я прикинул и решил, что этого нам за глаза хватит, и, сделав круг, пошел на посадку. Осиповский Си-47 стоял по другую сторону трещины. Мы быстро разгрузились, светлого времени оставалось в обрез, и пошли на взлет. А минут через двадцать Челышев крикнул мне из радиорубки: "Алексеич, возвращаемся обратно: Осипов разбился". Я развернул машину на 180° и по газам на станцию. Сели нормально. Я выскочил из машины и бегом к осиповскому самолету, черневшему среди торосов. Первым на пути я встретил Водопьянова. Он медленно брел, держась за голову. Между пальцами стекали струйки крови. Я кинулся к нему. Спрашиваю, Михал Васильевич, живой? Ну слава Богу!

А он и отвечает: чего со мной сделается, не впервой падать. Шишка к шишке - деньги к деньгам.

Я проводил Водопьянова до палатки, и там Сомов рассказал мне, что приключилось с самолетом Осипова. Видимо, полосы не хватило и Борис Семенович вынужден был круто набирать высоту. Вот машина и сорвалась. Накренилась и, скользнув на крыло, стала падать. Царапнув консолью левой плоскости верхушку высокого тороса, машина зацепила левым колесом за глыбу льда и стойку шасси срезало как ножом. Самолет, словно мяч, взмыл вверх на десяток метров. Его развернуло вправо, и он, ударившись второй стойкой о торосы, снова подскочил вверх и рухнул метрах в восьмидесяти от аэродрома.

Все буквально оцепенели от ужаса. Первым пришел в себя Курко и бегом кинулся к месту падения самолета. Следом за ним, задыхаясь от волнения, бросились остальные. При бледном свете сумерек все увидели, как из верхнего аварийного люка вылез человек, прошел по фюзеляжу к хвосту, вернулся обратно и снова исчез в люке. Это был второй пилот Юра Орлов (впоследствии он так и не мог вспомнить этого эпизода).

Затем в дверцу кабины протиснулся Водопьянов без шапки, держась за голову. Откуда-то возникла высокая фигура Осипова. Подошел, засыпанный с головы до ног снегом, Валентин Аккуратов. Тем временем бортрадист Богаткин и бортмеханик Зобнев открыли грузовую дверь, вытащили бортмеханика Колю Коровина и осторожно уложили на спальный мешок, расстеленный на снегу.

Слушая рассказ Титлова, я вдруг с поразительной четкостью представил себе всю эту картину. Какой ужас! Только что зимовщики радостно пожимали летчикам руки, желая им мягкой посадки. И вдруг, одно мгновение, грохот удара и... тишина. Страшная тишина смерти.

- Командир, - прервал рассказ Титлова штурман, - до Сеймчана осталось километров триста. Пора снижаться.

Самолет долго пробивал облачность, и наконец на высоте 600 метров сквозь поредевшие облака открылась безрадостная картина заснеженной тайги, застывшей в морозных объятиях. Проплыла под крылом белая лента Оймолона.

- Смотрите - поселок, да еще какой огромный, - сказал Федотов, показывая пальцем на видневшиеся

длинные шеренги одноэтажных зданий. - Вроде бы такого на карте и нет.

- Какой это к черту поселок, - процедил сквозь зубы Титлов. - Это же концлагерь. Видишь, вокруг колючка в три ряда, а по углам сторожевые вышки.

Это действительно был концлагерь, укрытый тайгой от посторонних глаз. И не один. Не прошло и десятка минут, как снова показались прямоугольники бараков. И снова колючая проволока и похожие на скелеты сторожевые вышки. За ним еще один, второй.

- Мама родная, - прошептал Челышев, - да сколько же здесь народу мается. - Он оглянулся, словно опасаясь, не услышал ли кто посторонний эту крамолу.

Наконец, в морозной дымке просверкнули огоньки Сеймчана. Самолет мягко приземлился на укатанную посадочную полосу и покатил к аэродромному домику. Не успели затихнуть двигатели, как у борта лихо остановились сани-розвальни, запряженные парой покрытых инеем лошадей. За ними вторые. С них соскочили двое в белых полушубках, перетянутых офицерскими ремнями, и подбежали к дверце, на ходу придерживая кобуры с наганами.

- Кто командир машины? - зычно крикнул мужчина с капитанскими погонами.

- Командир самолета Титлов, - представился Михаил Алексеевич.

- Где там ваш раненый? Быстренько разгружайтесь, - скомандовал капитан и вдруг, понизив голос, добавил: - Оружие взять с собой. Имеется информация, что зеки готовят нападение. Кто-то им сообщил что самолетом привезут деньги.

"Ничего себе перспективочка", - подумал я, запихивая за пазуху кольт.

Коровина со всеми предосторожностями вынесли из самолета и уложили в сани, тщательно завернув с головой в одеяла и накрыв сверху медвежьей шкурой. Мороз был нешуточный - градусов под сорок с гаком.

Возница гаркнул, и сани помчались по аэродромному полю, оставляя позади себя вихри снежной пыли. А вот и больница - аккуратное деревянное здание в два этажа, выкрашенное голубой краской. Из дверей выскочили два санитары с носилками. Коровина внесли в просторную комнату-приемную и, распеленав, уложили на кушетку, покрытую белой простыней.

Через несколько минут в приемной появился невысокий пожилой врач с короткой, тронутой сединой профессорской бородкой, в очках в металлической оправе.

Он уверенными движениями ощупал поврежденную руку, похмыкал и, улыбнувшись, сказал, потирая руки:

- Среди вас есть врач?

Я подошел ближе.

- Ну что ж, коллега, могу вас обрадовать. Хотя повреждения серьезные, руку мы ему сохраним. У нас тут хирурги отличные. - Он оглянулся на стоящие у двери фигуры в белых полушубках и, снизив голос до шепота, сказал: - Кланяйтесь матушке-Москве.

Я все понял. Это был такой же заключенный, один из многих тысяч, томившихся в колымских лагерях.

Простившись с Коровиным, мы погрузились в розвальни и вскоре уже влезали в кабину самолета. Мы не обмолвились за всю дорогу ни единым словом и лишь облегченно вздохнули, когда захлопнулась дверца кабины и самолет, резво промчавшись по снежному полю, покинул это проклятое место.

Обратно мы летели в полной темноте. Небо прояснилось, замерцало звездами. Самолет набрал высоту. Титлов взглянул на приборы и, передав управление Сорокину (второй летчик. - В. В.), выбрался из кресла.

- Пошли, доктор, побалуемся чайком, - сказал он, снимая с головы шлемофон.

Мы перебрались в грузовую кабину. Бортмеханик Дима Шекулов поставил на ящик термос, приготовил несколько бутербродов, открыл банку со сгущенным молоком и присел рядом с нами.

Отхлебнув из кружки горячего "чифира", я задал вопрос, давно вертевшийся у меня на языке:

- Михал Алексеич, а вы Сомова давно знаете?

- Давненько. Со времен нашего беспосадочного полета на полюс в 1945 году. - Он на мгновение задумался, почесал шрамик, пересекавший наискось подбородок. - Интересный был полет. Помнишь, Дима?

- Может, расскажете о нем, Михал Алексеич, если это не секрет?

- Да какой тут секрет. Осенью сорок пятого меня вызвал Марк Иванович Шевелев (начальник полярной авиации. - В. В.) и положил на стол карту Центрального полярного бассейна и говорит: "Руководство подготовило план дальней авиационной разведки. Она очень нужна для разработки ледового прогноза по трассе Северного морского пути. Заодно обследуете состояние льда в малоизученной части Ледовитого океана. Пойдете через Амдерму, Дудинку, мыс Косистый на Челюскин. Туда уже завозят дополнительный запас горючего. Заправитесь и полетите прямо к Северному полюсу, а затем на юго-восток через Котельный. Посадка в Крестах Колымских. С вами полетит гидролог Сомов и корреспондент "Правды" Бессуднов. Штурманом пойдет Аккуратов".

Экспедицию готовили тщательно. На случай вынужденной посадки на лед доставили на борт шелковые палатки с пневматическим полом и двойными стенками. Правда, они похуже теперешних КАПШей, но от холода и ветра защищали вполне надежно. Снабдили нас большим клипперботом с автоматическим надувом, спальными мешками на гагачьем пуху, лыжами, карабинами, аварийной радиостанцией, а запаса продовольствия хватило бы на месяц зимовки на льду.

Выдали нам все новенькое: регланы, унты, шапки-пыжики, как именинникам. Но главное, оснастили нас новейшим навигационным оборудованием. Учли, что за восьмидесятой широтой уже началась полярная ночь. Вылетели из Москвы 29 сентября на Челюскин. Там отдохнули, заправились горючим под завязку и 3 октября махнули напрямик на полюс. В 6 часов 35 минут наш Н-331 уже делал круг над вершиной мира. Погода была ясная, лунная, но, несмотря на темноту, видимость была отличная. Сомов словно прилип к иллюминатору с тетрадь в руках. Все что-то записывал, вычерчивал. Внизу - сплошные паковые поля, только иногда встречались неширокие разводья.

По программе обратный путь лежал через районы совсем незнакомые. Раньше их никто не обследовал. Однако погода нас баловала недолго. Набежала облачность, пошел густой снег. Началось обледенение. Я набрал высоту четыре тысячи метров, пять тысяч метров - никакого просвета. Только на шести тысячах пробили облачность и сразу почувствовали - дышать стало трудно. Ведь на таких высотах без кислородных приборов никто не летает. Пришлось опять снижаться. К счастью, на четырех тысячах появились просветы в облаках. Сразу полегчало, да и обледенение почти прекратилось. А там и солнышко показалось, значит, пересекли 80-й градус. Посмотрели вниз - сплошные разводья, битый лед, ни одной порядочной льдины, чтобы сесть, если понадобится. Но двигатели работали исправно. Аккуратов точненько вывел нас на мыс Анисий (остров Котельный. - В. В.). Значит, скоро конец пути. Взяли курс на Кресты Колымские, а тут на борт пришла радиограмма: аэродром закрыт по погоде. Пурга. Пришлось лететь к устью Индигирки в Чокурдах. Сели нормально. В общем, за 16 часов полета отмахали мы 4360 километров. Вот, доктор, и вся история.

Титлов допил чай и вернулся в пилотскую. Часа через два показались огни шмидтовского аэродрома. Очередной полет на сомовскую льдину был намечен на завтра, 28 октября. Но меня мучили сомнения: здоровье Водопьянова все еще внушало мне серьезные опасения. Круги под глазами потемнели, а малейший поворот головы вызывал резкую болезненность. (Впоследствии, после возвращения в Москву, врачи установили перелом шейного отростка.)

- Может, Михал Васильевич, мне задержаться на денек-другой?

- И не думай, - буркнул Водопьянов. - Там тебя на льдине ждут, а ты будешь мои хвори лечить. И без тебя обойдусь. Собирай свои манатки и отправляйся на станцию.

Я было пытался возражать, но Водопьянов так грозно зыркнул на меня, что дальнейший разговор был бесполезен. Пришлось подчиниться.

Ровно в 17 часов по московскому времени самолет Ли-2 с бортовым номером Н-556 оторвался от взлетной полосы и, набрав высоту, устремился на северо-восток навстречу полярной ночи, уже укутавшей Ледовитый океан своим черным покрывалом. Путь предстоял неблизкий - более 1400 километров надо льдами.

Каким же мастерством должен обладать полярный штурман, чтобы отыскать в бескрайних океанских просторах крохотную точку дрейфующей станции! Ведь внизу, под крылом ни единого ориентира. Лишь звезды, мерцая, смотрят с высоты, и их холодный свет - единственный маяк в этом мире ледяного безмолвия. До СП-2 лететь почти семь часов, а если ветер будет встречным, то и дольше. Поэтому, почавничав с гостеприимными бортмеханиками, я пристроился на оленьей шкуре, укрылся меховой курткой и задремал. Разбудил меня сильный толчок. Машина словно провалилась в глубокую яму. Уши заложило. Может, уже подлетаем? Я взглянул на часы. Стрелки

показывали 10.00. Значит, в воздухе мы уже пять часов, но до станции еще лететь и лететь. Я поднялся со шкуры и заглянул в штурманскую.

Склонившись над картой, что-то бормоча себе под нос, Гена Федотов прокладывал курс. Ему явно было не до меня.

Но вскоре он сам прошел в грузовую кабину и опустился рядом со мной.

- Ну до чего же сегодня погода хреновая, - сказал он, закуривая. - Сплошная кучевка. Не миновать нам обледенения.

И словно в ответ на его слова по фюзеляжу затарахтели кусочки льда, срывавшиеся с лопастей винта.

- Слышишь? - сказал он. - А на плоскостях, наверное, с полтонныросло. Скорей бы долететь. Ведь в этом чертовом океане ни одной порядочной льдины для посадки не сыскать. И луна, как назло, в тучи спряталась. Мрак кромешный.

Обледенение усиливалось с каждой минутой. Машина отяжелела и с трудом слушалась рулей. Надо снижаться. Стрелка высотомера быстро поползла по светящемуся циферблату. Восемьсот, шестьсот, триста, сто пятьдесят. При свете выползшей из туч луны черная мертвая вода казалась подернутой легкой рябью. Четко выделялись белые блины дремлющих льдин. Но вот наконец дернулась стрелка радиокompаса.

- Ну, слава Богу, теперь уже близко, - сказал штурман, облегченно вздохнув. - Километров двести осталось, не больше.

Самолет, словно конь, почувствовавший родное стойло, ускорил свой бег. Вскоре на кромке горизонта появились красные пятнышки - огоньки ледового аэродрома.

И вот уже мы мчимся над посадочной полосой. Титлов прошелся над ней еще раз и, убедившись, что все в порядке, повел самолет на посадку. Едва машина, пробежав пару сотен метров, остановилась, визжа тормозами, как из белого вихря, поднятого винтами, вынырнула фигура, повелительно размахивавшая флажками. Следуя за ней, Титлов зарулил на стоянку и выключил двигатели. Я взглянул на часы: 2 часа 20 минут.

Не успел бортмеханик отодрать примерзшую дверцу кабины, как я, не в силах сдержат нетерпение, выпрыгнул, не дожидаясь стремянки, на снег и, выхватив кольт, выпалил в небо всю обойму.

- Ну бляха-муха, Арктика наша, - воскликнул появившийся из темноты Коля Миляев.

Мы радостно обнялись, словно не виделись целую вечность. Я принялся заталкивать пистолет в кобуру, как вдруг что-то большое, белое навалилось мне на грудь, едва не сбив с ног. Это лагерный пес Ропак спешил облобызаться с новоприбывшим.

Из густого морозного тумана один за другим появлялись все новые зимовщики в надвинутых до бровей капюшонах.

- С прибытием, доктор, - сказал первый из них, в котором я сразу узнал Михаила Михайловича Сомова. Впервые я встретился с ним в 1949 году во время экспедиции "Север-4". Я сразу проникся какой-то особой симпатией к этому человеку с интеллигентным лицом и добрыми внимательными глазами. Тогда, даже в самых смелых мечтах, я не мыслил, что два года спустя я окажусь под его началом на дрейфующей станции.

- Познакомьтесь, доктор, с нашим главным специалистом по льдам и снегам Гурием Николаевичем Яковлевым, - сказал он, уступая место коренастому мужичку с вызывающе торчащей из-под капюшона рыжеватой бородкой и улыбчивыми, с хитринкой глазами, поблескивавшими за круглыми стеклами очков в тонкой оправе. Он стиснул мне руку и представил своего соседа - высокого худощавого брюнета с лицом, украшенным густой растительностью.

- Иван Григорьевич Петров - мой друг и коллега. Прошу любить и жаловать.

- Здорово, док, - воскликнул кто-то бородатый, сжимая меня в объятиях.

Ба, так это же Вася Канаки, мой добрый приятель со времен экспедиций "Север".

Тем временем с дальнего конца аэродрома подошли еще двое бородачей.

- А вот и наша молодежь, - представил их Сомов. - Зяма Гудков, мой аспирант и метеоролог станции, и Александр Иванович Дмитриев - гидролог и по совместительству наш завхоз. Он вам поможет разобраться в хозяйственных делах.

Из темноты вынырнула еще одна фигура, вся увешанная сумками, с киноаппаратом в руках. В ней я тоже узнал старого знакомого - кинооператора Яцуна. Не теряя времени, он принялся расставлять нас по местам и заставил с самого начала повторить ритуал встречи (кроме салюта). - Он то присаживался, то ложился на снег, не переставая трещать "Конвасом", приговаривая в ответ на недовольные ворчания: "давай, давай, ребята, пошевеливайтесь. Это же исторические кадры".

Следом за Яцуном появился механик Михаил Семенович Комаров. Закопченный с головы до ног дымом сигнальных факелов, в промасленной, прожженной во многих местах куртке, он, торопливо пожав мне руку, что-то пробормотал себе под нос и заковылял к самолету, возле которого копошились бортмеханики.

- Ручаюсь, Комар пошел запчасти выцыганивать, - хохотнул Дмитриев.

- Ему только разреши, так он полсамолета в свою мастерскую утащит, - съязвил Миляев.

- Зря вы ехидничаете, братцы, - примирительно сказал Гудкович, - он ведь не для себя, для всех нас старается.

- Ну вот, доктор, вы почти со всеми перезнакомились. Остались только радисты: Константин Митрофанович Курко и Георгий Ефремович Щетинин. Они сейчас на вахте. А наш гидролог и парторг Макар Макарович Никитин заняты исследованиями.

Слушая пояснения Сомова, я всматривался в лица окруживших меня людей, утомленные, похудевшие, обожженные морозом. Я даже почувствовал некоторую неловкость за свой "не усталый" вид, за неприлично нарядную "французенку" цвета разведенного какао, так контрастирующую с истрепанными, потертыми и замасленными куртками спецпошива, в которые были одеты зимовщики.

Итак, я на льдине. Широкая взлетная полоса убегала в темноту. Сколько же надо было вложить трудов, чтобы построить такой ледовый аэродром, подумалось мне. Вдалеке среди мрака наступившей полярной ночи едва виднелись купола палаток. К ним вела утоптанная десятками ног тропка. С этой минуты начинается новая, удивительная жизнь. Мне предстоит кормить и лечить десять человек, моих новых товарищей. Как это все у меня получится?

Сомов с удивительной проницательностью уловил мое состояние.

- Что-то доктор наш, гляжу, растерялся, - сказал он, улыбнувшись, и дружески похлопал меня по плечу.

- Просто он обдумывает свое первое меню, - пошутил Яковлев. - Теперь, док, на вас вся надежда. Сказать честно, нам кулинарные упражнения надоели до чертиков. А вы лицо заинтересованное - плохо покормите и лечить будете сами.

Этого было достаточно. Я уже пришел в себя и был готов вступить в шутливую перепалку.

- Командир, - крикнул, высунувшись в "форточку", бортрадист Челышев, - пора полосу освобождать. Задков на подходе.

Экипаж заторопился в самолет, а следом за ним с грустными лицами, волоча мешки со шмутками, тронулись покидавшие станцию Рубинчик, Канаки и Чуканин. Они остановились у дверцы и, бросив прощальный взгляд на родной лагерь, исчезли в самолетном чреве.

Через несколько минут после отлета Титлова над лагерем показался Пе-8. Огромная четырехмоторная краснокрылая машина с ревом промчалась над лагерем и скрылась в облаках. Но вот гул двигателей стал снова нарастать, и самолет на бреющем полете стал приближаться к полосе.

- Ну держись, ребята! - крикнул Миляев. - Сейчас начнется потеха.

Однако то, что началось через несколько секунд, трудно было описать. Из люка самолета на льдину обрушился град всевозможных предметов.словно авиабомбы, со свистом падали красные сушки баллонов с газом, грохались об лед жестяные банки, словно шрапнель, разбрасывая вокруг белые шарики замерзших пельменей, с глухими стуками шлепались ящики с мылом и консервами. Оленьи туши разламывались на куски, покрывая снег красноватым крошевом.

Неподалеку от меня плюхнулся ящик со сливочным маслом, превратившимся в большое желтое пятно. С двух баллонов сорвало вентили, и струя газа, с шипением вырвавшегося на волю, наполнила воздух сладковато-удушливым запахом пропана. Это был какой-то кошмар. Самолет сделал еще один круг, вывалив на наши головы очередную порцию груза.

- Картина Брюллова "Последний день Помпеи", - прокомментировал происходящее Миляев, никогда

не терявший чувства юмора.

Сомов был в ужасе. На глазах гибло драгоценное и, главное, ничем не заменимое добро.

- Прекратите безобразие, - кричал в микрофон открытым текстом Курко, но экипаж самолета словно оглох. Выбросив остатки груза, самолет в знак приветствия покачал крыльями и удалился восвояси.

Картина, открывшаяся перед нами, была удручающей. Ругая летчиков на чем свет стоит, мы несколько часов бегали по полосе, собирая консервные банки, выковыривая из снега пельмени, сгребая на брезент обломки оленьих туш. Особенно рассвирепели курильщики. Папиросы, оказавшиеся в одном из ящиков, превратились в труху.

- Еще одна такая бомбежка и останемся на зиму без газа и без продуктов, - сказал Сомов, схватившись за голову, - Алексей Федорович, надо срочно что-то предпринять, иначе работа станции окажется под угрозой.

- По-моему, есть выход, - сказал, успокаивающе обняв его, Трешников. - Надо удлинить аэродром и уговорить Задкова посадить самолет на льдину. Давайтеждемся прилета Водопьянова. Он вроде бы завтра собирается в лагерь, и тогда все решим.

- А ты как думаешь, Михал Семенович, сумеет принять Задкова?

- Це дило треба разжувати, - задумчиво сказал Комаров, почесывая голову.

- Ну ладно, нечего зря копыа ломать, - сказал Сомов, закуривая. - Прилетит Водопьянов, тогда и решим все окончательно, а пока, Макар Макарыч, организуй сбор всего, что уцелело.

- Ну а как наш доктор, - обратился Сомов ко мне, - привыкаете к новой обстановке?

- Уже привык. Мне ведь, Михал Михалыч, не впервой льдины обживать.

- Забыл, Виталий Георгиевич, что вы у нас бывалый полярник, - сказал, улыбнувшись, Сомов. - Ладно, не теряйте времени и все свое имущество тащите в аэрологическую палатку. Там вы будете размещаться. Сейчас подойдут Гудкович с Дмитриевым - они ваши будущие соседи - и помогут перенести вещи.

С помощью Зямы и Саши, как они тут же представились, я нагрузил нарты своим объемистым скарбом, и мы поволокли их в лагерь. Нарты легко скользили по накатанной колее.

Мы остановились у высокого сугроба, похожего на скифский курган средней руки, с черневшим отверстием входа.

- Вот мы и дома, - сказал, отдуваясь, Дмитриев, - прощу к нашему шалашу.

Я протиснулся в узкий ход-лаз и, приподняв откидную дверь, оказался внутри палатки КАПШ-2. В неярком свете двух лампочек, свисавших с потолка, мое будущее жилище выглядело довольно мрачно. Бязевый полог, давно утративший свою первоначальную белизну, был сплошь разукрашен темными пятнами и причудливыми узорами изморози. Кверху от пола тянулся зубчатый бордюр наледи. Местами ее грязно-серые языки поднялись метра на полтора. Оленьи шкуры, выстилавшие пол, покрывали бугорки смерзшегося меха. Под ослепшим от наледи иллюминатором стоял и складной походный столик на ножках из дюралевых трубок с фанерной крышкой, покрытой остатками желтоватого потрескавшегося лака, и два таких же фанерно-дюралевых стула.

Центр палатки занимали две складные койки. На одной был разложен спальный мешок, вторая, видимо, предназначалась мне. Край третьей койки выглядывал из-за пестренькой, в мелких цветочках занавески, скрывавшей, как объяснил Дмитриев, его спальню-шифровальный закуток. Слева, у самого входа на ящике виднелась закопченная двухконфорочная газовая плитка, соседствуя с шестидесятилитровым ярко-красным газовым баллоном и ведром, заполненным до верха водой, подернутой ледком.

- Что-то не больно уютно вы устроились, - пробормотал я, оглядевшись по сторонам. - Да и холодновато малость.

- Ай момент, - весело сказал Дмитриев. - Счас зажгу конфорки, раскочегарю паяльную лампу и, не успеете оглянуться, как будет полный "Ташкент". - Горелки вспыхнули голубоватым пламенем, низким басом загудела лампа. - Может, пока ваши шмутки принесем, - предложил Дмитриев и, не дожидаясь ответа, исчез за дверцей.

Вскоре палатка заполнилась моим имуществом, состоявшим из десятка ящиков с медикаментами и оборудованием, которые мы штабелем сложили рядом со столом. Последним я втащил свой

объемистый мешок с обмундированием и взвалил на койку. В палатке явно потеплело, и я, скинув шубу, принялся, не теряя времени обустроить рабочее место: застелил столик белой простыней, расставил банки-склянки с мазями и растворами, коробки с таблетками и пилюлями. За ними последовали два стерилизатора, отливавших хромированной сталью. В одном из них, что поменьше, покоились десяток шприцев разных размеров, обернутых марлей, инъекционные иглы, ампулы с хирургическим шелком и кетгутом. Другой, что побольше, был до верха заполнен пинцетами, скальпелями, иглодержателями. В довершение на свет божий появились две пузатые металлические банки-биксы, набитые ватой, бинтами и пачками стерильных салфеток.

Дмитриев принял деятельное участие в организации "рабочего места", с любопытством разглядывая каждый новый предмет, интересуясь, для чего он предназначен.

- А этот почему ты не распаковываешь? - спросил он, указывая на аккуратно сбитый полированный ящик. - Чего это там у тебя?

- Это, Александр Иванович, большой хирургический набор.

- Значит, если меня аппендицит прихватит или там... - Дмитриев задумался, вспоминая название какой-нибудь ему известной хвори, - грыжа, например, ты операцию сумеешь сделать?

- Сделаю, если потребуется, а не сумею - позвонишь по телефону 03 и вызовешь "скорую помощь", - усмехнулся я, а про себя подумал: храни меня бог от всяких операций в этих условиях.

- Значит, сделаешь, - уважительно сказал Дмитриев. - А то я чуть заболит в правом боку, так и думаю: не аппендицит ли? Теперь если и заболею - не страшно.

Когда последняя склянка заняла свое место на столе, стерилизаторы и биксы были тщательно протерты ветошью, я попросил Дмитриева отыскать в его хозяйстве шест метра полтора длиной. Он приволок со склада длинную дюралевою трубку. Я вбил ее в пол рядом со столиком и повесил на нее четыре термометра, чтобы ежедневно замерять температуру воздуха на разном уровне. Взглянув на них через часок, я обнаружил, что у пола ртутный столбик замер на цифре -12°C. В полутора метрах от него градусник показал -5, а под потолком даже +8°.

- Устраивайтесь, Виталий Георгиевич, - сказал Зяма, сбрасывая шубу, - занимайте вон ту свободную койку и располагайтесь как дома. Это ведь надолго.

Дмитриев, накрыв ящик чистым полотенцем, поставил на него закипевший чайник, пачку печенья, банку сгущенного молока и блюдечко с сахаром, а я, покопавшись в чемодане, извлек запасенную для новоселья бутылку армянского коньяка и коробку шоколадных конфет.

- Богато живете, - раздался голос Миляева, высунувшего голову из-за откидной двери. - Гостей принимаете?

- С превеликим удовольствием, - отозвался я.

За ним "на огонек" забежали Костя, Курко и Гурий Яковлев. Посыпались вопросы: как там на Большой земле, какие новости. Но я ораторствовал недолго, вскоре почувствовав, что семичасовой полет и волнения последних дней дают о себе знать.

Гости заметили мое состояние и, распрощавшись, удалились. Я развернул спальный мешок на волчьем меху, запихнул в него пуховый вкладыш и, быстренько раздевшись, залез в него с головой.

Минут десять я ворочался, стуча зубами от холода, пока наконец мое "гнездо", промерзшее на морозе, не согрелось и приятное тепло не проникло в каждую клеточку моего тела. Наконец, сморенный усталостью, я погрузился в сон.

- Пора вставать, доктор, - услышал я сквозь дрему голос Дмитриева.

Он уже поднялся, зажег газ и паяльную лампу. В палатке было относительно тепло. Я выполз из мешка, совершил первое омовение ледяной водой, сразу прогнавшей остатки сна.

- Пошли на склад, - сказал Дмитриев, - примешь от меня хозяйство. Покажу тебе наши запасы продуктов, где что лежит.

Склад размещался в старой брезентовой палатке рядом с кают-компанией. Хотя за прошедшие месяцы дрейфа запасы продуктов поубавились, но вдоль стенок выстроились еще с десяток больших мешков с крупами, сахаром, сухими овощами, бумажные мешки с макаронами, банки с яичным порошком, ящики с консервами, коробки со сливочным маслом, мясными полуфабрикатами и копченостями. У входа в склад возвышался холмик из замерзших оленьих туш, доставленных последним рейсом с материка, и мешков с какой-то рыбой.

- Вот расходная ведомость. В ней все как в аптеке, - сказал он, протягивая толстую тетрадь. - Все сальдо-бульдо. А вот в этом, - он ткнул пальцем в большой фанерный ящик, - горячительное. - Он извлек из ящика полулитровую бутылку с надписью "Спирт пищевой" и, сделав серьезное лицо, заметил: - Выдавать его будешь только по личному разрешению Михмеха. Усек?

- Усек, - сказал я, ухмыльнувшись, и, оглядев свое хозяйство, подумал, что мне придется затратить немало трудов, чтобы в будущем быстро находить нужные продукты.

- Ну вот и все, - сказал довольно улыбаясь, экс-кладовщик. - Теперь тебе и карты в руки. А сейчас идем в кают-компанию. Познакомишься со своим рабочим местом.

Кают-компания находилась в просторной палатке КАПШ-2. При свете трех лампочек она выглядела довольно уютно. Справа от входа стоял длинный, сколоченный из папиросных ящиков стол человек на двадцать, покрытый растрескавшейся, когда-то зеленой с цветочками клеенкой. Стулья заменяли деревянная скамья и с десятков знакомых мне по экспедициям жестяных банок, обшитых брезентом, с аварийными пятнадцатисуточными пайками. В дальнем конце виднелась полочка с книгами. Слева от входа помещался собственно камбуз: две двухконфорочные плитки, соединенные шлангом с газовым баллоном, установленным рядом с палаткой, небольшой разделочный стол, иссеченный шрамами, фанерный ящик-шкаф со стопкой кое-как вымытых алюминиевых тарелок, пяток кастрюль и сковородок разных размеров и большой закопченный алюминиевый бак. Сбоку разделочного стола выглядывал толстый черный шланг, обернутый куском оленьей шкуры, с краником на конце.

- Это наш водопровод, - пояснил Саша. - Там за стенкой установлена бочка со снегом. Его заготавливает дежурный. Он же должен следить, как работает АПЛ. Так что водой ты будешь обеспечен. Ну ладно, командуй, а я пошел помогать гидрологам, - сказал Дмитриев и шагнул за порог.

Я зажег все четыре конфорки, повесил на крючок свою "французенку", сел на скамью и, достав трубку, закурил. Итак, я заступаю на многомесячное дежурство на кухне, вернее на камбузе, ибо, как я понял с первых минут пребывания на льдине, здесь давно привилась морская терминология. Дежурство называлось вахтой, кухня - камбузом, повар - коком, беседы - травлей и т. п.

Как-то сложатся мои дела? Сумею ли я научиться так готовить, чтобы не вызвать неудовольствия моих товарищей? То ли дело было раньше, до моего прибытия на станцию. Все дежурили на камбузе по очереди и, естественно, любую кулинарную неудачу кока сносили молча. Каждый твердо усвоил: сегодня ты, а завтра я, и это помогало сдерживать эмоции.

Но теперь, теперь все шишки будут доставаться мне и их, вероятно, достанется немало на мою долю. Вся надежда была на "Книгу о вкусной и здоровой пище". Узнав, что отправляюсь на станцию, я позвонил маме в Кисловодск и попросил срочно выслать этот фолиант авиапочтой. Мама никак не могла понять, зачем в Москве мне понадобился сей кулинарный гроссбух. Никакого толкового объяснения я заранее не придумал и лишь промямлил, что собираюсь в экспедицию, пусть не волнуются из-за отсутствия писем, чем надолго поселил тревогу в сердцах родителей.

И кому только пришла эта бредовая мысль родить гибрид доктор-повар? Впрочем, она была не так уж нова. И видимо, в основе ее лежало убеждение высоких начальников, что врач в экспедиции от работы не переутомится, ибо в Арктике люди почти не болеют или, во всяком случае, значительно реже, чем на материке. Эдакие чудо-богатыри. И хотя жизнь давно опровергла это странное убеждение, но идея совместительства твердо засела в головах начальства, подкрепленная рассуждениями об экономии государственных средств.

Мой поварской дебют состоялся в тот же день. Не рассчитывая на свои поварские таланты, я "налег" на закуски, уставив стол всевозможной консервированной снедью из свежепривезенных запасов. В качестве горячего блюда я избрал свиные отбивные из полуфабрикатов, жарить которые научился в предыдущих экспедициях. Чтобы придать блюду большую привлекательность, я густо посыпал мясо зеленым луком, который после долгих уговоров выпросил у шеф-повара шмидтовской столовой. Гарниром послужила жареная картошка, которую я упрятал в спальный мешок, чтобы она не замерзла во время полета на станцию.

Скорость, с которой исчезало изготовленное мной кушанье, и требования добавки свидетельствовали, что мой дебют состоялся. Я благодарно выслушивал комплименты в свой адрес, хотя прекрасно понимал, что эта "ласточка" весны не сделает, поскольку запасы свинины и свежего картофеля у меня кот наплакал.

Когда обед подошел к концу и на столе появились железные кружки с чаем, начальник радиостанции Костя Курко, тяжело отдуваясь после сытной пищи, сказал:

- Обед вы, доктор, соорудили отменный. Теперь потравили бы малость. А то свой репертуар мы уже наизусть знаем. Вася Канаки рассказывал, что травить вы большой мастер.

Я не заставил себя долго упрашивать.

- Хорошо. Расскажу вам историю про часы со Шмидтом. Только, может быть, кто-нибудь уже слышал ее?

В ответ послышалось дружное "нет!".

- Тогда слушайте, - начал я, присев у края стола. - Целую неделю на стол начальника политотдела Главсевморпути ложились загадочные радиogramмы. Разные по стилю, но совершенно одинаковые по содержанию. Они шли из Игарки и Нарьян-Мара, с Диксона и мыса Челюскин. "Коллектив аэропорта Нарьян-Мар убедительно просит зарезервировать четыре комплекта часов со Шмидтом". "Летный состав аэропорта Дудинка просит выделить для поощрения передовиков 10 штук часов со Шмидтом". "Полярники мыса Челюскин готовы приобрести 15 штук часов со Шмидтом. Деньги будут высланы немедленно".

Вы себе представляете в какую ярость пришел начальник? "Это что за херовина такая - часы со Шмидтом, - набросился он на помощника, растерянно разводившего руками. - Разберись, кто там безобразничает, и доложи. Даю тебе час, а не то смотри у меня!"

Не прошло и часа, как помощник вновь возник перед грозными очами шефа.

- Разобрался?

- Так точно. Это - проделки Кекушева.

- Кекушева? А при чем тут Кекушев?

- Именно он и причем, - пролепетал помощник. - Кекушев летает первым механиком на самолете Головина. Головин летит по маршруту Архангельск - мыс Шмидта. Я сверил время посадки самолета в каждом порту с датами радиogramм. Они уходят или в тот же день, или на следующий.

- Ладно. Иди работай. Вернется Головин, Кекушева немедленно ко мне.

Наверное, многие из вас слышали о Кекушеве. Николай Львович человек был неординарный и прославился не только как блестящий знаток авиационной техники, но и великий мастер розыгрышей. Возможно поэтому жертвы его не всегда безобидных шуток прозвали Кекушева Леопардычем.

Секрет загадочных радиogramм скоро раскрылся. Прилетев в Игарку - это был первый аэродром посадки самолета Головина, экипаж, как обычно, отправился в аэропортовскую столовую, где его ждал традиционный обед из копченой рыбы, наваристого борща и жаркого из оленины. Борттехник, как обычно, захватил с собой объемистую флягу со спиртом, именуемую "конспектом" (бидон со спиртом, находившийся на борту, именовался "первоисточником"). Наполнили кружки, произнесли первый тост за всех летающих в Арктике, и трапеза началась. Поговорили о московских новостях, о погоде на маршруте, о дамах, а когда, разомлев, запели любимую песню "Летят утки и два гуса", Кекушев, обняв за плечи начальника аэропорта, жарко зашептал ему в ухо: "Слушай, Петрович, ты же знаешь, как я тебя уважаю. Так вот, поделюсь с тобой одним важным секретом. Пока это тайна, и ты смотри никому ни гу-гу. Проговоришься - подведешь меня под монастырь".

Начальник поклялся, что ни одна душа об этом не узнает.

- Тогда слушай. Второй часовой завод приготовил полярникам сюрприз: новые часы. Да не простые, а особенные. Корпус изготовили из дюрала списанных полярных самолетов, а на циферблате вместо цифр изображены портреты полярных летчиков-героев: Водопьянова, Мазурука, Слепнева и других. А в центре циферблата имеется маленькое окошечко, из которого каждый час выглядывает голова Шмидта и называет время. Снизу сделана подсветка в виде северного сияния. Часов, понимаешь, изготовлено немного, на всех не хватит, но если ты поторопишься, дашь радиogramму в политуправление Главсевморпути с обоснованной просьбой - думаю, тебя уважат.

На следующее утро радист "отбил" в Москву соответствующую радиogramму.

Успех окрылил Леопардыча, и начальник каждого следующего аэропорта, посвященный в "тайну" необыкновенных часов, немедленно извещал Москву о своей просьбе.

Кекушев отделался выговором, но вся Арктика еще долго хохотала, вспоминая историю "часов со Шмидтом".

31 октября с очередным самолетом прилетел Водопьянов. На мой вопрос о самочувствии он только отмахнулся.

- Заживет как на собаке, - буркнул он, усаживаясь за столом в кают-компании.

- Ну так что же будем делать, Михал Васильич, - сказал Сомов. - Еще одна такая "бомбежка" и нам хана. Может, попробуем все же уговорить Задкова посадить машину на льдину?

- Боюсь, полосы не хватит. Не дай бог еще одна авария, и тогда мне головы не сносить.

- Хватит полосы, - уверенно сказал Комаров. - Поднатужимся, еще метров двести расчистим и будет порядок - хоть Ту-4 сажайте.

- Ну смотри, Комар, на тебе вся ответственность. Значит, решаем: даем Задкову добро. - Водопьянов допил кружку с крепко заваренным чаем, закурил и пробасил: - Доктор, а у меня для тебя подарок. Чуть не забыл.

Он вышел из палатки и вскоре вернулся, держа в руках два больших свертка. Когда их освободили от промасленной бумаги, перед моим восхищенным взором появились два огромных примуса, сверкавших начищенной медью пузатых пятилитровых бачков.

- Вот держи. Они тебе хорошими помощниками будут.

Мы мигом заправили бачки бензином, погрели горелки, покачали поршнями, и палатка заполнилась басовитым гудением чудо-агрегатов.

- Ну, Михал Васильевич, потрафили вы мне. О лучшем подарке и мечтать нельзя.

- Ладно благодарить. Пользуйся ими на здоровье, да корми ребят повкуснее.

Привезенные примуса оказались большим подспорьем в моих кухонных делах. На них водрузили огромные дюралевые баки со снегом, который на глазах превращался в воду, получение которой с наступлением зимы снова стало проблемой. На газовых плитках эта процедура длилась часами, а от вододобывающего агрегата пришлось отказаться. АПЛ сжирала тьму бензина, запасы которого были довольно ограничены.

Глава V ДНЕВНИК

1 ноября.

Сегодня ждем прилета Задкова. Все взволнованы: сядет - не сядет. А вдруг полоса покажется маленькой? А вдруг ее неожиданно сломает? Эти опасения терзают нас весь день. К тому же у всех в душе еще не зарубцевалась рана от трагедии, происшедшей с самолетом Осипова. Но особенно волнуется Комаров. Он не только ответственный за аэродром, но и бывший летчик, хорошо знающий, что такое "неожиданность" в авиации. За оставшиеся до прилета часы он буквально истерзал и себя и своих помощников. Он с утра бегаёт по аэродрому, заставляя засыпать снегом и утрамбовывать каждую подозрительную трещинку, срубать каждый бугорок. Из больших банок, наполненных соляркой и ветошью, соорудил новый посадочный знак, расставив их в виде большой буквы Т.

Сейчас к Комарову лучше не подступаться ни с вопросами, ни с советами. Обматерит ни за что. Наконец где-то на юго-западе послышался звук моторов.

- Летит, - заорал Комаров. - Зажигай сигнальные огни.

Один за другим запыхали банки с соляркой, расставленные вдоль летно-посадочной полосы. За ними дымное оранжевое пламя взметнулось над посадочным Т.

В темном небе отчетливо засветились бортовые огни самолета - зеленый и красный и ослепительно ярко вспыхнули самолетные фары. Комаров пустил зеленую ракету: посадка разрешена. Задков прошел над полосой, развернулся, осветив ее фарами, сделал круг и пошел на снижение. Мгновение, и колеса коснулись льда. Задков мастерски "притер машину" у самого Т. Гигант Пе-8 помчался по аэродрому, подняв снежные вихри четырьмя винтами, и, визжа тормозами, остановился за много метров до конца полосы. Развернувшись, он медленно покотился следом за Комаровым, размахивавшим факелом.

Летчиков окружили, жали им руки, поздравляли с успешной посадкой - первой в мире посадкой тяжелого многомоторного самолета на лед в полярную ночь.

Пока экипаж с помощью зимовщиков разгружал машину, Задков, прихватив Комара, отправился осматривать летную полосу. Когда они вернулись, по довольному, обычно не улыбчивому лицу Задкова мы поняли, что наши труды не пропали даром.

- Молодец, Михал Семенович, - сказал Задков, - полоса просто отличная. Сказать честно - не ожидал.

- Тогда пошли пить чай, - сказал Сомов.

- Извини, Михал Михалыч, почаевничаем в следующий раз. Следом за нами летит Титлов. Надо ему освободить место.

- Хозяин - барин, - улыбнулся Сомов, - только у меня к тебе просьба. Хочу слетать с тобой на Шмидт, зуб вырвать. А то уже три дня мучаюсь. Терпежу никакого нет.

- Ну как отказать такому знатному пассажиру? Места у нас хватит.

Пока Сомов сходил в палатку за портфелем, экипаж, закончив разгрузку, преподнес нам неожиданный и весьма приятный подарок - мешок со свежим картофелем и ящик с репчатым луком (тоже не мороженым).

Не успели растаять в темноте огни Пе-8, как снова послышался гул самолетных двигателей, и через несколько минут мы уже копошились у грузовой дверцы, перетаскивая свертки оленьих шкур, банки с пельменями и пятнадцатисуточными продовольственными пайками. Улетая, Титлов захватил наших верных помощников - лаек, честно отработавших свой корм.

2 ноября.

Мы снова волнуемся, поджидая самолет Задкова. Но все прошло благополучно. Он снова отлично посадил свой тяжелый бомбардировщик на ледяное поле и, оставив экипаж разгружать машину, пошел передохнуть в кают-компанию. Вместе с ним на станцию вернулся Сомов. За чаем, все еще держась за щеку, он поведал нам о своем визите к шмидтовскому зубному врачу. Тот прямо из кожи лез, чтобы выведать, откуда на его голову свалился необычный пациент. Вроде ни одного самолета с Большой земли не было, да и лицо незнакомое.

Но пациент хранил гробовое молчание и лишь ойкнул, когда злополучный зуб выдернули из десны и он звонко шлепнулся в эмалированную кювету. Этот рейс был последним, и Задков, попросив вахтенный журнал, сделал прощальную запись:

"Нельзя не отметить и не оценить по достоинству напряженный труд коллектива, в сочетании с российской смекалкой, в создании посадочной площадки на паковом льду. Площадка совершенно ровная и поддерживается в хорошем состоянии. Неоднократным приемом самолетов различных типов, включая четырехмоторный тяжелый корабль, полярной ночью коллектив открыл новую страницу в освоении Центрального Полярного бассейна. Задков, Зубов".

Перед отлетом в кают-компанию вновь появился бортмеханик Иван Кратаев и, широко улыбаясь, положил на пол мешок. Мешок шевелился, издавая странные звуки, похожие на тихое похрюкивание.

- Это вам, доктор, персональный подарочек от членов экипажа.

Он развязал мешок, и из него высунулись пяточки живых поросят.

- Ну, доктор, - рассмеялся Сомов, - хорошую свинью вам подложили летуны.

Подарок был явно неожиданный, и я несколько растерянно взирал на двух упитанных поросят, выползших из своего убежища. Бедняги дрожали от холода, и я, загнав их обратно в мешок, потащил в свою палатку, где включил на полную мощность обе газовые конфорки. Немедленно палатка наполнилась советчиками-остряками, а пришедший в полный восторг Ропак то и дело норовил лизнуть поросят прямо в черные холодные пяточки.

Коля Миляев не упустил случая прокомментировать это событие украинской пословицей: "Не мала баба клопоту, той купила пороса".

4 ноября в последний (восьмой) раз прилетел Титлов. К неописуемой радости Комарова, в кабине самолета оказался автомобиль ГАЗ-64. Его выволокли по толстым доскам на снег. И хотя машину доставили в разобранном виде, Комаров то и дело похлопывал рукой по остывшему металлу, приговаривая: "О це вещь. Он нам еще, голубчик, послужит".

С самолетом Титлова нас покидают "последние из Могикан" - Благодаров, Яцун и Зайчиков, а вместе с ними Трешников и Водопьянов.

Все собрались в кают-компанию, выпили по прощальной чарке спирта. А в вахтенном журнале появилась новая запись:

"Уходя от вас последним самолетом на материк и оставляя ваш маленький коллектив на долгую и суровую полярную ночь, хотим заверить вас в том, что летный состав полярной авиации всегда с вами. В любую точку на льду мы прилетим к вам, если нужна будет наша помощь. Уверенно и спокойно продолжайте выполнение возложенных на вас задач.

Мы восхищены вашей работой и мужеством, которое вы проявляете ежедневно, а в особенности в дни организации аэродрома и приема самолета в суровую полярную ночь Арктики.

Желаем вам успешной работы, бодрости духа.

Жмем ваши руки.

Экипаж Н-556: Титлов, Сорокин, Федотов, Шекуров, Челышев, Водопьянов".

Вдоль полосы расставили банки с соляжкой и ветошью и из нескольких составили Т.

- Ну что ж, - сказал Водопьянов, - присядем по русскому обычаю перед дорогой.

Мы молча расселись вокруг стола. Я оглядел моих новых друзей. Зайчиков опустил голову. По его щекам стекали слезы. Всегда веселый Вася Канаки мрачно теребил свою бородку. Только Женя Яцун, верный своему долгу кинооператора, возился с камерой, перезаряжая в какой уж раз пленку.

- Пора, Михал Васильевич, - сказал, поднимаясь, Титлов, и первым вышел из палатки. За ним потянулись остальные.

Итак с отлетом Титлова обрывается живая связь с Большой землей. Остается только радио, но разве оно, передающее и принимающее лишь строчки цифр закодированных сообщений, может заменить живое общение с людьми?

Вот уже хлопнула дверца кабины, и Титлов, приоткрыв остекление пилотской, последний раз помахал рукой. Вздогнули винты, загудели, набирая обороты, двигатели. Самолет покатил к концу полосы и, развернувшись против ветра, остановился и, взревев двигателями, помчался по

аэродрому. Вот колеса оторвались от ледяной поверхности, и машина, быстро набрав высоту, исчезла в густых ночных облаках. Теперь мы надолго остаемся одни, отрезанные от мира.

Жалобно повизгивая, жметесь к ногам маленькая сучка Майна. Ее и лохматого пса Тороса завезли к нам последним рейсом. Спать никому не хочется, а поднявшийся ветер, грозя перейти в пургу, вынуждает нас заняться перевозкой грузов с аэродрома в лагерь. За работой ночь прошла незаметно.

Возвратившись в палатку, я обнаружил шевелящийся мешок. Поросята! Я совсем забыл об этих бедолагах за лагерными хлопотами. Но что с ними делать дальше?

Макар Макарович Никитин, заглянув к нам в палатку, приподнял оленью Шкуру и, увидав дрожащих от холода хрюшек, покачал головой.

- Ну, что будем с ними делать, доктор? Жалко бедняг. Смотри, как дрожат. Того и гляди замерзнут насмерть.

- Ума не приложу. Резать их я не возьмусь. Рука не поднимется.

Но резать поросят никто не берется, даже все умеющий Комаров.

- Может, их из пистолета застрелить? - посоветовал Дмитриев. Пожалуй, это единственный выход. Не околевать же им от холода, а в лагере нет ни одного теплого закутка, где бы их можно было подержать хоть некоторое время.

Скрепя сердце я соглашаюсь произвести ужасную экзекуцию. Неподалеку от камбуза Дмитриев развел костер из досок и приволок мешок с поросятами. Я вытащил кольт, навел его дрожащей рукой на хрюшку и, почти не целясь, спустил курок. Мимо.

- Давай я пальну, - предложил Дмитриев.

- Ладно уж, я как-нибудь сам управлюсь.

Через несколько минут все было кончено. Подошедший Курко, как старый охотник, ловко разделал туши, опалил их на огне костра и вручил мне, взяв обещание, что завтра на обед будут свиные отбивные.

- Кстати, доктор, а пистолеты вы привезли? - спросил Сомов.

- Целых одиннадцать штук. Американские кольты большого калибра и патроны к ним.

- Вот и отлично. Завтра в кают-компанию раздадите всем оружие, патроны и проинструктируете всех, как за ними ухаживать и как ими пользоваться.

После ужина я принес в кают-компанию ящик с пистолетами, "цинку" с патронами и сверток с кобурами. Каждому персонально под расписку был вручен кольт. И по две обоймы, набитые патронами.

- О це вещь. Машина что надо, - заявил Комаров и тут же прикрепил кобуру с пистолетом к поясному ремню.

5 ноября.

Закончив камбузные дела, я решил, что пора заняться медицинскими. Распаковал ящик с инструментами, медицинскими приборами и медикаментами. Так как столик был предоставлен в мое полное распоряжение, я накрыл его белой простыней и аккуратно расставил на нем инструменты для проведения медицинского осмотра, два стерилизатора: один большой, с хирургическими инструментами - скальпелями, пинцетами, кровеостанавливающими зажимами, запаянными ампулами с кетгутом и шелковыми нитками, другой поменьше - со шприцами и иглами на них, и, наконец, пузатый, отливающий серебром "бикс" с перевязочным материалом.

Саша Дмитриев, вызвавшийся мне помогать, проявил незаурядный интерес к моему хозяйству, он то и дело спрашивал меня о назначении каждой извлекаемой из ящика вещи, будь то баночка с мазью или пакет с таблетками.

- Ну, Зямочка, теперь нам никакая болезнь не страшна, раз доктор с нами.

Пока я разложил все по своим местам, разобрался, где что находится, мои соседи забрались в спальные мешки и уже похрапывали.

Подкачав начинавшую тухнуть паяльную лампу, я достал из чемодана три общих тетради, положил стопкой на стол перед собой и закурил трубку. Ароматный дым "Золотого руна" кольцами поплыл к потолку. Растерев застывшие пальцы, я открыл первую тетрадь и карандашом вывел на первой странице: "Дневник В. Г. Воловича. Дрейфующая станция "Северный полюс-2". Начат 28 октября 1950 г. Закончен..."

Стараясь воспроизвести события всех дней с момента прилета на станцию, я исписал корявым почерком несколько страниц, пока мой писательский пыл окончательно не угас. Тогда я взялся за вторую тетрадь.

Заглавный лист ее украсила надпись: "Тетрадь декадных наблюдений за личным составом ДС-1". В нее я буду заносить результаты медицинских осмотров и прочих наблюдений.

Третья тетрадь предназначалась для журнала амбулаторных приемов.

- Чем это так вкусно пахнет? - спросил Дмитриев, появляясь на пороге. - Хорош табачок. Дай потянуть. - Саша сделал несколько затяжек. - По мне, все же лучше "Бело-мор", - сказал он, возвращая мне трубку.

- De yustibus non est disputandum, - изрек я, несколько обидевшись на его пренебрежительное замечание.

- А это по-каковски?

- По-латыни: "О вкусах не спорят".

Дмитриев скрылся за занавеской, а я принялся за работу. Поскольку ранее я никогда не вел дневников (а жаль!), а мой литературный опыт ограничивался лишь школьными сочинениями на темы типа "Гамлет - принц датский" и "Евгений Онегин и его эпоха", дело продвигалось медленно. Исписав несколько страниц своим корявым медицинским почерком, я, в изнеможении откинулся на спинку стула. Но почин был сделан. Я спрятал дневник в чемодан и, быстро раздевшись, нырнул в заледенелое нутро спального мешка.

6 ноября.

Погода держится неустойчивая. Ясное звездное небо то и дело заволакивают тучи, и крупные снежные хлопья укрывают все вокруг белым саваном. Все чаще задувает поземка, гоняя по лагерю маленькие снежные смерчи. Мы торопимся с перевозкой грузов в лагерь. Не ровен час, разразится пурга, и тогда мы можем не досчитать снаряжения, исчезнувшего в глубоких сугробах. О ее приближении говорит быстро падающее барометрическое давление. Мы работаем не покладая рук и порой так устаем, что некоторые буквально засыпают за обеденным столом.

Я постепенно постигаю азы кулинарного искусства. Пока меня выручают пельмени, заготовленные в огромном количестве, которые я научился готовить во время полярных экспедиций, твердо усвоив, что при варке не надо жалеть перца и лаврового листа, подавать их на стол следует, как только они всплывут, (иначе вкус не тот) и не забывать об уксусе и сливочном масле. Кроме них, в моем продуктовом арсенале было несколько ящиков полуфабрикатов - аккуратно завернутых в целлофан антрекотов, бифштексов и отбивных котлет.

Их специально для экспедиций в Арктику изготовили на Московском пищевом комбинате имени Микояна. Науку жарить мясо я усвоил еще в Москве в процессе своей холостяцкой жизни. Но пора начать изобретать что-нибудь новенькое, особенно первые блюда - супы, борщи и прочее.

После ужина распогодилось, небо очистилось от туч, и засверкали звезды. Я было хотел нырнуть в палаточный лаз, как вдруг мое внимание привлекло необычное свечение, напоминавшее Млечный Путь. Но почему-то ярче. Пока я раздумывал над этим непонятным явлением, подошел Гудкович, возвращавшийся с метеорологической площадки.

- Вы чего там на небе разглядываете, доктор? - спросил Зяма, забирая голову.

- Да вон там на юге вроде бы второй Млечный Путь появился.

- Так это же северное сияние!

- И это жалкое зрелище и есть северное сияние? - сказал я разочарованно. - А я-то думал это нечто грандиозное. Смотри, как расписал его Нансен.

Я перелистал его книгу "Храм в полярном море" и, отыскав нужную страницу, ткнул пальцем:

"Огненные полыхавшие массы разлились теперь блистающими многоцветными потоками-лентами,

которые волновались, взаимно переплетались, змеились по небосводу. Лучи сверкали чистейшими хрустальными цветами радуги, преимущественно фиолетово-красными и карминовыми, как рубины, и самым ярким зеленым, как смарагды... нескончаемая сверкающая игра красок, фантазмагория, превосходящая всякое воображение". Неужели это описание было лишь плодом его романтического воображения?

Зяма улыбнулся:

- Как говорит Михал Михалыч, "торопиза не надо". Думаю, мы еще насмотримся северных сияний досыта.

7 ноября.

- Ты, часом, не забыл, что сегодня праздник? - спросил Дмитриев, разбудив меня чуть свет.

- Помню, Саня. Только уж ты мне помоги подготовить праздничный стол. Я ведь еще плохо ориентируюсь на твоём складе. Надо сделать ужин повкуснее.

- Сделаем все как надо. Не бойсь, - заверил меня Дмитриев. - Вот только бы ты еще торт сообразил. Какой праздник без торта!

- Торт, пожалуй, я не осилю, - сказал я смущенно.

- А что в нем мудреного? У меня на складе специальная печка есть, "чудом" называется. В ней Вася Канаки такие кексы пек - пальчики оближешь.

- Ну тащи свое "чудо". Давай попробую тоже кекс изобразить. Ведь не боги горшки обжигают. Только ты помалкивай. Не получится - стыда не оберешься.

- Счас. Я мигом, - сказал Саша и, сбегав на склад, вернулся, держа в руках нечто похожее на высокую закопченную кастрюлю. Эта загадочная конструкция состояла из железной подставки, круглой алюминиевой формы для теста с широкой трубкой в центре и высоким колпаком, напоминавшим кастрюлю, перевернутую вверх дном, с дырочками по бокам. Раскрыв "Книгу о вкусной и здоровой пище", я, к счастью, обнаружил в ней описание "чуда" и рецепты по приготовлению кекса. Прежде всего я переписал на бумажку перечень всех необходимых кексовых ингредиентов. Оказалось, в моем кухонном арсенале есть почти все - мука, масло, изюм, сухое молоко и даже дрожжи. Отсутствующие яйца Саша рекомендовал заменить меланжем - густой ярко-желтой массой из яичных желтков. Отсутствовал только ванилин, каковой, по мнению авторов "талмуда", был крайне необходим. Не мудрствуя лукаво, я решил обратиться за помощью к аптечке. Покопавшись в грудке конвалюток с таблетками, я остановил свой выбор на цитрамонe, в котором, как я полагал (правда, ошибочно, как выяснилось впоследствии), содержится ванилин. Свалив на стол все необходимые продукты, я засучил рукава и принялся за дело: насыпал гору муки в эмалированный таз, развел теплой водой сухое молоко и смешал с мукой. Видимо, я переусердствовал. Тесто получилось жидким, как кисель. Я досыпал еще муки. Теперь оно стало чертовски густым. Пришлось эту процедуру повторять несколько раз. Но настойчивость принесла свои плоды. Теперь следовало добавить изюм, пяток превращенных в порошок таблеток цитрамона и полпачки дрожжей. Размесив липкую, приятно пахнущую вязкую массу, я скатал колобок, опустил его в кастрюлю с теплой водой и повесил высоко над плиткой, чтобы тесто подошло. Через час, когда колобок располнел, я извлек его из воды, обсыпал мукой, скатал в колбаску, бережно уложил свое произведение в "чудо" и поставил на огонь. Когда кекс покрылся коричневой корочкой, Дмитриев, выполнявший роль консультанта и дегустатора, отщипнул кусочек.

- Шик модерн, - сказал он, причмокнув. - По-моему, получилось даже лучше, чем у Канаки. - В Сашином понимании это была высшая похвала моему искусству.

После обеда я попросил не задерживаться. Когда кают-компания опустела, я поскорей вымыл посуду и принялся с помощью Саши готовить праздничный стол, вывесив на дверце палатки надпись: "Просьба до 20.00 не появляться". Мы без усталы резали, чистили, вскрывали банки с консервами, а затем, застелив стол белоснежной скатертью, принялись расставлять яства. Надо сказать, что по обилию и разнообразию закусок мы могли дать фору любому столичному ресторану. Не хватало только свежих овощей. Тут уж ничего не поделать. Арктика все же. Вот только сервировка нашего стола отнюдь не напоминала ресторанный. Фарфор обеденного сервиза заменяли алюминиевые миски и железные тарелки с потрескавшейся эмалью.

Роль хрустальных фужеров выполняли железные кружки и чудом сохранившаяся пара стаканов. Не отличалась разнообразием и питьевая часть. Если не считать пары бутылок портвейна, выданных Сомовым из неприкосновенного запаса, единственным напитком был разведенный спирт. Чтобы внести "свежую струю", я накануне изготовил новые оригинальные напитки: клюковку и коктейль "Кровавая Мери". Первый родился из смеси спирта и клюквенного экстракта, обнаруженного на

складе, второй представлял смесь из того же спирта с разведенной томат-пастой.

Ровно в восемь вечера в кают-компанию ввалилась изнывавшая от нетерпения толпа едоков. Как только все заняли места за столом и принялись раскладывать закуски по тарелкам, я извлек заветные бутылки из шкафа.

- Где це таке? - привычно недоверчиво встретил их появление Комаров.

- Предлагаю вниманию почтенной публики новые полярные напитки: клюковка-экстра и коктейль "Кровавая Мери", - с гордостью в голосе провозгласил я.

- Ну, доктор, ты даешь, - весело воскликнул Миляев. - Насколько я понимаю, сей коктейль - смесь водки и томатного сока. Ну со спиртом все понятно, а где же ты томатный сок раздобыл?

- А томат-паста на что? - сказал я.

- Что ж, попробуем твоего коктейля, - сказал Яковлев, наполняя стакан бордовой жидкостью. - Очень даже неплохо, - заключил он, сделав большой глоток, и вытер губы выдавшим виды носовым платком.

Дегустация напитков прошла успешно.

- Только, друзья, вы не очень налегайте, - сказал, усмехнувшись, Сомов. - Спирт, он ведь и с томатной пастой - спирт.

Все наполнили кружки и после традиционного официального тоста "За нашу великую Советскую Родину!" принялись поглощать закуски.

Когда первый приступ голодного ожидания был утолен, я сдернул полотенце, скрывавшее сюрпризное яство, и водрузил на стол большое блюдо с пышущими жаром свиными отбивными, украшенное кружками жареного картофеля и посыпанное свежим зеленым луком, который я бережно хранил в рукавице-грелке. Отбивные были встречены одобрителными замечаниями и, судя по тому, что все потянулось за добавкой, получились неплохими. Праздничное веселье было в самом разгаре, тосты следовали один за другим, старые, давно знакомые анекдоты встречались одобрителным смехом. Когда все окончательно насытились и потребовали чая, на столе появился кекс, покрытый золотисто-коричневой корочкой.

- Ай да доктор, - восхитился Гурий Яковлев. - Ну молоток!

- Как говорили древние римляне: "Feci quod potui, faciant meliora potentes" - Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше", - изрек я и протянул стакан, который мигом наполнил Гудкович.

- Я знал довольно по-латыни, чтоб эпиграммы разбирать, - мигом отреагировал Миляев.

- Ладно вам, Николай Алексеевич. Оказывается, наш доктор не только повар, но и полиглот, - весело заметил Сомов и по праву начальника первым отрезал себе кусок кекса.

- Все отлично, - сказал, мечтательно вздохнув, Дмитриев, - одного только не хватает. К нам за стол еще бы...

- Да знаю я, чего тебе не хватает, - сказал с ехидцей Комаров.

- Ну и чего же? - осведомился Яковлев.

- Конечно, девиц, - сказал Комаров. - Ох ты, Санька, и дамский угодник, едрена корень.

- Ну и что в этом особенного? - огрызнулся Саша. - Посмотрел бы я на тебя, скромника, если бы доктор вместо груды медикаментов хотя бы парочку дам привез.

- Ты бы первый к ним начал приставать, - отпарировал Саша.

- Парочку дам? - подхватил я, осененный внезапно пришедшей в голову идеей. - А ведь я действительно привез двух дам, правда резиновых.

- Резиновых? - насторожился Дмитриев. - Ну и выдумщик ты, доктор. Что это, галоши или сапоги? - хохотнул он.

- Знаешь, Саша, как говорят: не любо - не слушай, а врать не мешай, - сказал я безразличным голосом, чтобы придать убедительности своим словам. - Дело ведь в том, что я перед отъездом из Москвы получил двух резиновых женщин. Их изготовил в порядке эксперимента ленинградский завод "Красный треугольник" (все знали, что этот завод славится своими резиновыми изделиями). Они их так и называли: "Резиновая женщина системы спермогон". Предназначена для мужских

коллективов, находящихся в условиях автономного существования. Они и обратились с просьбой к руководству Главсевморпути провести испытания на одной из полярных станций. Поскольку мы и есть такой коллектив, Кузнецов поручил мне провести испытания.

- Ладно травить, - сказал Саша, явно заинтересовавшись. - А какие они на вид? Что, похожи на настоящих женщин?

Все замерли, поняв, что рыбка схватила наживку, в ожидании продолжения розыгрыша.

И тут моя фантазия разыгралась вовсю: что значит похожи? Да они сделаны просто классно. Личики как у киноактрис, глаз не оторвешь. Волосы - настоящие. Грудки и все прочее - ничего не забыто. Если одеть в платье - не отличишь от живой.

- Так они же холодные?

- Их перед использованием надо заполнить горячей водой - и никаких проблем.

- Ух-ты, - воскликнул Саша, кажется, окончательно поверивший моему рассказу.

- Это не их привезли в МАГОН перед отлетом в красивых ящиках с большими красными крестами? - подыграл мне Миляев, мгновенно оценив комизм ситуации.

- В них самых, - подтвердил я, из всех сил стараясь сохранить серьезность.

- Подумаешь, доктор, удивил, - сказал Яковлев, у которого в глазах под толстыми линзами очков запрыгали черти. - Да америкашки давно до этого додумались. Они чуть ли не каждую экспедицию снабжают резиновыми красотками.

- Только дело в том, - сказал я, изобразив на лице эдакую растерянность, - что мне передали их для проведения половых испытаний, чтобы наладить массовый выпуск, а я так до сих пор и не решил, кому доверить это ответственное дело. Их ведь всего две штуки, а нас одиннадцать. Может, Михал Михалыч, вы решите, как поступить?

- Нет уж, доктор, вы сами решайте эту проблему, - сказал Сомов, отвернувшись, чтобы скрыть улыбку.

И тут Дмитриев не выдержал:

- Может, ты меня возьмешь в испытатели? Ей-ей, не подведу.

- Нет, дружище, - глубокомысленно изрек я, - ты человек эмоциональный, еще чего-нибудь не так сделаешь, порвешь или испортишь, а мне потом расхлёбывать. Они ведь кучу денег стоят. Экспериментальные же. Да и потом надо отчет подробный написать, а ты человек занятой.

- Напишу, честное слово, напишу. Вот тебе крест, - разгорячился Саша, обиженный моим недоверием. - А насчет материальной ответственности, так ты не беспокойся. Если хочешь, хоть сейчас расписку напишу.

Тут же на столе появился лист бумаги, и чья-то услужливая рука протянула карандаш.

Под мою диктовку он вывел каллиграфическим почерком: "Расписка. Я, гидролог дрейфующей станции "Северный полюс-2" Дмитриев А. И., получил от врача экспедиции резиновую женщину системы "спермогон" для проведения половых испытаний сроком на 10 дней. По окончании испытаний обязуюсь представить подробный научный отчет. В случае повреждения объекта готов нести полную материальную ответственность".

Саша поставил свою заковыристую подпись. Я аккуратно спрятал в карман расписку, стараясь не смотреть на товарищей, которые буквально давились от хохота.

- Ну что, пошли, - сказал он, поднимаясь.

- Куда пошли? - спросил я, изображая изумление.

- Как куда? За женщиной.

- Да ты с ума сошел? Я же "при буфете".

- Пусть Зямочка в твое отсутствие покомандует.

- Нет уж извини, Саша. Придется потерпеть до утра. Завтра сходим на склад, распакуем ящики и испытывай себе на здоровье.

Дмитриев смирился. Но, как оказалось, он еще до подъема сбегал на склад и перевернул там все в поисках желанного груза.

Впрочем, уже в обед, под градом ехидных вопросов, он понял, что попал впросак. Он было обиделся, но природное добродушие взяло свое.

- Ну, доктор, держись. Попомню я тебе резиновых женщин. - Он помолчал и вдруг, широко улыбнувшись, сказал: - А все-таки жаль, что это только розыгрыш.

8 ноября.

Притащившись поутру в кают-компанию, еще полусонный, я принялся наводить порядок на камбузе. Прежде всего надо было вымыть гору грязной посуды, оставшейся от вчерашнего пиршества. Быстро включив обе газовые конфорки, я наполнил снегом баки, налил спирт на примусный лоточек и, когда горелка раскалилась, заработал поршнем. Примус весело загудел, за ним второй. Я было хотел поставить на него бак со снегом, как вдруг обратил внимание, что примус упорно не хочет стоять вертикально.

Осмотрев его, я с удивлением обнаружил, что днище бачка приняло странную полушаровидную форму. Я тут же исследовал второй примус. С ним произошла та же история. Не раздумывая о причинах столь странного явления, я ногой вытоптал в полу лунки, вставил в них разбухшие примусные баки и уселся рядом, страшно довольный своей сообразительностью. Неожиданно в кают-компанию появился Комаров.

- Ну как дела? - осведомился он.

- Да вроде ничего, все нормально, только с примусами что-то странное приключилось. Бачки немного выдуло.

- Выдуло, говоришь? - встревоженно спросил Комаров. - А ну дай поглядеть.

Я снял бак со снегом и приподнял примус над лункой. Комаров посмотрел и ахнул:

- А ну быстрее туши их к чертовой матери. Ты что, сдурел? Они же вот-вот могут так жакнуть, что ни от палатки, ни от тебя ничего не останется. Это же надо быть идиотом, чтобы сварганить примус, работающий на бензине, и не позаботиться укрепить днище.

Я послушно погасил оба примуса и выбросил их из палатки в сугроб.

- Чего ж теперь делать, Михал Семеныч? Ведь снег таять не на чем.

- Ладно, не тужи, доктор. Я сейчас принесу еще одну плитку, у меня она осталась в заглазнике, и паяльную лампу. Все будет тип-топ.

Только когда Комаров ушел, я всерьез задумался над его словами и ужаснулся, представив, как с грохотом взрываются примусы и... У меня даже мурашки побежали по спине. Но потеря примусов создавала непредвиденные трудности. Однако настоящие трудности были еще впереди.

Поздно вечером, когда я вернулся в свое жилище и, забравшись в спальный мешок, задремал, палатка неожиданно содрогнулась от сильного толчка. Со стола попадали кружки, книги, банки с лекарствами. С грохотом шлепнулся на пол тяжелый стерилизатор с инструментами. Нас словно выдуло из спальных мешков. На ходу натягивая шубы, мы выбрались наружу.

Нас встретили удары ветра, завывавшего на все лады. Но сквозь эти ставшие привычными звуки с юга явственно слышались подозрительные трески и побряхтывания.

- Пошли посмотрим, - сказал Гудкович, зажигая фонарь. Закрываясь от ветра, мы прошли с полсотни шагов, когда яркий луч фонаря выхватил из темноты груды шевелящегося льда. Там, где еще вчера простиралось ровное поле, шевелилась гора стороженного льда, напоминавшая спину чудовищного доисторического ящера. Льдины налезали друг на друга, хрипели, стонали и вдруг, словно обессиленные, замирали, вывернув к небу свои искореженные бока. Но, как показал осмотр, в котором приняли участие еще трое любопытных, наша льдина, по счастью, оказалась целехонькой.

12 ноября.

Пурга работает по полной программе. Потоки снега несутся, как в аэродинамической трубе. В двух шагах ничего не разглядеть, да и сделать эти шаги можно только на карачках. Стоит приподняться,

как ветер сшибает с ног. Преодолев полосу препятствий, отделявших меня от камбуза, я попытался приподнять откидную дверь, но не тут-то было. Огромный надув плотно закрыл вход в спасительное убежище. Разыскав в темноте лопату, торчащую у входа, я с остервенением накинута на сугроб.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем мне удалось проникнуть внутрь. Но зато какое блаженство оказаться под защитой надежных палаточных стен. Я торопливо зажег все конфорки и, сбросив на пол замороженную шубу, с чувством блаженного покоя окунулся в теплые потоки воздуха. Согревшись, я принялся за привычную работу. К счастью, все необходимые продукты накануне я принес со склада и теперь принялся резать, шинковать, открывать банки с консервами, то и дело похваливая себя за предусмотрительность. Поставив оттаивать побелевшие от инея антрекоты, развесив под потолком на веревочках замерзшие буханки хлеба, я нарубил оленины и поставил вариться на плитку. Полистав свой кулинарный талмуд, я решил удивить моих едоков настоящим украинским борщом. И хотя это был первый борщ в моей биографии, я не сомневался в успехе, ибо твердо следовал совету Водопьянова - мяса должно быть больше, чем воды. Выждав, когда мясо проварилось, я набухал в кастрюлю свежего картофеля, сухого лука, моркови, добавил томат-пасты и сунул пару стручков красного перца. Борщ выглядел весьма аппетитно. Его бордовая поверхность отливала узорами жира, сквозь которые, словно рифы, проглядывали сочные мослы. Наконец все собрались за столом, принявшись к ароматному, клубившемуся над кастрюлей пару.

Скрестив руки на груди, я нетерпеливо ждал заслуженных похвал. Как вдруг Комаров, покопавшись ложкой в борще, выудил какой-то продолговатый предмет.

- А где же таке? - ехидно спросил он, подняв свою находку над тарелкой. Разглядев ее, я ахнул. Бирка. Видимо, эта проклятая фанерка, на которой писали вес и сорт оленины, примерзла к туше, замаскировавшись инеем.

Меня попытался спасти Яковлев.

- Подумаешь, бирка. Невидаля какая, - сказал он, добродушно хохотнув, - может, это у доктора особое блюдо - "борщ с биркой". И кстати, очень даже неплохое. А ну-ка, Виталий, сообрази мне еще одну мисочку.

Пример Гурия оказался заразительным. За ним и остальные потребовали добавки.

Переборов смущение от допущенной оплошности, я набрался нахальства и заявил, что в фанере содержатся особые витамины "Ф". Моя промашка вызвала целый поток воспоминаний, связанных с деятельностью присутствующих на кулинарном поприще.

- Теперь могу честно признаться, какие я испытывал адовы муки, готовя впервые в жизни гречневую кашу, - сказал Гурий, поглаживая бороду. - Я был уверен, что дело это совсем нехитрое. Налей в кастрюлю воды, насыпь крупы, посоли и поставь на огонь. Так я и сделал. Но, видимо, переусердствовал с крупой. Поначалу все было хорошо, и вдруг на моих глазах каша стала разбухать и полезла из кастрюли. Я быстренько снял ее с огня, но каша все лезла и лезла, растекаясь по столу. Я так увлекся борьбой с разбушевавшейся кашей, что совсем забыл про антрекоты, жарившиеся на сковородке. Ох и ругались все.

- А ты помнишь, Зямочка, историю со щами? - сказал, усмехнувшись, Комаров.

- Еще бы, - отозвался Гудкович. - Меня позвал Макар Макарыч подсобить на лебедке, и я попросил Васю Благодарова, забежавшего на огонек, присмотреть за щами. Возвращаясь, а Вася говорит: что же это ты щи забыл посолить? Пришлось их досаливать. Я как-то не придавал его словам значения. Когда все сели за стол, я разлил щи по тарелкам, наложил каждому любимых мослов и стал ожидать похвал от едоков. Щи получились наваристые да и пахли очень аппетитно. Вдруг Курко положил ложку на стол и заявил, что это "хлебово" в рот невозможно брать. Аж скулы сводит. Я к Васе: ты откуда соль брал? Да вон из той стеклянной банки из-под компота. Так ведь там лимонная кислота. А Канаки и говорит: не беда, мы сейчас все мигом исправим. Я и глазом моргнуть не успел, как Канаки схватил пачку соды и высыпал ее в кастрюлю. Что тут началось. Щи запенились и полезли из кастрюли на стол. Все хохочет, я мечусь с тряпкой, а щи продолжают бушевать. Пришлось обойтись без первого.

- Да, друзья мои, - сказал, усмехаясь, Гурий, - ведь пока доктора не было, мы все помалкивали. Каждый понимал: придет и твой черед готовить. Все твердо усекли правоту пушкинского Германа: сегодня ты, а завтра - я.

Мое положение было потрудней, и нет-нет я слышал ворчливые замечания в свой адрес. Но, помня совет Водопьянова, я благоразумно помалкивал. Правда, однажды я все же не утерпел и на упрек, что меню могло быть поразнообразней, а то все пельмени да олени, буркнул в ответ: что бы вы запели, если бы я принялся вас кормить по меню Амундсена.

- И чем же он кормил своих спутников, дорогой доктор? - осведомился Никитин, всегда защищавший меня от нападков.

- Да уж не стесняйся, Виталий, просвети нас, темных, - поддержал его Яковлев.
- Пеммиканом, галетами, молочным порошком. А когда возвращался с Южного полюса, то и собачатиной.
- Ну и ну, - сказал Гурий, большой любитель вкусно поесть. - Я бы на такой пище быстренько бы ноги протянул.
- Кстати говоря, и Роберт Пири во время своего санного похода к Северному полюсу тоже не роскошествовал. Он и его спутники получали в день всего 500 граммов пеммикана, 500 граммов сухарей, 115 граммов сливочного масла.
- Убедил, доктор, убедил, - усмехнулся Сомов. - Но мы не теряем надежды, что вы еще проявите свои пока скрытые кулинарные таланты.
- Да уж постараюсь, Михал Михалыч, но на счет пересоленной сегодня каши, тут просто ошибка произошла. Закрутился я и, видимо, второй раз посолил. Ведь еще древние римляне говорили: "Errare Humanum est" - человеку свойственно ошибаться.
- Ладно, - сказал Никитин. - От ошибок никто не застрахован. Только они бывают посерьезнее, чем пересоленная каша. Я вот вчера просматривал результаты наших промеров глубины океана и все задавал себе вопрос: где это Уилкиус обнаружил глубину океана 5440 метров? Что-то мы с Михал Михалычем таких глубин не встречали. А ведь он работал почти в этом самом районе.
- А чем он измерял глубину? Тоже лебедкой? - поинтересовался Яковлев.
- По-моему, он пользовался эхолотом.
- Значит, либо эхолот наврал, либо Уилкинс ошибся с измерениями.
- Скажи, Макарыч, ты какого Уилкинса упомянул? Не того ли, что прославился полетом на Полюс недоступности еще в тридцатых годах, а потом отличился во время поисков пропавшего самолета Леваневского? - спросил Щетинин.
- Он самый, - сказал Никитин. - Удивительный был человек. Ведь это он организовал первую экспедицию в Арктику на подводной лодке.
- Может, расскажете поподробней? - попросил Петров.

13 ноября.

Тринадцатое, да еще понедельник - значит, жди неприятностей. И они не заставили себя ждать. Едва я успел поставить на огонь кастрюлю с ухой, дабы внести творческое разнообразие в скромное меню, как голубые венчики над горелками вдруг увяли и потухли с коротким хлопком. Вот невезуха, чертыхнулся я. За стенкой палатки бушует пурга и в ее круговерти надо подкатить новый баллон с газом и стынущими на ветру руками переставлять примерзший редуктор. Продолжая ворчать на проклятый баллон, так не вовремя опустевший, я натянул "француженку" и толкнул откидную дверь. Но не тут-то было. Дверь не поддавалась. Видимо, пурга намела большой сугроб у входа, замуравив меня в кают-компани.

После многократных неудачных попыток я плюнул и, с тоской глядя на погасшие конфорки, уселся на скамью, набил трубку табаком и закурил в надежде, что кто-нибудь из оголодавших едоков придет пораньше и освободит меня из снежного плена. Обычно все зимовщики, связанные со сроками наблюдений, приходили с завидной точностью, повинаясь велению желудка, который, как некогда сказал Пушкин (с поправкой на местный колорит), "на льдине без больших суев желудок - верный наш Брегет". А вдруг чей-нибудь Брегет заспешит - обед запоздает и неприятностей не оберешься. И, о радость, сквозь подвывание пурги я услышал голос Гурия Яковлева:

- Доктор, ты жив?
- Жив, жив, - заорал я, и через несколько минут в просвете дверцы появилась заснеженная фигура Гурия с лопатой в руке.
- Ну и пуржища. Такой сугробище навалила у входа, думал, вовек тебя не откапаю, - сказал он, утирая рукавицей запорошенное снегом лицо.

С помощью Яковлева я быстро заменил опустевший баллон на полный, зажег все четыре конфорки, и по кают-компани, успевшей основательно охладиться, распространилось приятное тепло. Гурий швырнул шубу на пол и, выковыривая из бороды сосульки, сказал, блестя глазами:

- За спасение с тебя магарыч.

- Нет вопросов, - радостно отозвался я; - Счас соображу что-нибудь повкуснее.

Повкуснее - это были любимые Яковлевым антрекоты. Приготовить их не представляло большого труда, и вскоре я поставил перед ним сковороду со скворчащими, источающими аромат антрекотами.

Покончив с антрекотами, он принялся и вопросительно посмотрел на меня.

- Послушай, док, чем это у тебя так вкусно пахнет? Никак ухой?

- Точно, уха, экспериментальный вариант, - ответствовал я, помешивая в кастрюле половником.

- Может, нальешь половничек?

- Нет вопросов. Только погоди немного. Из-за проклятого газа у меня вся работа застопорилась. Вот оно тринадцатое - понедельник!

Мы увлеклись разговором "за жизнь", как вдруг мой нос учуял подозрительный запах. Я бросился к плиткам. Так и есть: первая порция антрекотов зажарилась дочерна, испуская удушливый запах горелого мяса.

- Чувствовало мое сердце, что тринадцатое да еще понедельник к добру не приведет.

- Да ты, брат, оказывается, человек суеверный, - усмехнулся Гурий.

- Не так, чтоб очень, - возразил я, - но мне известен один солидный ученый, который, встретив черную кошку, перебежавшую дорогу, всегда сплевывал через плечо. А на вопрос, верит ли он в дурные приметы, отвечал: не верю, но на всякий случай сплюнуть не мешает. Вот так и я.

- Может, ты и в гадания веришь? - продолжал допытываться Яковлев.

- В общем-то не верю, но один случай запомнился мне на всю жизнь.

- Ну-ка расскажи, - заинтересовался Гурий.

- Счас, наведу порядок в своем хозяйстве, положу оттаивать свежие антрекоты и тогда расскажу. Ну вот теперь порядок, - сказал я, усаживаясь рядом с ним на скамью.

- Дело было в Самарканде, куда нашу Военно-медицинскую академию перевели в 1942 году из блокадного Ленинграда. После окончания второго курса нам присвоили звание младших лейтенантов медицинской службы и разрешили переехать из казармы на частные квартиры.

Однако отыскать свободную квартиру оказалось делом нелегким: Самарканд прямо-таки кишел эвакуированными, и жилье было нарасхват. После недельных поисков я все же обрел себе пристанище в одном из типичных узбекских домов, добротно сложенных из необожженного кирпича, с квадратным двориком, окруженным верандой. Моя хозяйка, симпатичная узбечка лет пятидесяти, после долгих уговоров смиростивилась надо мной, то ли пожалев молоденького лейтенантика, то ли из расчета на его медицинские познания.

Фарада, назовем ее так, жила одна. Ее сын, призванный в армию в 1941 году, сразу попал на фронт, и с тех пор о нем не было ни слуху, ни духу. И вот однажды мне пришла мысль попытаться помочь ее горю. Отец мой в то время был начальником МЭПа-90 - Местного эвакуационного пункта, руководившего множеством госпиталей, размещавшихся на кавказских Минеральных Водах. И вот я, не сказав хозяйке ни слова, послал папе письмо в Кисловодск с просьбой узнать, нет ли среди раненых молодого солдата, уроженца Самарканда по фамилии Сабиров Шамси.

Как-то вечером я застал Фараду в слезах. Она только что пришла от гадалки, которая сказала ей следующее: "Твой сын жив, но сам домой вернуться не может. У него будет встреча с незнакомой женщиной. Они будут оба плакать, и ты скоро получишь письмо". Через несколько дней, возвратившись с занятий, я застал удивительную картину: Фарада, одетая в национальное платье из пестрого, переливающегося шелка, с монистом на шее и золотыми серьгами в ушах, бросилась мне навстречу.

- Виталий, Виталий, - воскликнула она, - в наш дом Аллах послал большую радость. Мой сыночек Шамси жив, вот от него письмо. Правда, - она тяжело вздохнула, - ему отрезали обе ноги, но он пишет, что не очень высоко. Но, главное, - он жив. Пускай без ног, без рук, без глаз, но живой.

Два дня спустя я получил от мамы письмо из Кисловодска. Я прочел его и... Ты понимаешь, все совпало с гаданием: сам домой не придет (ампутированы обе ноги), женщина (моя мама) никогда его не видела, и он о ней ничего не знал. Они действительно оба плакали.

Оказалось, что из-за своего увечья он боялся, что будет матери в тягость. Маме, после долгих уговоров, удалось убедить его послать домой весточку. Вот и вся история.

Вот теперь решай сам, можно ли верить гаданиям.

- Мда-а, - сказал Гурий, поглаживая бородку. - История весьма любопытная.

Наш разговор прервала толпа оголодавших, промерзших едоков, ввалившихся в кают-компанию в клубах холодного пара.

Требования добавки свидетельствовали о том, что мой "эксперимент" удался.

- Ну и пуржища, - сказал Гудкович, - меня на площадке чуть с ног не обило.

- Это у тебя от слабости в ногах, - съехидничал Саша, - наверное, плохо позавтракал. То-то ты три тарелки ухи умял.

- Да, ветерок что надо, - сказал Петров, - но, кажется, он потише стал. Ночью я чуть ли не ползком добирался до актинометрической площадки. Мело - не зги не видать. От фонарика никакого проку.

- Меня больше беспокоит другое, - сказал Сомов. - Боюсь, когда ветер утихнет, начнутся подвижки льда.

- Уж от этого удовольствия мы явно не застрахованы. Это явление закономерное, - сказал Гурий, поглаживая бороду. - Пока дует ветер, все поля движутся с одинаковой скоростью единым монолитом, но стоит утихнуть ветру, сила инерции у полей с различной массой окажется разной. Вот они и полезут друг на друга.

14 ноября.

К утру пурга наконец выдохлась. Лишь небольшой ветерок все еще продолжал гонять по лагерю мелкую снежную пыль да крутил маленькие веселые смерчи между палатками.

Несколько дней назад, когда Макар Никитин за обедом предложил навести порядок в нашем хозяйстве, собрав в одно место разбросанное по лагерю имущество, его идея не вызвала прилива энтузиазма.

- И чего горячку пороть, - сказал Курко, - и так все укайдохались. Лежало оно спокойно полтора месяца. Так что ему сделается, если погодить недельку.

Его поддержали Гурий и Саша. Спор грозил затянуться, если бы не вмешался Сомов. Вместо своей любимой присказки "торопиза не надо", он твердо сказал: "надо торопиза". Вы что, забыли святой закон полярников - никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. И он, как всегда, оказался прав.

Не собери мы наше имущество, уложив ящики в аккуратные штабеля, перетащив в одно место баллоны с газом и поставив их "на попа", перекатив к складу бочки с бензином - много бы мы не досчитались. Они бы исчезли под снегом, и никакие бы археологические раскопки не помогли их обнаружить. Зато сегодня, страшно довольные своей предусмотрительностью (а если сказать по справедливости, то предусмотрительностью Михал Михалыча и Никитина), вооружившись лопатами, под шутки-прибаутки принялись расчищать наши склады, превратившиеся в высоченные скифские курганы. Снег стал плотным и с трудом поддавался лопатам. Мы основательно умаялись, прежде чем последний баллон, последняя бочка были освобождены.

Усталые, но довольные, мы разбрелись по палаткам, но не успели стянуть с себя промерзшие шубы, как льдину так трянуло, что с полок и столов посыпались книги, кружки, тарелки. Опасения Яковлева оправдались. Соседнее поле годовалого льда наехало на наш ледяной остров. Он, правда, не пострадал, но вдоль его восточного берега выросла внушительная гряда торосов.

15 ноября.

Разнообразя свою унылую кухонную жизнь всякого рода придумками, я на этот раз принялся сочинять правила, которыми следует руководствоваться коку в процессе творческого освоения кулинарного искусства:

1. Полярным коком не рождаются. Его назначает начальство, вне зависимости от знаний, способностей и основной специальности.

2. Критика - движущая сила кулинарного искусства. Помни, что едок всегда прав, даже если он не прав.
3. Самомнение кока - главный его враг.
4. Твори, экспериментировать, но щади желудки своих подопечных.
5. Рецепт вкусного супа (борща, щей и т. д.): много мяса - мало воды.
6. Готовя пельмени, помни: они, подобно подводной лодке, обязательно должны всплыть.
7. Не оригинальничай: курицу перед варкой очисти от перьев и потрохов.
8. Прежде чем положить оленину в щи (борщ или суп), не забудь осмотреть ее со всех сторон: не примерзло ли к ней какое-нибудь инородное тело - бирка, жестянка или что-нибудь другое несъедобное.
9. Прежде чем заняться котлетным фаршем, не забудь поставить бачок с горячей водой для спасения замерзших пальцев.
10. Не доверяй солить первое помощникам. Опыт показывает, что они легко путают соль с лимонной кислотой или содой.
11. Не поддавайся искушению поручить заготовку продуктов на завтрак дежурному по лагерю. Не потакай безответственному расточительству.
12. Повесив оттаивать замерзшие буханки хлеба, не забывай о них, иначе шишка на голове обеспечена.
13. Не жалея сахара для компота, ибо он, как поцелуй, должен быть не только горячим, но и сладким.
14. Уходя из камбуза, потуши свет и выключи газ, если не хочешь получить нагоняй.

16 ноября.

- Ну и холодина сегодня, - сказал Гудкович, растирая застывшие пальцы над газовым пламенем. - На минуту снял рукавицы, чтобы записать метеоданные, и руки в момент замерзли. Думал, отморозил.

- Подумаешь, удивил ты нас морозом, - сказал из-за занавески Дмитриев, - зато уже четыре дня как тишь и гладь, божья благодать. Ни подвижек, ни торошений и вообще никаких происшествий.

Типун ему на язык. Среди ночи я проснулся от каких-то странных толчков. "Неужели Санька накаркал и начались подвижки?" - подумал я, высунувшись из спального мешка. И тут мой взгляд упал на странную фигуру, стоящую на коленях у моей койки. При мутном свете лампочки я даже не сразу понял, что это Миша Комаров.

- Ты это что, Семеныч? - испуганно спросил я, мгновенно проснувшись.

Закрываясь от порывистого ветра, мы буквально ползком добрались до комаровской платки. Михаил, кряхтя и стона, забрался в спальный мешок, а я зажег обе горелки и, повозившись с паяльной лампой, запустил ее на полную мощь. Уложив своего пациента на живот, я принялся осторожно ощупывать его поясницу. Мышцы были сильно напряжены, и каждое прикосновение причиняло острую боль. Комаров охал, скрипел зубами, но стойчески выдержал осмотр.

- Ну, старик, - сказал я успокоительным тоном, - у тебя радикулит. Ты раньше-то болел им?

- Он, проклятый, меня с войны мучает. Но так сильно еще никогда не прихватывало.

- Ладно, потерпи малость. Счас приготовлю грелку, сделаю растирание, примешь лекарство, отлежишься и через тройку дней будешь как огурчик.

- Да ты что, доктор! У меня работы навалом. Некогда мне разлеживаться.

- Ты лежи да помалкивай, - строго сказал я, - а не то Сомову пожалуюсь.

Поставив на плитку чайник, я сбежал за лекарствами в свою палатку. Пока вода нагревалась, я вылил на ладонь густую, желтоватую, остро пахнущую смесь из скипидара, камфоры и хлороформа и принялся растирать комаровскую поясницу. Когда процедура была закончена, я залил кипятком

грелку, положил ее на поясницу и обернул широким шерстяным шарфом.

- Ну вот, порядок. Теперь прими таблетки и постарайся заснуть.

Когда Комаров задремал, я отправился на камбуз. Восемь пар глаз уставились на меня в безмолвном вопросе.

- Что там с Комаровым приключилось? - спросил озабоченно Сомов.

- Радикулит, - коротко ответил я.

- Экая невидаль. Самая что ни на есть арктическая хворь, - сказал Курко, потирая поясницу.

- И геморрой тоже, - заявил Дмитриев тоном знатока.

- Во всем ты у нас, Саня, разбираешься, - заметил, усмехнувшись, Миляев. - Что в авиации, что в медицине.

Миляевский комментарий к заявлению Саши всех развеселил. Сразу с лиц присутствующих исчезло настороженное выражение.

- И надолго Комаров слег? - спросил Никитин.

- Думаю, на недельку. Отлежится, и все будет в порядке. Как говорил знаменитый римский врач Авл Цельс: "Optimum medicamentum quies est" - лучшее лекарство покой.

- Лиха беда начало, - буркнул Курко.

Костя как в воду смотрел. К вечеру захворал Яковлев. Правда, температура у него поднялась лишь до 37,2°, но он непрерывно вытирал хлюпающий нос и страшно ругался охрипшим голосом. Впрочем, простудиться в нашем царстве-государстве холода и сквозняков - раз плюнуть.

Днем я то и дело забегал проведать моего больного. Дело явно пошло на поправку. Боли в пояснице поутихли и он попросил принести что-нибудь "пожевать".

Но, как говорится, беда не приходит одна. Вечером занемог Яковлев. Правда, температура оказалась всего 37,5°, но кто его знает, как потечет заболевание в условиях нашей жизни. Гурий хрипло кашляет, ругается на чем свет стоит, но лечиться в постель не желает.

С прогнозом болезни Комарова я явно промахнулся. Он, ворча и покряхтывая, явился на ужин в кают-компанию.

- Михал Михалыч, все в порядке, - заявил Комаров, - могу завтра идти на аэродром.

От моих возмущенных требований немедленно отправляться в постель он только отмахнулся.

- Ну чего ты, Виталий, гоношишься? Чего мне сделается? Заживет как на собаке.

В этом был весь Комаров, с его пренебрежением к медицине, жаждой деятельности и неистощимым трудолюбием.

18 ноября.

Все жители лагеря в волнении: исчез Ропак. Вот уже вторые сутки, как от него ни слуху ни духу. Заблудился ли он в торосах, попал в трещину, встретился с медведем или схватился с Торосом, пустившимся в бег? Саша Дмитриев места себе не находит. Он, прихватив Зяму, уже несколько раз обшарил все окрестности лагеря, зовя собаку. Но безрезультатно.

И вдруг сегодня, когда мы уже забрались в спальные мешки, откидная дверца приподнялась и в палатку протиснулся Ропак. Но, боже мой, в каком виде. Отощавший, со свалявшейся шерстью, с незажившими царапинами на морде. Помедлив, он, прихрамывая, направился к Сашиной койке и, став на задние лапы, положил передние ему на грудь.

- Ропачок, милый, нашелся, - со слезами в голосе пробормотал Дмитриев, обнимая собаку. - Кто ж тебя так укайдохал, бедняга?

Ропак лизнул Сашу в нос, опустил лапы на пол и поприветствовал меня с Зямой легким повизгиванием. Постояв немного, он подошел к газовой плитке, растянувшись на полу, положил голову на вытянутые лапы и тяжело вздохнул, как смертельно усталый человек.

До чего же красив наш Ропак. Стройный, мускулистый, с настороженными ушами, вытянутой

мордочкой, украшенной большими карими глазами, в которых светится недюжинный (хотя и собачий) ум. Пес ужасно обидчив, и стоит прикрикнуть на него, как он опускает голову и медленным шагом покидает палатку.

22 ноября.

Курко ворвался на камбуз с криком:

- Доктор, скорей! Жора Щетинин помирает.

Я нахлобучил шапку и в одном свитере помчался к радиостанции. У входа в палатку стояли Гудкович и Петров, поддерживая под мышки обмякшее тело Щетинина.

Из раскрытой настежь двери валили белые клубы, это теплый палаточный воздух мгновенно охлаждаясь, превращался в пар. К моему приходу палатка успела достаточно проветриться, и Щетинина внесли внутрь, бережно уложив на койку. Он был без сознания. На белом как мел лице выделялись обведенные темными кругами запавшие глаза. Из посиневших губ вырывалось хриплое дыхание. Я пощупал пульс: 120 ударов в минуту.

Все признаки указывали на острое отравление окисью углерода. Не теряя времени, я зажал ему пальцами нос и, прижавшись губами к его полуоткрытому рту, сделал сильный выдох. Потом, дав самостоятельно выдохнуть, повторил эту процедуру еще несколько раз.

Пока я делал искусственное дыхание, Дмитриев сбегал в палатку за ящиком скорой помощи и, следуя моим указаниям, поставил на плитку стерилизатор, наполнил его водой и опустил в него десяток иголок и три завернутых в марлю шприца.

Как только вода вскипела, я, выждав десяток минут, наложил на предплечье резиновый жгут, набрал в шприц 20 кубиков раствора глюкозы и, протерев локтевой сгиб спиртом, вонзил иглу в вену. За глюкозой последовал раствор аскорбиновой кислоты и эуфиллина. Оставалось еще ввести под кожу лобелин, а затем внутримышечно камфару. Ну, кажется, все.

Я вытер руки и уселся рядом ждать результатов лечения. Не прошло и трех минут, как Щетинин пришел в сознание и едва слышно сказал:

- Спасибо, доктор.

Я вздохнул с облегчением.

Окончательно придя в себя, Жора рассказал, что произошло. Он сидел за столиком, тщетно пытаясь настроить приемник на волну радиостанции Диксона. Сквозь сильные помехи с трудом можно было разобрать слова диктора, передававшего последние известия.

- Вдруг я почувствовал во рту страшную горечь, словно разжевал таблетку хинина, - продолжал Щетинин, - тело охватила странная слабость, а голову сжало, как тисками, и в висках застучали молоточки. Я было хотел приподняться, но палатка как-то странно поплыла перед глазами. Дальше ничего не помню. Что же это с мной приключилось, доктор?

- Ты, Жора, отравился окисью углерода. Наверное, движок подвел.

- При чем тут движок? - сказал Курко, недоверчиво покачав головой.

Но виноват был именно движок. Оказалось, что выхлопную трубу забило снегом, и отработанные пары бензина пошли в палатку.

Вскоре после происшествия в палатке радистов появился Сомов.

- Как самочувствие, Григорий Ефремович? - спросил он озабоченно.

- Все в порядке, Михаил Михалыч. Уже вроде бы оклемался. Вот ведь обидно так опростоволоситься. Ведь я с этими движками всю жизнь имел дело.

- Так что же приключилось?

- Видимо, выхлопную трубу снегом забило. Вот и пошел выхлоп в палатку.

- Значит, так, друзья, - сказал строго Сомов, - движок из палатки немедленно убрать в тамбур. Я ведь не раз об этом говорил. Больше напоминать не намерен. Да ведь и грохота от него. Как вы только терпите?

- Михал Михалыч, не губите, - слезно-шутливо взмолился Курко. - Одна радость в жизнь осталась - тепло. А что касается шума, то лучше оглохнуть, чем замерзнуть.

- Ну ладно, - нехотя согласился Сомов. - Только примите все меры, чтобы такое больше не повторилось.

- Уже приняли, - сказал, повеселев, Курко. - Я уже соорудил вокруг выхлопной трубы укрытие из ящиков и снега. Теперь в нее и снежинка не попадет.

29 ноября.

Жизнь на станции угнетает своим однообразием, которое усугубляет непрерывная темнота. Любое, самое крохотное событие действует как глоток свежего воздуха: маленький семейный юбилей, интересная книга, голоса знакомых артистов, прозвучавшие по радио. Сегодня приятную неожиданность преподнесла нам природа.

После ужина, возвращаясь в свою палатку, я заметил за грядой торосов на юге странное зеленоватое зарево. Свет быстро усиливался, и превратился в гигантский зеленоватый занавес, повисший над океаном. Складки его трепетали, словно колеблемые ветром. Он переливался и пульсировал, то бледнея, то вновь насыщаясь зеленым цветом. Вдруг словно порыв ветра разорвал его ткань, превратив в две ослепительно зеленые ленты. Извиваясь, они устремились к зениту, образовав огромный клубок света.

Подчиняясь неведомой силе, клубок бешено крутился, разгораясь все ярче и ярче, и вдруг разлетелся в разные стороны десятками разноцветных лент. Они стали быстро меркнуть, пока не растворились в черноте неба, на котором еще ярче загорелись словно отполированные морозом звезды.

Пораженный этим удивительным по красоте зрелищем, я все никак не мог оторвать взгляд от неба.

- Созерцаешь необыкновенное явление природы? - сказал с иронией в голосе Миляев, подошедший ко мне сзади неслышными шагами.

- А что, созерцаю. Я вот сейчас подумал: сколько ни читал я описаний северного сияния, ни одно не может передать ни его красоты, ни волнения, которое при этом испытываешь.

- Я с тобой вполне согласен. Но только насмотрелся я их в Арктике предостаточно: всяких лент, драпри, сполохов и прочих красивостей. Поэтому если я и испытываю к ним интерес, то только с профессиональной точки зрения.

Почувствовав, что у Миляева проснулся лекционный "зуд", я поспешил этим воспользоваться для расширения своего научного кругозора.

- В общем, - продолжал Миляев, - об электрической природе этого явления писал еще Ломоносов. Но сейчас нам, геофизикам, уже многое известно. Это все фокусы "солнечного ветра". Представь себе, что солнце излучает гигантский поток заряженных частиц-корпускул. Они мчатся с огромной скоростью, пока не достигнут магнитного поля Земли. И тут начинается самое интересное.

Они сжимают его силовые линии на солнечной стороне, в то время как на ночной вытягивают их в невидимый "хвост" длиной во многие миллионы километров. Потоки корпускул проникают в "хвост" и, натолкнувшись на сильные электрические поля, под их воздействием устремляются к Земле, разгоняясь до скорости десять тысяч километров в секунду. Силовые линии магнитного поля направляют их в районы полюсов Земли. Примерно на двадцать третьем градусе широты они проникают в ионосферу и здесь сталкиваются с молекулами газов. Под ударами корпускул молекулы начинают излучать свет: кислорода - красный и зеленый, азота - голубой. Все остальные оттенки - смесь основных тонов. Правда, существуют и другие теории, но о них как-нибудь в следующий раз, а то больно холодно сегодня.

Вдохновленный миляевским рассказом, я решил пополнить свои знания в сомовской библиотеке. Без труда отыскав книгу "Ломоносов и Арктика", я сразу наткнулся на известные ломоносовские стихи:

Что зыблет ясный ночью луч?

Что тонкий пламень в твердь разит?

Как молния без грозных туч

Стремится от земли в зенит.

В 1753 году в трактате "Слово о явлениях воздушных и электрической силы" М. Ломоносов предположил, что сияния имеют электрическое происхождение. Возникают они над открытым морем, "теплоту изрыгающем", в результате трения, поднимающегося над открытой водой теплого воздуха со встречными потоками холодного.

Несмотря на несовершенство и примитивность приборов, имевшихся в его распоряжении, Ломоносову удалось произвести первые измерения высоты северных сияний и их классифицировать.

Это позволило ему написать: "Франклинова загадка о северном сиянии, которого он в тех же письмах (Б. Франклин. Письма об электричестве, 1750 г. - В. В.) несколькими словами касается, от моей теории весьма разнится. Ибо он материю электрическую для произведения северного сияния от жаркого пояса привлечь старается, я довольную нахожу в самом том месте, то есть эфир, везде присутствующий. Он места ее не определяет; выше атмосферы полагаю. Он не объявляет, каким она способом производится; я изъясняю понятным образом. Он не утверждает доводами, я сверх того истолкованием явлений подтверждаю".

30 ноября.

Арктика не прощает небрежности и тем более ошибок, за которые порой приходится жестоко расплачиваться. Сегодня действие этой заповеди ощутили на себе наши ледоисследователи. По программе сегодня им предстояло бурение на годовалом льду. Поскольку толщина нашего пака аж три метра, Гурий и Ваня, одевшись потеплее, отправились на восточный край поля. Ориентируясь по вешкам, они перевалили через небольшую гряду торосов, чтобы выбраться на однолетнюю льдину.

Пройдя еще метров двести, они обернулись. Лампочка, ярко светившая на верхушке радиомачты, исчезла. Однако они решили не возвращаться, рассчитывая на вешки, которые должны были торчать где-то поблизости. Но как ни светили они "летучей мышью", вешки как "в землю провалились". Особенно обидно было, что дорога была знакомой - они не раз ходили по ней проводить наблюдения в светлое время, а сейчас бродили они долго. Так не хотелось возвращаться с пустыми руками.

- Пойдем вперед, - решил Гурий, - рано или поздно мы наверняка упремся в груды торосов, образовавшихся у кромки нашего поля.

Но где же эта знакомая гряда торосов? Пройдя шагов сто, они наткнулись на торосистую гряду. Но это были совсем другие, совершенно незнакомые торосы. Может быть свет фонаря исказил их очертания? Нет, торосы были явно "не те". Дальнейшие события красочно описал в своем дневнике Яковлев:

"Неожиданно впереди мелькнули два каких-то желтоватых пятна, которые почему-то в моем сознании сразу превратились в двух медведей. Один из них как будто спит, другой лежит.

Моментально бросив бур и инструменты на снег, я вытащил пистолет. Ваня, не раздумывая, последовал моему примеру. Правда, мы не очень испугались, так как два пистолета - защита надежная.

Однако какую же избрать тактику? Наступать или отходить? Решили, что отступать неосмотрительно, так как, если это действительно медведи, так они бесшумно погонятся и могут снять с нас скальпы. Лучше встретить опасность лицом к лицу, как и подобает "храбрым полярникам". Мы не могли уличить друг друга в трусости или, наоборот, позавидовать отменной храбрости, так как в темноте не было видно, как ведут себя дула наших пистолетов, неподвижны они или вычерчивают замысловатые фигуры, выдавая наше душевное состояние. Проходит минута, другая... А мы все стоим с поднятыми пистолетами, а желтые пятна к нам не приближаются... хотя, кажется, шевелятся. Неужели мы так и будем стоять друг против друга, пока не замерзнем? Нет, надо двинуться навстречу неизвестной опасности. Сделали несколько шагов. Ноги слушаются не очень охотно. Опять останавливаемся, напряженно вглядываемся, но противник как будто не идет на сближение. Тихо, слышно только, как учащенно стучит сердце. Еще два-три шага, и снова остановка. Пистолеты направлены прямо на чуть виднеющиеся пятна. Да, как будто это два медведя. Что делать? Может быть, уже стрелять? Еще миг, еще шаг, почему-то уж очень маленький, - и два несчастных Аякса остановились как вкопанные. Наш фонарь неожиданно выхватывает из темноты... две бочки из-под горячего... Одна из них стоит, а другая лежит возле нее. Обе

полузанесены снегом, поэтому контуры их совершенно размыты".

Все страхи были сразу же позабыты. Аэродром. Вон темнеет на снегу посадочный знак "Т". Оказывается, в темноте они заплутали и пошли в противоположную сторону. Успокоенные, они вернулись к оставленным на снегу бурам, а вскоре набрали на знакомый торос и вышли к желанному полю.

Но его не узнать. Все поле изломано, переторошено. Возле опытных скважин прошла гряда свежих торосов, а под ними оказались погребенными все сторожки от старых скважин. Пришлось начинать все заново. Пробыли скважины, замерили толщину льда, который стал уже нарастать снизу. Обратно шли весело переговариваясь, посмеиваясь над своими недавними страхами, а взобравшись на торос, увидели наконец лампочку-маяк на радиомачте.

В общем все кончилось благополучно, однако Сомов после этого случая запретил удаляться от лагеря вне видимости лампы-маяка. Такой риск - дело отнюдь не благородное, заключил он свою короткую речь.

1 декабря.

Откидная дверь на камбузе, обитая оленьей шкурой, создает некоторые неудобства. Стоит ее неосторожно приподнять, как иней, густо покрывающий мех, сыплется за воротник. Поэтому со временем все освоили новый метод проникновения в кают-компанию. Дверь осторожно приподнимают и, просунув ноги вперед, рывком протаскивают тело. Тоже не очень удобно, но зато вполне безопасно. С некоторой поры я без труда узнаю, кто ко мне пожаловал в гости. Серые изношенные валенки - значит Саша Дмитриев, упорно не признающий преимущества унтов. Коричневые унты с черными, словно выпачканными углем пятнами - это Жора Щетинин. Светло-коричневые с обожженным мехом - Гурий Яковлев.

2 декабря.

Чистка зубов, утреннее умывание и легкая зарядка - неотъемлемая часть нашего быта. Сомов требует неукоснительного их выполнения, считая, что помимо личной гигиены и пользы для здоровья они способствуют поддержанию "морального духа".

Однако обряд гигиенических процедур превращается с утра в цепь мелких испытаний нервов и терпения. Они начинаются с вылезания из спального мешка, напоминающего прыжок в ледяную прорубь. Чтобы умыться, надо сперва растопить лед, в который за ночь превращается заготовленная накануне вечером вода. От мытья снегом мы давно отказались.

Его кристаллы на тридцатиградусном морозе не успевают растаять от тепла ладоней и лишь царапают кожу лица. Затем следует бритье. Впрочем, в последнее время от него многие отказались и стали отпускать бороды. Одни, чтобы избавиться от хлопот, связанных с этой процедурой. Другие - усматривая в бороде атрибут "бывалого полярника", третьи считают, что борода хорошо защищает от холода. Яковлев же утверждает, что для него борода - источник питьевой воды, поскольку за время очередного "срока" на ней намерзают сосульки, которые прекрасно утоляют жажду. Я тоже перестал бриться, поскольку, однажды заглянув в зеркало, пришел к выводу, что борода очень подойдет к моей английской трубке и придаст больше мужественности моей физиономии. Только четверо - Сомов, Никитин, Миляев и Комаров, - не теоретизируя, продолжают ежедневно выскабливать свои щеки.

Впрочем, бритье составляет лишь самую малую толику наших бытовых трудностей. Все это меркнет по сравнению с необходимостью ходить в уборную.

Правда, Комаров соорудил фанерную будку, намалевав на дверях соляркой большую букву "М", но даже кратковременное пребывание в ней со спущенными штанами (а оно при нашем питании обычно бывает продолжительным) превращается в испытание мужества. Сидишь в крошечной тьме под завывание ветра, то и дело треща замерзающий зад и прислушиваешься к каждому шороху: не медведь ли? С некоторых пор многие даже берут с собой в туалет колы: так, на всякий случай.

А тут возникла еще одна немаловажная проблема - банная. За несколько месяцев наша одежда, многослойная, как капустный кочан (нижнее трикотажное белье, шерстяное белье, свитер, суконная куртка, меховой жилет), пропиталась потом, и тело зудит, словно искусанное насекомыми. Правда, от последних - бог миловал. Видимо, ни одна ползающая тварь не выдерживает полярного холода, не то, что человек. В летнее время организовать баню было несложно. Грело, хотя не очень, солнце, и воды было хоть отбавляй. Бери из любой снежницы, наполни до краев бак, разогрей на АПЛ и плескайся себе на здоровье досыта. А упаришься - ныряй в озеро, голубеющее прямо у входа в палатку.

Другое дело сейчас. Темнота, снег, мороз, да и бензина - в обрез. Но терпеть стало больше нелегко.

- Михал Семенович, - обратился Сомов за ужином к Комарову, - не пора бы баньку организовать? Все небось истосковались по горячей воде.

- Будет сделано, - охотно отозвался Комаров. - Чего ж там откладывать? Счас прямо и пойду городить банный агрегат. Он у меня с лета лежит в мастерской.

Агрегат, о котором напомнил Комаров, состоял из трехсотлитровой бочки из-под бензина, в центре которой к отверстию в днище была приклепана широкая труба. Эдакий своеобразный самовар. Для бани выделили запасную гидрологическую палатку, обложили ее снежными кирпичами, пол застелили листами фанеры и покрыли брезентом. По окружности палатки у стенки поставили ящики-полки. Общими усилиями нарезали целую гору снежных кирпичей. Главным банщиком назначили безотказного Зяму Гудковича. Агрегат поставили на высокую железную треногу, разместив под ним АПЛ. Наконец все предварительные работы были закончены: бочку набили снегом, АПЛ заправили бензином, и она, весело гудя, принялась за дело. К вечеру в бочке заурчало, забулькало, и первая партия счастливых, вооруженная мочалками, мылом и единственным, сохранившимся с летних времен веником, скрылась за откидной дверцей бани.

Как описать оханья и уханья поклонников мыла и горячей воды, забравшихся, чтобы не отморозить ноги, на ящики? Лампа гудела, вода в "самоваре" весело клокотала, пар клубился, и вниз на фанеру стекали черные потоки мыльной воды.

Согласно неписаным станционным правилам, последними в баню пошли Сомов с Никитиным. Они уже сбросили всю одежду, основательно намылились, налили шайки до краев горячей водой, как вдруг лампа фукнула и погасла. Гудкович, взявшись за починку, присел на корточки, поковырялся примусной иглой в капсуле, подкачал насосом, подернул регулятор и, промолвив: "Теперь полный порядок" - поднес спичку. Раздалось громоподобное уу-фф, и к потолку взлетел столб пламени. Палаточный пол вспыхнул, как спичка. Шайки были мгновенно выплеснуты на огонь, бак перевернулся, и водопад обрушился на злосчастную АПЛ. Пожар удалось погасить довольно быстро.

- Ничего себе попарились, - ворчал Макар, стирая с себя подсохнувшую мыльную пену. Но Сомов, которому и на этот раз не изменил оптимизм, засмеялся в ответ:

- Хорошо бы мы выглядели, если бы пришлось нагишом бежать по сорокаградусному морозу по снегу. Считайте, Макар Макарович, что мы с вами отделались легким испугом.

За ужином, на котором в честь бани и воскресенья было разрешено по "пять капель" коньяка, эта история была предметом шуток и подначек в течение всего вечера. Хохотали все: и четыре пары "чистых" (отличавшихся белыми, отмытыми от многомесячной грязи лицами), и пара "нечистых", закопченных, как трубочисты, и немытый Гудкович.

- Нет, вы поглядите на них - прямо пещерные человеки, - измывался Гурий Яковлев, расчесывая рыжеватую бородку. - Им бы сейчас копы в руки и живого мамонта рядом.

- Кстати о мамонтах, - вдруг расплылся в улыбке Сомов, видимо вспомнив один из самых блестящих арктических розыгрышей.

Все наострили уши, предвкушая необыкновенную историю.

- Так вот, - начал свой рассказ Сомов. - Дело было во время экспедиции "Север-3". Мы тогда в ожидании погоды куковали на Диксоне. Как поется в песне, "четвертый день пурга качается над Диксоном". Самолеты экспедиции были едва видны за огромными сугробами, а ее многочисленные участники, ругая синоптиков (будто они были в чем-то виноваты), изнывали от безделья и развлекались как могли: кто преферансом, кто домино, кто чарками спирта и бородатыми анекдотами, или просто спали по двадцать часов в сутки, поднимаясь лишь на прием пищи.

Пассажирский зал недостроенного аэропорта походил на шумный цыганский табор. Просторное помещение было вдоль и поперек завалено мешками с полярной одеждой, ящиками с научным оборудованием и запасами продуктов, заставлено раскладными походными койками, на которых в живописных позах коротали время "пленники пурги".

Володя Шамов - второй пилот трудяги-Лишки (Ли-2) - просматривал очередной сон, когда кто-то потряс его за плечо. Он приоткрыл глаза и увидел нагнувшуюся над ним полуодетую фигуру бортмеханика Васи Мякинкина.

- Ну чего тебе, - недовольно пробурчал Шамов. - Такой шикарный сон видел: Сочи, пляж, девочки. И надо же было тебе разбудить меня на самом интересном месте.

- Потом досмотришь. Небось утомился "сдавать на пожарника". Дело есть.

- Ну говори скорее, что там у тебя за дело, а то я хочу сон досмотреть. Пурга не унялась?

- Унялась, не унялась - какая разница, - сказал Мякинкин, - дело-то срочное. Надо побыстрее спецгруз оформить.

- Что же это за такой важный груз? Опять начальство какую-то хреновину надумало?

- Сено!

- Сено?

- Ты часом не поддал прилично и закусить забыл? - съехидничал Шамов. - Какое на Диксоне может быть сено?

- Самое что ни на есть обыкновенное сено. Травка такая, желтенькая, мягонькая.

- Мы что ж, на полюс коров повезем?

- Не коров, а мамонтов! И не на полюс, а в Москву!

- Мамонтов!! - Шамов даже привстал в мешке от удивления. - Откуда тут, на Диксоне, мамонты?

- Да не на Диксоне - на Чукотке. Самые натуральные, все в шерсти, с клыками и даже хвостик сохранился. Их там на Чукотке выкопали из вечной мерзлоты, а они взяли и оклемались. Вот и задали начальству задачу. На Чукотке кормить их нечем, а навигация только в июле начинается. Не ровен час помрут: в самолет их ведь не засунешь. Вот и порешили гнать их своим ходом до Архангельска. А чтобы бедняги по дороге не померли с голодухи, приказано сбрасывать им с самолета сено.

- Ну и дела, - пробормотал Шамов, уже совершенно проснувшись. - А разве мы в одиночку с этим делом управимся?

- Конечно, не управимся. Поэтому такое же задание поручили экипажам Котова и Малькова. Но завыка в том, что сено в порту заготовлено в двух видах: в тюках и россыпью. Поэтому надо успеть получить брикетированное. Его и грузить легче, и сбрасывать проще. А если достанется рассыпное - с ним хлопот не оберешься. Так что давай поторопись, дуй к начальнику аэропорта. Будет отказываться - не поддавайся. Стой, как панфиловцы у Дубосекова. Посули, что мы в долгу не останемся. Нужен спирт - дадим пару канистр. Нужна нельма - обеспечим.

Сопя и чертыхаясь, Шамов накинул на плечи меховой реглан, нахлобучил малахай, сунул ноги в унты и пошел к выходу. Едва за ним захлопнулась дверь, все повскакали с коек и, одеваясь на ходу, ринулись следом за Шамовым.

Переступив порог кабинета начальника аэропорта, Володя стянул с головы малахай и, прокашлявшись с мороза, сказал:

- Привет начальству!

- Здорово, Шамов. С чем пожаловал, небось опять бензин будешь просить?

- Никак нет.

- А что за срочность такая? Летной погоды еще дня четыре не будет. Успеете сто раз загрузиться.

- Успеть, конечно, успеем, но лучше загодя договориться, чтоб потом горячку не пороть.

- Предусмотрительный ты у нас человек. Ну выкладывай, что надо.

- Сено! - выпалил Шамов.

- Сено? Вы что, на полюс коров повезете? Или льдину устлать будете, чтобы посадка была помягче? - И он весело расхохотался.

- И что в этом смешного, - обиделся Шамов. - Это ведь не моя блажь а важное задание. Правительственное, - произнес он с расстановкой. - Сено необходимо, чтобы кормить мамонтов.

- Мамонтов? - Начальник даже задохнулся от удивления. - Откуда на Диксоне мамонты?

- Да не на Диксоне, а на Чукотке. Их там археологи или там палеонтологи в вечной мерзлоте раскопали, а затем оживили и теперь гонят по тундре своим ходом. А чтобы они от голода не померли, приказано каждые 50 километров сбрасывать им сено. Вот я и пришел, чтобы вы нам тонн

десять выписали, но желательно, только брикетированное, а не россыпью. Иначе - хана.

- Да откуда у меня брикетированное сено, у меня вообще никакого сена нет. Послушай, Шамов, ты часом не захворал? - участливо поинтересовался начальник. - Может, доктору позвонить?

- Правильно меня предупреждали, что здесь, на Диксоне, бюрократ на бюрократе, - взорвался Шамов. - Нету сена. Да есть у вас сено. Я точно знаю, только вы его для своих коровок приберегаете, а на летчиков вам наплевать.

Трудно сказать, какой оборот приняли бы дальнейшие события, если бы под напором тел не распахнулась дверь и в кабинет не ввалилось десятка два людей, задыхавшихся от хохота.

Шамов все понял.

- Ну, Васька, гад, попомню я тебе твоих мамонтов, - зло бросил он и выбежал из кабинета.

Но история с мамонтами получила неожиданное продолжение. Дня через три пурга выдохлась окончательно, и вокруг самолетов закипела бурная жизнь. Под замасленными брезентовыми полотнищами зарычали АПЛ (авиационные подогревательные лампы, похожие на огромные примуса). Механики остервенело колотили по примерзшим ко льду колесам внушительными деревянными молотками, ласково называемыми микрометрами. Машины подвозили к самолету экспедиционные грузы.

К шамовскому Ли-2 подкатил загруженный "под завязку" "виллис". Из него вылез штурман, держа в руках вместительный портфель из черной кирзы, набитый полетными документами, а следом за ним вывалились на лед трое московских корреспондентов, обвешанные фотокамерами, волоча за собой громадные брезентовые мешки с полярными шмутками. Сопя и чертыхаясь, они вскарабкались по обледевшей стремянке в грузовую кабину и без сил повалились на оленье шкуры, в три слоя устилавшие дюралевый пол.

Наконец двигатели взревели в последний раз, самолет вздрогнул, покатился, набирая скорость, по взлетной полосе и, мягко оторвавшись, устремился на восток.

Вся журналистская тройца была в Арктике впервые, они жаждали информации и поэтому появление в грузовой кабине Володи Шамова встретили радостными приветствиями.

- Милости прошу к нашему шалашу, - сказал старший группы. - Может, по маленькой по случаю знакомства? Присаживайтесь. Чем богаты - тем и рады, - и он широким жестом показал на белую скатерку, уставленную московскими яствами.

- Миль пардон, - ответил Шамов, - в полете не пью.

- Тогда апельсинчик.

- От фруктов не откажусь. Ну как вам Арктика?

- Фантастика, - сказал самый молодой из журналистов, не отрывая глаз от иллюминатора, предусмотрительно очищенного от наледи бортмехаником;

Самолет шел на небольшой высоте. Внизу простиралось бескрайнее белое пространство тундры.

- Что это там за черные пятна виднеются? - спросил журналист.

- Валуны, - уверенно ответил мэтр. - Так сказать, остатки ледникового периода.

- Валуны, - усмехнулся Шамов. - Какие же это валуны? Это обыкновенное сено.

- Сено? - удивленно воскликнула вся тройца.

- Сено и есть. Мы уже тонн пять его сбросили. Мамонтов кормить.

- Мамонтов? - недоверчиво спросил молодой.

- Эх вы, москвичи. Журналисты, а не знаете, что на Чукотке в вечной мерзлоте нашли мамонтов. Целехоньких. Словно они только вчера заснули. Их откопали, отогрели, а они и ожили. Теперь их гонят по тундре в Архангельск. А ведь зимняя тундра - это Тундра. Там ни листика, ни травинки не найдешь. Вот мы и подкармливаем их сеном. Уже, наверное, тонн десять сбросили.

Корреспонденты, раскрыв блокноты, торопливо строчили карандашами. Старший, пользуясь предоставленными ему привилегиями, даже попытался передать с борта корреспонденцию в Москву. Но, ссылаясь на режим секретности, командир отказал.

В газетах эта удивительная информация так и не появилась.

Веселый смех был наградой рассказчику. Мы были готовы сидеть до самого утра. У каждого в запасе оказалась какая-нибудь необыкновенная история. Но тут за стенкой палатки что-то ухнуло, и мы, напяливая на ходу свои оттаявшие анораки, бросились из палатки. К счастью, тревога оказалась ложной. А сколько этих тревог ожидало нас впереди, и далеко не ложных.

Глава VI МЕДВЕДЬ - ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Программа научных исследований настолько обширна, что к вечеру все выматываются до предела. Постоянный холод, ночной мрак отражаются на характерах и поведении людей. К счастью, мелкие ссоры, по пустякам, никогда не переходят в серьезные конфликты, и нарушенный мир быстро восстанавливается.

Лучшим лекарством для нервов служат вечерние посиделки. Наша палатка - самая просторная, и по временам, отработав очередной срок, в нее набиваются уставшие, промерзшие гости. Большой ящик из-под папирос накрывается чистым полотенцем, из заглазника достаются остатки московских продуктов, режется твердокопченая колбаса, на столе появляется свежий лук, чеснок. Паяльная лампа дышит теплом. Большие железные кружки доверху наполняются крепкозаваренным чаем и начинаются душевные беседы о доме, о семье, извлекаются из карманов заветные фотографии, их сменяют анекдоты (в большинстве своем "бородатые", дополняемые невероятными историями бывалых полярников. Но, пожалуй, самая модная (и весьма актуальная) тема - медведи.

- Ну и напугался же я сегодня, - сказал Гурий, зябко передернув плечами. - Пошел я утром на дальнюю площадку к электротермометрам. Вдруг слышу, нет, вернее, не услышал, а каким-то внутренним чутьем уловил - кто-то рядом. Ну, думаю, медведь! Выхватил револьвер, но патрон загнать не успел, как из темноты выросла какая-то белая фигура и чьи-то лапы опустились мне на грудь. Сердце словно оборвалось. И тут в лицо меня лизнул своим шершавым языком... Ропак. Сел я на снег. Сердце колотится. Руки дрожат. Весь вспотел. А Ропак, как ни в чем не бывало, повертелся вокруг и исчез в темноте.

Разговор перешел на медвежью тему.

- Вот удивительно, - сказал Петров, - летом от медведей отбоя не было. Того и гляди, слопают кого-нибудь. А сейчас хоть бы один поганенький появился. Так нет. Куда они запропастились?

- А ты, док, хоть раз видел живого белого медведя? - тоном бывалого охотника спросил Дмитриев. - Небось только в Московском зоопарке?

- Видел, Саша, видел. И не дай бог увидеть его еще раз, как на Северной Земле. Дело было в 1949 году. На Северной Земле, прямо на льду пролива Красной Армии была организована промежуточная база экспедиции. Навезли туда всякого добра: бензин, научное оборудование, продукты, а с мыса Челюскин приволокли большую бочку кислой капусты.

Поставили две палатки и разместились с удобствами. Благо, оленьих шкур у нас было навалом и продуктов до отказа предостаточно. Живи себе в тепле и уюте, попивай чаек (и не только чаек, кое-что из Москвы для сугреву прихватили). Метрах в пятидесяти от палаток соорудили стеллаж для продуктов, подкатали пресловутую бочку с кислой капустой и поставили на попа. Погода стояла отличная, и первая ночь на льду прошла спокойно. Шум начался поутру. Нас пробудил истошный крик вахтенного: медведи!!! Нас буквально выдуло из спальных мешков.

Глядим, у стеллажа пасется медвежья парочка. Один небольшой - видимо, медведица, второй - настоящий гигант. Ничего не скажешь - царь арктической пустыни. Пока мы обменивались восторженными выкриками: ну сила, вот это медведище, медведь стал на задние лапы и, запустив когтистую лапшу в бочку, зачерпнул приличный шмат капусты. Зрелище огромной зверюги, поедающей капусту, было настолько умиротворяющим, что мы, забыв об опасности, решили разглядеть гостей поближе.

Но самым прытким оказался наш инженер. Он нырнул обратно в палатку и, держа в руках фотоаппарат, побежал к стеллажу, не обращая внимания на крики: стой, куда ты, назад. Метрах в десяти от медведей он припал на колени и давай щелкать камерой, увековечивая фантастическое зрелище медведя-вегетарианца.

И тут, произошло неожиданное. Медведь развернулся и, сделав два огромных прыжка, очутился рядом с фотографом. Тот уронил камеру и, словно окаменев, от страха повалился на снег, закрыв голову руками. Мы застыли в ужасе. Медведь занес когтистую лапу над жертвой. Еще мгновение... И в этот момент из палатки выскочил наш шифровальщик Саша Васильев с карабином в руке.

Почти не целясь, он выпалил в медведя. И, о чудо, зверь зарычал и замертво повалился на инженера. Пуля угодила прямо в сердце.

Медведица, напуганная выстрелом, отбежала в сторону, а мы кинулись к нашему товарищу. Оттащили тушу. К счастью, инженер не пострадал. Но еще двое суток он молча сидел в углу палатки, потеряв дар речи.

Самое удивительное в этой истории оказалось, что в карабине был единственный патрон. Да, дорого мы могли заплатить за наше легкомыслие. А ведь знали, что Северная Земля - царство медведей.

- А меня тоже чуть медведь не сожрал, - сказал Дмитриев, разглаживая свою мохнатую бороду.

Все заулыбались, ибо эту историю, приключившуюся с Сашей летом, слышали от него неоднократно в разных вариантах, каждый раз обраставшую новыми подробностями. Но в нас с Миляевым он нашел благодарных слушателей.

- Вот как сейчас помню, - начал Саша свой рассказ, - дежурил я по камбузу. Приготовил обед и решил узнать у кого-нибудь, который час: не пора ли приглашать к столу. Вышел из палатки, гляжу, из аэрологического павильона Канаки показался. Потянулся, прищурился на солнышко. Я ему кричу: "Вася, который час? Обед уже готов". Он оттянул рукав, чтобы на часы посмотреть, да вдруг как заорет: "Сашка, берегись. Медведь!!!" Я обратно шашь в палатку. Я сначала вроде бы и не понял, где он медведя увидал. Обернулся и обомлел. На сугробе у камбуза зверюга стоит метров на восемь.

- С гаком, - не выдержал Гурий.

Дмитриев посмотрел на него, вложив в свой взгляд бездну презрения, и невозмутимо продолжал:

- Поднялся он на задние лапы, носом водит, вынюхивает, значит, чем поживиться.

Я туда, сюда. А карабина нет. Дернул меня черт поставить карабин у палатки радистов. Так разве туда добежишь? Вдруг он, гад, как прыгнет через сугроб. Я нырь в камбуз, дверь захлопнул, а он уже тут как тут. Толкнулся в дверь и аж зарычал от злости. Он напирает, а я держу что есть силы и думаю: "Ну, конец тебе, Саня". Вдруг рядом как бабахнет. Медведь заревел благим матом и бежать. Что тут началось... Все повыскакивали из палаток, вопят, из карабинов палят. Медведь метров пятьдесят пробежал и свалился. Охотники его окружили. Каждый кричит, клянется, что это он убил медведя. А громче всех - Комаров. Я, говорит, точно видел, как моя пуля прямо под лопатку ему попала. Он даже подпрыгнул. Пока охотники спорили, кто из них самый меткий, Вася финку вытащил и распорол медведю брюхо. Тут все кинулись пули искать. Одну в самом сердце нашли - это уж точно Васина была, - а две в заднице сидели. Вот тебе и снайперы. Смех и горе.

Пошумели, поспорили, а тут Михал Михалыч и говорит: вы бы лучше посмотрели, что там у него в желудке. Интересно, чем же он питался, забравшись так далеко от берега. Канаки разрезал медвежий желудок. И знаете, что там в желудке у него оказалось? Ни в жисть не поверите. Капустная кочерыжка и три папиросных окурка.

- То-то он к тебе, Саша, на камбуз приплелся перекусить, - заметил с ехидцей Щетинин.

Конечно, даже в светлое время встреча с белым медведем опасна, хотя и не столь страшна. Но столкнуться с хозяином Арктики нос к носу в полной темноте... Бррр!

И хотя никто уже давно не замечал в окрестностях лагеря не только медведей, но даже медвежьих следов, все испытывают тайный страх при выходах на аэродром, на исследовательские площадки и даже при посещении туалета.

Не случайно Никитин во время своего дежурства записал в вахтенный журнал: "Темнота вносит много неудобств. Наружные работы можно проводить только с освещением. Человек привыкает ко всему. И с этим неудобством можно смириться. Но вот с постоянной угрозой встречи с медведем никак не свыкнешься. И это отравляет все существование. В темноте очень легко можно столкнуться с медведем. Поэтому всегда приходится держать оружие наготове и все время оглядываться по сторонам".

Правда, получив привезенные мной кольты, многие приободрились, но уверенности в полной безопасности и они не принесли. Этому способствовала история, приключившаяся с ледоисследователями. Отправившись в поход на старое авиационное поле, чтобы измерить прирост льда, Гурий решил проверить мощь своего оружия. Установив на торосе бочку из-под масла и отмерив шагов тридцать, Яковлев тщательно прицелился и спустил курок. Но выстрела не последовало. Он судорожным движением перезарядил пистолет и снова нажал спуск. И снова никакого эффекта. Иван Петров последовал его примеру, но кольт снова не сработал.

Все объяснилось просто. Ледоисследователи не удалили смазку, и она застыла на сорокаградусном морозе, превратив кольт в холодное оружие. Пришлось вечером всех собрать в кают-компанию и, после мудрого изречения Комарова - "Техника в руках дикаря - кусок железа", каждый под моим надзором разобрал свой пистолет, тщательно промыл бензином, удалив остатки смазки.

Чувствуя себя виноватым в том, что не позаботился объяснить раньше о коварстве "смазки", я прочел целую лекцию о правилах хранения оружия. Поскольку принесенное с холода в теплую палатку оружие отпотеваает и его детали покрываются капельками влаги, стоит его вытащить снова

на холод, как влага замерзнет. В результате затвор не сработает. Поэтому пистолет надо оставлять в тамбуре палатки или держать на полу, где, как вы сами знаете, достаточно прохладно. Кроме того, хотя бы раз в неделю надо проверить пистолет, удалить снег и лед из ствола, а затвор прочистить палочкой. Если затвор замерз, надо сперва отогреть его и лишь после этого приступать к чистке.

Надо сказать, что после этого занятия все неукоснительно выполняли полученные предписания и вера в надежность пистолетов была восстановлена.

Наша вчерашняя медвежья полемика получила свое неожиданное продолжение. Перед обедом Дмитриев заглянул ко мне на камбуз.

- Скажи, доктор, а медвежати́на не опасна для здоровья?

- С чего это ты заинтересовался этим вопросом? Вроде бы в наших запасах медвежье мясо не числится?

Саша смущенно помялся:

- Мы ведь того медведя схарчили. А Канаки из медвежьей печени такое жаркое изготoвил - пальчики оближешь.

- Ну ладно, выкладывай, - сказал я, сообразив, что это пиршество имело какие-то последствия.

- Понимаешь, у некоторых ребят на следующий день начались неполадки с желудком. Кого понос пробрал, кого весь день тошнило. У Васи даже температура поднялась. А у меня через неделю вдруг стала кожа шелушиться. Мы, правда, эти неприятности от Сомова скрыли, думали, все они от испорченных консервов.

Я еще не успел ответить, как Костя Курко, захвативший конец Сашиного рассказа, добавил:

- Это Санька чего-то наготoвил. Меня тоже два дня желудок мучил.

Время было обеденное, и я воспользовался случаем попотчевать слушателей маленькой лекцией о вредности медвежьей печени.

- И я тоже после этого блюда два дня чувствовал себя прескверно, - сказал Петров, - голова прямо раскалывалась от боли, в туалет пришлось бегать семь раз на день и в желудке была такая тяжесть, словно я булыжник проглотил.

- Да вы, братцы, просто отравились медвежьей печенью, - сказал я, мигом припоми́нив многочисленные упоминания об этой болезни в дневниках полярных путешественников.

- Отравились? - недоверчиво спросил Ваня. - Вот уж никак не думал, что медвежья печень ядовита.

- Именно отравились, - подтвердил я. - Об этой полярной хвори было известно еще в XVI веке. Но, пожалуй, первым ее симптомы довольно подробно описал Кент Кэн в 1853 году во время Второй Гринельской экспедиции. "Однажды из печени медвежонка я велел приготовить себе ужин и дорого поплатился за свою неосторожность: в тот же вечер я почувствовал тошноту и другие признаки отравления. Этот случай доказал, что общее мнение о ядовитости медвежьей печени - не пустой звук". А небезызвестный вам штурман Альбанов написал в своем дневнике: "Могу сказать по моему опыту, что печень белого медведя вредна. У всех сильно болит голова, так что можно подумать, что мы угорели и даже хуже. Кроме того, у меня во всем теле была сильная ломота, и у многих расстройство желудка". Врач полярной экспедиции на Землю Франца-Иосифа в 1884-1887 годах Кетлиц наблюдал те же явления у полярников, полакомившихся медвежьей печенькой. У тех, кто съел ее в большом количестве, была рвота и тошнота. Это состояние продолжалось 7-8 часов. Об отравлении печенью белого медведя упоминали Ю. Пайер, Д. Де-Лонг, Э. Норденшельд и многие другие знаменитые полярные путешественники.

- Это за какие такие грехи природа наградила медведя ядовитой печенью? - поинтересовался Зяма Гудкович.

- Так ведь не только медведя, и тюленя, и морского зайца, а также кита, моржа и даже акулы, - пояснил я, - причем, что интересно, у всех людей, поевших печеньку, заболевание протекало примерно одинаково. Примерно через два-три часа появлялись тошнота и головная боль, рези в желудке, сердцебиение. К ним присоединялся озноб, чувство жара во всем теле, головокружение, светобоязнь, боли при движении глазных яблок, а у некоторых многократная рвота. Температура подскакивала до 39-40°. Все острые явления обычно стихали через 24-72 часа, но у всех заболевших начинала шелушиться кожа, которая порой отходила целыми пластами, начиная с лица, затем на туловище, на руках и ногах. А затем наступало полное выздоровление. Интересно, что тяжесть всех симптомов зависела от количества съеденной печени.

Причина этого странного недуга долгое время оставалась загадкой для медиков. Правда, известный врач и полярный исследователь Бунге еще в 1901 году высказал предположение, что виновником ее является витамин А, который, по-видимому, содержится в большом количестве в медвежьей печени. Исследования, проведенные в последующие годы, подтвердили догадку Бунге. Оказалось, что только в одном ее грамме содержится до 20 тысяч международных единиц ретинола - витамина А.

- Ну нам твои международные единицы ничего не говорят, - сказал Петров, - ты нам без науки объясни, сколько это будем грамм или миллиграмм.

- Это примерно 6 миллиграмм витамина. А человеку для удовлетворения насущных потребностей в витамине А нужно всего-то 1-3,5 миллиграмма. Вот и получается, что, съев кусочек печени весом в 150-300 граммов, человек получит одномоментно гигантскую дозу витамина А, что, естественно, и ведет к отравлению. Вот так-то.

Глава VII ДНЕВНИК(продолжение)

4 декабря.

К счастью, цинга у нас не прописана и появиться у нее нет никаких шансов. Но другие хвори не обходят нас стороной. Большинство из них вызвано холодом и условиями работы. Сегодня Щетинин пришел с метеоплощадки (он там помогает Гудковичу) и сразу завалился на койку.

Смерил температуру - 39°. Курко немедленно призвал меня на помощь. Стоило мне заглянуть в Жорино горло, как стало ясно - фолликулярная ангина. Я развел кружку марганцовки и заставил полоскать горло каждые три часа. Жора человек крайне дисциплинированный, и я спокоен, что мои предписания он будет выполнять неукоснительно. Напичкав пациента таблетками стрептоцида и вколов ударную дозу пенициллина ему в ягодицу, я приказал ему лежать и не рыпаться и удалился восвояси, поставив перед уходом спиртовой компресс на шею.

Настроение у него мрачное, но, по-видимому, причина не столько в болезни, сколько в дополнительных заботах, которые он создал Курко, и особенно Зяме. Я утешил его тем, что будем подменять Гудковича во время метеосроков.

- Может, доктор, мне все таблетки сразу принять? Быстрее поможет, - просипел он.

- Точно поможет, - отозвался Курко, не отрывая пальцев от телеграфного ключа. - Только не тебе, а доктору. У него сразу станет на одного пациента меньше.

Любая болезнь неприятна. Но хвори здесь, на станции, всегда окрашены особенностями нашей жизни. Это и тревога за исход болезни, которая усугубляется постоянной темнотой и ожиданием "незапланированной" подвижки льдов, и чувство неловкости перед товарищами, которые вынуждены работать с двойной нагрузкой.

К моему удовлетворению, я уже сыскал к себе доверие как врач и стараюсь оправдать его, используя весь арсенал имеющихся у меня средств - от антибиотиков до анекдотов.

5 декабря.

Свободное время на камбузе я заполняю не только стихами и песнями. В нашей хотя и маленькой библиотеке немало книг, принадлежащих перу известных полярных путешественников: Нансена, Амундсена, Пири, Врангеля, ДеЛонга и других. Перелистывая страницы этих увлекательных книг, я нередко ловлю себя на мысли, что наши трудности, хотя и немалые, меркнут по сравнению с испытаниями, выпавшими на их долю, по сравнению с риском, порой смертельным, на который они шли во имя науки.

Ведь тогда не было ни радио, ни самолетов, ни современных средств навигации. Случись что и никто бы не смог поспешить им на помощь. Случись что - и они были обречены. Только изредка судьба оказывалась благосклонной к полярным путешественникам в лице "счастливого случая". Этот счастливый случай спас гибнущую австро-венгерскую экспедицию Вайпрехта и Пайера. повстречавшую русскую шхуну "Николай" под начальством Федора Воронина. Это случай привел на Землю Франца-Иосифа американскую экспедицию Ф. Джексона, где потеряв надежду на спасение, томились почти год отважные норвежцы Ф. Нансен и Я. Иогансен. Но сколько известных полярных исследователей нашли свою могилу среди арктических льдов - Д. Франклин, Г. Седов, В. Русанов, Г. Брусилов, Э. Толль..., а сколько неизвестных. Они погибли от холода, голода и цинги.

Цинга. Я то и дело встречаю упоминание о ней на страницах книг полярных исследователей и первопроходцев. И порой у меня закрадывается мысль: а не угрожает ли и нам эта страшная полярная хворь? Конечно, я понимаю, что опасения мои совершенно беспочвенны. Ведь ее единственная причина - отсутствие в пище витамина С. Но чем-чем, а витаминами мы обеспечены сверх меры - и в таблетках, и в экстрактах, и в драже. Да и свежих продуктов - мяса, рыбы у нас пока достаточно.

Но сегодня, лежа в спальном мешке, я раскрыл книгу Ламартиньера "Путешествия в северные страны" и, как назло, сразу же натолкнулся на описание цинги, поразившей ее автора: "Распухло горло и сильно повысилась температура. Десны мои распухли и из них обильно сочилась кровь. Зубы расшатались, и мне казалось, что они сейчас выпадут, а это мешало мне есть что-нибудь твердое.

Тело мое ослабло и сделалась изнурительная лихорадка, дыхание стало отрывистым, а изо рта шел дурной запах, и при этом чувствовалась сильная жажда".

Глаза мои стали слипаться, и я, не дочитав книгу, положил ее на ящик рядом с койкой. Уже засыпая, я заметил, что Дмитриев схватил "Путешествия" и уволок их за занавеску.

Поутру, прорубив прорубь в ведре, я поплескался ледяной водой, нагрел чайник и, усевшись перед зеркальцем, принялся скоблить отросшую щетину. Я уже выбрил одну щеку, когда на пороге палатки появился Саша. Вид у него был хмурый и даже немного испуганный.

- Ты это чего, Санек?

- Заболел я, - сказал он мрачно. - Наверное, цинга.

- С чего это ты взял?

- Зубы шатаются, десны посинели и температура поднялась. Точно цинга.

Зная его мнительность, я приказал открыть рот пошире и посветил фонариком. Десны были нормального розового цвета, лишь кое-где виднелись синеватые пятнышки. Я потер их пальцем, и они тут же исчезли. В заключение осмотра я подергал пару передних зубов. Они сидели как влитые.

- Ну что, убедился? - сказал Саша. - Самая что ни на есть цинга.

- Слушай, Саня, выбрось ты эту дурь из головы. У тебя цинги и в помине нет.

- А зубы? Они же шатаются.

- Да твоими зубами можно железо грызть. Это они у тебя с перепугу зашатались.

- А от чего десны синие?

- От черничного киселя. Я его вчера на завтрак приготовил. Прополощи рот, и вся синева исчезнет, - сказал, я едва удерживаясь, чтобы не рассмеяться.

- А температура? - не унимался он.

- Да не морочь ты голову. У тебя температура ниже ноля.

- Скажи честно, ты прочитал книгу, что я оставил перед сном?

- Прочитал, - смущенно сказал Дмитриев.

- Вот тебе и причина твоей так называемой цинги.

Вот она, великая сила воздействия печатного слова. Но слова словами, а профилактика цинги была необходима и я ежедневно выдавал каждому по два желтых шарика поливитаминов и по две таблетки аскорбиновой кислоты. Этого количества за глаза хватало, чтобы не допустить коварную болезнь на станцию. Но это лишь в том случае, если мои подопечные будут следовать моим предписаниям. Однако на первых порах дело продвигалось с трудом. К витаминам почему-то многие испытывали неприязнь.

Комаров всегда старался незаметно спрятать таблетки в карман, чтобы выкинуть при первом удобном случае. Саша Дмитриев опасался, что таблетки действуют на его "мужскую силу". Щетинин - из-за нелюбви к любым медикаментам. Моя попытка выдавать витамины в компоте тоже потерпела неудачу. Они не растворялись, оседая на дно кружки, и я обнаруживал их при мытье посуды. Наконец я обозлился и пообещал пожаловаться Сомову.

- Да что ты кипятишься? - примирительно сказал Комаров. - Я уже сколько лет работаю в Арктике и всегда обходился без всяких витаминов. И видишь - здоров. Ко мне никакая цинга не прилипает.

- Вечно ты, Комар, шумишь, - сказал Курко. - Цинга - это ведь не радикулит. Не будешь глотать витамины - и прилипнет.

- Так ведь у нас навалом свежего мяса, картошки, всякие там сухие овощи. Зачем нам еще витамины?

- Ну чего вы зря спорите, - примирительно сказал Никитин. - Сказано принимать витамины - значит надо выполнять указания доктора. Это, Комар, тебе не с железками возиться. А ты бы, Виталий, взял да и просветил нас по этому поводу.

Поскольку время было обеденное и все собрались за столом, я решил воспользоваться случаем и прочитать импровизированную лекцию о цинге, ее опасности и причинах возникновения.

- Цинга, - начал я - или иначе скорбут, что на древне-датском языке обозначает болезнь рта и

желудка, известна с незапамятных времен. Еще в одиннадцатом веке она косила крестоносцев Людовика Одиннадцатого. А в период Великих географических открытий стала бичом мореплавателей. Она свирепствовала среди экипажей каравелл Колумба и Васко де Гама. От цинги страдали участники полярных экспедиций, моряки и китобои. Ее жертвами становились тысячи коренных обитателей Крайнего Севера. Но никто не знал, чем вызвано это заболевание, от которого начинали распухать и кровоточить десна, терялись силы, а тело покрывалось черными пятнами, и как справиться с этим таинственным врагом.

Среди врачей и путешественников в прошлом царило мнение, что цинга возникает из-за долгого действия холода и сырости, недостатка движений и плохого настроения. Некоторые полагали, что она столь же заразна, как чума и оспа. Джордж Де Лонг, капитан полярной экспедиции на судне "Жанетта", был убежден, что причина цинги таится в талой воде, которую используют для питья арктические путешественники. Он даже приказал смастерить специальный перегонный куб, с помощью которого получал пресную воду из морской. "Если нам посчастливится вернуться, избежав случаев цинги, я припишу это исключительно чистой воде, которую мы пьем", - записал он в своем дневнике. Ближе всех к истине оказался русский морской врач А. Бахерах, автор трактата "Практические рассуждения о цинготной болезни". "Цинга сама по себе никак не прилипчива, - писал он, - и появляется лишь тогда, когда пища бывает употребляема долгое время без всяких трав или произрастаний, без капусты, различных корней, репы и земляных яблок".

К началу XIX века английские морские медики установили, что цинги среди членов экипажей Королевского флота можно избежать, если регулярно кормить моряков свежими овощами, фруктами или выжатым из них соком.

В 1803 году по совету английского морского хирурга Джеймса Линда морякам стали выдавать в качестве лечебного эликсира от цинги лимонный сок. Эффект этого средства превзошел все ожидания. Однако истинная причина цинги по-прежнему оставалась неизвестной. Правда, в 1880 году русский физиолог Н. И. Лунин в своей диссертации "О значении неорганических солей для питания животных" доказал, что организму помимо белков, жиров, углеводов и минеральных солей крайне необходимы какие-то особые вещества, неизвестные ученым. Тридцать лет спустя польский биохимик Функ, изучая причины неврита голубей, выделил из отрубей неизвестное вещество, излечивавшее птиц от этого тяжелого заболевания. Поскольку в состав его входили амины - соединения, образующиеся при замещении атомов водорода в аммиаке углеводородными группами, - Функ решил назвать его амином жизни - витамином (vita по-латыни значит жизнь. - В. В.).

Вскоре ученые обнаружили, что причиной скорбута, или цинги, является отсутствие особого витамина, названного по предложению французского профессора Дремманда витамином С, а несколько лет спустя венгерский химик Сцент-Дьорди выделил его в чистом виде из листьев капусты и нарек аскорбиновой кислотой, т. е. кислотой против скорбута. В 1933-1934 годах была не только установлена химическая структура аскорбиновой кислоты, но найден путь ее искусственного синтеза. Семейство витаминов быстро пополнялось. Оказалось, что отсутствие их в пище являлось причиной многих недугов.

Я обвел глазами своих слушателей, опасаясь, что мой шибко научный доклад вгонит их в сон. Но, увидев внимательные лица, решил продолжать, хотя на всякий случай спросил - может, хватит.

- Давай, док, давай дальше, - подбодрил меня Гурий, - видишь, даже Комар перестал возиться со своей втулкой.

Воодушевленный доброжелательством аудитории, я принялся рассказывать, какую важную роль играет витамин С в организме человека, как он участвует в процессах окисления и восстановления, как регулирует деятельность многих органов.

- К сожалению, - продолжал я, - природа зло подшутила над человеком (кстати, и над морской свинкой тоже), лишив его организм способности производить это столь необходимое вещество. Вот почему его приходится вводить с пищей - с зеленью, свежими овощами, фруктами, свежим мясом, рыбой. В 100 граммах петрушки, хрена, зеленого лука содержится до 150 миллиграммов аскорбинки, почти суточная норма.

Королем отечественных витаминоносителей по праву можно считать шиповник. В 100 граммах сухого шиповника содержится 1500 миллиграммов витамина С.

- Ты, доктор, про сырой картофель забыл упомянуть, - сказал Гурий. - Помнишь, у Лондона в рассказе "Ошибка Господа Бога" его герои Смок и Малыш целое поселение спасли от цинги с помощью сырой картошки.

- Не знаю уж, кто нашему любимому Лондону внушил мысль о столь чудодейственном свойстве сырого картофеля. Но могу тебя уверить, что оно слишком преувеличено. В картофеле, естественно в сыром, так как в вареном аскорбиновой кислоты может вообще не быть - она разрушается при кипячении, всего 10-15 миллиграммов в 100 граммах.

- А чем же он должен был лечить этих бедолаг?

- Настояем из хвои. В ней аскорбинки - навалом. В иглах ели, например, 300-400 миллиграммов, сосны сибирской - 100-350 миллиграммов, в лиственнице - 300-500. А содержание витамина в хвое пихты достигает целых 900 миллиграммов.

- А как насчет ложечной травы? Ее в Арктике очень уважают. Считают отличным противоцинготным средством, - спросил Никитин.

- Это которая хрен арктический? Отличное средство. Впрочем, в тундре можно отыскать много подобных растений - дудник, дикий щавель, например.

- А скажи, док, сколько же нужно витамина С принимать, чтобы не заболеть цингой? - спросил Щетинин.

- В обычных условиях достаточно 70 миллиграммов. А вот в Арктике этого недостаточно. Специалисты считают, что норму аскорбинки следует для надежности увеличить в два-три раза. Потому я потчую вас ежедневно столь нелюбимыми Комаром поливитаминами. Нравится не нравится, а без них с цингой не справиться.

- Смотрите, наш доктор даже стихами заговорил, - съязвил Миляев.

6 декабря.

Наша палатка так глубоко погрузилась в снежный сугроб, что попасть в нее можно, лишь преодолев длинный узкий лаз. С научной, но и с практической целью я укрепил в центре палатки длинный шест и через каждые 25 сантиметров подвесил к нему термометры. Температурный режим в палатке был весьма своеобразен. У пола всегда хозяйничал мороз и температура не поднималась выше -15°. В полуметре от пола градусник показывал от -5° до -10°, в зависимости от количества горящих приборов, в полутора метрах столбик ртути твердо держался на нуле и лишь у потолка в дни великого обогрева температура повышалась до +10°.

В ночное время, когда газ выключался по причине безопасности (и экономии), мороз становился полным хозяином палатки. Хотя наши меховые кукули с вкладышами из якобы гагачьего пуха надежно защищали наши бранные тела от холода, но поутру, когда надо было покидать уютное гнездышко, я каждый раз вспоминал слова Ф. Нансена: "К холоду нельзя привыкнуть, его можно только терпеть".

Особе место в палатке занимал Сашин закуток, с его пестренькой ситцевой занавеской. Всем прибывавшим ранее на станцию он представлялся как гидролог. Но это было вроде бы как псевдоним у писателя. Дмитриев - шифровальщик - личность весьма ответственная на нашей совершенно секретной станции, ибо без него ни единая фраза, ни единое слово не уйдет в эфир, а без его помощи любое сообщение с Большой земли останется вещью в себе. Каждый четыре часа он забирается в свое убежище, тщательно задергивает занавеску и, раскрыв толстую шифровальную книгу, превращает каждую радиограмму в длинные столбики таинственных цифр. Как только из его закутка раздастся перестук старенькой пишущей машинки, мы с Зямой ощущаем себя эдакими разведчиками, притаившимися во вражеском тылу. Обычно на деятелей столь почтенной организации, представителем которой он является, специальность накладывает особый отпечаток на их характер и манеру поведения. Зачастую они малоразговорчивы и держатся несколько свысока с окружающими, причисляя себя к касте особо доверенных, посвященных в высокие государственные тайны лиц.

К моему удивлению и удовольствию, Саша ничем не напоминает деятелей секретной службы: он весельчак, говорун, общителен и... ужасно мнителен.

Глава VIII ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

"Мерцающая морозной пустотой, высится безграничный небесный свод. Цветные фонари свешиваются с него, поддерживаемые космическими законами. Будто духи, беспокойные и стремительные, пролетают в пространстве падающие звезды. Созвездия бесшумно меняют свое положение и исчезают за чернеющими за горизонтом торосами. На смену им поднимаются новые звезды. В круговороте стодевятидневной ночи не меркнут они, не гаснет их дрожащая улыбка. И это все..."

Ю. Пайер. 725 дней во льдах Арктики

Мы сидим в кают-компании с Ваней Петровым. Ужин закончился. Посуда помыта и мы коротаем время беседой "за жизнь".

Ваня худощавый, высокого роста, чуть сутулый. У него усталые глаза, обведенные темными кругами. Он говорит неторопливо, время от времени пощипывая свои черные усики. Всегда сосредоточен, нетороплив и даже застенчив. Несмотря на различие темпераментов, мы подружились буквально с первых дней.

Сегодня он - вахтенный, и я решил сопровождать его во время обхода лагеря. Вдвоем не так уныло тянется время. Мы бредем не спеша к дальним торосам, облитым желтоватым лунным светом, и останавливаемся, устремив взгляд в сверкающее россыпью звезд иссиня-черное небо.

Полярная ночь плывет над Северным Ледовитым океаном. Еще на заре человечества люди боялись ночной темноты: она таила в себе скрытую опасность. Под ее покровом мог неожиданно напасть враг. Ночь отождествлялась с силами зла, коварным потусторонним миром злых духов, всесильных и невидимых. И сегодня люди нередко страшатся темноты. Она подавляет психику, рождает тревогу, внутреннее напряжение, поднимая из глубин подсознания мучительные воспоминания, тягостные мысли.

Конечно, в наши дни жителями арктических поселков и полярных станций полярная ночь воспринимается по-иному. Естественно, что многомесячный ночной мрак создает немало помех в работе вне помещений, осложняет передвижение, а бороться с его угнетающим влиянием помогают радио и кино, свежие газеты и, естественно, письма от родных и близких. И яркий свет электрических ламп, и множество неприметных, но столь необходимых бытовых удобств.

Иное дело маленькая группа людей, оторванная надолго от всего привычного, живущая в напряжении, вызванном постоянной угрозой опасности, испытывающая холод и лишения в условиях относительной, а иногда и полной изоляции.

Перелистывая страницы книг, посвященных арктическим путешествиям, снова и снова находил мысли о пагубном воздействии полярной ночи на психику человека.

"Непрерывная тьма в течение трех месяцев сначала поражает, потом озлобляет и, наконец, положительно подавляет собой всех, даже самых терпеливых из членов экипажа", - И. Хейс, возглавивший в 1860 году экспедицию для поиска открытого полярного моря.

"Велико влияние полярной ночи на настроение, - вторит ему Юлиус Пайер. - Весь мир человека в это время ограничен светлым кругом лампы. Однако не одна только ночь связывает его, - на подмогу идут холод и бури... Культурный человек никогда не может привыкнуть к этой мрачной обстановке. Всегда он будет чувствовать себя чужим в климате, против которого он должен непрерывно бороться".

"Полнейшая тьма, которой сопровождалась метели, действовала угнетающе на человеческую психику, - писал адмирал Ричард Бэрд, - порождала чувство безотчетного панического страха. Ничто не могло заменить солнечный свет, и отсутствие его болезненно отражалось на психике людей".

"Та длинная ночь, в продолжение которой мы были объаты мраком, в полном смысле слова непроницаемым, губительно подействовала на всех и на все. Даже наши собаки, постоянные обитатели этих холодных стран, не избегли ее губительного влияния; большая часть из них околела от странной болезни, причиной которой, кроме необыкновенного холода, был, очевидно, недостаток света", - Элиша Кент Кэн.

И все же отношение исследователей Арктики и Антарктики к полярной ночи было далеко не однозначным. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в дневник великого Фритьофа Нансена: "Но, полярная ночь, ты подобна женщине, увлекательно-прекрасной женщине. Благородные античные черты твои все-таки холодны, как мрамор. На твоем челе, чистом, как эфир, нет никакого сожаления к мелким страданиям презренного человечества; на твоих бледных

прекрасных щеках ни следа чувств. В твоих черных, как вороново крыло, волосах, развевающихся в пространстве, иней рассеял свои блестящие кристаллы. Твоя гордая шея и округлые линии твоих плеч так благородны, но так непреклонно холодны. Твоя целомудренно чистая грудь бесчувственна, как покрытый снегом лед. Целомудренная, гордая и красивая, носишься ты над этим застывшим морем; серебристое покрывало развевается на твоих плечах, сотканное из лучей северного сияния, оно пылает на темном небесном своде. Иногда кажется, что какая-то скорбь вокруг твоих уст, и в твоих глубоких темных глазах дремлет бесконечная грусть".

"Великая ночь, как ты божественно хороша, - вторит Нансену известный русский ученый-полярник - сподвижник Г. Седова по его экспедиции к Северному полюсу - В. Ю. Визе. - Созерцать тебя хочется бесконечно; следить за мерцающими во мраке звездами, вслушиваться в морозное дыхание и ощущать, как все мое существо охватывается тобой, сливается воедино с мгlistой безбрежной оледенелой пустыней, черными скалами и миллионами холодных кристаллов, носящихся в воздухе, и тяжелым покровом покрывающим измерзшую землю".

Так писали романтики Арктики. И я, видимо, принадлежу к этому племени. В наших краях полярная ночь будет царствовать почти 120 суток. Четыре месяца тьмы, озаряемой лишь призрачным сверканием звезд, желтоватым светом луны и фантастическими всплесками северного сияния.

Глава IX НОВАЯ КАЮТ-КОМПАНИЯ

Наша старая палатка, верой и правдой служившая нам восемь месяцев кают-компанией, совершенно обветшала. Солнце и ветер, пурга и дожди доконали ее окончательно. Самые героические усилия согреть ее пропадали впустую. Тепло уходило сквозь поредевшую ткань тента, как вода через сито. Потерпела неудачу идея утеплить ее толстой снежной обкладкой. Она полностью лишала палатку вентиляции, и достаточно было включить газовые конфорки и запалить паяльную лампу, как помещение наполнялось запахами смеси газа, бензина и подгоревшего мяса. Это привело к тому, что кают-компания утратила свое неоценимое значение станционного клуба, куда по вечерам все собирались посидеть в тепле, посудачить, обменяться заботами, выслушать советы друзей.

Все началось в один из холодных ноябрьских вечеров. Свирепая пурга сотрясала стенки палатки, и ее холодное дыхание проникало внутрь, заставляя запахивать шубы.

- А что, Макарыч, - сказала задумчиво Сомов, постукивая привычным жестом мундштуком папиросы о стол. - Может, нам попытаться использовать фюзеляж самолета под кают-компанию?

- Идея хорошая, но, пожалуй, неосуществимая, - сказал Никитин. - Боюсь, что такую махину, а в ней, наверное, тонн двадцать пять, а то и больше, нам не дотащить до лагеря. Вот если бы газик был на ходу - тогда другое дело.

- А почему двадцать тонн? - возразил Комаров. - Нам же не нужно волочить в лагерь весь самолет. Крылья и хвост обрубим, и будет все в ажуре.

- А сколько останется этого ажуря? - оживился Сомов.

- Думаю, тонн десять-двенадцать, не больше. Но зато кают-компания будет блеск. А доктору такой камбуз соорудим, что он поллитрой не отделается.

Идея новой кают-компании заразила всех, и мы готовы были прямо сейчас мчаться на аэродром для ее осуществления.

Наутро, наскоро перекусив, все двинулись толпой на аэродром, весело обмениваясь планами по благоустройству будущей кают-компании.

Пурга поутихла, но из низких туч продолжал валить густой снег. Увязая в сугробах, спотыкаясь о невидимые в темноте ропаки, мы наконец добрались до аэродрома. За грудой торосов показались самолетные останки. Печальное это было зрелище. Полузасыпанный снегом самолет лежал, наклонившись на правый борт. Правый двигатель, сорванный страшным ударом, откатился в сторону. Край плоскости обломился, и из него, словно скрюченные пальцы, торчали лонжероны.

Щетинин скептически осмотрел самолетные останки и мрачно заметил, что тащить за полтора километра такую громадину нам не под силу.

- Ну что ты, Ефремыч, разнюнился, - сердито сказал Комаров, - что нам, впервой грузы ворочать? Справимся и с этим.

- Ох, братцы, - мечтательно вздохнул Гудкович, - зато представляете, какая у нас шикарная получится кают-компания. Крепкая, надежная, теплая. Да ей никакая пурга будет не страшна. Стенки обтянем брезентом.

- А на них развесим картинки из "Огонька". Там такие красавицы. Закачаешься, - подхватил Дмитриев.

- Кто о чем, а вшивый все про баню, - не удержался Комаров.

- Да бросьте вы цапаться, - сказал Никитин укоризненно.

- Кончай травить, - сказал Комаров, - пора работой заняться. Делов там непочатый край. Надо, Михалыч, перво-наперво кабину от снега очистить. Намело там под самую крышу.

- Что ж, Михаил Семеныч, тебе и карты в руки, - сказал Сомов. - Давай командуй.

- Есть командовать! - по-военному отрапортовал Комаров. - Значит, все берите лопаты и освободите кабину от снега, а я, Михаил Михалыч и Макар Макарыч займемся плоскостями. Их надо напрочь отрубить. Так легче фюзеляж перетаскивать будет.

Но забраться на плоскости и удержаться на их обледенелой поверхности оказалось делом

невыполнимым. Выход подсказал Никитин, предложив подкатить к плоскости пустые бензиновые бочки в качестве подмостков. Сказано - сделано. Крылорубы, вооружившись топорами, предусмотрительно захваченными Комаровым, взобрались на бочки и вонзили топоры в обледеневший дюраль. После четырех часов изнурительной работы удалось одолеть лишь сантиметров сорок.

Тем временем кабину удалось очистить от снега. Уставшие работяги расселись на снегу, попыхивая папиросками.

- Ладно, друзья, пора кончать. На сегодня достаточно, - сказал Сомов, видя, что все выбились из сил. - Завтра доделаем.

Но завтра растянулось на четверо суток. Наконец обе плоскости шлепнулись на снег. За ними последовал хвост.

- Теперь попробуем сдвинуть самолет с места, - сказал Комаров.

Мы облепили длинную металлическую сигару со всех сторон, как муравьи упавшую ветку. Но сколько мы ни тужились, фюзеляж словно прилип ко льду и не поддавался нашим усилиям.

- Пожалуй, надо сперва брюхо подчистить, - сказал Петров и, схватив лопату, полез под самолет.

Проинспектировав работу, Комаров заявил, что теперь полный порядок и можно еще раз попытаться сдвинуть махину с места.

Мы снова навалились и, сдвинув фюзеляж метров на десять, повалились на снег обессиленные. А ведь впереди предстоял, даже страшно подумать, полуторакилометровый путь через заструги и сугробы.

- Да такими темпами мы аккуратно дотащим самолет в лагерь только к концу дрейфа, - буркнул Курко, сердито сплюнув.

- Давайте сядем да помозгуем. Может, и найдем какой-нибудь выход, - сказал Никитин.

Мы расселись кружком. Кто-то зажег фонарик, и его луч заскользил по лицам, выхватывая из темноты то заиндевелую бровь, то поседевшую от изморози бороду, то поблескивающие из-под капюшона глаза.

- Может, откажемся от этой зряшной затеи? - сказал Петров, яростно растирая замерзший нос.

- Эврика! - вдруг радостно воскликнул Гудкович. - У нас же есть нарты.

- Блестящая идея, - усмехнулся Яковлев, выковыривая сосульки из бороды. - Только тут одними нартами не обойдешься. Тут целый санный поезд нужен.

- Да не требуется никакого поезда, - отпарировал Гудкович. - Мы просто уложим передок самолета на нарты, а сзади будем подталкивать.

- Ай да Зямочка. Вот умница! - радостно отозвался Комаров. - И как это такая простая мысль мне самому раньше в голову не пришла?

- По-моему, предложение Гудковича - отличный выход из создавшегося положения, - сказал Сомов. - Только давайте отложим ее осуществление до завтра.

Возражений не последовало, все так устали, что буквально валились с ног.

Наутро Курко приволок в палатку-мастерскую длинные чукотские нарты и вместе с Петровым принялся за ремонт: заменил сломанные колышки, тщательно связал медным проводом и сыромятными ремнями деревянные детали рамы, проверил и укрепил в гнездах каждый копыл. Для проверки на прочность нарты пару раз приподняли и бросили на пол.

Удовлетворенные результатами "технических испытаний", ремонтники выволокли нарты из палатки и перевернули их вверх полосьями. Затем Курко, вооружившись полотенцем и кастрюлей с водой, принялся за процедуру "войданья": намочит полотенце водой, проведет пару раз по полозу, а сорокаградусный мороз мгновенно превращает воду в лед. Он повторял эту операцию до тех пор, пока оба полоза не покрылись толстой, ровной ледяной пленкой. Теперь можно было отправляться на аэродром. Нарты легко скользили, оставляя на плотном снежном покрове две едва видимые дорожки.

Первая попытка водрузить самолетный нос на нарты кончилась неудачей. Даже лишенный плоскостей и хвоста, обледеневший фюзеляж оказался невероятно тяжелым - примерно по тысяче килограммов на брата.

- Сюда бы не нас, хлюпиков, а пяток штангистов-тяжеловесов, - посетовал Яковлев, утирая вспотевшее лицо.

Да, наверное, каждый из нас втайне пожалел, что ранее не прислушался к совету Амундсена. "Первое условие, чтобы стать полярным исследователем, - писал знаменитый полярник, - это здоровое, закаленное тело... Всем своим удачам я обязан, главным образом, тщательной тренировке моего тела, а также суровым годам ученья, предшествовавшим моему знакомству с действительностью полярной пустыни".

- Пойдите, ребята, - вдруг сказал Комаров, потирая ноющую поясницу. - Чего это мы зря корячимся? Давайте раскопаем снег под носом самолета и всунем туда нарты.

Сказано - сделано. Мы прокопали под носом фюзеляжа глубокую траншею и, подсунув под самолетное брюхо толстые доски, чуть приподняли его. Воспользовавшись моментом, Комаров быстро пропихнул нарты в образовавшуюся щель.

Мы отпустили рычаги, и нос фюзеляжа опустился на нарты, жалобно заскрипевшие под его тяжестью. Заскрипели, но выдержали, не развалились.

- Ну, полдела сделано, - прокомментировал Милев, - как при изготовлении масла из говна. Мазать можно, а есть нельзя.

- Ну, Николай Алексеевич, - укоризненно сказал Сомов, - вы и остряк. Только, думаю, мы и вторую половину дела одолеем.

После короткого перекура шестеро впряглись в собачьи постромки, а четверо стали у хвостовой части фюзеляжа.

- Ну как, бурлаки, готовы? - спросил Сомов.

- Готовы, хозяин, - откликнулся нестройный хор охрипших от мороза голосов.

- Раз, два - взяли! - скомандовал Сомов.

Казалось, мышцы сейчас лопнут от напряжения. Но нарты стронулись с места и, ускоряя ход, заскользили по насту. За один присест мы преодолели метров тридцать и, обессиленные, повалились на снег. Второй рывок оказался еще более успешным. Теперь уже даже самые убежденные скептики перестали сомневаться в успехе нашего, казавшегося неосуществимым, предприятия.

Наконец, в последнем усилии мы протащили фюзеляж к центру лагеря и втокнули зеленую дюралевую сигару в глубокий котлован, вырытый до самого льда по соседству с кают-компанией.

Рассевшись вокруг, мы с каким-то недоверчивым удивлением разглядывали убегающие в темноту две глубокие колеи, оставленные полозьями. Взявшись снова за лопаты, мы принялись забрасывать самолет снегом, пока усилившийся ветер, перешедший в пургу, не разогнал нас по палаткам. Но отдых был недолог. У радистов ветром повалило мачту, и Курбо прибежал за помощью. Едва передвигая ноги от усталости, мы поплелись к радиопалатке. Злосчастная мачта с оборванной растяжкой валялась на снегу. Растяжку заменили, Костя вручил все четыре своим помощникам, наказав натянуть и держать, как можно крепче, а сам вместе со Щетининым, осторожно приподняв длинный гнущийся ствол мачты, стал медленно приводить ее в вертикальное положение. И тут произошло несчастье. Курко поскользнулся, мачта вырвалась из рук и, звонко треснув, обломилась на самой середине. Ее тонкий конец, увенчанный сигнальным фонарем, воткнулся в снег и так и остался лежать, ибо на вторую попытку сил уже ни у кого не хватало.

- Ну и черт с ней, - мрачно выругался Курко. - Обойдемся пока одной. Будет время - поставим. Спасибо, бояре, за помощь.

Благоустройство новой кают-компании затянулось до середины декабря. То надо было строить новые стеллажи для имущества и продуктов, чтобы их не замело пургой, то дополнительно утеплять палатки, то гидрологам потребовалась вторая лунка для проведения пятнадцатисуточной станции. Я, как все дилетанты, считал, что приготовить лунку - плевое дело. Просверли буром дырку во льду, засунь туда заряд аммонала побольше, зажги бикфордов шнур и через считанные минуты ба-бах - и лунка готова.

Действительно, если лед был относительно тонок - сантиметров 40-60, - его можно было пробить даже пешней, и исследуй себе океан на здоровье. Однако справиться со льдом толщиной в три-четыре метра без помощи взрывчатки было просто невозможно, и приготовление лунки превращалось в долгую, изнурительную работу. С одной стороны, она должна была быть достаточно широка, чтобы в нее проходили любые гидрологические приборы. Но, с другой - не настолько широка, а чтобы после установки глубоководной гидрологической лебедки ее можно было накрыть

палаткой, иначе вода в лунке немедленно бы замерзла и все труды пошли прахом.

Поэтому лунку сначала готовили с помощью мелких взрывов, а затем доводили до нужной кондиции пешнями вручную. После этого ледяной пол палатки настилали досками, расставляли "мебель": стойки для барометров и термометров, столик для записи результатов наблюдений, стул и газовую плитку - и лаборатория для океанографических исследований была готова.

Глава X С ПАРАШЮТОМ НА ПОЛЮС

Наконец-то руки дошли до кают-компаний.

Фирма "Комаров и сыновья" (Гудкович и Дмитриев) потрудились на славу: металлические стены грузовой кабины исчезли за брезентовыми полотнищами, пол из портяночного сукна, обшитого брезентом, перегородил кабину пополам, чтобы ее легче было отапливать. Появился длинный стол, за которым могли поместиться все обитатели лагеря одновременно. Комаров изготовил пару скамей, заменивших сиденья из банок с пятнадцатисуточным пайком.

Новый камбуз был великолепен. Под него мне отвели штурманскую рубку, и Комаров превратил его в "конфетку". Газовые плитки поставили на штурманский столик, а для баллона отвели место в пилотской кабине.

Для разделки продуктов Михаил сколотил удобный столик, под ним устроил несколько полок для посуды. На стенке появились крючки для развешивания половников и шумовок. После ужина, приготовив все необходимое для вахтенного, я зажег все четыре конфорки и устроился на высокой табуретке, специально изготовленной для меня Комаровым в знак благодарности за избавление от радикулита. Я наслаждался теплом, но какая-то неясная мысль не давала мне покоя. И вдруг меня словно осенило. Батюшки, ведь я сижу в том самом самолете, из которого два года назад прыгал вместе с Андреем Петровичем на Северный полюс. Тот самый Си-47 с бортовым номером 369. Ну и шуточки выкидывает судьба. И сразу нахлынули воспоминания.

Заканчивался второй месяц моего пребывания на льдине. В палатке было холодно, и я все раздумывал, вставать или не вставать. Шум, раздавшийся у входа, заставил меня открыть глаза. Кто-то топоча отряхивал снег, налипший к унтам. Через несколько мгновений откидная дверь в палатку приподнялась и внутрь ее просунулся сначала один рыжий меховой унт, за ним другой и наконец передо мной выросла знакомая, запорошенная снегом фигура Василия Канаки - аэролога экспедиции и моего первого пациента, которому я по ошибке всучил вместо бодрящих таблеток снотворные. Однако это недоразумение положило начало нашей крепкой дружбе, несмотря на значительную разницу в годах.

- Кончай валяться, док, - сказал он, присев на край кровати. - Сегодня грешно разлеживаться. Девятое мая. Давай одевайся, а я, если разрешишь, займусь праздничным завтраком.

Пока я, стоя на кровати, натягивал на себя меховые брюки, свитер, суконную куртку, Канаки поставил на одну конфорку ведро со льдом, на другую большую чугунную сковороду, достал из ящика несколько антрекотов, завернутых в белый пергамент, и брусок сливочного масла. Затем, обвязав шнурком буханку замерзшего хлеба, повесил ее оттаивать над плитой.

- Вы, Василий Гаврилович, распоряжайтесь по хозяйству. Будьте как дома. Пойду принимать водные процедуры, - сказал я, втискивая ноги в унты, которые за ночь на морозе превратились в деревянные колодки.

- Смотри не превратись в сосульку, а то не ровен час оставишь экспедицию без доктора, - отозвался Канаки.

Обернув шею махровым полотенцем, сжимая в руке кусок мыла, я выскочил из палатки. Ну и холодина. Наверное, градусов тридцать. И ветер. Промораживает до костей. Умывальником служил длинный пологий сугроб, образовавшийся с подветренной стороны палатки. Я торопливо сгреб охапку пушистого рыхлого снега и начал так неистово тереть руки, словно решил добыть огонь трением. Сначала сухой замороженный снег не хотел таять. Мыло отказывалось мылиться, но я продолжало умывание, пока во все стороны не полетели бурые мыльно-снежные брызги. Следующая охапка снега - на лицо. Оно запылало, словно обваренное кипятком. Не снижая скорости, я растерся полотенцем и пулей влетел обратно в палатку. Уф-ф, до чего же здесь хорошо. Теплынь. От аромата жаренного с луком мяса рот наполнился слюной.

Борис уже оделся и усердно помогал Гаврилычу накрывать на стол, на котором стояла тарелка с дольками свежего лука, нарезанная по-мужски крупными кусками копченая колбаса и запотевшая бутылка без этикетки.

Скрип снега возвестил о приходе нового гостя. Это был Володя Щербина. В недавнем прошлом лихой летчик-истребитель, о чем красноречиво свидетельствовали четыре ордена Красного Знамени, он не сразу отважился перейти в "тихоходную" авиацию. Все решила случайная встреча с известным полярным летчиком Л. Г. Крузе. Полгода спустя он уже сидел за штурвалом полярного Си-47.

- Здорово, братья славяне! С праздником! А вот это, так сказать, мой личный вклад в общее дело, -

сказал он, доставая из глубокого кармана кожаного реглана бутылку армянского коньяка. - Сейчас народ еще подойдет. Весь наш экипаж, не возражаете? - Он присел на банку из-под пельменей, расстегнул реглан и... задремал. Сказалась усталость от напряженных полетов последних дней.

Тем временем Борис успел перелить воду, полученную из растаявшего льда, из ведра в большую кастрюлю, вскрыть банку с пельменями. Когда вода в кастрюле забулдила, он, нагнув край банки, стал аккуратно сыпать закаленные морозом каменно твердые шарики пельменей. Все нетерпеливо поглядывали на кастрюлю, из которой доносилась глухая воркотня.

Наконец Борис снял крышку, выпустил на волю столб ароматного пара, помешал ложечкой, принялся и, глубокомысленно хмыкнув, заявил, что "пельмень всплыл и можно начинать".

- Сейчас мы еще строганинки организуем, - сказал Щербина, поднимая с пола сверток, в котором оказалась отличная крупная нельма. Скинув реглан, он извлек из кожаных ножен матово поблескивавший охотничий нож с красивой наборной рукояткой из плексигласа, уткнул закаменевшую на морозе рыбину головой в рант ящика и пилящим движением снял тонкий слой кожи с мясом.

- Ну как? Пойдет?

- Толстовато, сынок, - критически заметил Канаки. Уж он-то знал толк в этом деле и за свои многолетние скитания по Арктике съел строганины больше, чем мы все, вместе взятые.

- Виноват, исправлюсь, - сказал Володя, и следующая полоска, тонкая, полупрозрачная, завилась, словно древесная стружка.

Пока Щербина строгал нельму, я извлек из кухонного ящика бутылку с уксусом, пачку черного перца, банку горчицы. Налил полную тарелку уксуса, добавил две столовые ложки горчицы, от сердца насыпал перца и, тщательно размешав, торжественно поставил адскую смесь для макания строганины в центр стола.

- Вот это воистину по-полярному. Тебя, док, ждет яркое кулинарное будущее. (Увы, время показало, что Канаки не ошибся.) К такой закуске не грешно налить по двадцать капель.

Мы подняли кружки. За стеной послышался звук шагов. Кто-то подбежал к палатке.

- Эй, в палатке! Доктор дома?

- Дома. Заходи погреться, - отозвался я, обильно посыпая свою порцию пельменей черным перцем.

- Давай быстрее к начальнику. Кузнецов срочно вызывает.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, - недовольно пробурчал Канаки. - И чего им там неймется в праздник?

- А может случилось что? - осторожно предположил Рожков.

- Случилось не случилось, а идти надо, - сказал я, поднимаясь и нахлобучивая на голову мохнатую шапку. - Начинайте пока без меня.

Палатка штаба была недалеко, но пока я добежал до нее, меня охватило смутное чувство тревоги: неужели действительно случилась авария? Надо сказать, все эти месяцы я жил в состоянии постоянного внутреннего напряжения. Это чувство гнездило где-то глубоко в подсознании: читал ли я книгу, разрубал ли снег на взлетной полосе, отогревался в спальном мешке, беседовал ли с ребятами в минуты отдыха или долбил лунку в ледяной толще. Здесь, в самом центре Северного Ледовитого океана, за тысячи километров от Земли я был единственным врачом, и ответственность за благополучие, здоровье, а может быть, и жизнь товарищей по экспедиции тяжким грузом лежала на моих едва окрепших плечах.

Правда, до сегодняшнего дня моя медицинская практика была довольно скромной. У одного разболелось горло, другой порезал руку, у третьего случился приступ радикулита. Иногда, стеная от зубной боли, заходил какой-нибудь "полярный волк" и, держась за щеку, с ужасом взирая на кипящие в стерилизаторе кривые щипцы. Но кто знает, что случится завтра. Ведь Арктика может преподнести самый неожиданный сюрприз. И тогда... Не хотелось думать, что тогда. Хорошо, если льдина, на которой очутится пострадавший экипаж, будет ровной, без трещин и торосов, и самолет, вылетевший на помощь, сможет совершить посадку. А если не самолет? Впрочем, на этот случай в тамбуре моей палатки-амбулатории, тщательно укрытые брезентом, лежали две сумки. Одна с парашютами - главным и запасным, - уложенными еще в Москве, другая - медицинская-аварийная, с хирургическими инструментами в залитом спиртом стерилизаторе, бинтами и медикаментами. Так что, если бы потребовалось, я был готов немедленно вылететь на помощь и прыгнуть на льдину с парашютом.

Потоптавшись у входа, чтобы перевести дух, я приподнял откидную дверь, обитую из десятка узких реек, окрашенных голубой краской, и решительно шагнул через высокий порожек.

Штабная палатка была просторной, светлой. Четыре пылающие конфорки излучали приятное тепло. Пол был застелен новыми оленьими шкурами. Их еще не успели затоптать, и коричневый мех был пушистым, отливал блеском. Вдоль стенок располагались койки-раскладушки, по три с каждой стороны. У первой, слева от входа, стоял на коленях мужчина в толстом, ручной вязке коричневом свитере, меховых брюках и собачьих унтах с белыми подпалинами. Круглое, смугловатое лицо, изрезанное глубокими морщинами. Короткий ежик черных, с густой проседью волос придавал ему спортивный вид. Перед ним на брезенте, постеленном поверх спального мешка, валялись детали разобранного киноаппарата. Одну из них он держал в руке, тщательно протирая ослепительно белым куском фланели. Это - главный кинооператор экспедиции Марк Антонович Трояновский. Его имя стало известным еще в тридцатых годах, когда весь мир увидел кинокадры, снятые молодым кинооператором Союзкино во время исторического похода ледокола "Сибиряков" через шесть полярных морей.

Спустя пять лет, 21 мая 1937 года, он в числе первых тридцати смельчаков высадился на дрейфующей льдине у Северного полюса, увековечив на пленке подвиг советских полярников. А сегодня он с другим кинооператором, Евгением Яцуном, ведет кинолетопись нашей экспедиции. И, надо честно признаться, многие из нас норовят "случайно" попасть на прицелы их кинообъективов.

Услышав стук откидной дверцы, Трояновский повернул голову, улыбнулся и, сказав "Привет, доктор", как-то заговорщицки подмигнул. Это было совсем не похоже на Марка, обычно весьма сдержанного и даже несколько суховатого. Однако именно поэтому я вдруг сразу успокоился: ну не станет же Трояновский улыбаться, если случилось что-то серьезное. Оглядевшись, я увидел, что в палатке довольно много народу. На одной из раскладушек, расстегнув коричневый меховой реглан, Михаил Васильевич Водопьянов, один из первых летчиков - Героев Советского Союза, что-то вполголоса оживленно рассказывал Михаилу Емельяновичу Острекину - заместителю начальника экспедиции по научной части. Присев на корточки перед газовой плиткой, колдовал над чайником штурман Вадим Петрович Падалко, которого многие побаивались за острый язык.

Начальник экспедиции Александр Алексеевич Кузнецов сидел в дальнем конце палатки, склонившись над картой. Темно-синий китель морского летчика с золотыми генеральскими погонами ладно сидел на его атлетической фигуре. На вид ему было лет сорок пять - пятьдесят. Но его молоджавое, обветренное лицо и ярко-синие глаза странно контрастировали с густыми, слегка вьющимися совершенно седыми, с желтизной волосами. Ходил он всегда каким-то присущим ему уверенным шагом, придававшим особую весомость его походке. И при всей мужественности и решительности облика говорил он никогда не повышая голоса. Никто никогда не слышал, чтобы он изменил своей привычке, даже распекая подчиненного. Видимо, поэтому полярные летуны между собой называли его "тишайшим". Он пришел в Арктику еще в войну, командуя авиацией Северного Флота, а в 1949 году был назначен начальником Главного управления Северного морского пути.

Карта Центрального Полярного бассейна, лежавшая перед Кузнецовым, занимала два сдвинутых стола. Она вся была расцвечена красными флажками, квадратиками, пунктирами, перекрещивающимися линиями и еще какими-то другими многочисленными значками.

Рядом с Кузнецовым с толстым красным карандашом в руке главный штурман экспедиции Александр Павлович Штепенко - небольшого роста, сухощавый, подвижный, с золотой звездочкой Героя Советского Союза на морском кителе. Это он в составе первых боевых экипажей в августе 1941 года вместе с Водопьяновым летал бомбить Берлин. А в 1942 году вместе с летчиком Э. К. Пуссепом возил через Атлантику в Соединенные Штаты правительственную делегацию. Это о нем говорили в шутку однополчане: "...как в таком маленьком и столько смелости". У края стола пристроился помощник начальника экспедиции по оперативным вопросам Евгений Матвеевич Сузюмов. Он что-то быстро записывал, время от времени проводя рукой по гладко зачесанным назад черным с сединой волосам. К Сузюмову я с первых дней экспедиции испытывал особую дружескую симпатию, и, кажется, это было взаимным. Я пристально смотрел на него, надеясь прочесть в его глазах ответ на волновавший меня вопрос. Но он продолжал невозмутимо писать, словно и не замечая моего прихода. Я хотел доложить о своем прибытии, как вдруг Кузнецов поднял голову.

- Здравствуйте, доктор, - сказал Кузнецов. - Как идут дела?
- Все в порядке, Александр Алексеевич.
- Больные в лагере есть?
- Двое, немного загрипповали. Но завтра уже будут на ногах.
- А сами как, не хвораете?

- Врачу не положено, - ответил я и подумал: что это начальство вдруг моим здоровьем заинтересовалось?

- Прекрасно. Кстати, сколько у вас прыжков с парашютом?

Я насторожился.

- Семьдесят четыре.

- Семьдесят четыре. Неплохо. А что бы вы, доктор, сказали, - продолжал он, пристально глядя мне в глаза, - если мы предложим семьдесят пятый прыжок совершить на Северный полюс?

На полюс? От неожиданности у меня даже дыхание перехватило. Конечно, много раз, лежа в спальном мешке, я думал о возможности совершить прыжок с парашютом где-нибудь в Ледовитом океане на дрейфующую льдину. Но на полюс! Так далеко я не заходил даже в самых смелых своих мечтах.

- Ну как, согласны?

- От радости в зобу дыханье сперло, - весело пробасил из угла Водопьянов.

- Ему с пациентами жаль расставаться, - ободряюще улыбнувшись, сказал Сузюмов.

- Значит, согласны? - сказал Кузнецов.

- Конечно, конечно, - заторопился я, словно боясь, что Кузнецов возьмет да и передумает.

- Прыгать будете вдвоем с Медведевым. Знаете нашего главного парашютиста?

- Знаю, Александр Алексеевич.

- Он уже вылетел с Бардышевым с базы номер два и через часа полтора сядет у нас. Не так ли, Александр Павлович?

- Точнее, через один час пятнадцать минут, - сказал Штепенко.

- Выбрасывать вас будет Метлицкий. Он уже получил все указания. Вылет в двенадцать по московскому времени. Примерно к тридцати часам самолет должен выйти в район полюса. Там Метлицкий определится и подыщет с воздуха площадку для сбора парашютистов. Площадку он будет выбирать с таким расчетом, чтобы можно было посадить самолет как можно ближе к месту вашего приземления. Ну а если потребуется что-то там подровнять, подчистить, тут уж придется вам с Медведевым самим потрудиться.

- Им бы бульдозер сбросить заодно, - посоветовал с самым серьезным видом Падалко.

- Всей операцией будет руководить Максим Николаевич Чибисов (начальник полярной авиации. - В. В.). Я надеюсь, вы понимаете, доктор, сколь серьезно задание, которое мы поручаем вам с Медведевым. Серьезно и почетно. Вам доверено быть первыми в мире парашютистами, которые раскроют купола своих парашютов над Северным полюсом. Смотрите не подведите. Но это одна сторона дела. Другая, и, быть может еще более важная для авиации, - оценка возможности прыгать с парашютом в Арктике. Постарайтесь выявить особенности раскрытия парашюта, снижения, управления им, приземления. Вообще все, что только возможно, от прыжка до приземления, а точнее, приледнения. Вопросы есть?

- Нет.

- Тогда, не дожидаясь прилета Медведева, готовьте парашюты, снаряжение. Тщательно продумайте, что взять с собой. Не забудьте захватить запас продовольствия дней на пять и палатку. Чтобы все это было на борту у Метлицкого на всякий случай.

- Разрешите идти?

- Действуйте, - сказал Кузнецов. - Когда все будет готово, доложите.

- Подождите минуточку, Виталий Георгиевич, - вдруг сказал Сузюмов. - Хочу вам процитировать Михаил Васильевича. Он уже однажды писал о парашютных прыжках на Северный полюс. Это когда решался вопрос о высадке станции на полюсе.

- Это когда было? - удивился Водопьянов. - Что-то я запамятовал.

- Если хотите, я сейчас прочту, - улыбнулся Сузюмов, доставая из-под койки книгу Водопьянова "На крыльях в Арктику". Он перелистал несколько страниц. - Вот: "Обстановка на Северном полюсе, как

известно, несколько иная, чем, например, на Тушинском аэродроме. Сбрасывая на полюс парашютиста, ему надо дать не букет цветов, как во время авиационного праздника, а двухлетний запас продовольствия, палатки, снаряжение, оборудование".

Покинув штабную палатку, я бегом отправился домой. Не успел приподнять входную дверь, как на меня посыпался град вопросов. Зачем вызывали? Что случилось?

- Ну давай не темни. А то вид у тебя больно торжественный, - сказал Щербина.

Наверное, меня и впрямь распирало от гордости, и я выпалил:

- Кузнецов разрешил прыгать на полюс!

- С места или с разбега? - спросил ехидно Канаки.

- Да нет, с парашютом, - ответил я, не оценив глубины Васиного юмора.

- Тогда за нашего доктора-парашютиста, - провозгласил Володя, разливая по стаканам коньяк, который они честно сохраняли до моего прихода.

- Точнее будет, за парашютистов, - поправил я. - Прыгать будем вдвоем с Андреем Медведевым.

- Ну это ас. Он на полюс сможет даже без парашюта выпрыгнуть, - сказал Дима Морозов, штурман из экипажа Ильи Котова.

- Прыгать будем сегодня. В двенадцать с машины Метлицкого. Так что тебе, Володя, как второму пилоту, придется нас выбрасывать.

- Сделаем все, - сказал Щербина, - а пока пельмешек поешь, это прыжкам не помеха. - Он вывалил мне в миску целый черпак пельменей. - И нельмы сейчас настругаю.

Но кусок не лез в горло.

- Пойду, ребята, пройдуся, - сказал я, накидывая на плечи куртку. Меня никто не удерживал. Я выбрался из палатки. Медный диск солнца то исчезал в лохматых облаках, то выплывал в голубизну неба, и тогда все вокруг вспыхивало мириадами разноцветных искр. Снег сверкал пронзительно ярко, и его колючие лучи слепили глаза, не защищенные дымчатыми стеклами очков. Полузаметенные купола палаток курились дымками, словно трубы деревенских изб. Неподалеку голубела изломом льдин высокая гряда торосов - след вчерашнего торошения. То вспыхивал пулеметной дробью, то замолкал движок у палатки радистов. Сквозь тонкие палаточные стенки доносился чей-то говор. Поскрипывал снег под ногами бортмехаников, спешивших с аэродрома в свою палатку. Тишина как бы усиливала многократно каждый звук, и в то же время каждый звук, умолкнув, усиливал тишину. Побродив без цели между палаток, я свернул на тропинку, протоптанную в свежевыпавшем снегу, и очутился у гряды торосов. Только вчера здесь все гудело, стонало на разные голоса, скрипело и скрежетало. Лдины сталкивались, становились на дыбы, громоздились друг на друга. На глазах вырастали и разрушались ледяные хребты. Словно таинственные силы вдохнули жизнь в эти голубые громады, и они, ожив, вступили между собою в борьбу - всесокрушающую и бесполезную. Но прекратилась подвижка, и все застыло. Я присел на ярко-голубой, чуть присыпанный снежком ледяной валун, вытащил из куртки папиросы и закурил. Как странны иногда зигзаги человеческой судьбы. Мог ли я еще недавно предполагать, что окажусь в самом сердце Арктики, буду жить на дрейфующем льду в палатке? Мечтал ли я, что эти люди, имена которых с детства для меня были символом мужества, станут моими товарищами и что, сидя на торосе, я буду обдумывать прыжок с парашютом на Северный полюс и строить предположение о том, как будет работать парашют в арктическом небе?

Мои размышления прервал звук, напоминавший гудение шмеля в летний день на лугу. Он возник где-то далеко на северо-востоке. Самолет.

"Неужели Бардышев?" - подумал я, с надеждой вглядываясь в горизонт. Но вскоре стало ясно: не он. К лагерю приближался на небольшой высоте двухмоторный Ли-2 с торчащими под зеленым брюхом лапами лыж. Надо идти к радистам. Они должны знать, когда сядет Бардышев. Палатка радиостанции стояла на краю лагеря. В ней, как всегда, пахло бензином от движка, канифолью (радисты вечно что-нибудь паяли и перепайвали) и свежесваренным кофе, без которого они давно бы уже свалились с ног.

Завидев меня, вахтенный радист, не дожидаясь вопроса, сказал, что Задков на подходе, связь с Германом (Г. Патарушин, радист экипажа Задкова. - В. В.) была минут двадцать назад. Он передал расчетное время 9.20, а сейчас девять. Так что можешь идти встречать своего напарника.

Действительно, через десять минут на юго-западе показалась черная точка, превратившаяся в большой краснокрылый самолет Пе-8. Во время Великой Отечественной войны эта могучая

четырехмоторная машина была грозным дальним бомбардировщиком. "Демобилизовавшись", она надолго прописалась в Арктике, оказавшись незаменимой в высокоширотных воздушных экспедициях. Вот уже много недель подряд, выполняя роль "летающей цистерны", она летает к полюсу, каждый раз доставляя для экспедиционных самолетов многие тонны горючего. Без них исследования Центральной Арктики оказались бы невозможными. Самолет промчался над палатками и, сделав круг, пошел на посадку. Задков зарулил на стоянку по соседству с двумя заиндевелившими Ли-2. Машина в последний раз взревела всеми четырьмя двигателями, подняв вокруг настоящую пургу, и затихла, высоко задрав застекленный нос.

Носовой люк открылся, вниз скользнула стальная лесенка, и на снег спрыгнул штурман самолета Николай Зубов.

- Здорово, доктор, - сказал он, поднимая руку. - Медведя небось дожидаясь? Нету его с нами. Мы очень торопились и ждали, пока Медведев соберет свои шмотки, времени не было. Да ты не очень расстраивайся, через часок прилетит с Жорой Бардышевым.

Тем временем бортмеханики уже спустили из люка грузовой кабины длинные доски, и по ним одна за другой покатались на снег железные бочки с бензином.

Часа через полтора радисты обрадовали меня сообщением, что на подходе самолет Бардышева с Медведевым на борту.

Наконец долгожданный Ли-2 мягко коснулся ледяной полосы, и еще не успели остановиться лопасти винтов, как прямо из кабины на снег спрыгнул Медведев. Я кинулся к нему навстречу.

- Здорово, Виталий! Не знаешь, зачем я начальству так срочно понадобился? Вчера получаю радиотелеграмму от Кузнецова: "База № 2 Медведеву. Первым самолетом прибыть ко мне со своим фотоаппаратом". Ничего не понятно. Что за фотоаппарат и какое я имею отношение к фотографии? И все наши старожилы тоже удивились. "А может, радисты чего-нибудь перепутали на счет аппарата? - говорят. - Давай запросим Кузнецова". Запросили. А тут приходит от Кузнецова вторая: "База № 2 Медведеву. Первым самолетом явиться ко мне со своим аппаратом". С моим аппаратом - как я раньше не догадался? Стало быть, с парашютом. Только вот зачем, непонятно. И вот я здесь.

- С тебя причитается, - сказал я, улыбаясь от распирившей меня "тайны".

- Это с чего бы? - удивился Медведев. - Может, по случаю праздника?

- Праздник праздником. А вот нам с тобой прыгать на полюс!

- Ты серьезно?!

- Серьезнее не бывает. Утром меня Кузнецов вызывал. Они в штабе, видимо, давно решили и только дожидались Дня Победы и завершения экспедиции.

- Вот это новость! - восторженно выдохнул Медведев. - По этому поводу надо закурить. - Он полез в карман. Достал смятую пачку "Беломора", но все папиросы оказались сломанными. - Ладно, пойду руководству доложусь, а потом уж и покурю.

Медведев вернулся минут через двадцать и сообщил, что все правильно. Кузнецов не раздумал и пора браться за работу. Пока Медведев ходил в штаб, Рожков где-то раздобыл большое серебристое полотнище - перкалевый пол от палатки. Растянув его на снегу, он разгладил его, прикинул на глазок размеры и, удовлетворенный осмотром, заявил, что полотнище - настоящий парашютный стол. Чтобы ветер не сдувал полотнище, по углам мы положили по куску льда.

- Давай-ка свой парашют, начнем с него, - сказал Медведев. Я вытряхнул из парашютной сумки парашют на полотнище, выдернул кольцо, и пестрая груда шелка заиграла красками под лучами выглянувшего солнца.

Работал он быстро, споро, уверенно. Чувствовалась профессиональная хватка. Стропы так и мелькали в руках. Помогая друг другу, мы быстро уложили основной парашют Медведева и два запасных.

- Надо подвесную систему подогнать получше. Не то в воздухе намыкаешься с ней, - сказал Медведев, надевая на себя парашют. Он долго шевелил плечами, подпрыгивал на месте, то отпускал плечевые обхваты, то подтягивал ножные. Наконец он расстегнул карабин грудной перемычки и, сбросив парашюты, вытер вспотевший лоб.

- Вот теперь порядок, - сказал он. - Надевай подвеску.

Меня он тоже заставил попотеть. Но зато теперь подвеска сидела как влитая.

Мы уложили парашюты в сумки и направились к начальнику экспедиции. Кузнецов стоял у входа в штабную палатку. Вспомнив свое недавнее боевое прошлое, Медведев строевым шагом, топая унтами, подошел к начальнику экспедиции и, приложив руку к меховой шапке, доложил:

- Товарищ генерал, парашютисты Медведев и Волович к выполнению прыжка с парашютом на Северный полюс готовы.

Кузнецов посмотрел на часы.

- Через тридцать пять минут вылет, - сказал он.

Пока мы укладывали в брезентовый мешок консервы, галеты, круги колбасы, увязывали сверток с ломиками и лопатами, стрелка часов поползла к двенадцати. Надо было поторапливаться. Мы взвалили на плечи сумки с парашютами и направились к самолетной стоянке, находившейся неподалеку от палатки.

Си-47 ждал нас... Светло-зеленый, узкотелый, на колесном шасси, с традиционным белым медведем на носовой кабине и полуметровыми буквами, выведенными белой краской: "СССР Н-369".

Механики уже грели двигатели. Из-за брезентовых полотнищ, свисавших с двигателей до самого льда, доносилось свирепое рыканье АПЛ - авиационных подогревательных ламп, этого оригинального гибрида паяльной лампы с огромным примусом. Это и был самолет Метлицкого, с которого нам предстояло прыгать на полюс.

- Ну что, пожалуй, пора одеваться, - сказал Медведев, заведя, что к нам приближается Кузнецов в окружении штаба и командиров машин.

Мы надели парашюты.

Трояновский, приказав не шевелиться, обошел нас со всех сторон, стрекоча мотором своего киноаппарата. Затем мы должны были снять парашюты, снова надеть. Он делал дубль за дублем, и мы покорно то поправляли ляжки, то вновь застегивали тугий карабин грудной перемычки.

- Ничего, ничего, для истории можно и потрудиться, - приговаривал он, меняя кассету. - Ну вот, теперь можете прыгать. Желаю удачи.

Тем временем на самолете Метлицкого уже запустили двигатели, машина выкатилась из общего строя и остановилась в снежной метели, поднятой винтами. Группа провожающих росла на глазах. Все жители ледового лагеря пришли пожелать нам счастливого приземления: Штепенко, Водопьянов, Червичный, Котов, Падалко, Сузюмов, Морозов, летчики, гидрологи, бортмеханики, радисты. Чибисов сказал что-то Кузнецову, махнул нам рукой. Пошли! Пурга, поднятая крутящимися винтами, сбивала с ног, и мы, подняв воротники, подставляя ветру спины, с трудом вскарабкались по стремянке в кабину. Бортмеханик с треском захлопнул дверцу. Сразу стало темно. Замерзшие стекла иллюминаторов почти не пропускали света. Они казались наклепанными на борт кружочками серой бумаги. Мы устроились на груде чехлов от двигателей, еще хранивших остатки тепла, терпко пахнувших бензином и горелым маслом. Гул моторов вдруг стал выше, пронзительнее, машина вся задрожала, покатила вперед, увеличила скорость и, легко оторвавшись от ледовой полосы, стала быстро набирать высоту. Глаза уже привыкли к полумраку, и можно было осмотреться. В грузовой кабине обычно было просторно, хоть в футбол играй. Но сегодня она была до предела завалена всевозможными вещами. Повсюду стояли деревянные ящики с оборудованием, катушки стального троса, густо смазанного солидолом, фанерные коробки с полуфабрикатами, мешки с хлебом и оленьими тушами. Вдоль левого борта выстроились поддожины железных бочек, связанных между собой толстым канатом, - запас бензина. Поперек кабины, преграждая путь, стояла обросшая льдом гидрологическая лебедка.

Хвост самолета был забит лагерным снаряжением: палатками, связками оленьих шкур, баллонами с пропаном, закопченными газовыми плитками. У самой дверцы лежит аккуратно упакованный в брезентовое полотнище большой сверток, из которого выглядывают кончики дуг запасной палатки, предназначенной для нас на случай непредвиденной задержки на льдине после прыжка. Бортмеханик озабоченно оглядывал беспорядок, царивший в кабине.

- Вы уж, ребята, не обессудьте, - сказал он извиняющимся тоном. - Совсем с ног сбился. Думал, прилетим сегодня, отдохну малость, а потом наведу порядок в своем хозяйстве, а вместо этого приказали парашютистов, то есть вас, выбрасывать. Да вот еще, может, прыгать будете в левую дверь. Она все же грузовая, пошире. Я вот глядел, как вы втискивались в кабину. Даже жалко вас стало.

- Ну, молодец, правильно сообразил, - одобрил предложение Медведев. - Пожалуй, для меховой-то роботы правая дверка тесновата. Еще застрянем. Вот смеху будет. А ты, Виталий, чего замолк? Рассказал бы чего-нибудь. Не то пока до полюса долетим, со скуки помрем. - Он помолчал, похрустел сухариком, завалившимся в кармане. - А все-таки лихо с полюсом получилось. Прыжок

будет круглый - семьсот пятидесятый. И звучит неплохо - на Северный полюс совершен семьсот пятидесятый, а? Этот, наверно, потрудней будет, чем даже на железную дорогу.

- На какую дорогу? - переспросил я.

- На железную. Дело было так. Прыгал я тогда в третий раз. Дал мне инструктор задание открыть запасной парашют. Есть такое упражнение для начинающих, вот только номер его не помню. Аэродром наш был рядом с железной дорогой. Прыгали мы с высоты 600 метров. Пилот попался молодой, напутал с расчетами точки сбрасывания и подал команду "пошел" раньше времени. Раскрыл я запасной парашют и понесло меня к железнодорожному полотну, по которому шел паровоз с кучей вагонов. Опыта управлять парашютом я тогда не имел и снижался куда придется. Смотрю, несет меня прямо на рельсы, навстречу паровозу. Мама родная! Закричал что есть мочи. Да кто меня услышит? А на станции стоят зеваки и наблюдают, как я на вагоны собираюсь свалиться. Видно, думают, что так надо. Хорошо, начальник станции увидел это дело, замахал флажком. Остановил поезд. А я все-таки умудрился приземлиться прямо на открытую платформу с песком. А в другой раз... - Петрович не договорил, заметив, что к нам пробирается Володя Щербина.

- Ну, ребята, как самочувствие, настроение? - сказал он, присаживаясь рядом на чехлы.

- Настроение бодрое, самочувствие отличное, только холодно и ноги затекли, - отозвался я.

- Вот и хорошо. Значит, слушайте и запоминайте. Порядок работы будет такой, - продолжал он уже другим тоном. - До полюса лететь еще минут тридцать. Как только выйдем на точку, определим координаты. Там будем выбирать площадку для выброски.

- Постарайтесь, - сказал Медведев, - поровнее найти.

- А если не найдем, будете прыгать или обратно полетите? - спросил, ехидно улыбаясь, Щербина. Но Медведев так на него посмотрел, что он шутливо-испуганно замахал рукой. - Ну не серчай, я же так, пошутил.

- Ты эти свои дурацкие шутки брось, - сердито сказал Медведев.

- Ну извини, извини. Так, значит, найдем площадку, сбросим пару дымовых шашек. Скорость ветра и направление определим. Пока они дымят, будут вам служить неплохим ориентиром. Затем сделаем кружок над полюсом. Когда выйдем на боевой курс, просигналим сиреной. Тогда занимайте исходные позиции к прыжку у двери. Как услышите частые гудки - прыгайте, ясненько?

- Все понятно. А вот чайку горячего похлебать бы не мешало.

- Сей момент.

Через пару минут Щербина появился, неся в руках две пол-литровые кружки с крепким, почти черным чаем.

- Чай полярный, первый класс. Пейте, дорогие прыгуны, набирайтесь сил. Вот вам еще по плитке шоколада. Заправляйтесь на здоровье.

Чай действительно был отличный. Горячий, ароматный. Я сделал несколько глотков, но пить что-то расхотелось. Я попытался занять себя каким-нибудь делом: стал заново привязывать унты, считать ящики. Потом внимание мое привлекли унты Медведева. Я впервые заметил, что они разного цвета: на левом мех серый с черными пятнами, а на правом - густо-коричневый.

Почему-то стал казаться тесным мой старый, выдавший виды кожаный летный шлем. Я всячески старался отвлечься от мысли о предстоящем прыжке.

- Закурим по последней? - вернул меня "на землю" голос Медведева. Мы задымили папиросами, делая глубокие затяжки.

- Значит, Виталий, действуем, как договорились. Я пойду подальше к хвосту, а ты стань с противоположного края двери. Как услышишь сигнал, прыгай сразу следом за мной. Не то разнесет нас по всему Северному полюсу. И не найдем друг друга. В наших шубах не шибко побегаешь.

Главные парашюты мы решили открывать на третьей секунде свободного падения, а затем, по обстановке, запасные.

Пока мы оживленно обсуждали детали предстоящего прыжка, из пилотской вышел Чибисов - высокий, красивый, в коричневом кожаном реглане. Человек он был решительный, властный, полный неумной энергии. Мое первое знакомство с Максимом Николаевичем не обошлось без курьеза. Однажды на аэродроме мыса Челюскина я дожидался оказии на базу номер один. Начхоз экспедиции спросил Чибисова, как поступить с доктором: ему надо лететь на базу, а машины

загружены под завязку продовольствием. Чибисов на секунду задумался и изрек фразу, ставшую впоследствии полярной классикой: "Грузить пельмени, медицина подождет". Впрочем, как оказалось впоследствии, к медицине он относился весьма уважительно.

- Подходим к полюсу, - сказал Чибисов. - Ледовая обстановка вполне удовлетворительная. Много годовалых полей. Площадку подберем хорошую. Погода нормальная. Видимость миллион на миллион. Через три минуты начнем снижаться. Как, Медведев? Хватит шестьсот метров?

- Так точно, хватит, - отчеканил Медведев.

"Только бы поскорее", - подумал я. Самолет сильно трянуло. Он словно провалился в невидимую яму.

- Начали снижаться, - сказал Чибисов, - ждите команды. А вы, товарищ бортмеханик, подготовьте дымовые шашки. Бросите их по команде штурмана за борт.

Димыч подтащил к двери ящик, вытащил две дымовые шашки, похожие на большие зеленые консервные банки, и пачку запалов, напоминавших огромные спички с толстыми желтыми головками, и стал ждать команды.

- Бросай!!

Бортмеханик чиркнул запалом по терке. Как только головка вспыхнула со змеиным шипением, он с размаху воткнул ее в отверстие и швырнул шашку в приоткрытую дверь. За ней последовала вторая. Шашки, кувыкаясь, полетели вниз, оставляя за собой хвосты черного дыма. Задраив правую дверь, бортмеханик взялся за грузовую. Предварительно он уже успел растащить в разные стороны грузы, загрозившие подходы к ней, он попытался повернуть ручку - но она не поддавалась. Бортмеханик дергал ее что есть силы, обстукивал край двери молотком. Но все впустую. Он вполголоса костил злополучную дверь, но она по-прежнему не поддавалась. Загудела сирена. Мы было приподнялись, но опять вернулись на место. Кажется, сейчас мы начали нервничать по-настоящему. Чувствую, вот-вот Медведев взорвется. Но молчит, хотя по лицу его и сжатым губам вижу, что стоит ему эта сдержанность. Все. Время упущено. Медведев не выдержал: "Черт ее побрал, эту идиотскую дверь. Паяльной лампой ее прогреть бы". Механик виновато молчит, но идея прогреть дверь лампой ему понравилась. Он зажигает пучок пакли и подносит ее к зажиму, и, о чудо, ручка вдруг поддается усилиям, и замок с сухим щелчком выходит из паза. Наконец-то. Метлицкий заложил крутой вираж. Пошли на второй круг. Из проема двери в пилотскую высовывается голова в шлемофоне - это штурман Миша Щерпаков.

- Готовьтесь, ребята. 89 градусов 54 минуты. Сейчас выходим на боевой курс. Будем бросать на молодое поле. Думаю, не промахнетесь. Ветер метров пять-семь в секунду, не больше, температура двадцать один градус мороза.

Щербина подошел на помощь бортмеханику, и они вдвоем рывком оттянули дверь на себя. Она с хрустом открылась, и в прямоугольный ее просвет ворвался ледяной ветер. Ослепительно яркий свет залил кабину. Снова протяжно загудела сирена, и хотя мы с нетерпением напряженно ждали заветного сигнала, он все же прозвучал неожиданно. Мы поднялись с чехлов.

- А ну повернись, сынок, - сказал Медведев и, отстегнув клапан парашюта, еще раз проверил каждую шпильку. "Все в ажуре!" Он закрыл предохранительный клапан, защелкнул кнопки и повернулся ко мне спиной. - Проверь-ка теперь мой. Как, порядок? Тогда пошли.

Держась за стальной трос, протянутый вдоль кабины самолета, мы, неуклюже переваливаясь, двинулись вперед к зияющему проему грузовой двери. Добравшись до обреза двери, я остановился, нащупал опору для правой ноги и положил руку на вытяжное кольцо. Но меховая перчатка оказалась толстой, неудобной, мешала просунуть пальцы в кольцо. Не раздумывая, я стащил зубами перчатку с правой руки, затолкал ее поглубже за борт куртки и снова положил ладонь на красный стальной прямоугольник. Холод застывшего металла обжег ладонь, но я лишь сильнее стиснул кольцо и замер в ожидании команды. С высоты шестьсот метров кажется, что до океана - рукой подать. Выпрыгнул - и ты уже на льду. Даже как-то не по себе становится. До самого горизонта тянутся сплошные ледовые поля. Они кажутся ровными. Но я знаю, сколь обманчиво такое впечатление. Просто солнце скрылось в облаках и ледяные глыбы, бугры и заструги не отбрасывают теней. Местами ветер сдул снег и обнажил голубые и зеленые пятна льда.

Похожие на кубики сахара, выложенные длинными аккуратными горками, виднеются гряды торосов. Черное пятнышко вдали превратилось в большое разводье, покрытое рябью мелких волн. От разводья в разные стороны извивались десятком тонких темных змеек - трещин.

Сколько раз наблюдал я эту картину в иллюминатор. Но на самолете ощущение безопасности было таким полным, что этот безмолвный белый мир под крылом казался далеким, нереальным. Однако сейчас, перед прыжком, стоя на порошке двери, обдуваемый яростным ледяным ветром, я по-иному смотрел на белое пространство, которое раскинулось внизу без края и конца. Наверно, мои

ощущения были похожи на состояние перед атакой. Ту-ту-ту - лихорадочно взывала сирена. Ее резкие звуки били по нервам, словно стальные молоточки. Нервы дали команду мышцам. Прижав парашют левой рукой к животу, я оттолкнулся ногой и провалился вниз головой в пустоту. Подхваченный мощным воздушным потоком, сделав сальто, я лег на поток.

Двадцать один, двадцать два, двадцать три - отсчитывал вслух три секунды свободного полета, но почувствовал, что явно тороплюсь. Досчитав: двадцать четыре, двадцать пять, я что есть силы дернул кольцо, и оно, вырвавшись из пальцев, исчезло в пространстве. Повернув голову, уголком глаза вижу через плечо, как, шелестя, стремительно убегают вверх пучки строп, как вытягивается длинной пестрой колбасой купол. Вот он наполнился воздухом, гулко хлопнул и превратился в живой полушар. Он словно лихорадочно дышит, то сжимаясь, то расправляясь. Динамическим ударом меня швырнуло вверх, качнуло вправо, потом влево, снова вправо, и вдруг я ощутил, что неподвижно вишу в пространстве. После грохота моторов, свиста ветра охватившая тишина действует ошеломляюще. Меня охватило чувство покоя. И, вдыхая морозный воздух, я щурился на солнце, улыбался, ощущая радость бытия.

Огляделся по сторонам. Справа, высоко надо мной, удалялся самолет, оставляя бледную дорожку инверсии. Неторопливо брели лохматые, подсвеченные солнцем облака. Внизу, куда хватало глаз, простирались снежные поля. Ровные, девственно белые, кое-где искореженные подвижками, похожие на бесчисленные многоугольники, окантованные черными полосками открытой воды. Высота незаметно уменьшалась. Сахарные кубики торосов стали четче. Кое-где снежный наст был пересечен тушью свежих трещин. К горизонту уходило широкое черное развозье, похожее на асфальтированное шоссе.

Метров на тридцать ниже меня опускался Медведев. Его раскачивало, как на качелях, и он тянул стропы то справа, то слева, пытаясь погасить раскачку.

- Андре-ей! - заорал я что есть силы. - Ура! - И, сорвав меховой шлем, закрутил его над головой, не в силах сдержать охватившее меня радостное возбуждение.

Медведев в ответ замахал рукой, а потом, указав пальцем на запасной парашют, крикнул:

- Запасной открывай.

Но я уже вспомнил об этом. И в точном соответствии с инструкцией свел ноги, подогнул их под себя и, придерживая левой рукой клапаны ранца, выдернул кольцо. Клапаны, щелкнув резинками, раскрылись, обнажив кипу алого шелка. Я быстро пропустил ладонь между ранцем и куполом и, сжав купол, что есть силы отбросил его в сторону от себя. Но купол, не поймав ветер, свалился вниз и повис бесформенной тряпкой. Пришлось вытащить стропы из ранца и руками натягивать их на себя. Помогло! Неожиданный порыв ветра подхватил полотнище,

оно затрепетало, наполнилось воздухом и вдруг раскрылось гигантским трепещущим маком на фоне бледно-голубого арктического неба. До земли оставалось не более сотни метров. Меня несло прямо на торосы, в которые упиралось великолепное ровное поле, над которым я пролетал. Вблизи торосы приобрели довольно грозный вид. Это был огромный, высокий вал перемолотого льда.

Я понимал, что мне несдобровать, если я ужоу в этот хаос из ледяных обломков. Чтобы перелететь через них, надо во что бы то ни стало замедлить спуск. Услужливая память подсказала ответ: уменьшить угол развала между главным и запасным парашютами. Ухватившись за внутренние свободные концы запасного парашюта обеими руками, я что есть силы потянул их на себя, стараясь как можно ближе свести купола. Напрягая последние силы, я с трудом удерживал парашюты в таком положении. Скорость немного замедлилась, но это уже не могло мне помочь. Гряда торосов, ошетилившись голубыми ребрами глыб, неслась навстречу. Я весь сжался, сдвинул ступни, вынес ноги вперед, чтобы встретить удар о лед. "Лишь бы только ноги не застряли между льдин", - промелькнула мысль. Я затаил дыхание в ожидании удара. Вдруг сильный порыв ветра, подхватив меня, легко перенес через ледяное месиво. Чиркнув подошвами унтов по гребню, я шлепнулся в центр небольшой площадки и по шею провалился в сугроб. Мягкий снег залепил лицо, набился за воротник куртки, в рукава, за голенища унтов. Выбравшись из сугроба, тяжело дыша, стирая налепившийся снег, я попытался раскрыть карабин грудной перемычки, но тугая пружина карабина не поддавалась усилиям задеревеневших пальцев. Оставив бесплодные попытки, я лег на спину, широко раскинув руки. Только сейчас я вдруг осознал, в каком страшном напряжении находился все эти часы. Сейчас наступила разрядка. Я смотрел в бесконечную глубину блекло-голубого северного неба. Ватные облака, клубясь, рисовали живые картины. Мягко пригревало солнце. Я закрыл глаза. Меня охватило блаженное безразличие. Обострившимся слухом я улавливал шорохи, потрескивания. Неподалеку возился с парашютом Медведев. Я слышал, как он пробирается ко мне, увязая в глубоком снегу.

- Вставай, лежебока. Кончай прохлаждаться, - услышал я над головой его голос. - Радикулит наживешь.

- Так это же будет особый, полюсный радикулит, - сказал я, неторопливо поднимаясь на ноги.

Вдруг Медведев схватил меня в охапку, и мы, как расшалившиеся школьники, начали тискать друг друга, крича что-то несурзное, пока не повалились, обессиленные, на снег.

- Все, Андрей, кончай. Надо делом заняться. - Я вытащил из-под куртки фотоаппарат и, несмотря на чертыхание Медведева, заставил его достать парашюты из сумки, снова надеть на себя подвесную систему и распустить купол по снегу. Щелкнув десяток кадров, и на всякий случай каждый раз меня выдержку, я передал аппарат Медведеву и замер перед объективом ФЭДа.

Увлечшись фотографированием, мы на некоторое время забыли, где находимся, и что наше фотоателье расположено в центре Ледовитого океана. Об этом нам напомнил зловещий треск льда и зашевелившиеся глыбы торосов. Взвалив сумки с парашютами на спину, мы поспешили вскарабкаться на гребень вала. Картина, открывшаяся нашим глазам, была великолепной. Бескрайнее, гладкое как стол ледяное поле, присыпанное снежком и на его белом фоне зеленый самолет с медведем на фюзеляже, замедляющий свой бег.

Когда мы спустились вниз, я поставил друг на друга три плоские ледяные плитки, накрыл их белым вафельным полотенцем, достал из сумки небольшую плоскую флягу, две мензурки для приема лекарства, плитку шоколада и пачку галет.

- Прошу к столу, уважаемый Андрей Петрович!

Медведев повернулся и даже крякнул от удовольствия.

- Ну и доктор, молодец! Я уже и надежду потерял. Решил, что так и останемся без праздничного банкета. Однако закуску на всякий случай припас, - сказал Медведев, протягивая большую свежую луковицу.

Мы наполнили мензурки. С праздником! С Победой! С полюсом!

Глава XI БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

"He is happy, whose circumstances suit his temper; but he is more excellent, who can suit his temper to any circumstances".

D. Hume

Утро 8 декабря началось как обычно, не предвещая никаких неожиданностей. Погода успокоилась, лед помалкивал, и я, как обычно, суетился на камбузе, готовя обед. Все собрались вовремя и с аппетитом уплетали наваристые щи из оленины. Запоздывал только Дмитриев, видно расшифровывая очередную радиограмму. Наконец и он появился на пороге и молча положил на стол перед Сомовым листок бумаги. В этом не было ничего особенного. Но я слишком хорошо изучил Сашу, лицо которого было воистину зеркалом души, чтобы понять: произошло что-то особенное. Да и весь его вид в наброшенной на плечи куртке и с незавязанными ушами потертой пыжиковой шапке, свидетельствовал, что я не ошибся.

Сомов прочел радиограмму и медленно обвел взглядом сидящих за столом. Все затихли, чувствуя, что произошло что-то очень важное.

- Так вот, друзья мои, - начал он. - Правительство приняло решение продлить работу станции еще на один год, - и снова замолчал.

Все впились глазами в лицо Сомова, понимая, что это лишь присказка, а сказка еще впереди.

- Руководство Главсевморпути считает, что для успешного продолжения дрейфа необходима преемственность в работе. А для этого необходимо, чтобы два-три человека из нынешнего состава станции остались дрейфовать на второй год. Я, конечно, понимаю, что выдержать еще один год - тяжелое испытание. Но без этого не обойтись. Никого неволить не буду. Это дело сугубо добровольное. Пусть каждый обдумает предложение, оценит свои силы и возможности. Торопиться не надо. Это ведь не к теще на блины сходить. Не позднее завтрашнего утра тех, кто решил остаться продолжать дрейф, прошу сообщить мне. Вопросы есть?

Наступила тишина. Сомов набросил на плечи шубу и вышел из кают-компаний. Вскоре она опустела, и я остался наедине со своими ложками-поварешками. На ужине тоже никто не появился. Помыв посуду, притащив со склада порцию продуктов для дежурного, я отправился восвояси. Гудкович, забравшись в спальный мешок с головой, тихо похрапывал. Дмитриев, побрякивая, ворочался в своем закутке за занавеской.

Газ был потушен, и в палатке царил мороз. Я торопливо разделся и нырнул, словно в прорубь, в заледеневший за день пуховый вкладыш, скрючившись, как младенец в матке.

Наконец мое гнездышко прогрелось, и я, вытянув ноги, предался размышлениям. Впрочем, гамлетовский вопрос "быть или не быть" я для себя решил не задумываясь еще в кают-компаниях. Я закрыл глаза и предался воспоминаниям. После возвращения из последней высокоширотной экспедиции меня ни на один день не оставляла надежда оказаться на дрейфующей станции.

Вспомнилось, как огорчил меня отказ Кузнецова. Пять долгих месяцев после возвращения из экспедиции меня не оставляла надежда попасть на льдину к Сомову. И вот неожиданный ночной вызов в Главсевморпуть. Перед моим мысленным взором возник заставленный старинной мебелью кабинет. Вспомнилось, как, затаив дыхание, слушал я Водопьянова и охватившее меня чувство телячьего восторга.

Желание попасть в эту загадочную страну, называемую Арктикой, зародилось еще в детстве, наверное, тогда, когда я впервые прочел книгу Лялиной "Русские мореплаватели, арктические и кругосветные". Я воображал себя то отважным первопроходцем, бредущим среди полярной пустыни вслед за собачьей упряжкой, то суровым капитаном ледокола, ведущим свой корабль среди арктических льдов, то бесстрашным полярным пилотом, покоряющим воздушные арктические пространства. Видимо, этому способствовали и присущая мне склонность к романтике, и жилка авантюризма. И вот случайная встреча с Павлом Бурениным, и мечта стала реальностью. Арктические экспедиции, прыжок с парашютом на Северный полюс, многомесячный дрейф на станции, казалось бы, должны полностью утолить мою жажду приключений. Но нет. Стоило судьбе поманить меня пальцем, и я вновь готов пуститься во все тяжкие.

Что же заставило меня сейчас безоговорочно согласиться на продолжение дрейфа? Обуреваемый воспоминаниями и сомнениями, я беспокойно ворочался с боку на бок и вдруг явственно услышал свой внутренний голос:

- Ну чего ты мечтаешь? Ведь решил остаться, и дело с концом.
- Решил-то решил, но все же...
- А кто тебя заставляет остаться? Никто ведь не неволит?
- Нет, не могу иначе. Совесть не позволяет. Все же я один из самых молодых, не женат, да и на станции всего несколько месяцев.
- Да брось ты лицемерить, - съехидничал внутренний голос, - молодой, холостой. Уж самому-то себе можешь честно признаться: славы захотелось.
- Захотелось, ну и что? А кому ее не хочется? Только о ней даже мечтать смешно. Слава - это известность, портреты в газетах, письма от незнакомых девушек. А тут притаился, как разведчик в тылу врага. Даже родители не знают, где ты находишься.
- Может, экзотика так подействовала? Или просто подзаработать денег решил? - съехидничал голос.
- Нет, пожалуй, экзотики я нахлебался досыта. А насчет подзаработать. - Я даже рассмеялся вслух. - Это с нашими-то командировочными. 2 рубля 26 копеек в сутки. Да и то, как однажды сострил Миляев, как бы нам не переплатили. Ведь мы как бы в сельской местности, а там положено всего 1 рубль 34 копейки.
- Ну так что же? - продолжал шептать внутренний голос.
- Да ничего, - обозлился я. - Кончай это дурацкое самокопание и спи. Как там у французов: "J'y suis, j'y reste"?

С этой мыслью я уснул.

- Виталий, ты не спишь? - услышал я сквозь дрему голос Дмитриева.
- Сплю, сплю. Отвяжись, не слышишь, даже храплю.
- Ладно меня разыгрывать. Лучше скажи, что ты решил. Я вот твердо решил остаться еще на год. Может быть, и ты составишь мне компанию? Вместе веселей будет. А если и Зяму уговорим - вообще блеск.
- Думаю, Зяма не согласится, - сказал я с сомнением в голосе. - Он ведь перед самым вылетом на льдину женился.
- Пожалуй, ты прав. Нам, холостякам, что? Перебьемся. А ему свою женушку еще целый год не видеть.

Дмитриев замолк, да и я, сморенный усталостью и умственными упражнениями, тоже задремал.

Едва поднявшись с постели, мы отправились в палатку к Сомову. У самого входа нас догнал Гудкович. Судя по его утомленному лицу, он всю ночь так и не заснул, мучаясь сомнениями.

- Ай да Зямочка! - воскликнул радостно Дмитриев. - Ну молодец. Теперь нам никакие трудности не страшны! - И, сдержав обуревавшие его чувства запел, чуть перефразировав известную песню: "Три танкиста, три веселых друга, экипаж палатки боевой".

Мы ввалились в гидрологическую палатку. Сомов поднял на нас усталые от ночного дежурства глаза и негромко сказал:

- Как я понимаю вы все втроем решили остаться для продолжения дрейфа. Молодцы. Скажу честно, именно на вас я рассчитывал. - Он помолчал немного и добавил: - Надеюсь, свое решение вы обдумали самым серьезным образом. Ведь нелегко придется.
- Обдумали, Михаил Михалыч, все тщательно обсудили, - уверенно сказал Дмитриев. - Можете на нас положиться.

Через два часа в Москву ушла срочная радиограмма: "Продление дрейфа единодушно одобрено коллективом станции. Продолжение дрейфа дали согласие Волович, Гудкович, Дмитриев. Наши координаты на 9 декабря 80°30' северной широты, 196°54' западной долготы".

Сбросив с плеч тяжкий груз сомнений, мы разбрелись по рабочим местам: Гудкович на метеоплощадку "за погодой", Дмитриев в гидрологическую палатку помогать Никитину, а я, передоверив готовить завтрак очередному вахтенному, отправился "делать науку": изучать температурный режим в палатках, утепленных в зависимости от предприимчивости и

изобретательности их хозяев. Одни сиротливо чернели, едва прикрытые снегом, другие были окружены монументальной стенкой из снежных кирпичей, третьи - закованы толстым панцирем обледеневшего снега, придававшим им вид фронтального блиндажа.

Палатку радистов окружала лишь невысокая снежная насыпь. Им, счастливым, не приходилось страдать от холода. Газовую плитку им вполне заменял движок, который, помимо основной функции - снабжать передатчики электроэнергией, излучал столько тепла, что его хватило бы еще на пару палаток. Закончив обход, я решил осуществить свою давнишнюю мечту: построить эскимосскую иглу, воспетую полярными корифеями Амундсеном, Расмуссеном, Стефанссоном. Благо, количество материала, предоставленного в мое распоряжение матушкой природой, не могло присниться ни одному строителю. Да материал какой: легкий, плотный, легко поддающийся обработке простой пилой-ножовкой и, главное, - воздух, заполняющий пространство между снежными кристаллами, составляющий до 90% его веса, превращает снег в отличный теплоизолятор. Недаром он столь любим эскимосами, возводящими из него великолепные куполообразные жилища-иглу. Кнуд Расмуссен, изучавший в течение многих лет жизнь эскимосов на Великом санном пути от Гудзонова залива до Аляски, открыл, что порой эти снежные дома составляли целые архитектурные ансамбли. "В самом главном жилье, - писал он, - могли легко разместиться на ночь двенадцать человек. Эта часть снежного дома переходила в высокий портал, вроде холла, где люди счищали с себя снег, прежде чем войти в жилое помещение. С другой стороны к главному жилью примыкала просторная светлая пристройка, где поселялись две семьи. Жира у нас было вдоволь, и поэтому горело по семь-восемь ламп зараз, отчего в этих стенах из белых снежных глыб стало так тепло, что люди могли расхаживать полуголыми в полное свое удовольствие".

Для выполнения своего "грандиозного" зодческого плана я подыскал подходящее место поблизости от стеллажа с оленьими тушками. Оно отвечало двум главным требованиям: было ровным как стол, снег был таким плотным, что на нем не оставалось даже следа от моих унтов. Ночь была лунной, и я решил обойтись без дополнительного освещения, чтобы не привлекать к себе внимания любопытных. Прежде всего, с помощью нехитрого чертежного инструмента - метровой веревки с двумя кольшками по концам - я начертил на снегу круг. Затем по соседству в сугробе вырыл лопатой "карьер" метр на метр и, вооружившись пилой-ножовкой, принялся вырезать блоки-кирпичи размером 60х30х10 см. Поддев блок лопатой и пошуровав ею, я вытаскивал кирпич за кирпичом и складывал их в штабель.

Заготовив строительный материал, я принялся за строительство. Уложил фундамент из блоков по окружности, а затем от верхнего края первого до нижнего края второго последнего аккуратно срезал снег, так чтобы образовалась ступенька. Теперь можно было начинать укладку кирпичей по спирали. Каждый блок, прежде чем водрузить его на место, я обрезал по краям, придавая ему вид трапеции. Ее наружная грань была несколько больше внутренней, чтобы не дать блоку провалиться внутрь хижины. Чуть подрезав основание, я устанавливал блок на нижнее переднее ребро, так чтобы он опирался на три точки: две снизу и одну, сверху. Работа спорилась. Я укладывал блок за блоком, но в строительном азарте забыл о двух основных правилах: во-первых, верхний блок должен был обязательно перекрывать вертикальный стык нижележащих и, что еще важнее, блоки следовало наклонять внутрь сначала градусов на пять, а затем постепенно увеличивать угол наклона, иначе никакого купола не получится. Пришлось, поругивая себя за несообразительность, все начинать сначала. Время бежало незаметно, и я едва не прозевал час обеда. Вовремя спохватившись, я помчался на камбуз и, поставив вариться щи, возвратился к своему детищу.

Наконец последний кирпич стал на место и щели были затерты снегом. Я мог полюбоваться делом своих рук. Конечно, моей иглу было далеко до совершенства. Но все же это было куполообразное сооружение, которое теперь вполне могло укрыть от ветра. А спастись от холода мне должна была помочь жировая лампа. Ее роль выполняла большая жестяная банка из-под сельдей, заполненная керосином (за неимением тюленьего жира) с кусочками бинта-фитиля. Следуя указаниям Стефанссона, я прорыл с восточной стороны иглу лаз и забрался внутрь. Большая снежная глыба, уложенная у стенки, в самом начале строительства выполняла роль ложа. Дрожа от холода и нетерпения, я запалил фитили, и они, чадая и потрескивая, осветили убогую внутренность моего жилища. Растянувшись на лежанке, я предался ожиданию минуты, когда наступит "Ташкент". Но мои надежды были безжалостно рассеяны. Фитили так невыносимо коптели, что через несколько минут я, чертыхаясь и отплевываясь, выбрался наружу, вышвырнув лампу на снег, где она неминуемо погасла.

Но охота пуще неволи. Не вышло с лампой - попробую обыкновенные свечи. Я притащил четыре штуки и укрепил в центре иглу на фанерной дощечке. Когда свечи разгорелись и посветлевшие язычки пламени потянулись, чуть потрескивая, кверху, внутренность иглу волшебным образом преобразилась. Стены ее заискрились, засверкали разноцветными огоньками - красными, синими, зелеными, превратив снежный домик в сказочную пещеру из "Тысячи и одной ночи". Я не стал закрывать отверстие лаза снежной глыбой: воздушная пробка надежно защищала от проникновения наружного воздуха, и отправился на камбуз готовить обед.

Часа через два я все же не выдержал и помчался навестить свою постройку. Свечи почти

наполовину сгорели, но зато столбик термометра, оставленного мною, поднялся с минус тридцати до нуля. Да здравствует иглу! После обеда я не удержался и похвастался своей работой.

- Приглашаю всех желающих посетить "настоящую эскимосскую иглу". - Охотников оказалось немало. Миляев заполз внутрь и, взглянув на термометр, изрек свое любимое: "Ну, бляха-муха".

12 декабря.

Никитин пришел в кают-компанию мрачнее тучи.

- Вот беда-то какая, - пробормотал он, глубоко затягиваясь папиросой.

- Что стряслось, Макар Макарыч? Часом, не заболели? - обеспокоенно спросил я.

- Уж лучше бы заболел. Это дело поправимое, доктор. Понимаешь, вертушка утонула.

Я припомнил день, когда Алексей Федорович Трешников с загадочной улыбкой поставил на стол в кают-компанию большой полированный ящик и извлек из него странный прибор, напоминающий цилиндр с лопастями-крылышками.

- Где же таке? - изрек свое любимое Комаров.

- Автоматическая буквопечатающая вертушка БПВ-2. Личный подарок конструктора Алексеева гидрологам станции СП-2. Все параметры течений она автоматически печатает на телеграфной ленте. Ее пружинный механизм рассчитан на неделю непрерывной работы. В прибор встроен магнитный компас и отсчет направления ведется относительно плоскости магнитного меридиана, на который он указывает. Вот все инструкции по эксплуатации прибора, изучите и пользуйтесь им на здоровье.

Радость гидрологов не поддавалась описанию. Ведь этот прибор избавлял их от утомительных многодневных дежурств над лункой.

- Жаль только, - добавил Трешников, - что к моему отлету из Ленинграда удалось изготовить вертушку в единственном экземпляре. Так что берегите ее как зеницу ока.

Сомов и Никитин несколько дней вникали в тайны прибора, строчка за строчкой изучали инструкцию и, наконец, решили, что пора действовать. С сосредоточенными лицами они осторожно на тросике опустили вертушку в жерло лунки и несколько дней ходили именинниками, в ожидании, когда наступит торжественная минута пожинать лавры конструкторской мысли.

Я себе представил состояние Никитина, когда он, придя в гидрологическую палатку проверить "самочувствие" прибора, обнаружил, что тросик, на котором висела вертушка, подозрительно ослаб.

Охваченный ужасным предчувствием, он потянул за тросик, ставший странно легким. Вертушка исчезла. То ли трос оказался с внутренним изъяном, то ли соленая океаническая вода разъела за несколько дней его стальные нити. Причина уже не имела никакого значения. Драгоценный прибор был утрачен безвозвратно.

В довершение всех бед Мишу Комарова вновь скрючил радикулит. Как ни убеждал я Михаила побережись, он, как всегда, был глух к медицинским советам и вот теперь лежит обложенный грелками, проклиная свою злосчастную судьбу.

17 декабря.

Все в мире относительно. Еще недавно я проклинал нашу старую палатку - кают-компанию и испытывал телячий восторг от нового камбуза в штурманской рубке самолета. Он действительно был намного комфортабельнее прежнего. Но все его преимущества потеряли цену от царившего в нем холода. Металлические стенки фюзеляжа словно впитывают в себя мороз, и поутру температура в нем немногим отличается от наружной. Деревянный щит на полу покрыт слоем льда. Заготовленная с вечера вода превращается к утру в прозрачный слиток. Стены обрастают белым пушистым мхом. Эх, сюда бы хоть один водопьяновский примус. Цены бы ему не было. Но примусы давно покоятся в каком-то сугробе, а нет-нет да вспомню недобрым словом их горе-изобретателей. Нет, кулинарное поприще не моя стихия. А ведь старожилы Арктики утверждают, что должность повара одна из самых завидных. Тут тебе и самые вкусные кусочки достаются, не надо тащиться в мороз и пургу на метеоплощадку или к гидрологической лунке. И, главное, человек постоянно в тепле. Возможно, в этих рассуждениях есть доля правды (а может быть, элементарной человеческой зависти). Но я твердо уверен, что ни один человек на нашей станции не завидует

моей поварской доле. Ведь даже теплом, этой неотъемлемой привилегией кока, я не пользуюсь. Разве что в короткие промежутки, когда баки и кастрюли перестают закрывать горящие конфорки. Пока я нарублю твердое, как бетон, мясо, отмерю порции круп и сухих овощей, ноги так замерзают, что приходится приплясывать на обледенелом полу. Чтобы не впасть в уныние, я предаюсь художественной самодеятельности. Читаю вслух стихи, распеваю во весь голос цыганские романсы и патриотические песни, аккомпанируя себе стуком ложки или ножа. Но особенно я люблю исполнять куплеты с "хитрой" рифмой.

В турнирный день один вассал
Весь графский замок... обошел.
Нигде уборной не нашел
И в книгу жалоб записал.

Жан, возвращаясь из кино,
Случайно вляпался в... историю.
Ему нельзя ходить в "Асторию",
Когда на улицах темно.

Сразив кардиналистов рать,
Три мушкетера сели... кушать
И приготовились слушать,
Как д'Артаньян им будет врать.

Весна. Крестьянин торжествуя
Идет, держась за кончик... плуга,
А позади его супруга
Ворчит, на мужа негодуя.

Маркиз гурманом слыл давно,
И в теплом виде ел... окрошку.
Он был хороший парень, но
Оригинальничал немножко.

Тореадор попал в беду,
Схватив маркизу за... мантилью,
Она вскричала: "Эскамильо,
Вы хам. К вам больше не приду".

Турецкий канцлер Иненю
Сказал по радио... народу:

"Я обещал для всех свободу,
Но дать ее повременю".

Себя от старости страхуя,
Пришли в госстрах два старых... деда
И там затеяли беседу
О важной роли поцелуя.

Однажды в разгар "концерта" на камбузе появились в неурочное время Яковлев с Дмитриевым. Песня понравилась, и они потребовали донести ее до широких станционных масс. Я выполнил их просьбу после ужина и даже сорвал аплодисменты.

Однажды, обнаружив на книжной полочке томик "Евгения Онегина", я загорелся идеей выучить его наизусть. Положив его на разделочный столик, я принялся твердить звучные пушкинские строфы. И сразу же меня привлекли (о профессионализм!) "кулинарные" строки.

"Пред ним окровавленный
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Я со вкусом повторял их раз за разом, хотя из всех этих яств мне удалось отведать только ростбиф, под именем которого в московских ресторанах подавали кусок жесткого пережаренного мяса. О лимбургском сыре, трюфлях и нетленном страсбургском пироге я знал понаслышке, а ананас видел только на картинках. И тем не менее каждый раз воображение рисовало передо мной роскошный стол петербургского ресторатора, и я невольно глотал слюнки. Хорошо жили буржуи. Правда, работа над Пушкиным продвигалась черепашими темпами. Обстановка камбуза мало способствовала усвоению стихов. Но я не унывал. Впереди было еще много обедов и ужинов.

Глава XII ПОТОП

Ох как не хочется среди ночи вставать на метеорологическую вахту. Гудкович потянулся взглянуть на часы и, расстегнув "молнию" вкладыша, протянул руку под койку, нащупывая унты. Неожиданно пальцы его коснулись воды. Вода на полу палатки? Сон сняло как рукой. "Полундра! - закричал Зяма. - Вода в палатке!!!"

Еще не соображая со сна, что случилось, мы стремглав выскочили из мешков, на ходу натягивая на себя брюки и свитера.

Если под палаткой прошла трещина, она может мигом разойтись, и тогда из нашего жилища быстро не выберешься. Протиснувшись через лаз, волоча за собой шубы, мы выползли на свет божий. Огляделись. В лагере царил полный покой. Даже не слышно было обычного потрескивания льда.

Из-за камбуза показался Петров - вахтенный.

- Вы что это ни свет ни заря поднялись? Бессонницей, что ли, мучаетесь? - спросил он, удивленно разглядывая наши полуодетые фигуры.

- Ваня, ты ничего не слышал? - сказал Дмитриев. - Кажется, льдина под нашей палаткой треснула.

- Это тебе со сна показалось. Никаких подвижек и в помине нет.

- Какое там показалось, если всю палатку затопило водой.

- Как затопило?

- Вот так и затопило. Наверное, под палаткой трещина прошла, - сказал Дмитриев и, повернувшись, нырнул в темноту тамбура.

Мы полезли за ним. Воды на полу прибавилось.

- Вот черт, все наши вещи намокли, - сказал Зяма, стараясь дотянуться до большого мешка с обмундированием, лежавшего на полу в ногах у кровати.

- Черт с ними с унтами, все равно они уже мокрые, - сказал Саша и смело шагнул вперед, разбрызгивая воду. Но мы с Зямой продолжали нерешительно топтаться на месте.

- Я сейчас вернусь, - вдруг сказал Гудкович, исчезая за пологом. Через несколько минут он появился вновь, волоча за собой пустые деревянные ящики. Мы последовали его примеру, и вскоре над водой поднялись импровизированные мостки.

- Никакая это не трещина, - уверенно сказал Петров, обмокнув палец в воду и попробовав ее на вкус. - Вода-то совершенно пресная. Если бы она поступала из трещины, она была бы соленой.

- И правда, она пресная, - подхватил Дмитриев, тоже успевший определить вкусовые качества воды.

- Эврика! - вдруг воскликнул Зяма. - Это все аэрологи виноваты. Когда лагерь переезжал, Канаки это место нашел и все расхваливал, какое оно ровное да удобное. А то, что под ним снежница может оказаться, он и не подумал. Вот теперь мы и отыгрываемся за его неосмотрительность. За эти месяцы на палатку снега столько навалило, что, видимо, тонкий ледок на снежнице треснул под ее тяжестью.

Пока мы охали и кляли непредусмотрительность аэрологов, вода продолжала прибывать, затапливая все вокруг.

- Не повезло вам, друзья, - сказал Петров озабоченно. - Пойду-ка я сообщу Михаилу. Пусть он решит, как вам быть дальше.

Вскоре он возвратился вместе с Сомовым. Михаил Михайлович первым делом попробовал воду на вкус и, убедившись, что она пресная, успокоился.

- Пожалуй, придется вам перебираться на время в другую палатку. Только вот в какую? Только одна комаровская мастерская свободна. Вот там и располагайтесь. Она, правда, поизносилась и там довольно прохладно, но уж потерпите малость. Обложите ее снежными кирпичами и грейте паяльной лампой. Только не забудьте дверь в вашей палатке пошире открыть. Пусть дед-мороз постарается. Думаю, за два-три дня все замерзнет и сможете вернуться к своим пенатам.

Захватив с собой все самое необходимое, мы поплелись в палатку-мастерскую. Вид у нее был

аховый. В протершийся брезент просвечивали звезды. Снежная прокладка отсутствовала. Мы стояли посреди палатки, удрученно поглядывая друг на друга.

- Ну что, так и будем стучать зубами, - сказал, поеживаясь, Дмитриев, - берите лопаты и начнем утепляться.

Заготовив из ближайшего сугроба десятка три снежных блоков, мы тщательно обложили ими со всех сторон палатку, а тем временем Петров приволок несколько запасных оленьих шкур со склада, расстелил их на полу и зажег паяльную лампу.

- Ничего, не замерзнем, - убежденно сказал Гудкович, отогревая над лампой застывшие руки. - Теперь вся надежда на деда-мороза. Надеюсь, он не подведет.

- Сейчас приготовлю чайку, - сказал я, - и на покой. Похлебав наскоро чайку, мы, не снимая курток и свитеров, забрались с головой в спальные мешки. Петров пожелал нам приятных сновидений и, погасив лампу, пошел охранять лагерный покой. Под утро мне приснился страшный сон. Я готовлю обед и вдруг обнаруживаю, что со стола исчезло все мясо. Переполошившись, бегу на склад. Стеллаж пуст, куда-то подевались все олени туши. Только вроде бы одна торчит из-под снега. Я попытался выдернуть ее из сугроба, и тут она как зарычит и превращается в медведя. Хочу бежать, а ноги словно приросли к сугробу. Медведь бросился на меня и ухватил зубами за нос. Я вскрикнул и проснулся. В палатке - крошечная тьма. Сладко похрапывал Саша Дмитриев. Постанывал во сне Зяма. Но почему так сильно болит нос? "Неужели отморозил?" - мелькнула мысль, и я, нащупав рукой рукавицу, остервенело принялся тереть нос. Видимо, во сне я раскрылся и едва его не отморозил. И неудивительно: термометр, лежавший у изголовья, показывал минус тридцать пять. Обезопасив свой драгоценный нос, я снова забился с головой в мешок и вскоре задремал.

Утром, когда Петров просунул в палатку голову и гаркнул во весь голос "Подъем!", со всех коек раздались умоляющие голоса:

- Ванечка, милый, разведи "паялку".

Петров добросовестно накачал паяльную лампу и она низко загудела, изрыгая голубоватое пламя. Столбик ртути ожил и весело полез вверх, остановившись на отметке -5°.

- А ведь сегодня 22 декабря, - сказал Гудкович, высунув голову из спального мешка.

- У кого-нибудь день рождения? - осведомился я, тщетно пытаюсь запихнуть ногу в окаменевший за ночь унт.

- 22 декабря - самый короткий день, - пояснил Зяма.

- Может, по этому поводу нам доктор лишнюю стопку настойки женьшеня поднесет, - сказал Дмитриев, - маленькое, но событие.

Сообщение Гудковича, что сегодня самый короткий день, я воспринял как образец черного юмора. Самый длинный или самый короткий - какая для нас разница, ежели круглые сутки стоит непроглядная тьма.

Постепенно нарушенный было распорядок нашей жизни восстановился. Первое, чем мне надо было заняться, - провести очередной медицинский осмотр. Закончив все процедуры обследования, я уже достал заветную бутылку с настойкой, как вдруг Петров, ни разу ни на что не жаловавшийся, спросил:

- Послушай, доктор, что-то меня последнее время жажда одолевает. Во рту пересыхает, точно валенок жевал.

- Это, видимо, от обезвоживания организма.

- Чего? - откликнулся из-за занавески Дмитриев. - Даже я знаю, что такое только в пустыне бывает. А то в Арктике. Вот смех.

- Да постой ты, Саша, со своими знаниями. Пусть лучше доктор сам объяснит.

- Понимаешь, Ваня, ничего удивительного в этом нет. Если ты посмотришь дневники полярных путешественников, то многие из них жаловались на жажду. Причины ее давно объяснены. Первая - недостаток питьевой воды. Но с этим-то у нас порядок. При работе в стесняющей движения одежде, да еще при тяжелой физической работе, значительно усиливается потоотделение - вот тебе и вторая причина. А к этому присоединяется низкая температура воздуха и его сильная сухость. Он, поступая в легкие, нагревается и при этом поглощает значительное количество влаги. И потом, мы здесь много чаще бегаем в туалет.

- Это я давно заметил. Иногда раз по десять, а иногда и больше хочется писать. А я подумал, может, с почками что-нибудь приключилось.

- Почки тоже не остаются в стороне от этих дел. При низкой температуре увеличивается секреция мочи. Вот и все - простенько и со вкусом. Правда, при увеличившихся потерях воды может нарушиться и солевой обмен. Но наша пища содержит достаточное количество соли, и эта штука никому не угрожает.

- Спасибо, док, за объяснение.

Ваня выпил положенную ему стопку женьшеневой настойки и удалился.

Поутру, едва одевшись, мы помчались в свою родную палатку. Но нас постигло полное разочарование. Вода не только не замерзла, но, по-моему, ее даже прибавилось. Дед-мороз явно не торопился выполнить свои прямые обязанности.

Только на пятые сутки вода наконец превратилась в лед, из которого торчали вмерзшие обломки досок, ящики, старые унты и даже забытый впопыхах чайник. Пришлось взяться за пещи и лопаты. Когда, наконец, тридцать пятое ведро ледяных осколков было вынесено за порог, мы всерьез принялись за благоустройство палатки: сбили все сосульки наледи. Выколотили изморозь из старых оленьих шкур, настелили поверх в два слоя новые и вычистили до блеска газовую плитку. Оставалось только разжечь огонь. Палатка сразу приобрела непривычный уют.

- Теперь не хватает только музыки, - довольно сказал Гудкович. - Надо бы попросить Константин Митрофановича провести к нам радио, тогда вообще будет полный порядок.

- Это кто там радио вспоминает? - послышался из снежного лаза знакомый голос, и на пороге появился Курко с мотком провода в руках. - Здорово, бояре, - сказал он. - Как живете-можете?

- Добро пожаловать, Константин Митрофанович. Ты легок на помине. Мы как раз говорили о том, что неплохо бы к нам в палатку провести радио, - сказал Зяма.

- А я затем и пришел, чтобы радиофицировать ваш ковчег, - сказал Курко, вытащив из кармана пару наушников, и потряс ими в воздухе.

Скинув шубу, Курко проковырял ножом отверстие возле иллюминатора, прикрепил кончик провода к заостренному металлическому стержню и, протолкнув его через снежную обкладку, отделявшую нас от "внешнего мира", подсоединил к наушникам.

- Вот и все, - сказал он, - сейчас пойду подключу вас к радиоприемнику и наслаждайтесь музыкой в свое удовольствие.

Костя ушел, а через несколько минут в наушниках что-то тонко заверещало, захрипело и сквозь помехи зазвучали бравурные звуки американского джаза.

- Будем по очереди слушать, - решительно заявил Саша. - Только чур я первый. - И развалившись поверх спального мешка, он надел наушники и, блаженно улыбаясь, закрыл глаза.

Дмитриев огляделся вокруг и вдруг восторженно воскликнул:

- Ну до чего же здорово стало! Тепло, чисто. Шик-модерн!

- И жизнь хороша, и жить хорошо, - процитировал Маяковского Зяма.

Я невольно улыбнулся.

- А ты чего улыбаешься, Виталий? Что, не согласен со мной? - сказал Саша.

- Согласен. Просто ты мне один старый анекдот напомнил.

- Анекдот? Давай выкладывай. Что-то я давно от тебя никаких историй не слышал.

- Рабинович жил в маленькой комнате с женой и четырьмя детьми. До того ему однажды тошно стало, что он обратился к раввину за советом: "что делать? Тесно, грязно".

Раввин подумал и сказал: Приведи в дом козу.

Через пару дней Рабинович прибежал расстроенный: "Господин раввин, совсем житья не стало".

Раввин подумал и сказал: "Приведи в комнату барана".

Рабинович послушался, но спустя три дня ворвался к раввину с криком: "Не могу больше, хоть

вешайся".

"А теперь, - сказал раввин, - выгони всю живность, вымой комнату и наведи порядок".

На следующий день Рабинович пришел радостный, улыбающийся:

"Спасибо, господин раввин, за умный совет. Жизнь - прекрасна".

Вот и у нас так получилось.

- Точно, - сказал, улыбаясь, Саша. - Теперь как станет нам тошно, мы снова потоп устроим.

Я принялся приводить в порядок свой "медицинский уголок", а Дмитриев нырнул к себе в закуток готовить очередную шифровку.

Прошло минут пятнадцать, как Гудкович, куда-то исчезнувший, вернулся, волоча за собой два больших ящика, сколоченных из толстых досок.

Вооружившись молотком, он вбил по их краям четыре гвоздя и взгромоздил на ящики свою койку. Затем, обернув несколько раз ножки веревкой, он накрепко привязал их к гвоздям.

- Ты что, к новому потопу готовишься? - поинтересовался Саша, высунувшись из-за занавески.

- При чем тут потоп? - отозвался Зяма, проверяя свое сооружение на прочность. - Это от холода.

- От холода? - удивленно спросил Дмитриев, выползая из своего закутка.

- Именно от холода, - подтвердил Гудкович. - Ведь у пола температура минус пятнадцать, а в метре от него - только десять градусов. Правильно я говорю, Виталий? А если хорошенько протопить, то всего пять.

- Точно, - подтвердил я, ухватив на лету достоинство Зяминой идеи.

- Ай да Зямочка! Голова! - восхитился Саша. - Так чего же мы стоим, Виталий? Пошли за ящиками.

Вскоре все три койки были водружены на деревянные постаменты, и мы раньше обычного забрались в спальные мешки, дабы оценить нововведение.

Глава XIII БУДНИ ЛЕДОВОГО ЛАГЕРЯ

Дон-дон-дон - несется по лагерю звон рынды - куска рельса, подвешенного на треноге у камбуза. Это вахтенный, утомленный ночным бдением, подает сигнал, что пора вставать. Мои уши, ставшие чрезвычайно чуткими, сразу улавливают этот звук, едва проникающий сквозь толстую снежную шубу нашей палатки. Неужели уже 8 утра? Но стрелки будильника, стоящего на ящике рядом с койкой, замерли на цифре три. Это же нормальный будильник, не рассчитанный на тринадцатиградусный мороз в жилом помещении. Газ погашен еще с вечера, так как Зяма ушел помогать гидрологам.

Холодно. Отверстие пухового вкладыша обросло мохнатой изморозью. Так не хочется вылезать из спального мешка. Впрочем, мне нечего торопиться, поскольку завтрак готовит вахтенный, а я накануне вечером заготавливаю все необходимые продукты. Из-за занавески несется богатырский храп Дмитриева.

- Саша, вставай. Подъем.

- Неужели пора? До чего жаль просыпаться. Я такой сон видел. Будто лежу на пляже в Сочи. Вокруг меня дамочки выются одна лучше другой. А ты со своим "подъем". Дал бы хоть сон досмотреть.

Ворча Дмитриев выползает из мешка и торопливо чиркает спичкой. Над газовой горелкой весело заплясал голубой венчик. Тепла от него - кот наплакал, но покидать свое теплое пуховое гнездышко всегда морально легче при виде огня.

Дмитриев отправился на завтрак, а я, понежившись с полчаса, вылезаю из мешка и начинаю торопливо одеваться. Трудности возникают только с унтами. Отсырев за день, они к утру замерзают, превращаясь в некое подобие японских сабо, и втиснуть в них ноги удастся не без труда. Наконец, процедура одевания закончена и можно приступать к утреннему туалету. Поскольку вода в ведре, как обычно, за ночь превратилась в лед, приходится дожидаться возвращения ее в первоначальное состояние, поставив ведро на газ. Помывшись, побрившись, починив прохудившийся вкладыш, я покидаю палатку. Темно, хоть глаз выколи. Лишь яркой звездочкой светит фонарик на радиомачте. Пуржит. Закрываясь от ветра, я добираюсь до кают-компания. Там пусто. Все уже позавтракали. На плитке стоит ведро с тающим снегом. На столе дожидается моего прихода оленья туша. Несколько буханок хлеба покачиваются на веревочках, подвешенные под потолком. Я с ходу принимаюсь за дело. Когда наконец все нарезано, наколото, нашинковано, уложено в кастрюли, залито водой и поставлено вариться на плитке, я окидываю камбуз внимательным взглядом и, убедившись, что все в порядке, отправляюсь навестить кого-нибудь из товарищей. Погугорить с Миляевым, попить чайку в компании радистов, а заодно потренироваться на телеграфном ключе. Но особенно люблю я посещать Сомова. Правда, этот визит я, как правило, откладываю на послеужинное время.

Все привлекает меня в этом человеке: широкая эрудиция, разнообразие интересов, мастерство рассказчика и, конечно, удивительная доброжелательность. Несмотря на значительную разницу в возрасте (почти 16 лет), у нас установились удивительно дружеские, доверительные отношения. Это, вероятно, можно было объяснить сходством характеров, отношением к жизни. Он, как и я, был неисправимым романтиком, любителем литературы. О чем только мы не беседовали. Говоря словами Пушкина:

Меж ними все рождало споры

И к размышлению вело:

Времен минувших договоры,

Плоды наук, добро и зло,

И предрассудки вековые,

И тайны гроба роковые,

Судьба и жизнь в свою чреду,

Все подвергалось их суду.

Сомов родился в 1908 году третьим ребенком в семье коренных москвичей. Отец его, Михаил

Павлович, избрав своим призванием ихтиологию и рыбоводство, был человеком широких взглядов, воспитывавшим в детях любовь к труду, к знаниям, уважение к человеческой личности. Немало способствовала формированию характера сына его мать, Елена Николаевна, приходившаяся по прямой линии родственницей Константину Данзасу - другу и секунданту Пушкина. Бабка ее, урожденная Софи Данзас, приходилась ему племянницей.

Сомов рано начал трудовую жизнь. В 1937 году, успешно закончив Московский гидрометеорологический институт, он был приглашен гидрологом в Штаб морских операций, а два года спустя переведен в Ленинградский Арктический институт. С той поры его судьба оказалась навсегда связана с Арктикой. Он был неперенным участником важнейших морских и воздушных полярных экспедиций, проявив себя блестящим специалистом по ледовым прогнозам. В годы войны он оказался на острове Диксон в составе отряда ледовой авиаразведки, обеспечивавшей разработку ледовых прогнозов, столь необходимых для летчиков и моряков, трудившихся на трассе Северного морского пути.

"Научный и организаторский опыт М. М. Сомова, закалка, умение работать с людьми определили его назначение начальником дрейфующей станции "Северный полюс-2", - писал знаменитый полярник И. Д. Папанин.

И сегодня, как обычно, завидя меня на пороге, Михаил Михалыч отодвинул в сторону рабочий журнал и пригласил к столу, на котором тут же появился большой фарфоровый чайник, две чашки (тоже фарфоровые). Отхлебнув несколько глотков ароматного цейлонского чая, я набил трубку табаком и, тщательно раскурив, выпустил к потолку клуб дыма, пахнувшего медом.

- Как настроение, доктор?

- Все в ажуре, Михаил Михалыч.

- Не доконал вас камбуз? - спросил он улыбнувшись.

- Вроде бы нет. Конечно, бывает порой трудновато, но не беда. Кулинарию помаленьку.

- Вы молодец, - похвалил он меня. - Это ведь адская работа.

- Скажите, Михал Михалыч, вы человек многоопытный, участвовали во многих экспедициях, встречались с людьми разного склада характера: энтузиастами и лентяями, покладистыми и неуживчивыми, замкнутыми и общительными, оптимистами и мизантропами. По каким признакам вы отбираете людей в экспедицию? Помните, Ричард Бэрд в своей книге "Над Южным полюсом" писал, что, готовя экспедицию в Антарктику, он встретился с Р. Амундсеном на Шпицбергене. Обсуждая планы покорения шестого континента, великий норвежец высказал очень важную мысль: "Люди - самая неопределенная величина в Антарктике. Самая тщательная подготовка, самый образцовый план могут быть сведены на нет неумелым или недостойным человеком". Впрочем, и сам Бэрд был убежден, что в таких экспедициях хорошему человеку нет цены, а плохой человек быстро себя проявит, и товарищи будут проклинать и его и тот час, когда он родился.

- А вы сами кому отдали бы предпочтение: жизнерадостному, уживчивому человеку, но посредственному специалисту, или отличному профессионалу с дурным, склочным характером?

Сомов задумался, постукивая мундштуком папиросы по тыльной стороне ладони, и, пристально посмотрев мне в глаза, улыбнулся:

- Ну и хитрец вы, доктор. Конечно, я предпочел бы первого. Я не вижу большой беды в том, что он проведет недостаточно точный замер или напутает в записях. Это вполне поправимо. Второй же может внести такой разлад между людьми, что развалит всю экспедицию. Впрочем, могут быть и редкие исключения. - Сомов помолчал и, хитро прищурившись, добавил: - Я ведь понимаю, что вы неспроста задали такой вопрос.

- Вы угадали.

- Если вы о Комарове, то он и есть то самое исключение. Конечно, характер у него не сахар. Он и грубоват бывает порой, и нетерпим к чужому мнению, и упрям. Но все эти недостатки его натуры с лихвой искупаются его мастерством, поразительным трудолюбием и неиссякаемой энергией. Хотя человек он уже не молодой, прошел войну, был ранен. Но, что очень важно, Михаил Семенович обладает поразительным даром изобретательства. Ведь это он придумал водяную помпу и специальный бур-развертку для сверления льда, без которых мы бы не справились с летним наводнением. А дрейфграф - автоматический прибор для непрерывной регистрации дрейфа льдов и дрейфомер для одновременного определения угла и азимута наклона гидрологического троса за счет дрейфа льдины? Я уже не говорю и о множестве усовершенствований в нашем лагерном хозяйстве вроде снеготаялки, камелька и прочих. Надеюсь, я ответил на ваш "каверзный" вопрос?

Я кивнул головой в знак согласия. Мы допивали по второй чашке чаю, как вдруг Сомов, взглянув на

будильник, заторопился.

- Заговорились мы с вами, доктор, а Макар Макарыч, наверное, заждался. Если хотите продолжим наш разговор в гидрологической палатке.

Никитин встретил нас радостным возгласом. Уступив место у лунки Сомову, он подхватил бутылки с пробами воды и исчез за дверцей.

В палатке гидрологов, несмотря на гудевшую паяльную лампу, было холодно и сыро. Тусклый свет электролампочки бросал мерцающие блики на черный круг воды в лунке, зиявшей в центре палатки. У входа на стеллаже выстроились несколько полуметровых стальных цилиндров-батометров Нансена, названных так в честь их изобретателя. С помощью этого прибора получают пробы воды на любой глубине. Сомов взял со стеллажа батометр, прикрепил его с помощью защелок к тросику и отпустил стопор лебедки. По кругу счетчика побежала стрелка, отмечая глубину погружения. Через каждые двести метров Сомов останавливал лебедку, укреплял новый батометр. И вновь крутилась стрелка счетчика. Когда последний батометр занял свое место в океанской толще, Сомов остановил лебедку и повернулся ко мне.

- Ну вот, теперь можно продолжить нашу беседу.

- Михал Михалыч, я смотрю и никак не соображу, каким образом вам удастся получить пробы воды?

- А тут никакой сложности нет. Вот смотрите. - Он надел на тросик круглую свинцовую блямбу, напоминавшую гирику с прорезью. - Это так называемый почтальон. Он, скользя по тросу под собственной тяжестью, доберется до верхнего батометра, ударит по верхней защелке, удерживающей прибор в вертикальном положении. Батометр немедленно перевернется и повиснет на нижней защелке. Одновременно захлопнутся автоматически оба клапана, заключив в плен пробу воды с горизонта. В этот момент освободится грузик, подвешенный снизу, и проделает то же самое со вторым батометром. И так далее.

- Как получаются пробы воды, я усвоил. А как же вы узнаете температуру воды на конкретном горизонте? Ведь пока вы будете вытаскивать батометр на поверхность, она наверняка изменится?

- А здесь своя хитрость. - Он взял со стеллажа свободный батометр. - Видите, сбоку батометра цилиндр с отверстиями. В нем находится термометр. Но не обычный. Его тоненький тонкий капилляр изогнут петлей, а чуть выше резервуарчика, заполненного ртутью, он сужен. Когда батометр переворачивается, вместе с ним сальто-мортале делает термометр. Ртутный столбик в месте сужения разрывается, и ртуть переливается в противоположный конец капилляра, фиксируя показания термометра. Но это все черновая работа. Главная - в лаборатории. Все эти пробы воды надо будет исследовать на содержание в них солей, кислорода и т. д. И у меня к вам, доктор, просьба. Отнесите, пожалуйста, к нам в палатку оставшиеся пробы воды. А потом возвращайтесь.

Никитин сидел за столиком, устремив взгляд на бюретку, заполненную химическим реактивом. Вот он осторожно повернул краник, и на тонком носике бюретки появилась тяжелая капля и бесшумно плюхнулась в колбу с очередной пробой воды. Маленькое фиолетовое облачко, вспыхнув, тут же исчезло. Одна капля, вторая, пока, наконец, вода не окрасилась в бледно-розовый цвет. Никитин записал в рабочий журнал результат исследований и взялся за другую бюретку, но уже с другим индикатором, и все повторилось с начала, только вода на этот раз приняла желтоватую окраску.

Он был весь поглощен исследованиями и лишь показал мне рукой, куда поставить принесенные пробы. Бережно, чтобы случайно не разбить, поставил колбы на стол и возвратился в гидрологическую палатку. Примостившись на ящике, я подождал, когда Сомов отправит в океанскую пучину последнего "почтальона", и приготовился слушать дальнейшие объяснения. Наконец Сомов освободился.

- Так где мы остановились? - сказал он, устало разгибая уставшую от неудобной позы спину.

- На определении температуры с помощью "хитрого" термометра.

- Вся суть наших исследований, - продолжил Сомов свой рассказ, - заключается в том, что вода на каждом горизонте имеет свою собственную температуру, соленость, содержание кислорода и других химических элементов. По изменениям их содержания в воде мы можем судить о появлении каких-либо новых течений или, наоборот, стабильности водной толщи под нами. Но всем нашим наблюдениям была бы копейка цена, если мы не будем знать, где в этот момент находится льдина, с какой скоростью она движется и в какую сторону несут ее ветры и течения. Конечно, тут нам без Николая Алексеевича с его координатами не обойтись. Но и нам самим надо подсуетиться, регулярно посматривать, что там Фусс показывает (прибор для определения скорости и направления ветра. - В. В.). Вот и приходится нам с Макаром то и дело вылезать из палатки, чтобы записать его показания. И снова нас выручил Комаров со своей неистощимой изобретательностью. Приходит он однажды к нам в палатку и кладет на стол длинную металлическую трубку с

анемометром на конце, а под ним небольшой круг, покрашенный белой краской, с делениями и со стрелкой и зеркальцем. "Бачите що це таке?" Конечно, говорим, не бачим.

А он и говорит: пошли в рабочую палатку, я вам там все на месте разобъясню. Пошли. Он выковырял вентилятор и в открывшееся отверстие просунул свое устройство. Затем присоединил лампочку к электросети и включил свет. И сразу все стало понятным. Теперь нам не требовалось выбегать из палатки для определения скорости и направления ветра. Достаточно было зажечь лампочку и можно было сразу включать анемометр-подсветку, а его черная стрелка, хорошо видная на белой поверхности круга, точно указывала, куда дует ветер.

Внимательно слушая объяснения Сомова, я подумал, с каким неослабевающим интересом они исследуют каждую пробу воды, разбирают содержимое каждой планктонной сетки в исследуемом районе океана. Вот в чем прелесть работы первопроходцев. Труд гидрологов, и так утомительный своей монотонностью, становится особенно напряженным и изматывающим во время 15-суточных станций. Две недели подряд, поочередно меняя друг друга, они опускают батометр, измеряют глубину океана, достают пробы грунта со дна с помощью тяжелой "грунтовой трубки", отлавливают планктонной сетью живность, населяющую местные воды.

И в то же время меня поражало другое. Поразительная бедность, а порой примитивность аппаратуры, на которой работают гидрологи. Нет термозондов, позволяющих дистанционно измерять электрический аналог температуры на термочувствительном датчике, не говоря уже о батитермозондах, обеспечивающих получение данных о температуре и глубине до двух тысяч метров. Отсутствует даже простейший эхолот, которым Уилкинс измерял глубины океана (кстати, почти в этом самом месте 23 года назад). Что это, результат отечественной нищеты, экономии на науке или скудоумия начальства?

Гидрологические исследования, так же как и многие другие на нашей станции, требуют точной привязки к месту их проведения. Поэтому судьба их находится в руках Миляева. Он не только геофизик, но и главный штурман экспедиции. Еще не пришел час, когда свое местоположение можно будет определять одним нажатием кнопки прибора, выдающего долготу и широту в любой точке земного шара. Пока приходится определять координаты тем же древним способом, которым пользовались мореплаватели сотни лет назад, - по звездам.

Четыре раза в сутки Николай Алексеевич отправляется в свой астрономический павильон "вылавливать" светила, называемые навигационными. Из шестидесяти таких звезд он обычно выбирает лишь несколько, уловив момент их кульминации и время этого события, которое фиксирует помощник - "записака", он наблюдает за показаниями хронометра в палатке не спеша, отыскивает в астрономическом каталоге величины склонений звезд и по специальной формуле рассчитывает широту сегодняшнего местонахождения нашей льдины. Штат "записак" у Миляева невелик - я да Зяма Гудкович.

Сегодня моя очередь служить на благо астрономии. Закутавшись потеплее, я побрел следом за Миляевым в его астрономический павильон. Несмотря на громкое название, это всего лишь крохотная площадка, окруженная невысокой стенкой из снежных кирпичей. В центре ее установлена тренога с теодолитом. Пока Миляев распеленывает свой прибор, я устраиваюсь комочком на оленьей шкуре, раскрываю журнал наблюдений и отбрасываю крышку хронометра. Часы-хронометр - предмет постоянных забот астронома. Ведь от правильности его показаний зависит точность определения координат нашей станции. Поэтому Миляев регулярно навещает радистов, сверяя показания хронометра с сигналами точного времени, передаваемыми Гринвичской обсерваторией. Их всего 180: 60 - подготовленных, 60 - настроенных и 60 - контрольных.

Приникнув к окуляру теодолита, Алексей спрашивает:

- Готов?

- Готов! - эхом отзываюсь я.

- Приготовиться! - командует он.

Я впиваюсь взглядом в черную стрелку, оббегающую золотистый циферблат.

- Есть, - хрипит Миляев, и я торопливо записываю в журнал показания трех стрелок - часовой, минутной и секундной.

Эта процедура повторяется много раз. Ноги у меня застыли. Онемевшие от холода пальцы едва удерживают карандаш. А Миляев снова и снова повторяет:

- Приготовиться. Есть.

В безветренную погоду, когда мороз не очень свирепствует, Николай Алексеевич в перерыве между наблюдениями посвящает меня в премудрости астрономии. Я уже начал разбираться в россыпи

созвездий и легко отличаю оранжево-красное пятнышко Арктура от желтоватого Канопуса. Без труда отыскиваю в черноте неба сверкающую альфу созвездия Большой Пес - Сириус, красновато мерцающего Альдебарана.

Это все так называемые навигационные звезды. По их положению на небе определяются координаты места наблюдателя.

Многими из них люди пользовались еще в незапамятные времена, прокладывая путь среди волн. Мне вспомнились строки из "Одиссеи". Направляя плот к берегам родной Итаки, герой поэмы

...Бодрствовал: сон на очи его не спускался,

И их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно

В море Боота, с Медведицы, в людях еще Колесницы

Имя носящей, и близь Ориона свершающей вечно

Круг свой, себя не купая в водах Океана.

С нею богиня повелела ему неусыпно

Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.

Теперь я сразу нахожу знаменитую Полярную звезду - путеводный маяк путешественников. Ориентируясь на Большую Медведицу (которую только слепой не увидит), я провожу линию через две крайние звезды ковша и, мысленно продолжив ее, откладываю на ней расстояние между звездочками пять раз. На конце пятого отрезка видна яркая звездочка - Полярная. Кстати, оказалось, что по Большой Медведице можно даже определять время суток. Если мысленно разделить небосвод на двенадцать частей и представить, что это циферблат гигантских часов, то сверху будет 12, а снизу - 6. Воображаемая линия, проведенная через две крайние звезды ковша, превратится в стрелку. Если стрелка, например, указывает на 2 часа, а на календаре 15 декабря, можно произвести несложный расчет. Декабрь - 12-й месяц, а 15 дней - еще половинка. Получается 12,5, складываем 12,5 с показаниями часов - двойкой. В сумме они равняются 14,5. Вычитаем полученную сумму из постоянной 55,3. Следовательно, календарное число 12,5. К нему прибавляем показания небесных часов - 2. Сумму 14,5 удваиваем, а затем вычитаем из постоянной числа 53,3. Поскольку результат 24,3 больше 24, вычитаем из него эти самые 24. Получается 0,3, т. е. 0 часов 20 минут. Это и есть местное время.

Но астрономические обязанности Миляева лишь небольшая часть работы, которую ему приходится выполнять на станции. Его главное хозяйство помещается в снежном павильоне, удаленном от палаток. Это место - святая святых магнитолога, к которой запрещается приближаться непосвященным.

Здесь установлены сверхчувствительные приборы, непрерывно регистрирующие малейшие колебания магнитного поля Земли. Магнитометр - прибор крайне чувствительный и любой металлический предмет может исказить его показания. Поэтому свою любимую куртку спецпошива он лишил металлических пуговиц, заменив их деревянными палочками, спорол все пряжки и крючки. Исследования Миляева особенно ценны, ибо район Полюса относительной недоступности - белое пятно для геофизиков.

Сказать честно, я довольно смутно представлял значение этих работ для человечества. Просветил меня Миляев, объяснив, что длительные наблюдения за изменениями составляющих магнитного поля Земли позволяют установить его закономерность, возникновение магнитных возмущений, пагубно влияющих на радиосвязь. Работа геофизиков помогает проникнуть в сущность полярных сияний, явлений, происходящих в ионосфере, закономерностей поглощения радиоволн в высоких широтах и многое другое.

Каждый раз, ассистируя Миляеву во время астрономических наблюдений, я удивлялся, что этот примитивный способ определения координат по звездам с незапамятных времен не претерпел изменений. Неужели ученые так и не придумали каких-нибудь автоматов, которые облегчили бы этот труд, превращающийся в Арктике в пытку холодом? Эйнар Миккельсен писал: "Если бы полярные путешественники существовали во времена Данте, он, наверное, не преминул бы устроить в аду отделение, где бы царил мороз, непрерывно бушевал леденящий шторм и где злополучные грешники были бы обречены брать "высоты" и "углы" с помощью теодолита".

Сегодня на мостике океанских судов уже не увидишь традиционную фигуру вахтенного помощника

капитана с секстантом в руках, определяющего по небесным светилам координаты корабля. За него эту работу делает умный прибор, связанный невидимыми нитями радиоволн с навигационными искусственными спутниками Земли. Одно нажатие кнопки, и на экране появляются широта и долгота места. Путешественники и исследователи тоже получили в свое распоряжение разнообразные устройства, обеспечивающие автоматическое определение координат.

Глава XIV В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО ГОДА

- Доктор, голубчик, не напоите меня чайком покрепче? - сказал Никитин, гулко стряхивая снег с унтов. - Что-то я нынче притомился. И, как назло, газ в баллоне кончился, а менять его просто сил нет. - Макар Макарович расстегнул куртку и устало присел у стола.

- Счас, Макар Макарыч, соорудим, - сказал я, ставя чайник на огонь.

Пока вода закипала, Никитин, положив на стол рабочий журнал, перелистал несколько страниц, что-то просматривая.

- Знаете, док, интересная штука получается. Мы уже сколько промеров сделали, а больше трех тысяч метров так и не встречали. И откуда только Уилкинс взял пять тысяч метров? И экспедиция Черевичного производила промеры почти в той же самой точке, и Гордиенко. Помните Павла Афанасьевича?

Я согласно кивнул.

- Так вот ни у кого из них более двух тысяч метров не получалось.

- Может, просто у американцев эхолот соврал.

- Наверное, так и есть, - пробормотал Никитин, протягивая руку за кружкой с чаем.

- Это какой Уилкинс? - спросил Зяма, появившись на пороге. - Знаменитый полярный исследователь, так сказать, наш предшественник на Полюсе недоступности?

- Он самый, - подтвердил Никитин. - Удивительный был человек, кстати, он был самым активным участником поисков пропавшего самолета Леваневского. А одна только его попытка проникнуть к Северному полюсу на подводной лодке чего стоит.

- А давно это было? - полюбопытствовал я, присев с Макаром.

- В 1929 году. За год до этого он, собираясь в антарктическую экспедицию, оказался в Америке. И вот на одном из банкетов он встретился с командиром Слоуном Дэнненхоуэром и конструктором подводных лодок Симоном Лейком. Они разговорились и выяснилось, что его новые знакомые ярые приверженцы исследования Арктики с помощью подводного корабля. Но прошло целых три года, прежде чем эта идея осуществилась. Фирма "Лейк и Дэнненхоуэр" получила от Морского министерства США подводную лодку 0-12 в аренду на 5 лет за символическую цену... 1 доллар. Единственным требованием, поставленным министерством перед новыми владельцами, было использовать лодку только для арктических исследований и при условии, что Уилкинс сам организует и возглавит экспедицию.

Это была субмарина с двумя дизельными двигателями по 550 лошадиных сил, позволявшими в подводном положении развивать скорость 10,5 узла. Несколько таких лодок были построены незадолго до окончания Первой мировой войны и, согласно Лондонскому соглашению, подлежали уничтожению.

Лодку отремонтировали и установили специальные буры, которые, по идее конструктора, должны были обеспечить преодоление льдов толщиной до тринадцати футов, спинной плавник-бюргель для нащупывания льда и оборудовали камеру для спуска исследователей в воду.

В честь фантастического корабля славного капитана Немо, героя романа Жюль Верна "80 000 километров под водой", подводную лодку назвали "Наутилусом". Капитаном корабля назначили Дэнненхоуэра, а научную группу возглавил знаменитый Харальд Свердруп, сподвижник Амундсена.

После долгих проволочек 15 августа 1931 года "Наутилус" прибыл к берегам Шпицбергена, а три дня спустя, покинув поселок Лонгейр, поплыл навстречу льдам. К вечеру 19 августа показались первые льдины, и вскоре лодка пришвартовалась к кромке огромного ледяного поля на широте 81°25' 22 августа "Наутилус" вошел в просторную полынь. Прозвучала долгожданная команда: "Готовиться к погружению". И в этот момент в рубке появился бледный от волнения радист Мейерс. Известие, принесенное им, было ужасно: обломился руль глубины. Лодка потеряла способность к погружению, а это значило, что все затраченные усилия потрачены впустую. Уилкинс долго не хотел верить в случившееся несчастье. Но спустившийся за борт водолаз установил, что руль глубины отвалился вместе с державшими его кронштейнами. Может быть, удастся проникнуть в глубь Ледовитого океана в надводном положении? Но и этот план потерпел неудачу. Сплошной лед преграждал кораблю дорогу на север. Безуспешно покрейсировав вдоль кромки ледяного поля, Уилкинс, посоветовавшись, решил повернуть обратно. Наступала полярная осень, и промедление

грозило зимовкой, к которой ни лодка, ни экипаж не были подготовлены. И все же Уилкинса не оставляла надежда побывать в глубинах (пускай небольших) Ледовитого океана.

С этой целью выбрали льдину попрочнее и попытались, просунув под нее нос, погрузиться. Снова и снова заполнялись носовые балласты цистерны водой и лодка, опустив нос, устремлялась вперед, стараясь проскользнуть под лед. Но все оказалось тщетным. К тому же испортился радиопередатчик и лодка осталась без связи с землей. Пришлось скрепя сердце покориться. Утешало лишь одно: лодка достигла 81°59' с. ш. - широты, до которой не добиралось ни одно судно. 8 сентября "Наутилус" бросил якорь у Шпицбергена, а через пять дней прибыл в Норвегию.

Так закончилась первая попытка ученых использовать подводную лодку в Арктике на благо науки. Слишком стар был "Наутилус", слишком изношены его машины, чтобы он мог вступить с борьбу со льдами и ненастьем.

Впоследствии Харальд Свердруп в предисловии, сделанном специально для русского издания своей книги "Во льды на подводной лодке", писал: "У "Наутилуса" было много недостатков, недостатков, бросающихся в глаза. Поэтому нам не удалось выполнить многого, и мы не извлекли из своего плавания того опыта, на который надеялись. Вот почему моя книга повествует чаще всего о неудачах и поражениях. Но, несмотря на это, я более чем уверен, что раньше или позже, но подводная лодка будет применена для исследования Полярного моря". Но тогда многие специалисты расценили этот поход как авантюру и фантастику. По заслугам его оценил великий Нансен: "Обвинение в фантастичности мы спокойно принимаем. Ибо всякая исследовательская работа является плодотворной только тогда, когда ее окрыляет фантазия, и только такими исследованиями человеческая мысль движется смело вперед".

Прошли годы, и жизнь подтвердила правоту слов великого норвежца. 17 марта 1959 года американская атомная подводная лодка "Скейт", пройдя подо льдами, всплыла на Северном полюсе. Но экипажу субмарины предстояло выполнить еще одну миссию - торжественную и печальную. Согласно завещанию Уилкинса, урна с его прахом была доставлена в точку, где сходятся все меридианы, точку, которую ему удалось достигнуть лишь после смерти. Вот как описал эти события командир лодки капитан Дж. Калверт: "На льду у борта корабля из ящиков соорудили стол и покрыли его зеленым сукном. На стол поставили бронзовую урну. Около тридцати человек экипажа выстроились по обеим сторонам стола. Остальная часть экипажа "Скейта" выстроилась на палубе, а специальная группа с винтовками находилась на носу корабля... Лейтенант Бойл поднял бронзовую урну, и мы с ним в сопровождении двух факельщиков отошли от корабля почти на тридцать метров... Дейв Бойл открыл урну и развеял прах по ветру. Он тотчас же исчез в темноте в вихрях снега. Раздался трехкратный винтовочный залп-салют в честь сэра Хьюберта Уилкинса".

А еще спустя три года Северного полюса достигла советская атомная подводная лодка "Ленинский комсомол".

Подготовку к встрече Нового года начали 30 декабря. Кают-компанию мы, как хорошая хозяйка, тщательно прибрали, скололи лед, покрывавший пол, настелили оленьи шкуры, покрыв их сверху брезентом. Дмитриев, как и обещал, раскурочил все имеющиеся "Огоньки", вырезал из них портреты самых очаровательных девиц и развесил их по стенам. Над столом укрепили транспарант "С Новогодним приветом". Борьба за уют продолжалась весь день.

За обедом 31 декабря Никитин, обедая взглядом похорошевшую кают-компанию, сказал, вспомнив о своих обязанностях парторга станции:

- Михаил Михалыч, а знаешь чего здесь не хватает? Стенной газеты.

- Я думаю, Макар Макарыч, - это отличная идея. Только кто возьмется за ее осуществление? Может, вы, доктор?

- А на кой нужна эта газета? - сказал Комаров пренебрежительно. - Я еще в армии насмотрелся на эти "боевые листки". Никакого в них проку не видел.

- Ты это брось, Михал Семеныч, - рассердился Никитин, - занимайся своими железками, а с газетой мы сами разберемся. Так как, доктор, не возражаете, если мы тебя назначим редактором?

- А чего ему возражать, - сказал Миляев. - Он у нас поэт. Ему и карты в руки.

- Я согласен, - ответил я, памятуя свое богатое редакторское прошлое в школе и стенах академии. - Только рисовать я не умею.

- Тогда принимайся за дело, - сказал Сомов. - А насчет рисунков, так ведь у нас Зяма отличный художник.

- А я могу заметки напечатать, - сказал Саша Дмитриев.

- Значит, заметано, - довольно сказал Никитин. - Берите у меня в палатке пару листов ватмана и прямо после обеда приступайте к работе. Времени-то до Нового года в обрез.

- Мы готовы, - согласился я, - только вот название газете надо придумать.

- Может назовем ее "На полюсе"? - предложил Никитин.

- А не лучше ли "В сердце Арктики", - сказал Яковлев, - вроде бы звучнее.

Спор грозил затянуться. Наконец пришли к общему соглашению назвать газету "Во льдах".

Когда кают-компания опустела, мы собрались на первое редакционное совещание. Поскольку поиск авторов и выколачивание заметок дело неблагодарное, да и времени осталось немного, мы решили ограничиться единственной статьей - передовицей Сомова, а все оставшееся газетное пространство заполнить рисунками, изображающими новогодние сны. Никитину - возвращение из лунки "вертушки", Яковлеву - появление автоматического бура для сверления льда, Комарову - оживший автомобиль, мне - скатерть-самобранку, Дмитриеву - полногрудых красавиц, Сомову - иглу для штопки льдины.

Зяма принялся набрасывать на бумаге рисунки, а я, закусив от усердия губу, занялся сочинением подписей. После короткого перерыва на ужин мы снова погрузились в работу. Мы старались вовсю, позабыв о времени. Две паяльные лампы гудели, сгоняя с полога последние разводы изморози, и она превращалась в толстые капли, сочно шлепавшиеся на наше детище, которое пришлось укрывать полотенцем. Было уже далеко за полночь, когда Зяма дорисовал последний "сон", а Саша допечатал одиннадцатое четверостишие, и мы принялись расклеивать их под рисунками.

- Эй, ребята, - сказал Дмитриев, - а ведь здорово получается. Первая стенная газета на льду.

- Какая уж там первая, Саня, - возразил Гудкович. - Их до нас уже было немало. И у Кэна в экспедиции на бриге "Эдванс" 100 лет назад вышла газета под названием "Ледяная блестка", и на "Фраме" у Нансена выпустили "Фрамсию". Кстати, редактором ее тоже был доктор.

- И челюскинцы на льдине умудрились выпустить три номера стенной газеты "Не сдадимся", - добавил я. - Так что мы далеко не первые.

- А жаль, - вздохнул Саша. - Но все-таки на Полюсе недоступности никто еще стенок газет не делал?

- Точно не делал, - сказал Сомов, входя в кают-компанию. Он посмотрел на плоды нашего творчества и одобрительно похлопал Зяму по плечу. - Молодцы, ребята. Только очень уж вы заработались. Смотрите не проспите Новый год.

- Не проспим, Михал Михалыч, - бодро ответил я. - Встречать-то мы будем его по московскому времени, в 12 часов дня.

Мы было собрались уходить, как дверь кают-компания хлопнула и из-за полога раздался крик Кости Курко:

- Эй, бояре, бросайте к черту ваши дела да выходите поскорее. Такое сияние - обалдеть можно.

Уж если Костя, всегда сдержанно относившийся к арктическим красотам, пришел в восторг, значит, действительно происходит что-то необыкновенное. Мы, полуодетые, выскочили наружу. Небо пылало, перепоасанное гирляндами разноцветных огней. На юге-востоке с небес до верхушек торосов опустился полупрозрачный, переливавшийся розовыми, зелеными и золотистыми красками занавес. Его складки трепетали словно под порывами ветра. По небосводу катились яркие разноцветные волны, а в зените неистовствовал огненный смерч, то свиваясь в единый гигантский багровый клубок, то распадаясь на бесчисленные красные языки. Но это там, в космическом пространстве, а здесь, внизу, царил тишина. Ни треска льда, ни шорохов поземки, ни посвистов ветра. В этом было что-то нереальное.

Казалось, где-то в безднах космоса разразилась галактическая катастрофа и вот-вот этот бушующий ураган огня обрушится на землю и поглотит все.

А по небу все катились багровые тучи. Они убыстряли ход и, достигнув горизонта, словно наткнувшись на невидимый берег, бесшумно разлетались на мириады брызг.

Но вот краски стали меркнуть, исчез занавес, и лишь бледная зеленая дуга, окутанная прозрачным голубым газом, проступила на почерневшем небе. Вскоре и она исчезла. Из облака торжественно выплыла луна, озарив мертвенно-желтым светом бескрайние ледяные поля...

- Ну и ну, - сказал Гудкович, переводя дыхание.

- Вот уж сколько раз я бывал в Арктике, а такого не видел, - сказал Никитин.

- Сказать честно, и я тоже, - согласился Курко.

- Я тоже с таким мощным сиянием не встречался, - сказал Мил я ев, - но читал, что такое случалось даже в Европе.

- А я думаю, что северное сияние потому и называется северным, что оно только в Арктике бывает.

- Это оно называется так, а на самом деле его можно наблюдать даже в средних широтах, - сказал Миляев. - Сенека, такой, Саша, был римский философ, писал, что сияние, появившееся над Римом, было таким мощным, что император Тиберий, приняв его за пламя пожара, решил, что загорелась Остия, и послал туда на помощь своих легионеров.

- Что там твой Сенека, - сказал Яковлев, - совсем недавно, в 1938 году, над Европой появилось красноватое зарево, переполошившее пожарных Англии, Австрии и Швейцарии.

Возбужденные спектаклем, показанным нам природой, мы готовы были обсуждать увиденное до рассвета, если бы Комаров не потребовал "кончать базарить" и расходиться по палаткам, не то проспим новогоднюю встречу.

Я влез в спальный мешок и попытался уснуть. Но впечатление от огненной феерии было, видимо, таким сильным, что я, закрыв глаза, погрузился в мир удивительных видений. Перед моим мысленным взором возникли, сменяя друг друга, картины, порожденные легендами и сказаниями северных народов, слышанные мною когда-то. Из туманной мути появились цепи горных хребтов с зазубренными вершинами, окутанными облаками. Красная точка на перевале превратилась в пылающий костер. Я увидел могучую фигуру индейца в уборе из орлиных перьев. В зубах он держал трубку с длинным тростниковым чубуком, разукрашенную зелеными листьями.

Я узнал его, великого Гитчи-Маниту - Владыку жизни верховного вождя всех индейских племен и его Поквану - трубку мира. Вот он приподнялся, подбросил в костер сухие ветви, и пламя, взметнувшееся кверху, разбросало по сторонам мириады разноцветных искр.

Они сплелись в причудливые узоры, сливаясь в трепещущий зеленый занавес. Но картина стала блекнуть. Ее сменила другая. Среди ночной темноты я увидел бесконечную цепочку людей в меховых одеждах, летевших меж звезд. А над ними парили огромные причудливые фигуры с факелами в руках. Это бессмертные боги освещали душам гренландских охотников и воинов путь в "страну, где занимается день", в озаренные солнцем края, где по необозримой тундре бродят бесчисленные стада оленей, алеют ковры морошки среди зарослей карликовых ив. Это о ней рассказывал канадский эскимос заклинатель духов Ауа своему белому другу Кнуду Расмуссену: "Там хорошо живется, много радостей. Почти непрерывно играют в мяч... А мяч тот - череп моржа. И когда мертвые играют на небе в мяч, нам кажется, что над землей полыхает северное сияние".

Но вдруг небо превращается в огромное поле битвы. Души воинов-лапландцев ведут нескончаемое сражение, начатое на земле. Беззвучно сталкиваются щиты, обтянутые моржовыми шкурами, взлетают тучи стрел, и от скрежывающихся мечей разлетаются снопы искр, сливающиеся в зеленые полосы северного сияния.

И новое видение. Сквозь дымку, застилающую небо, видны очертания огромного зверя. Я узнаю его. Это Лис Риеку - герой финских саг. Он резвится между звезд, то приседает на задние лапы, то перемахивает через сугробы Млечного Пути огромными прыжками. Его длинный пушистый хвост взмывает тучи снежинок, и они загораются всеми цветами радуги, сияют и переливаются.

Но вот померк их блеск, и на черном бархате неба проступают звезды. Я засыпаю, утомленный видениями, пока сильный толчок в бок не возвращает меня на грешную землю.

- Виталий, вставай - Новый год проспидь. Пора стол накрывать. - Это Саша. Он уже оделся и даже успел умыться.

А в кают-компании уже царила предпраздничная кутерьма. Все бегали на склад и обратно, кто резал твердокопченую колбасу, закусив губу от усердия, кто вскрывал банки со всевозможными консервами. Никитин бережно распеленал заветные бутылки с портвейном. Петров, устроившись в углу, колдовал над флягой со спиртом, разводя его клюквенным экстрактом. Яковлев, ворча и чертыхаясь, разбирал стекло от лопнувшей банки с огурчиками, которую кто-то умудрился засунуть в таз с кипятком. Курко увлекся приготовлением строганины. Уткнув крупную нельму носом в бортик ящика и прижав ее животом, он с превеликим тщанием срезал тонюсенькие розовато-прозрачные ломтики, похожие на стружку. Щетинин готовил к этому блюду "маканину" - специальную приправу из уксуса, горчицы и перца. Я занялся "чудом", заполненным с вечера желтоватой колбаской будущего кекса. Шум, суэта, смех царили в кают-компании, придавая обстановке особую праздничность. Стол, застеленный белоснежной скатертью, заполнялся все новыми яствами. До встречи Нового года оставалось всего полчаса, и все разбежались по палаткам

прихорашиваться. Когда стрелка часов подошла к десяти и репродуктор донес до нас гулкие удары часов на Спасской башне, все, умытые, побритые, пахнущие одеколонами (разных сортов), подняли железные кружки со спиртом.

- Дорогие друзья, - говорит Сомов, - поздравляю вас с наступившим, 1951 годом. Желаю всем здоровья, счастья и успеха в нашей нелегкой работе.

Одиннадцать кружек поднимаются над столом и сталкиваются с глухим стуком. Здравствуй Новый год!

Вроде бы веселый получился у нас Новый год, с шампанским, богатым столом, шутками и песнями, но мне казалось, что наше оживление было искусственным. Я замечал порой то вдруг поскучевшее лицо Кости, то какой-то отрешенный взгляд Макар Макарыча, то тень задумчивости в глазах у Сомова, то тяжелый вздох Дмитриева. Когда Щетинин ушел на очередной "срок" в радиорубку, все вдруг замолкли. Когда он вернулся, все устремились на него в ожидании.

- Ничего нет, только запрос о погоде, - сказал он, с мрачным видом садясь на свое место. Причина такого настроения не нуждалась в особом объяснении. Каждый из нас гордился работой на станции, и мы тайне надеялись, что высокое начальство поздравит нас с Новым годом, пожелает нам все, что обычно желают на праздники: все же это вторая в истории Арктики дрейфующая станция, а ведь нам несравненно труднее, чем папанинцам, обласканным вниманием партии и правительства, осыпанным чинами и наградами. Да и сама мысль "на миру и смерть красна" поддерживала их на протяжении всего дрейфа. А тут о нас просто забыли. Забыли, и все. От этого на душе становилось как-то муторно. Наверное, все-таки прав был Амундсен: "Первому - все, второму - ничего".

Как-то само собой веселье затихло. Сначала исчез Зяма готовить метеосводку. За ним поднялись Гурий Яковлев с Петровым, сославшись на неотложные дела. И вскоре кают-компания опустела. Остались лишь Дмитриев, мой неизменный помощник, да Ропак с Майной, которых по случаю праздника допустили к барскому столу.

Саша разбудил меня чуть свет. Я открыл глаза и увидел его радостное лицо.

- Виталий, просыпайся. Нас поздравили! - крикнул он, потрясая листочком бумаги. - Вот только что расшифровал правительственную. За подписью самого Ворошилова. Поднимайся, а я побежал к Сомову.

Новость немедленно разнеслась по лагерю, и уже через полчаса мы как один снова собрались в кают-компанию. Уныния как не бывало. Я тоже развеселился и объявил, что сейчас будет исполнена новогодняя песня (ее я сочинил несколько дней назад, но вчера не было никакого настроения ее исполнять). Она была написана в подражание известной "Песни военных корреспондентов" К. Симонова и на ту же мелодию.

- Давай, доктор, не стесняйся, - поддержал нестройный хор голосов.

Я прокашлялся и, аккомпанируя себе ударами ложки по столу, затянул:

За столом сегодня

В вечер новогодний

Пусть звенят бокалы веселей

За страну родную,

Вечно молодую,

За любовь, за счастье, за друзей.

А когда войдет

В двери Новый год,

Запоем и пробка в потолок:

С наше позимуйте,

С наше покантуйте,

С наше подрейфуйте хоть денек!

Чтоб был порядок в доме
И на аэродроме,
Много надо силы и труда.
Нам не спать случалось,
Но не страшна усталость,
И мороз под сорок - не беда.

А если иногда
Не брита борода,
Мы друзьям ответим на упрек:
С наше позимуйте,
С наше покантуйте,
С наше подрейфуйте хоть денек!

Если временами
Лед трещит под нами,
К этому теперь не привыкать.
Пусть пурга заносит,
Пусть кругом торосит,
Мы сумеем с честью устоять.

Так выпьем же сто грамм
Со снегом пополам,
А друзьям ответим на упрек:
С наше позимуйте,
С наше покантуйте,
С наше подрейфуйте хоть денек!

Последние две строчки припева все подхватывали хором. Когда я пропел песню до конца, слушатели наградили меня аплодисментами, чем ублажили мое авторское самолюбие. В разгар веселья из-за стола поднялся Коля Миляев и торжественно заявил:

- Судари и сударыни, должен официально заявить, что мы есть первые люди на планете, которые встречают Новый год на восьмидесятом градусе северной широты.
- Что ты заливаешь, Алексеич, - сказал обычно сдержанный Никитин, - а как же папанинцы?
- Опять же заявляю, мы первые, поскольку у папанинцев широта был 79 градусов 54 минуты.

Глава XV ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

До чего же холодно и неуютно стало в нашей новой кают-компании. Нагреть эту огромную металлическую коробку имеющимися в нашем распоряжении средствами практически невозможно. После Нового года, когда мы сожгли уйму бензина в паяльных лампах, от них пришлось отказаться. А газ, его не хватает даже для того, чтобы поддержать в маленьком камбузе положительную температуру.

- Может быть, все-таки запалим паялку, - сказал, поеживаясь от холода, Яковлев. - Как, Михал Михалыч?

- Боюсь, как бы не остаться нам без бензина. Дрейфовать еще долго, а он нужен для движков, да и для автомобиля. Он ведь нам скоро понадобится, - сказал Сомов, покачав головой.

- Почему же без бензина, - сказал Комаров. - У нас в запасе есть еще целых пять бочек этилированного.

- Ты что, Комар, потравить нас хочешь?! - вскрикнул Дмитриев.

- А ты, Санек, не возникай, - отпарировал Комаров. - Я тут обмозговал одну идею. Можно соорудить камелек из газового баллона. Он прекрасно будет работать на этилированном бензине.

- А ну, Комар, выкладывай свою идею, - встрепнулся Яковлев.

- Да делов всего ничего. Вот посмотрите, я тут чертежик нарисовал, - сказал Комаров, доставая из кармана лист бумаги с изображением странного устройства. - Вот здесь, - он ткнул карандашом в основание баллона, - вырубим отверстие для топки, приделаем к нему дверцу, а сбоку приклепаем вытяжную трубу и выведем ее через дырку в стенке фюзеляжа.

- А горелки из чего сделаешь? - спросил Дмитриев.

- Да никакой горелки не потребуется. Просто поставим на улице бочку с бензином на высокую подставку, пустим в нее трубочку от самолетного бензопровода, я его уже подготовил, а другой его конец вставим в баллон. Вот и пойдет бензин самотеком. Зажигай - и грейся на здоровье.

- Пожалуй, это дельная идея, - сказал Сомов.

- Так чего же ждать, - встрепнулся Гудкович. - Пошли за баллоном.

Сорокалитровый газовый баллон притащили в кают-компанию, и работа закипела. Нарисовав на стенке баллона прямоугольник, Комаров вооружился дрелью и принялся сверлить дырки. Перемычки между ними он перерубил зубилом. Получилось отверстие размером 20 на 15 сантиметров. Из вырубленного куска металла он соорудил дверцу. Тем временем Сомов с Петровым разделали две жестяные банки из-под пельменей и соорудили вытяжную трубу, которую Комаров приклепал к верхушке баллона и вывел ее наружу. Гудкович, Дмитриев и Петров, захватив нарты, отправились на аэродром, приволокли три бочки этилированного бензина и водрузили одну из них на подставку из ящиков. Комаров отвинтил крышку, опустил в бочку один конец тонкой медной трубки, а второй протолкнул сквозь отверстие в головке баллона.

Наступил волнующий момент. Заработает камелек или не заработает? Комаров открыл краник и поджег струйку бензина факелком. Раздалось громкое у-у-ф-ф. Кверху взметнулось оранжевое пламя, и камелек загудел приятным низким баском. Запахло горелой краской. Стенки баллона покраснели, и от них повеяло живительным теплом. Не прошло и пары часов, как на отсыревшем пологе появились светлые пятна высохшего брезента.

Языки наледи, украшавшие стенки, срубили топором. Кают-компания на глазах преображалась, приобретая жилой вид.

- Ай да Комар, - восторженно воскликнул Ваня Петров, хлопнув Комарова по плечу. - Ну, Кулибин! Это же надо - отвернул краник, поднес спичку и грейся - не хочу!

Давно уже мы не испытывали блаженного чувства тепла. Все снимали верхнюю одежду, оставшись в одних свитерах.

Я тут же, проконсультировавшись с Михаилом Семеновичем, сочинил инструкцию и вывесил ее на стенку.

ИНСТРУКЦИЯ

по эксплуатации бензинового камелька

системы М. С. Комарова

1. Перед растапливанием камелька убедитесь с помощью электрического фонаря, а не спички, в отсутствии бензина в чашке.
2. Поднеси зажженный факел к горелке и осторожно (но без страха) открой краник бензопровода.
3. Не пускай бензин струей (это не моча). Он должен капать.

Примечания:

- а) не суйся в дверцу, памятуя, что лицо не огнеупорно;
- б) зажигай камелек только с помощью факела;
- в) если камелек еще не остыл - не торопись. Прояви терпение и осторожность;
- г) при любых неполадках не пытайся их устранить самостоятельно, а немедленно зови Комарова.

Дирекция кают-компании "СП-2" 3 января 1951 г.

Несколько дней все наслаждались теплом, по поводу и без повода заглядывая в кают-компанию, чтобы посидеть у гудящего камелька. Но особенно доволен был я свалившимся на мою голову счастьем. На радостях я даже решил поставить приготовление пищи на научную основу. Обложившись справочниками и руководствами по гигиене питания, я углубился в подсчеты нашего рациона.

- Ты это чего там маракуешь, - полюбопытствовал Курко, заглянувший на огонек. - Стихи пишешь или пасквиль какой сочиняешь?

- Голую прозу, Костя. Всего-навсего подсчитываю, сколько в нашем рационе содержится калорий, белкой, жигов и углеводов.

- И что ты там насчитал?

- Да вот взгляни сам, - я пододвинул к нему бумажку с расчетами. - Первая колонка - показатели норм, принятых медициной для людей, занимающихся тяжелым физическим трудом, вторая - папанинская норма, третья - наша.

- Да, папанинцам было чем заморить червячка, - завистливо сказал Курко.

- Как видишь, по калорийности наш паек не очень отличается от папанинского.

- Ты мне своей калорийностью, доктор, мозги не засерай. Я, конечно, в твоей науке слабо разбираюсь, но объясни мне, зачем нам столько калорий. Я вроде бы припоминаю, один доктор сказал мне, что человеку требуется в день всего три тысячи калорий, и этого вполне достаточно.

- Так это же в обычных условиях. А в Арктике их недостаточно, так как они не покрывают энергозатраты организма. Энергозатраты, Костя, - это та же энергия, которую живой организм расходует в процессе своей жизни. Если просто лежать в кровати при комнатной температуре, ничего не делая, они составляют всего 1000 килокалорий. Это так называемый основной обмен. Но стоит только встать с постели, пробежаться или заняться физической работой, они тут же возрастают.

- Но мы вроде физической работой особенно не перегружены, - сказал, как бы рассуждая сам с собой, Курко, - разве что порой грузы потаскаем или на аэродроме покорячимся.

- Дело в том, Митрофаныч, что в условиях низких температур энергозатраты на 15-30% больше, чем в умеренном климате. Но не только это. Расход энергии увеличивается при ношении тяжелой зимней одежды, сковывающей движения, при воздействии ветра, от хождения по глубокому снегу.

- Ну ладно, убедил, - согласился Курко. - А все же стол у папанинцев был побогаче, не чета нашему, - упрямо повторил он.

- А что тут удивительного, на них работал, собирая на льдину, целый Институт инженеров общественного питания. Их буквально завалили специально придуманными концентратами всяких супов, борщей, каких-то особых каш и мясных блюд. Зато мы вдоволь имеем свежего мяса, рыбы.

- Ну, ладно, доктор, убедил, - засмеялся Курко, - но все же солений надо было взять побольше.

- Куда уж там больше. Они ведь все в стеклянных банках. Попробуй убереги их от мороза.

Впрочем, в душе я был согласен с Костей. Не мешало бы нас снабдить пайком поразнообразней. Но тут моей вины не было. Снабженцы и без меня постарались как могли. Слишком много требований предъявлялось к продуктам для станции.

Они должны были долго храниться, не бояться мороза, содержать витамины и, конечно, быть по возможности разнообразнее. Мясо и рыба не вызывали сомнения, их можно было хранить в замороженном виде до самой весны. Консервы - тоже. Сложнее дело обстояло с овощами. Конечно, небольшой запас свежего картофеля и лука можно будет разместить по жилым палаткам, чтоб не замерзли. Но только небольшой. В основном все овощи - картофель, лук, морковь, свекла - были представлены в сушеном виде. Перечитав заново Ф. Нансена, Р. Амундсена, Р. Пири и других полярных авторитетов, я начал было склоняться к мысли: а не запастись ли пеммиканом. Эта прославленная пища арктических путешественников, представлявшая смесь сушеного мяса с жиром, воспевалась ими на разные лады. Правда, для улучшения вкуса в нее добавляли разные продукты: Пири - сушеные фрукты, Амундсен - овсянку, американские специалисты по питанию Д. Коман и З. Губенков по заказу адмирала Р. Бэрда, отправлявшегося в Антарктиду, создали сложную хитроумную смесь. В нее вошли помимо традиционных жира и сухого мяса обезвоженный концентрат из помидоров и овощей, овсяное толокно, бульонные кубики, соленый лук, гороховая мука и еще одиннадцать других продуктов и специй. Но при здравом размышлении я пришел к выводу, что пеммикан нам не шибко нужен. Ведь он предназначен главным образом для санных путешествий. Меня смущало другое: на что сделать упор, на жиры, белки или углеводы? Тут царила полная неразбериха. У каждого из этих пищевых компонентов существовали свои защитники и противники.

Некоторые американские и английские специалисты оказались поклонниками углеводов, полагая, что рацион, богатый углеводами, позволяет лучше переносить низкую температуру, до -30°C . А, например, знаменитый английский полярный путешественник Э. Шеклтон утверждал, что "сахар является в высшей степени теплообразующим веществом и поэтому его суточная норма была доведена до двухсот граммов". Только накануне отлета на станцию мне попала на глаза небольшая книжка, написанная М. Ф. Беляковым, директором Московского института инженеров общественного питания, "Питание папанинцев на дрейфующей станции". Это он руководил подготовкой продовольствия для дрейфующей станции "Северный полюс-1". Она содержала множество полезных советов. Но воспользоваться ими я уже не мог, запас продуктов для станции был без меня отобран, запакован и хранился на складе в МАГОНе. Единственное, что я успел сделать, - добыть витамины. Их я получил в большом количестве - всяких драже, таблеток аскорбиновой кислоты и клюквенного экстракта.

Завершив научные расчеты, я пришел к мысли, что пора бы мне покончить с ежедневными мытарствами по изобретению очередного обеда и ужина и сочинить меню сразу на неделю. Сказано - сделано. Я разложил перед собой список всех имеющихся продуктов и перечень блюд, которые смог бы приготовить. После длительного умственного напряжения я вывесил на стенку кают-компании меню ресторана "Приятного аппетита".

Меню вызвало повышенный интерес у всех без исключения. Некоторые, правда, посчитали, что я зачистил с пельменями, на что у меня нашелся веский довод: пельмени предназначены для облегчения жизни вахтенного, отвечающего за приготовление завтрака. В общем меню было одобрено, особенно после того, как я заявил, что некоторые блюда будут вне плана, как-то: строганина, бараньи отбивные, холодец и лечебный кекс.

Глава XVI СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРОХОД

"Победа надо льдами Ледовитого океана составляет один из экономических вопросов будущего северо-востока. Европейской России и почти всей Сибири. Можно будет без Суэцкого или иных каналов теплых стран около собственных своих берегов переводить суда или хотя бы их часть из Атлантического океана в Тихий".

Д. М. Менделеев

Ужин подходил к концу. Басом гудел камелек. Позвякивал крышкой закипевший чайник. Разговоры за столом, словно пламя догорающего костра, то вспыхивали, то снова затухали, сменяясь непривычным молчанием.

- Михал Михалыч, - сказал Курко, - может, расскажете что-нибудь интересненькое? А то все анекдоты да анекдоты. Мы их уже наизусть знаем.

- Что бы вам такое, друзья, рассказать? Хотите про историю открытия Северного морского пути? Она весьма занимательна.

Предложение Сомова было встречено легким шумком одобрения.

- Так вот, - начал Сомов, - история эта началась четыреста лет назад. Еще в те давние времена европейские купцы мечтали проникнуть в Индию и Китай. В конце пятнадцатого столетия турки-османы утвердились в Константинополе, перерезав торговые нити, связывавшие Европу со странами Азии. И вот в 1497 году португалец Васко да Гама, обогнув Африканский материк, вошел в Индийский океан и направил свои корабли к вожденным берегам Индии. Вслед за ним, гонимые жаждой наживы, устремились мореплаватели и купцы многих стран. Но не тут-то было. Португальские военные корабли пресекли малейшую попытку конкурентов урвать хоть толику несметных богатств из сокровищницы индийских властителей. Не в силах противостоять португальским армадам, английские купцы принялись лихорадочно искать новые пути на Восток. Их взоры устремились на северо-запад.

Первые попытки отыскать северо-восточный проход были предприняты в середине XVI века. В 1553 году в Лондоне было основано "Общество искателей приключений", переименованное впоследствии в "Русское общество торговли". Его пожизненным председателем стал "великий штурман Англии" патриарх полярных исследований Себастьян Кабот. Ему и принадлежала заслуга в организации экспедиции для поисков северной дороги в Китай. Правда, Кабот располагал весьма скудными сведениями о севере Старого Света. В его распоряжении были лишь описания Скандинавии, сделанные Олафом Магнусом, архиепископом Упсальским, и карты России, составленные Сигизмундом Герберштейном - послом императора австрийского при дворе Великого князя Российского Василия IV. Сметливый австриец предположил, что река Иртыш, впадающая в Обь, вытекает из огромного среднеазиатского озера, называемого Китайским, а посему, надо достичь устья Оби и, поднявшись вверх по течению, добраться до таинственного Китая. И вот 10 мая 1553 года из Гринвича вышла эскадра из трех кораблей: "Буона-Конфиденция", "Буона-Вентура" и "Буона-Сперанца" под общим командованием опытного воина и неустрашимого морехода баронета Хьюго Виллоуби. Сборным пунктом эскадры был назначен Вардгеус - местечко на северо-востоке Финмарка. Но вблизи Лафоденских островов ураган разбросал корабли, Виллоуби на двух судах удалось достичь ледяных берегов неизвестного острова (видимо, Новой Земли).

Однако он отказался от мысли пристать к берегу и продолжил путь к северным берегам России. 18 сентября корабли вошли в устье реки Васиной на северном берегу лапландского полуострова Кола. Здесь их и застала зима. Но условия зимовки оказались столь суровыми, что все 68 человек экипажа и их командир погибли от холода и болезней.

Более счастливой оказалась судьба третьего судна, "Буона-Вентура", под началом капитана Роберта Ченселлора. Так и не дождавшись двух других судов, они подняли паруса и вскоре вошли в неизвестное англичанам Белое море и достигли устья Северной Двины. Отсюда Ченселлор отправился в Москву к Великому князю Московскому Ивану Васильевичу Грозному. Благосклонно принятый правителем России, Ченселлор с большой выгодой продал привезенные товары и, загрузив судно пушниной, ворванью, тюленьим жиром и медной рудой, отправился в обратный путь. Успех Ченселлора побудил "Русское общество торговли" снарядить новую экспедицию. Поначалу она была столь же успешной. Отважному мореходу удалось не только заключить с царем торговый договор, но и взять с собою посла русского царя. Однако счастье изменило Виллоуби. 10 сентября 1556 года судно потерпело крушение у берегов Шотландии.

Погиб почти весь экипаж и в том числе его командир. В том же году "Общество приключений"

направило в Россию корабль под командованием Стефана Буррга. Следуя путем Ченселлора, он добрался до острова Новая Земля и стал первым европейцем, ступившим на ее берега.

Вслед за англичанами в Белое море устремились датчане, норвежцы и, наконец, голландцы, основавшие в Коле свою колонию.

В 1593 году купец Балтазар Мушерон, давно торговавший с Москвией, представил нидерландскому правительству проект большой экспедиции "для открытия удобного морского пути в царства Китайское и Синское, проходящего к северу от Норвегии, Московии и Татарии" (Сибири. - В. В.). Проект был единогласно утвержден, и четыре корабля, двумя из которых командовал гражданин Амстердама Биллем Баренц, 29 мая 1594 года покинули амстердамский порт. 29 июля Баренц достиг северной оконечности Новой Земли. Но дальнейшее плавание пришлось прекратить из-за недовольства экипажа, не выдержавшего лишения. Новая экспедиция в составе семи судов на следующий год снова отправилась в поход. Ее главным штурманом и одновременно капитаном корабля "Винтон" был назначен Баренц. Однако командир эскадры Корнелий Най оказался человеком нерешительным. Добравшись до пролива Югорский Шар, он, опасаясь предстоящих опасностей, заставил капитанов кораблей подписать документ, в котором говорилось, что "мы, нижеподписавшиеся, объявляем перед Богом и перед миром, что мы сделали все, что от нас зависело, чтобы проникнуть через Северное море в Китай и Японию, как нам приказано в наших инструкциях. Наконец мы увидели, что Богу не угодно, чтобы мы продолжали путь, и что надобно отказаться от предприятия. Посему мы решились как можно скорее возвратиться в Голландию". Лишь один Баренц отказался поставить свою подпись. Осенью вся эскадра вернулась в Нидерланды. Однако Сенат Амстердама не отказался от идеи отыскать вождеденный путь на Восток. Более того, за открытие Северного пути была назначена огромная по тем временам награда - 25 000 гульденов. И снова на следующий год к берегам России была отправлена экспедиция, и ее главным штурманом вновь был назначен неугомонный Баренц. Кораблям удалось проникнуть в Карское море, и здесь на их пути возникли неодолимые препятствия. Один корабль попал в ледовую ловушку и вынужден был остановиться на зимовку.

Зимовка оказалась невероятно трудной. Моряков косила цинга. Тяжело заболел и сам Баренц. 14 июня, покинув корабль, оставшиеся в живых моряки вышли в море на шлюпках. А шесть дней спустя, 20 июня 1596 года, экспедиция лишилась своего начальника. После многомесячных скитаний путешественники наконец вернулись в родной Амстердам - 1 ноября 1597 года.

Спустя год был опубликован труд сподвижника Виллема Баренца Геррита де-Фера "Морской дневник", рассказавший людям о подвигах, лишениях, научных заслугах и географических открытиях экспедиции, которой удалось нанести на карту западное и северное побережья Новой Земли, уточнить положение многих заливов, бухт, изучить магнитное склонение, измерить глубины моря, температуру воздуха, силу новоземельских ветров.

В начале восемнадцатого века идеей отыскания пути через "Ледовитое море в Китай и Индию" серьезно заинтересовался Петр I. Он собственноручно разработал инструкцию для капитан-командора Витуса Беринга, возглавившего экспедицию, названную Первой Камчатской. Ей предписывалось построить на Камчатке два бота, дойти до "виденных на севере берегов, пройти вдоль них до таких пунктов, которые несомненно находятся на берегу Америки". Вручая инструкции президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, Петр выразил надежду: "Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов Американских".

Первой Камчатской экспедиции удалось обследовать Камчатку, Курильские острова и Алеутскую гряду, установить, что берег материка заворачивает к западу, и открыть пролив, разделяющий два материка - Евро-Азиатский и Американский, названный впоследствии Беринговым. В развитии идей Петра в 1733-1743 годах была организована Великая Северная экспедиция, не имевшая себе равных ни по размаху, ни по полученным научным результатам. Пяти ее отрядам за годы самоотверженной работы удалось фактически обследовать Северный морской путь на всем его протяжении, положив на карту берега материка: бесчисленные острова, мысы, бухты и реки. В 1745 году был издан "Атлас Российский" - с первыми печатными картами северных берегов России.

В 1764 году правительственным указом был учинен "поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку и далее" по проекту великого М. В. Ломоносова. Осуществление этого проекта было поручено капитану В. Я. Чичагову. В мае 1765 года три судна, под покровом глубочайшей тайны, даже от Сената, покинули Кольский залив и 23 июля достигли 80°23' с. ш.

Но многочисленные трудности полярного плаванья и возможной зимовки на не подготовленных для этого судах испугали осторожного Чичагова. Спустя три месяца корабли вернулись в Архангельск. После того как повторная попытка пробиться на восток также оказалась безуспешной, Чичагов отказался от дальнейшего командования. Но неудача Чичагова не обескуражила русских исследователей. В течение трех десятков лет ряд экспедиций занимается изучением западной и восточной частей Северного Ледовитого океана. Особенно важными были исследования лейтенанта Федора Размыслова, установившего, что Новая Земля состоит из двух островов, разделенных

проливом, названным Маточкин Шар, и капитана Гавриила Андреевича Сарычева у северо-восточных берегов Сибири, описанные им в книге "Путешествия флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану".

Работы Сарычева были продолжены в двадцатых годах девятнадцатого века лейтенантом Петром Федоровичем Анжу и бароном Фердинандом Петровичем Врангелем. За четыре года экспедиция обследовала и описала почти три тысячи километров прибрежной полосы Сибири. На основании наблюдений и рассказов местных жителей Врангель утвердился в мысли, что к северу от берегов Чукотки лежит неизвестный остров. Хотя на просьбу о продлении экспедиции еще на два года последовал отказ Адмиралтейства, Врангель, уверенный в правильности своих предположений, нанес на карту этот так и не открытый остров. 43 года спустя американский китобой Лонг обнаружил остров в том самом месте, где с удивительной точностью нанес его Врангель, и назвал в честь первооткрывателя его именем.

Много способствовали расширению знаний об арктических землях и мореплаванию в Ледовитом океане четырехкратные путешествия капитан-лейтенанта Федора Петровича Литке к Новой Земле в 1821-1824 годах и санные экспедиции поручиков Петра Кузьмича Пахтусева в 1832-1834 и 1835 годах и Августа Карловича Цыволка и Моисеева в 1838 году на Новую Землю.

С запада и востока штурмовали отважные исследователи арктическую твердыню. Все дальше на север проникали корабли. На карте Арктики возникали очертания новых, неведомых доселе земель. Только с 1818 по 1854 год было организовано 42 полярные экспедиции.

Но Северо-восточный проход по-прежнему оставался неприступным. Казалось, оправдывалось пророчество Ф. П. Литке, считавшего, что "морское сообщение с Сибирью принадлежит к числу вещей невозможных".

К такому же выводу пришел и Юлиус Найер, один из виднейших авторитетов в полярных делах. Он писал, что китайский чай, японский шелк и пряности с Молуккских островов не приплывут к нам вместе с льдинами. Нынче никто больше не верит в коммерческую ценность прохода.

Первый сокрушительный удар по этому мнению нанес шведский профессор Эрик Норденшельд. Его экспедиционное судно "Превен" в 1875 году, преодолев дрейфующие льды Карского моря, через два месяца после отплытия пришвартовалось в устье Енисея. На следующий год Норденшельд повторил свое плавание, и на этот раз одновременно с ним достигли великой сибирской реки капитаны Биггенс и Шванненберг, чьи корабли были снаряжены на средства сибирских золотопромышленников М. К. Сидорова и А. М. Сибирякова.

Этими плаваниями было положено начало морского сообщения с Сибирью. Уже через три года из английских портов вышли семь кораблей, держа курс к устьям Оби и Енисея.

Успешные плаванья по Карскому морю окончательно убедили в том, что Северо-восточный проход не столь недоступен, как казалось иным.

Подробно изучив все материалы о дрейфе льдов, метеорологических условиях и кораблевождении в Арктике, Норденшельд разработал подробный план экспедиции для осуществления сквозного плавания Северо-восточным проходом. Средства на нее предоставили король Швеции Оскар Второй, крупный шведский негодант Оскар Диксон и русский золотопромышленник Александр Сибиряков. Норденшельд приобрел пароход "Вега" и, кроме того, на деньги Сибирякова был дополнительно построен большой пароход "Лена" и снаряжены еще два судна для сопровождения "Веги" до устья Енисея.

22 июля 1878 года корабли вышли в море. Благоприятные ледовые условия способствовали быстрому продвижению на восток. Достигнув устья Лены, корабли расстались. Дальнейший путь "Веги" предстояло проделать одной. Однако счастье, так долго сопутствовавшее исследователям, им изменило. 27 сентября у залива Колючинского ледяные поля стали непроходимым барьером на пути корабля. Но вера в успех дела не покидала Норденшельда. Ведь каких-то двести двадцать километров - и они у цели, тем более китобой, часто посещавшие эти места, покидали их порой даже в октябре. Однако надежде не было суждено осуществиться. Льды окончательно сомкнулись, и зимовка стала неизбежной. "...Один день проходил за другим без благополучной перемены в положении судна, - записывал в дневник Норденшельд, - я с ужасом убедился, перезимовка на пороге к переходу из Ледовитого океана в Великий океан становилась неизбежной". Участники стойко перенесли трудности. 17 июля, освободившись из ледяного плена, "Вега" вошла в Берингов пролив. Великая цель была достигнута.

А вы знаете, кто был одним из самых ярых поборников идеи морского пути к устьям великих сибирских рек Енисея и Оби? Сибирский купец Сидоров. Но все его попытки заинтересовать в этом проекте сильных мира сего потерпели неудачу. Куда он только не обращался: и к енисейскому губернатору, и в Вольное Экономическое общество, и в Географическое общество и все бесполезно.

А генерал Зиновьев - наставник престолонаследника, будущего царя Александра III, начертал на его записке: "Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера в внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот... Такие идеи могут проводить только помешанные".

Но Сидоров не унимался. Он поместил в иностранных газетах объявление о премии в две тысячи фунтов стерлингов для первого мореплавателя, которому удастся достигнуть Оби или Енисея. На объявление откликнулся английский капитан И. Виггинс. В 1874 году на пароходе "Диана" он успешно доплыл до Обской губы, а в последующие годы еще 11 раз проводил пароходы к устью сибирских рек.

Экспедицией Э. Норденшельда 1878 года была убедительно доказана возможность сквозного плавания по арктическим морям. Но интерес российских властей к Северному морскому пути проснулся лишь после разгрома русского флота в Цусимском проливе.

"Если бы хотя десятая доля того, что потеряно при Цусиме, было затрачено на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, прошла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море, и Цусиму", - писал знаменитый химик Д. И. Менделеев. Идею сквозного плавания Северным морским путем поддерживали русские военные моряки. По мнению адмирала В. П. Верховского, "можно утверждать с вероятностью в 100%, что через два года от снаряжения экспедиции русские отряды и эскадры боевых судов будут ежегодно делать переходы Ледовитым океаном во Владивосток".

Если бы только глас передовых людей России был услышан царским правительством, возможно, не было бы Цусимы и позорного поражения в русско-японской войне.

Но сторонники этого проекта имели слишком могущественных противников в лице крупных землевладельцев и промышленников, опасавшихся, что с освоением этого пути в Европу проникнет дешевый сибирский хлеб и лес и в лице быстроразвивающегося капитала Сибири они получают опасного конкурента на рынках Европы.

Только после революции началось планомерное наступление на Север.

Сомов посмотрел на часы.

- Что-то я, друзья, заговорился. На сегодня, пожалуй, достаточно. Если вы не потеряли интерес к этой истории, завтра можем продолжить.

На следующий вечер Сомов продолжил свое повествование.

- Итак, мы добрались до того счастливого времени, когда роль Арктики была оценена по достоинству. 10 марта 1921 года был подписан декрет о создании ПЛАВМОРНИНА - Плавучего морского института, которому вменялось в обязанности изучение Ледовитого океана и его побережья. А четыре годами позднее был создан наш Арктический научно-исследовательский институт. Теперь уже никто не сомневался в важности Северного морского пути. Это был не только кратчайший путь с востока на запад (почти вдвое короче дороги через южные моря и Суэцкий канал, протянувшейся на 24 400 км), но и важнейшая артерия, питавшая полярные города и поселки.

28 июля 1932 года вышел из Архангельска ледокольный пароход "Сибиряков". Перед его капитаном В. И. Ворониным и начальником экспедиции О. Ю. Шмидтом была поставлена задача в одну навигацию пройти Северным морским путем из Белого моря в Тихий океан. 15 августа "Сибиряков" пересек Карское море и, обогнув мыс Молотова - северную оконечность Северной Земли, вошел в море Лаптевых. Навстречу, лениво покачиваясь на волнах, проплывали величественные айсберги, гигантские осколки ледников, спускающихся в море с берегов арктических островов. Такая же ледяная гора потопила апрельской ночью 1912 года красу английского пассажирского флота "Титаник". Разреженный лед постепенно переходил в сплошные поля. Они становились все толще, непроходимее. Вперед-назад, снова - полный вперед. Ледокол крушил, колот, подминал под себя ледяную броню. Полночное солнце, оставляя на снегу кровавые следы, катилось по горизонту. Могучее дыхание двигателей сливалось с треском ломающегося льда. 2500 лошадиных сил без устали вращали винт ледокола. С каждым часом лед становился все тяжелее. То и дело экипаж корабля, вооружившись баграми и ломami, спускался на лед и без устали обкалывал льдины, тесно сжимавшие со всех сторон борта корабля. Все, что было не под силу людям, довершал аммонал. В первом сражении со льдом сибиряковцы вышли победителями. Еще одно усилие, и ледокол, преодолев последнюю перемычку, вышел на чистую воду. Однако отдых оказался недолгим. Снова лед - снова борьба. От удара о ледяную глыбу сломалась лопасть винта. Но люди верили в успех. Вперед, только вперед.

1 сентября позади осталась бухта Тикси. Но опасность подстерегала моряков на каждом шагу. В очередной стычке со льдом была сломана вторая лопасть. Положение осложнилось: ледокол

потерял маневренность, впереди еще сотни миль трудного пути. 10 сентября вблизи острова Колючий корабль столкнулся с огромной льдиной. Страшный удар потряс ледокол, а затем наступила томительная тишина. Все бросились на корму. У всех одна мысль - что с винтом? Внизу под кормой на шторм-трапе повис старший штурман Ю. К. Хлебников. Вспыхнула "люстра", осветив черную, покрытую ледяным крошевом воду. Длинным багром Хлебников тщательно ощупывал винт. Одна, другая, третья - все лопасти искорежены, сломаны больше чем наполовину. Четвертая - исчезла. Неподвижной громадой застыл корабль, окруженный мраком ночи. Единственный выход - заменить сломанные лопасти запасными, к счастью имевшимися на борту. Но для этого надо настолько изменить дифферент судна, чтобы корма поднялась над водой.

Двое суток подряд непрерывно грохотали паровые лебедки. Двое суток подряд, сгибаясь под тяжестью груза, переносили люди уголь, оборудование, продовольствие из кормовых трюмов на нос. Наконец корма поднялась настолько, что можно приступить к работе. Правда, муфта винта все еще оставалась фута на полтора под водой. Не раздумывая прыгнули механики в ледяную воду. Это была адская работа: по пояс в воде на пронизывающем ветру устанавливать полуторатонные лопасти.

Наконец винт отремонтирован. Загудели машины, и корабль, раздвигая форштевнем льдины, двинулся вперед.

Но 18 сентября произошло непоправимое. Один за другим послышались тяжелые удары. Все закричало, зашкережало, словно на корабль обрушились тысячи тонн льда. Стальной вал гребного винта сломался, как спичка, и муфта винта вместе с лопастями ушла на дно.

С этой минуты ледокол превратился в беспомощную игрушку ветров и морских течений. Зимовка, казалось, стала неизбежной. Скоро наступит долгая полярная ночь, и тогда ничто уже не сможет вырвать корабль из ледяного плена. Отступить? Нет, об этом никто не помышляет. Если бы только удалось преодолеть тридцать миль, отделявшие их от мыса Сердце-Камень, ведь там начинаются сильные течения в сторону Берингова пролива. Медленно дрейфует поврежденный ледокол к востоку. Только бы не наскочить на подводную скалу, не сесть случайно на мель, тогда - все пропало. Вдруг ветер переменяется, и корабль с ужасающей быстротой потянуло в обратном направлении, на северо-запад. Брошены ледовые якоря. Но миллионы тонн льда напирали с непреодолимой силой. Якоря оказываются бесполезными. Положение с каждой минутой становится все более безвыходным. Корабль неуклонно дрейфовал к северу. Но, к счастью, к утру 27 сентября ветер переменяется. Не теряя времени, Воронин приказал ставить паруса. На палубу вытащили все запасы парусины, вплоть до черных от угольной пыли трюмных брезентов. Скоро на мачтах, надуваемые попутным ветром, распустились импровизированные паруса. Перед носом корабля загрохотали взрывы, взламывая лед. Конец длинного стального троса закрепили на баке впереди корабля, и лебедка, накручивая трос, помогает ледоколу продвигаться вперед. 1 октября показался мыс Дежнёва. Ураа-ураа - несется над волнами моря. Вокруг - чистая вода. В 14 часов 30 минут "Сибиряков" вошел в Берингов пролив.

Полярники с честью вышли из тяжелого испытания, преодолев Северо-восточный проход за два месяца три дня. Многовековая мечта человечества стала явью.

Через год по пути "Сибирякова" прошел ледокол "Челюскин", в 1954 году "Федор Литке", а затем пароходы "Анадырь", "Сталинград", "Ванцетти" и "Исира" совершили сквозное плавание из Белого в Берингово море. Северный морской путь стал быстро превращаться в действующую транспортную магистраль. На отдаленных островах на мысах и в заливах появились домики полярных станций. Но плавание в полярных морях требовало точных знаний о погоде, течениях, дрейфе льдов. Чтобы глубже проникнуть в тайны арктической природы, Советское правительство решило организовать в самом сердце Ледовитого океана, у Северного полюса, научно-исследовательскую дрейфующую станцию. В мае 1937 года из Москвы в Арктику вылетели четырехмоторные воздушные корабли.

Блестяще совершив посадку на ледяное поле у вершины земного шара, на Северном полюсе, доставив все необходимое, самолеты взяли курс на родные берега. В центре Арктики на дрейфующей льдине осталась четверка советских полярников: Иван Дмитриевич Папанин, Евгений Константинович Федоров, Эрнст Теодорович Кренкель и Петр Петрович Ширшов. Так начала свою работу первая в мире научно-исследовательская дрейфующая станция "Северный полюс-1" (СП-1).

Теперь мы как бы приняли эстафету у папанинцев, став дрейфующей станцией под номером 2.

Сомов помолчал немного и, закутив, сказал:

- Однако, друзья, если быть честными, пальма первенства в организации станции на дрейфующем льду принадлежала не нам. В 1913 году Стефанссон начал свою знаменитую Канадскую арктическую экспедицию продолжительностью в пять с половиной лет. Его соратник Стуркер Стукерсон 16 апреля 1918 года, облюбовав подходящую льдину в море Бофора, разбил на ней лагерь. Вместе с четырьмя товарищами, Мэйсиком, Гомером, Найтом и Мартином Килианом, он провел почти шесть месяцев на дрейфующей льдине и только болезнь (Стукерсон заболел астмой)

заставила его прекратить работу и вернуться на материк. Научными результатами группы Стукерсона было открытие, что в море Бофора, между 72,5 и 74° с. ш., вопреки общепринятому мнению, нет постоянных течений и весь дрейф льдов обусловлен исключительно ветрами. Кроме того, экспедиция доказала, что так называемая Земля Кинана, нанесенная на карту Американского географического общества в 1912 году, не существует. Лыдина, на которой они дрейфовали, прошла через точку, на которой должен был находиться этот остров. Оказалось, что глубина океана в этом месте превышает 3200 м.

Глава XVII ДНЕВНИК(продолжение)

3 января.

Выбравшись поутру из палатки, я увидел на востоке робкую лиловеющую полосу, которую сначала принял за отблеск луны. И вдруг меня осенило. Это же зорька! Первая зорька - предвестник окончания полярной ночи. Значит, не долго ждать и появления солнца. И сразу же в голову пришли слова Харальда Свердруп: надо прожить некоторое время без дневного света и солнца, чтобы оценить их по достоинству. Святые слова.

Но радость была кратковременной. Небо вновь потемнело. То ли солнце, оповестив нас о своем приближении, снова провалилось за горизонт, то ли тучи, прижавшись к торосам, скрыли зорьку за своим пологом... Как я ни всматривался в даль, напрягая зрение, - ничего. Только надо мною в разрыве облаков сверкнули искорки звезд. Я вернулся в кают-компанию, где меня уже ждали несколько едоков. Все сидели за столом, не снимая теплых курток. Из рта при дыхании вылетали клубы холодного пара.

5 января.

Занемог Никитин. Его познабливает. Появился сухой лающий кашель. Померил Макару температуру - 37,5. Я долго, внимательно прослушивал его легкие. К счастью - там все спокойно. Правда, дыхание, как говорят медики, немного жесткое, но ни единого хрипа. В порядке профилактики уложил его в постель, поставил круговые банки и напоил его крепким чаем с малиновым вареньем. Макар переживает, нервничает: как там Сомов справится с вахтами у лебедки. Дмитриев немедленно вызвался помогать Михал Михайловичу. Как-никак он все же числится на станции гидрологом и при каждом удобном случае старается оправдать свою причастность к науке.

6 января.

Саша Дмитриев, заступив на очередную вахту по лагерю, бросил на меня сочувствующий взгляд и, раскрыв вахтенный журнал, записал в него своим витиеватым почерком:

"Распоряжение. По указанию начальника дрейфующей станции камелек в кают-компании топится:

18.30-20.30

23.30-04.30

6.00-10.00".

Я было приуныл, но Михаил, заглянув в кают-компанию и поглядев на мою кислую физиономию, сжалился и разрешил, если мне уж будет совсем не вмоготу, включать камелек на полчаса вне расписания.

8 января.

Почему-то высокое начальство убеждено, что в Арктике редко болеют, а посему врач не шибко загружен работой и его можно назначать по совместительству поваром, кладовщиком, метеорологом и еще бог знает кем.

Однако, вопреки этому утверждению, пациенты у меня не переводятся. На днях Костю Курко прихватил радикулит, и он с трудом может сидеть на стуле, принимая невообразимые позы, чтобы уменьшить боль. Вчера Миляев пожаловался на "ужасную" ломоту в суставах кистей рук. Дала себя знать работа в астрономическом павильоне, которую он вынужден выполнять без перчаток. А сегодня заболел Макар Никитин. Температура поднялась до 38 градусов. Послушал - бронхи поют на все лады. К счастью, в легких все спокойно. Никаких хрипов. Видимо, бронхит. Назначаю ему полный курс лечения с банками и антибиотиками.

9 января.

Человечество напридумывало множество различных праздников: традиционных, государственных, религиозных, профессиональных, личных и неплохо использовало их, чтобы повеселиться и отдохнуть. Поскольку мы не отделяли себя от всего человечества, то каждый праздник (кроме религиозных) отмечался веселым застольем. Нет, не потому, что на льдине собралась компания выпивох, просто для всех нас стала жизненной необходимостью возможность хоть на короткое время расслабиться, снять копившееся день за днем нервное напряжение.

Сегодня поводом для торжества стал день рождения Вани Петрова. Ему исполнилось двадцать девять.

В соответствии с традицией мы отмечаем это событие маленьким банкетом. Именинник появился ровно в 20.00, в белой рубашке, при галстукке, благоухающий "Шипром". Его усадили на почетное место во главе стола, где он и принимал поздравления и маленькие презенты.

Но главным подарком для него явилась поздравительная телеграмма из Ленинграда от жены. Жора Щетинин вручил это послание в большом голубом конверте.

Но вечер принес еще одно приятное сообщение. Пришла радиограмма от директора Арктического института, гласившая, что Ученый совет АНИИ обсудил итоги работы станции за первое полугодие и признал результаты исследований отличными.

Чем же не повод опрокинуть лишнюю рюмочку?

10 января.

Наше полярное обмундирование далеко от совершенства. Правда, куртка спецпошива из плащпалаточной ткани с подстежкой из пуха (якобы гагачьего) и шерстяной ваты хорошо защищает от холода и ветра. Но она коротковата и имеет всего четыре кармана, в которые вечно набивается снег из-за коротких клапанов. Но зато свитер - ниже всякой критики. Вместо чистой шерсти их изготовили из вигони, и притом без высокого воротника. Унтов - этой классической обуви полярников нам выдали всего по одной паре. Их войлочная подошва быстро сыреет, замерзает, и мы ходим постукивая, словно в деревянных сабо.

По мнению наших арктических авторитетов Курко и Щетинина, нам бы лучше подошли чукотские торбаза.

Пушистые, теплые пыжиковые шапки-ушанки - которые могли стать предметом столичных модников - не выдержали столь длительной и варварской эксплуатации и давно уже утратили свой первоначальный шикарный вид. Меха сваялся, вытерся местами. Суконные костюмы тоже основательно поизносились, а обещанных кожаных мы так и не видели в глаза. То ли севморпутские хозяйственники забыли их выдать, то ли они разошлись по начальству.

Судя по всему, конструктора-швейники, сочинявшие нашу одежду, либо отнесли к порученному делу с прохладцей, либо просто не имели представления (а это весьма возможно, учитывая особую секретность экспедиции), кто и где ее будет носить. Во всяком случае, вряд ли она имела достаточно КЛЮ, чтобы обеспечить наш тепловой комфорт.

Но зато спальные мешки из волчьего меха были великолепны. Только в них мы находили спасение от проклятого холода.

11 января.

Сегодня день явно не лекционный: сорок пять градусов мороза да еще с ветерком. Вскоре мы оба превратились в елочных дедов-морозов. Борода, усы, брови поседел от инея. Ресницы смерзаются и их приходится то и дело оттирать рукавицей. Пальцы отказываются держать карандаш, а пар от дыхания, ложась на страницу, превращается мгновенно в пленку изморози.

Я сжался в комок на своей подстилке. Но Миляеву, обдуваемому ветерком, еще муторнее.

- Ну все, финиш, - просипел он, натягивая чехол на теодолит. - Бежим греться, не то я в сосульку превращусь.

Мы помчались в кают-компанию. Какое же это блаженство оказаться снова под защитой дюралевых стен фюзеляжа. Я мигом убрал с плитки бак, закрывавший газовые горелки. Сразу потянуло теплом.

- Давай, доктор, неси лекарство от холода, - сказал Миляев, отбивая зубами морзянку. Я наполнил

кружку спиртом, и он, не долго думая, опорожнил ее одним махом и, громко выдохнув, захрустел луковицей. Я последовал его примеру. Спирт словно огнем опалил рот, пищевод и пошел растекаться по жилам, разнося тепло в застывшие клеточки организма.

- Ну вот теперь порядок, - сказал Миляев повеселевшим голосом. - Спасибо за лекарство. Теперь можно идти считать координаты.

Поставив на газ кастрюлю со щами, я принес оленью тушу со склада и отправился в гости к радистам. Их палатка, словно Мекка, была местом постоянного паломничества жителей лагеря. Здесь всегда было тепло. Движок для зарядки аккумуляторов, нагреваясь во время работы, служил отличной печкой. Только в ветреные дни радисты, экономя бензин, давали ему отдохнуть, передавая "зарядные функции" ветродвигателю ВД-3,5. Еще весной его установили на верхушке десятиметрового деревянного столба, вмороженного в лед и закрепленного шестью стальными растяжками. Он чем-то напоминал бескрылый самолет с пропеллером и хвостом. Хвост-флюгер позволял держать "нос по ветру", а набегавший ветерок добросовестно вращал лопасти пропеллера, приводя в действие динамо-машину, питавшую энергией аккумуляторы.

Миновав просторный снежный тамбур, я приподнял дверцу и бочком, по-крабьи, влез внутрь палатки. Курко, склонившись над столиком, сосредоточенно крутил кремальеру, настраиваясь на рабочую волну. Из репродуктора сквозь шорохи и трески эфира пробивались то звуки незнакомой речи, то обрывки джазовых мелодий. По одну сторону от столика на койке, уронив на грудь книгу, дремал Щетинин. На Костиной койке привалился к стенке с блаженной улыбкой Дмитриев.

Чтобы не мешать Косте, я тихонько присел в ногах у Щетинина и осмотрелся.

Почти треть палатки занимал рабочий столик, заставленный матово-черными коробками приемника и передатчика мощной восьмидесятиваттной радиостанции "ПАРКС-0,08". Под ним теснились деревянные, выкрашенные зеленой краской ящики с аккумуляторными батареями. Справа от входа дышал жаром бензиновый движок Л-3, соединенный с генератором ГС-1000. Слева на ящике с запасным рейдовым передатчиком виднелась газовая плитка. Между койками возвышался фанерный ящик из-под папирос - обеденный стол.

На тросике, протянутом под куполом, покачивались повешенные для просушки куртки, унты, меховые носки.

Тем временем Курко настроился на нужную волну, отбил телеграфным ключом свои позывные, прислушался и, получив "квитанцию", лихо застучал ключом. Передавая зашифрованные данные наших координат, метеосводку, Костя завершил передачу традиционным "ОК", что на языке радистов обозначало "все в порядке", и, щелкнув тумблером, выключил станцию и повернулся на стуле.

- Здорово, док. Как насчет чайку?

- С превеликим удовольствием.

- Эй, Жора, просыпайся. Надо попотчевать чаем дорогих гостей.

Через несколько минут на ящичке-столе появились кружки, блюдечко с наколотым рафинадом, похожим на льдинки, и пачка печенья.

Но распивать чай долго не пришлось, на камбузе меня ждали кипящие кастрюли и оттаивающее мясо, которое надо было еще превратить в котлеты. Они-то меня сегодня и подвели. В соответствии с указаниями кулинарного талмуда я, оттаяв оленью ляжку и кусок свинины, нарезал их ломтями и принялся запихивать в жерло мясорубки, обнаруженной на складе.

Когда в тазике выросла гора бледно-розового фарша, я, добавив в него размоченного хлеба, сухого лука и перца, оставил "котлетный полуфабрикат" лежать до обеда, чтобы подать блюдо "с пылу с жару".

Когда до прихода едоков осталось минут двадцать, я, засучив рукава, принялся яростно месить фарш. И вдруг обнаружил, что пальцы словно онемели, потеряли чувствительность. Выдернув руки из фарша, я увидел, что они совершенно побелели. Вот тебе и раз. Это надо же - отморозить пальцы в котлетном фарше. Узнают - позора не оберешься. Я с перепугу сунул пальцы прямо в кастрюлю с горячей водой. Средство помогло. Пальцы покраснели, и я почувствовал, как в них впииваются тысячи острых иголок. Превозмогая боль, я то сгибал, то разгибал пальцы, пока не понял, что опасность миновала. Но котлеты я все же приготовил.

- Ну, братцы, и морозище сегодня, - сказал Яковлев, подсев к камельку так близко, что запахло паленым мехом унтов. - Это же надо: всего трех десятых не хватало до минус 50 градусов.

- Бедняга Николай Алексеевич. Вот уж сегодня на астрономической площадке ему достается, - сказал Никитин, зябко поеживаясь, грея руки о кружку с чаем. - Брр!

- Достается, точно достается, - сказал Миляев, появляясь на пороге кают-компаний.

- Сегодня еще ветерок поднялся, так прямо кровь застыла в жилах, пока звезды ловил. Может, Ропака научить координаты брать? У него одежда потеплее, чем моя куртка.

- Алексеич, - удивленно спросил Комаров, - а это что за одеяние на тебе какое-то непонятное?

- Это защитная одежда новой конструкции, - сказал Миляев, хитро прищурившись и стягивая с головы странной формы покрывало, которое при ближайшем рассмотрении оказалось брюками. - Кстати, Михал Михалыч, у вас с Макаром вроде бы пятнадцатисуточная станция начинается. Придется координаты каждые четыре часа брать. Боюсь, что вдвоем с доктором мне не управиться. Надо бы еще помощничков подбросить.

- Может, есть добровольцы? - спросил Сомов, оглядывая сидящих за столом.

- Конечно, поможем, - раздался в ответ хор голосов.

- Тогда, Николай Алексеич, в ваше распоряжение переходят Щетинин с Гудковичем. А уж очередность сами установите.

- Только ты, Алексеич, доктора нам не заморозь, - сказал Курко. - Не то мы сразу и медицинской и кулинарной помощи лишимся.

- Меня, Михал Михалыч, вот что еще тревожит, - сказал Яковлев. - Ассманы наши на такие низкие температуры не рассчитаны. Ведь никто в АНИИ и представить себе не мог, что в Центральном полярном бассейне могут быть такие морозы. Как-никак океан - большая грелка. Наверное, следовало заменить ртутные термометры на спиртовые. Я сегодня ухватил ненароком резервуар, а он возьми и тресни. Гляжу, в руках замерзший шарик ртути, как пуля.

- Вот жалость, что у нас охотничьего ружья нет, - усмехнулся Миляев, - а то бы эта пуля для охоты на медведя сгодилась бы.

- Ну и мастер ты пули отливать, - хохотнул Дмитриев.

- Это ты зря, Саня, - сказал Гудкович. - Николай Алексеич ничего не выдумал. Например, Кейт Кэн использовал замерзшую ртуть вместо пуль при охоте на медведей.

- А Джеймс Росс писал, что такая пуля легко пробивает доску толщиной в дюйм, - добавил я.

- Вот это здорово! - удивился Дмитриев. - Вот бы нам охотничье ружье - и мы бы поохотились.

- Да и медведей не видать, - заметил Петров.

- Да, друзья, если дело так дальше пойдет, мы, глядишь, новый Полюс холода откроем.

- Лично мне вполне достаточно Полюса недоступности, - проворчал Курко.

Да, морозы стоят такие, что даже Костя, отнюдь не отличающийся сентиментальностью, записал в вахтенном журнале: "Хуже всех приходится магнитологической группе, в которую входят Миляев, Гудкович, Волович, Щетинин, созданной на период 15-суточной гидрологической станции.

Участникам этой группы приходится работать на 49-градусном морозе почти голыми, а иногда совсем голыми руками".

Что за удовольствие мне пришлось испытать во время очередных астрономических наблюдений! Минус 49 да еще с ветерком метров шесть в секунду. Если судить по таблице ветро-холодового индекса, придуманного американским метеорологом Сэйплом, то такая комбинация равна морозу 85°. Пока Миляев "брал звезды", мы успели оба превратиться в живые сосульки. Добежав до кают-компаний, я, к счастью, обнаружил, что забыл на плите чайник, который весело звонил крышкой. Выпив по кружке обжигающего чая с стопкой коньяку (из моего секретного запаса), мы постепенно пришли в себя. С теплом ко мне вернулась любознательность.

- Скажи, Алексеич, правду говорят, что в Арктике компасом можно только гвозди забивать да спирт из него выпить? Мол, для другой цели он не пригоден?

- Это дураки говорят, а умный, коли отправится в Арктику, обязательно захватит с собой карту

магнитных склонений, и все будет тип-топ.

Заметив мое недоуменное выражение, он сказал со своей обычной усмешечкой:

- Ну коли ты у нас такой необразованный, я тебе сейчас все разобъясню.

Он взял лист бумаги, валявшийся на столе, достал карандаш и нарисовал круг. Потом поставил на окружности точку и написал рядом: СП.

- Представь, что это земной шар, а СП - северный географический полюс. Уразумел?

Я кивнул головой.

- Вот теперь проведем меридианы. - И он начертил несколько дуг, сходящихся почему-то много правее точки, обозначающей полюс.

- Так вот это - магнитные силовые линии, и сходятся они на северном магнитном полюсе. Как известно, на стрелку компаса воздействует сила земного магнетизма, которая складывается из горизонтальной и вертикальной составляющих. С увеличением широты сила горизонтальной составляющей постепенно ослабевает и не может удержать стрелку в направлении север-юг. А следовательно, показания компаса искажаются и могут отличаться на 4-5 и даже 10°. Вот угол между географическим и магнитным меридианами и есть магнитное склонение. Усек?

- Усек, - понимающе сказал я.

- Тогда заруби себе на носу: отправишься в путешествие по Арктике - не забудь карту магнитных склонений, иначе уподобишься матросу Железняку.

- А при чем тут Железняк? - удивился я, не поняв подвоха.

- А при том, что, как поется в песне, "он шел на Одессу, а вышел к Херсону". Только в Арктике эта ошибка дорого обойдется. Промажнешься, и не будет тебе ни хера, ни сона, - ухмыльнулся ехидно Миляев. - Говорят, что один такой умник-штурман Ту-4, забыв о шутках магнитного компаса, умудрился проложить курс в обратную сторону и шибко удивился, когда вместо палаток лагеря на полюсе узрел горы Северной Земли. Вот шума было.

- М-да, - хмыкнул я, припомнив эту историю. - Ну бог с ним с этим штурманом. Ты лучше просвети меня насчет магнитного полюса. Насколько я припоминаю, его открыли даже раньше, чем географический.

- Точно, намного раньше. Почти на восемьдесят лет. И история эта весьма примечательна. А дело было так.

В 1818 году английское Адмиралтейство, не оставлявшее надежды открыть Северный путь в страны Востока, выделило для этой цели два корабля: "Изабеллу" и "Александр", командовать которыми поручило капитану Джону Россу. Однако экспедиция потерпела фиаско. Достигнув Баффинова пролива, Росс увидел в тумане горную цепь, которая казалась непреодолимым препятствием для дальнейшего плавания. Это был лишь оптический обман, игра рефракции, ошибка, омрачившая славу исследователя. Несмотря на уговоры своих помощников, Росс приказал повернуть назад. Разочарование лордов Адмиралтейства было столь велико, что Росса уволили с флота и напрочь отказались от его дальнейших услуг.

Лишь 11 лет спустя Росс, уговорив богатого винозаводчика Бута, на его средства снарядил новую экспедицию. На колесном пароходе "Виктория" путешественники вышли из Лондона.

10 августа 1829 года они вошли в залив Принца-регента, а затем, повернув на юг, открыли большой полуостров, названный в честь своего покровителя его именем - полуостровом Бутия Феликс. Здесь экспедиция расположилась на зимовку. Только через 11 месяцев - 17 сентября 1830 года корабль поднял паруса (паровая машина давно вышла из строя), но вскоре снова был затерт льдами. На этот раз зимовка оказалась намного продолжительней. Однако полярные путешественники не теряли времени даром. Племянник командира Джон Росс предпринял несколько санных экспедиций для изучения неведомой земли, установив, что полуостров связан с континентом нешироким перешейком. Ему удалось открыть еще один полуостров, названный впоследствии Землей Короля Виллиама. Но главным подвигом молодого исследователя было открытие точки, на которой стрелка компаса стала отвесно. Это был Северный магнитный полюс. Здесь на 70°05' северной широты и 96° западной долготы Джон водрузил английский флаг. Только летом 1833 года отважные путешественники, после четырех с половиной лет отсутствия, с триумфом вернулись на родину.

- Вот, брат, какая приключилась история, - завершил рассказ Миляев. - Но, что самое интересное, магнитный полюс в отличие от географического, как оказалось, не стоит на месте, а перемещается. Много лет спустя его обнаружили на острове Принца Уэльского в Канадском Арктическом

архипелаге на 75° северной широты и 100° западной долготы. Но чтобы тебя уже полностью просветить, в Ледовитом океане пару лет назад обнаружили еще одно место к северо-востоку от Новосибирских островов, на 86° северной широты, принятое за второй магнитный полюс. Впрочем наши геофизики доказали, что это ошибка. Сгущение магнитных меридианов в этой точке было вызвано гигантской магнитной аномалией, почище, чем известная тебе Курская, протянувшейся узкой полосой от Таймырского полуострова к полуострову Бутия, открытому Россом.

15 января.

- Ну что там, доктор, у тебя на ужин? - спросил Костя Курко, заглянув через мое плечо на плитку. - Никак антрекоты? Ты их, наверное, в экспедициях намастырился так вкусно готовить?

- Точно, в экспедициях, - отозвался я, польщенный лестным отзывом. - Мы там, главным образом, если не считать пельменей, мясными полуфабрикатами питались. До чего же удобная штука эти полуфабрикаты. Нам для экспедиции Микояновский комбинат наготовил. Ящик - бифштексы, ящик - свиные отбивные, ящик - антрекоты. И каждый аккуратненько в пергаментную бумагу завернут. Штучка к штучке. Любая хозяйка, глядя на них, от зависти бы померла.

- А ты, Виталий, во всех трех высокоширотных участвовал? - спросил Дмитриев, смачно пережевывая сочное мясо.

- Нет, только в двух. В сорок девятом и в пятидесятом. В первой, в сорок восьмом, врачом был Паша Буренин. Он, кстати говоря, и рекомендовал меня главсевморпутскому начальству после своего поступления в адъюнктуру.

- И что тоже по совместительству поваром работал? - поинтересовался Миляев со своей неизменной усмешечкой.

- Нет, функцию повара я выполнял совершенно добровольно. Когда ребята возвращались из очередного полета, мне всегда хотелось хоть как-то проявить свое внимание. Да и работы чисто врачебной было совсем немного. Так, одни пустяки: ушибы, ссадины. Кому горло подлечить. В общем, к счастью, никаких серьезных травм.

- Все же удивительно, - сказал Никитин, - такая чертовски трудная работа. Полеты в адских условиях, посадки на неизвестные льдины. И ни одной аварии?

- Ни одной, - подтвердил я. - Я даже в душе удивлялся фантастическому мастерству наших полярных летунов. Впрочем, одно серьезное происшествие все-таки было. Помните, Михал Михалыч?

- Это вы про историю с самолетом Черевичного? - отозвался Сомов.

- А что это за история? - встрепнулся Дмитриев. - Что же ты помалкивал до сих пор?

- Ну если хотите, могу рассказать, - сказал я, присаживаясь за стол. - История произошла примерно через месяц после нашей высадки на льдину. Начались интенсивные подвижки полей. По краям аэродрома наворотило горы торосов, а на взлетной полосе стали появляться все новые трещины. Вот Кузнецов и принял решение подыскать более безопасное место для лагеря.

Поутру начальство погрузилось на самолет Черевичного и отбыло в сторону полюса. Штабная палатка опустела, и я остался в одиночестве.

Дождаясь их возвращения, я забрался в мешок и раскрыл книгу. Почитал, почитал и задремал. Вдруг слышу громкие голоса, и один за другим в палатку ввалились человек пять летчиков и штурманов. Я присел на койке, не вылезая из мешка, как вдруг Осипов и говорит мне:

- Поднимайся, доктор, Черевичный исчез. Уже пять часов, как с ним нет связи. Мы сейчас вылетаем на поиск, а ты на всякий случай приготовь свою медицинскую сумку и проверь парашюты. Боюсь, придется тебе прыгать. В общем, будь на стреме.

Меня словно ветром выдуло из мешка. У меня прямо ноги похолодели: неужели произошла катастрофа?

Почти сутки я провел в томительном ожидании. Только к вечеру второго дня в палатку буквально ворвался Евгений Матвеевич Сузюмов - начальник штаба. Радостно улыбаясь, он буквально выкрикнул:

- Доктор, дорогой, все в порядке. Все живы, здоровы и скоро будут дома. С борта Осипова пришла радиogramма.

Вечером, когда все "пропавшие" отдохнули и успокоились после перенесенных волнений, я подсел на койку рядом с Аккуратовым.

- Валентин Иванович, голубчик, расскажи, что же там с вами произошло?

Аккуратов запалил свою неизменную трубочку и, пустив в потолок густую струйку дыма, сказал:

- Да доктор, натерпелись мы из-за разгильдяйства нашего бортмеханика.

- Вот уже прошло сколько временит, а я до мельчайших подробностей помню рассказ Аккуратова. А произошло следующее. Они долго искали подходящую льдину, и, наконец, подвернулась большая старая льдина, рядом с молодым полем. Сели благополучно. Поставили палатку и завалились спать. Все нуждались в отдыхе после многочасового напряженного полета. Кузнецов, осмотрев льдину, распорядился на завтра поутру вызвать экспедиционные самолеты и перебазировать лагерь на новое место. Бодрствовать у самолета остались лишь бортмеханик Вася Мякинкин, радист Герман Патарушин, чтобы первые десять минут каждого часа связываться с базовым лагерем. К ним присоединился и Аккуратов. Необходимо было определить точные координаты льдины. Но, как назло, небо заволокло тучами и солнце не появлялось. Аккуратов решил пойти в палатку поспать, наказав Герману, чтобы он, в случае появления солнца, немедленно его разбудил.

Что произошло дальше, я попытался рассказать словами Валентина Ивановича.

- Я было задремал, как вдруг в голову пришла тревожная мысль: аварийная радиостанция осталась в самолете. А надо было захватить с собой. Но сработало наше русское "авось". Ну что там может случиться, успокоил я сам себя. Льдина крепкая. Погода нормальная, самолет надежно закреплен ледовыми якорями. Никаких подвижек не ожидается. С тем и задремал. Проснулся я от чьего-то отчаянного крика. Не раздумывая, я выскочил из мешка, сунул ноги в унты, набросил на плечи реглан. Выбравшись из палатки, я буквально застыл на месте, ослепленный ярким светом. Но это было не солнце. Метрах в ста от палатки бушевало пламя. К небу поднимался огромный столб черного дыма. Я помчался к самолету. Огонь охватил большую часть фюзеляжа, подбираясь к пилотской кабине. В голове молнией сверкнула мысль: под штурманским столиком лежит ящик с аварийной рацией. Ее надо немедленно спасать. Ведь если останемся без радиации - отыскать нас не смогут, как Леваневского.

Не раздумывая, я взобрался на правую плоскость и, выбив ногой иллюминатор штурманской кабины, пролез внутрь, не обращая внимания на яростный крик Кузнецова: "Куда? Назад! Сейчас самолет взорвется!"

В густом дыму я на ощупь отыскал ящик, вышвырнул его через разбитый иллюминатор на снег и сам последовал за ним. Задыхаясь от дыма, чихая и кашляя, я протер слезящиеся глаза и хотел оттащить ящик в безопасное место. И в этот момент из штурманской вырвался столб огня, мгновенно охвативший правую плоскость.

- Скорей сюда, прячься за торосы. Сейчас рванет! - услышал я крик Черевичного. Я сделал несколько шагов и остановился, пораженный увиденным. Выброшенный ящик лежал открытым на снегу, а рядом с ним стоял на коленях наш кинооператор Марк Трояновский, направив кинокамеру на пылающий самолет.

- А рация где? Где рация? - заорал я, ничего не понимая.

- Какая рация? - крикнул в ответ Марк, продолжая снимать. - Ты мне кинокамеру спас. Век тебе благодарен буду.

Я прямо обалдел от неожиданности и разочарования. Подбежавший Черевичный буквально силой затолкал нас за торосы, где сбились все члены экспедиции, с ужасом наблюдавшие, как гибнет наша машина.

- Почему, Валентин Иванович, вы не выполнили приказ? Что за ненужное геройство? - возмутился Кузнецов.

- Там же под столом лежала аварийная рация, но, видимо, в дыму я не разглядел и ухватил эту проклятую кинокамеру.

А самолет уже превратился в огненный факел. Отвалился хвост. За ним плоскости. Переломился пополам фюзеляж. С треском взрывались сигнальные ракеты. Что-то гулко рвануло в передней кабине.

- Это антиобледенительный бачок со спиртом жажнул, - с сожалением пробормотал бортмеханик. С лицом, почерневшим от копоти, с обожженными руками, в разорванном обгоревшем костюме, он горестно смотрел, как гибнет его детище. Потоптавшись на месте, Мякинкин как-то безнадежно махнул рукой и поплелся в палатку.

Наконец пламя погасло. К счастью, бочка бензина, стоявшая в фюзеляже, так и не взорвалась. Собрав валявшиеся на снегу кое-какие уцелевшие вещи, мы набились в палатку и молча расселись на оленьих шкурах. Все ждали, что скажет Кузнецов.

- О причинах пожара говорить сейчас не будем, - начал он, - забудьте об этом. Мы попали в сложную ситуацию. Но не безнадежную. О нашем месте посадки в базовом лагере приблизительно знают. Так как в положенное время мы на связь не вышли, нас через три часа начнут искать.

А сейчас надо сделать следующее. Часть людей под руководством Черевичного приведет в порядок посадочную полосу. Аккуратову - уточнить наши координаты, снять кроки льдины, а затем вместе с Патарушиным собрать все уцелевшие продукты и взять на строгий учет. Вопросы есть?

Вадим Петрович Падалко - второй штурман поднял руку.

- Александр Алексеевич, может быть, вместо Патарушина сбором продуктов займется кто-нибудь другой, а мы с Германом постараемся разыскать в останках самолета магнето - ведь их было четыре. Двигатели только обгорели, и вероятно, магнето могли сохраниться. Если хоть одно уцелело, можно сделать искровую радиостанцию. Патарушин большой специалист в этом деле. По собственному опыту знаю - не будет радиостанции, отыскать нас на льдине, что иголку в стоге сена. Проволоку найдем и все сделаем как надо. Правда, радиус у нее будет километров сто и работать будет только на длинных волнах, но это все же выход.

- Братцы, это я во всем виноват. Казните меня самой лютой смертью! - вдруг с надрывом воскликнул до сих пор молчавший Мякинкин. - Четвертую экспедицию я накрываю аварийную силовую установку специальным чехлом, чтобы не застыла. Отработаешь на связи минут десять - пятнадцать, накроешь чехлом, и к следующему сеансу она снова готова к работе. А тут я, растяпа, недосмотрел. Вот чехол меня и подвел.

Герман отработал ключом, и мы забрались в пилотскую кабину. Уж очень холодно было на ветру. Мороз, наверное, за сорок градусов. Только задремал, чувствую, что задохнуться стал. Открыл глаза - все в дыму. Растолкал я Германа, открыли дверь - а грузовая кабина вся в огне. Стали мы сбивать пламя: я - огнетушителем, Герман - брезентом, но ничего не получилось. Наверное, на чехле прорвалась асбестовая подкладка, вот он и вспыхнул от раскаленного цилиндра аварийного мотора.

- А может, не чехол загорелся, а произошло короткое замыкание, - предположил Черевичный.

- Нет, Иван Иванович, я перед тем, как лечь отдыхать, выключил аккумуляторы. Это все чехол. И я один виноват и нет мне оправдания, - обреченно сказал Мякинкин.

Отдыхать времени не было, и все разошлись выполнять приказ Кузнецова. Вместо Патарушина поиском остатков продовольствия занялся вместе со мной Марк Трояновский. К нашей великой радости, среди обгорелых останков самолета мы нашли 19 банок мясных консервов, 4 обгорелых буханки хлеба и большой ком расплавившегося шоколада килограммов на восемь.

Эти запасы вполне можно было растянуть дней на десять. Гибель от холода нам тоже не угрожала, поскольку запас топлива был у нас вполне приличный: бочка бензина литров на триста, да еще в баках правой плоскости сохранилось литров семьсот. Механики тут же принялись конструировать камелек из листов дюрала и трубок гидросистемы, пообещав, что к утру печка будет готова. Предложение Падалко, к счастью, оправдалось. Бортмеханик Мохов извлек из отвалившегося мотора целехонькое магнето, а Патарушин уже начертил схему искровой радиостанции.

Мы так увлеклись работой, - продолжал Аккуратов, - что позабыли, что ели последний раз часов восемнадцать назад.

Все получили по сто граммов подгорелого хлеба, по 25 граммов шоколада и по банке консервов на двоих.

Едва мы принялись за еду, Черевичный насторожился:

- Слышите - гудит? Никак самолет?

- Самолет, самолет, - раздался крик Патарушина, копавшегося у машины.

Всех словно ветром выдуло из палатки. Мигом собрали в кучу промасленные тряпки, остатки самолетных чехлов и подожгли. Столб черного дыма поднялся к небу, завиваясь кольцами. А вскоре на фоне поглубевшего неба показалась черная точка. Она быстро увеличивалась. Самолет шел прямо на нас, но вдруг изменил курс и ушел на северо-восток. Неужели он не заметил наших сигналов? Хотя на фоне бесчисленных темных трещин и разводий это вполне могло случиться. Я ведь сам не раз искал в Арктике пропавшие самолеты и на льду, и в тундре. Проходишь прямо над ними и ничего не видишь. Только радио и помогало. Сообщат: вы идете на нас, подверните правее... а мы тут как тут.

- Ладно, ничего тут не поделаешь, - сказал Иван Иванович, никогда не терявший оптимизма. - Пойдем сначала попытаемся, а потом и подумаем, что делать дальше.

- Валентин Иванович, - позвал меня Кузнецов, - вы, кажется, участвовали в поисках Леваневского?

- Да, Александр Алексеевич, - ответил я. - Но тогда была полярная ночь и у нас не было ни опыта, ни соответствующей техники. Не то, что сейчас.

- А какова вероятность нашего обнаружения?

- Если радио будет - то стопроцентная, - уверенно сказал я, - а если нет, то по закону случайности.

- Почему случайности, - не согласился Кузнецов. - В инструкции экспедиции есть схемы поисков. Прочесывание галсами каждые пять километров.

- Это весьма сомнительно. Ведь на галсы может не хватить горючего. От земли мы далеко забрались, километров тысячи на полторы. В базовом лагере запасов горючего - не разлетаешься.

- Будет вам радиостанция, - сказал Патарушин, высываясь из спального мешка. - Осталось только разрядники доделать. Завтра утром выйду в эфир со своими позывными.

- Спасибо, Герман, - сказал Кузнецов, - а теперь всем отдыхать, набираться сил. Работы завтра предстоит много.

Но мне не спалось. Поворочавшись в спальном мешке, я выбрался, надел реглан и отправился посмотреть аэродром. По дороге меня догнал Черевичный. Мы долго бродили по взлетной полосе, придирчиво рассматривая каждую трещинку.

- Полоса нормальная, - сказал Черевичный, - но мне что-то небо не нравится. Смотри, какие перистые облака пошли. Боюсь, циклон нагрянет. Начнет пуржить - всю полосу переметет. Да и подвижки могут начаться.

И вдруг мы оба отчетливо услышали гул моторов. Самолет. Прямо на нас на малой высоте шел самолет. Но, не дойдя километров двух, он отвернул вправо. Затем сделал коробочку. Одну, другую. Мы уже разглядели номер машины.

- Это же Осипов! - воскликнул Черевичный, размахивая шапкой. - Но почему он не садится?

Этого никто из нас понять не мог. Ну не боится же он? Вроде бы полоса нормальная. Да и Борис Семенович один из опытейших полярных летчиков. Пока мы мучались сомнениями, самолет неожиданно, качнув крыльями, пошел на посадку и, проскользив на лыжах до конца полосы, остановился. Из кабины высыпали люди и медленно направились к нам. Мы с Черевичным двинулись им навстречу. И вдруг кто-то из прилетевших крикнул: "Иван Иванович, Валентин! Живы, живы!" - и все бегом бросились к нам. Сколько радостных возгласов, похлопываний, объятий. Мы словно опьянели от радости.

- Что же ты, Борис, так долго не садился? Полосы, что ли, не разглядел?

- Послушай, Иван, - удивленно спросил Осипов. - А где же твой самолет?

- Мы еще в первый полет разглядели и палатку и людей, а самолета-то не видно. Вот и решили, что это американская научная база, вроде нашей дрейфующей станции. Сначала боялись нарушить нейтралитет, а потом подумали: может, американцы терпят бедствие. Вроде бы рядом полюс, стоит палатка, бегают люди, а никакой техники не видать. Вот и решили: была не была - сядем, а там уж и поглядим, что к чему. Только все же где твой самолет?

- Вон там его остатки под снегом, - показал Черевичный рукой. - Нету его, сгорел.

Вскоре мы уже распивали кофе на пути домой.

- Вот так это было, - сказал я, заключив свой рассказ.

- Веселенькая история, - сказал Никитин, покачав головой. - А ведь никто об этом и слыхом не слыхал. Вот она, наша пресловутая секретность.

- Вот и вся история, - заключил я свой рассказ. - Так что без ЧП все же не обошлось. Но, к счастью, все окончилось благополучно. Главное, люди целы. А самолет - его списали. Как-никак Арктика.

- Пожалуй при наших порядках самолет легче списать, чем обыкновенный спирт, - сказал Зяма, вспомнив случай, рассказанный кем-то в Арктическом институте. Самолеты улетают из Москвы на ледовую разведку. Как и положено, каждый экипаж перед вылетом получил изрядный запас спирта для борьбы с обледенением. Ничего другого пока не придумали. Так вот, спирт почти весь выпили в

Москве, уверенные, что в Архангельске наверняка получат новый. И надо же под Череповцом экипаж сел на вынужденную. Самолет сактировали, а спирт никак не могли. Погода до Череповца была отличная и никакого обледенения быть не могло.

16 января.

Весело булькает уха в кастрюле, ей вторит бак с компотом. Покачиваются от ударов пурги буханки, висящие под потолком. В такие короткие минуты перерыва в кухонных хлопотах хочется сидеть не шевелясь, предаваясь воспоминаниям о такой далекой, кажущейся сейчас нереальной, прошлой жизни. И вдруг в голове непроизвольно зазвучала мелодия, и сами по себе возникли слова: "спустилась на льдину полярная ночь". Я схватил карандаш и на обложке тетради стал набрасывать слова песни. "И ветер, настойчиво в мачтах звеня, у двери стучится, как будто не прочь погреться у огня". Строфы рождались одна за другой, словно в душе открылся поэтический шлюз. К началу обеда я написал шесть куплетов, а затем, вспомнив начатки музыкального образования, полученного в детские годы, попытался музыку положить на ноты.

ПОЛЯРНЫЙ ВАЛЬС

Спустилась на льдину полярная ночь,
И ветер, настойчиво в мачтах звеня,
У двери стучится, как будто не прочь
Погреться у огня.

В палатке тепло нелегко удержать.
Брезентовый пол покрывается льдом,
Но кто в ней не пожил - тому не понять,
Как дорог этот дом.

Пускай нелегко приходилось подчас,
И в трудности много мы прожили дней,
Но дружба нас сделала в тысячу раз
Отважней и сильней.

И с кем не бывало, взгрустнется кому
О ласке далекой, о доме родном,
Грустить не позволим ему одному,
Мы вместе с ним взгрустнем!

Пусть тысячи верст до земли пролегли,
За месяцы, право, домой не дойдешь,
Но мы друг для друга тепло берегли,
А с ним не пропадешь.

Спустилась на льдину полярная ночь,
И ветер, настойчиво в мачтах звеня,
У двери стучится, как будто не прочь
Погреться у огня.

17 январа.

Наутро от посетителей не было отбоя. Все охали, ахали, удивляясь собачьей выносливости и моей рассеянности. Ведь не забудь я погасить свет и не решишь я вернуться в кают-компанию, малыши бы не уцелели.

18 января.

- Чего это ты, Митрофаных, такой хмурый сегодня? - спросил я, глядя на поскучневшего Курко. - Не захворал часом?

- Тьфу-тьфу, типун тебе на язык, - отозвался Курко, поглаживая поясницу. - Разве что радикулит. Так куда от него денешься. Как в амбарчике спину застудил, так с тех пор и мучаюсь.

- Ну так в чем причина твоего необычного настроения?

- Если сказать честно, так мне просто острое... эта секретность. Не с кем слова перемолвиться. Ведь как в Арктике. То с одним погуторишь радистом, то с другим. А здесь одни проклятые цифры. Ни одного живого слова. Вот вчера попалась мне на глаза книга Кренкеля "Четыре товарища" и такая меня зависть взяла. Он ведь как даст в эфир свой позывной "УПОЛ", так коротковолновники во всех концах света на уши вставали.

- Они, черти, весь Радиоцентр своими куасельками завалили, - подал голос Щетинин.

- А что за зверь "куаселька"? - спросил я удивленно.

- Карточки такие, - пояснил Жора. - Их посылают коротковолновники для подтверждения установления радиосвязи. Как свяжутся с кем-нибудь, так и шлют такую квитанцию. В ней указаны позывные, время связи, тип приемника и антенны.

- А почему такое смешное название - "куаселька"?

- По радиошифру Ку-Эс-Эль, что значит на нашем языке: "прием подтверждаю".

- Не ценят у нас коротковолновников, - вмешался в разговор Костя. - Считают, что они только ля-ля между собой. А ведь сколько раз они первыми принимали сигнал "SOS". Помнишь экспедицию Нобиле?

- Конечно.

- А ты знаешь, кто первым принял ее сигнал бедствия? Думаешь, какая-нибудь мощная радиостанция? Шмидт ее принял!

- Это какой Шмидт? Неужели академик? - сказал Дмитриев, пытаясь продемонстрировать свою эрудицию.

- Ну ты даешь, Саня, - хохотнул Курко. - Тоже мне сказал - академик. Радиолюбитель Николай Шмидт. Толковый был парень. Он с детства увлекался радиodelом, всякие там детекторные приемнички мастерил. А в тот год соорудил регенеративный приемник для дальней радиосвязи O-V-I, что по-нашенски значит: детектор с обратной связью и один каскад усилителя низкой частоты. Ну это для тебя - китайская грамота. Так вот этим "чудом техники" он умудрился обскákat все мощные радиоцентры, первым поймав сигнал бедствия итальянцев.

Слушая Костю, я как бы прокрутил в памяти ленту трагической истории экспедиции Умберто Нобиле, волновавшую много недель все человечество. В конце двадцатых годов по проекту Нобиле был построен огромный дирижабль. Р. Амундсен предложил использовать его для покорения Северного полюса. Весной 1926 года дирижабль, названный "Норге", вылетел из Конгс-Фьорда (Шпицберген) и через семьдесят часов приземлился на Аляске, у города Ном. Два года спустя Нобиле решил повторить арктическое путешествие.

Утром 23 мая 1928 года дирижабль "Италия" покинул гостеприимный Шпицберген и взял курс на полюс. И вдруг связь с дирижаблем прервалась. Как потом стало известно, на пятьдесят шестом часу полета дирижабль стал быстро терять высоту. Перестав слушаться рулей, воздушный корабль ударился о груды торосов. Моторную гондолу оторвало, облегченная корма задралась, и командирскую гондолу, зацепившуюся за ледяную глыбу, оторвало от корпуса дирижабля. На лед выбросило 10 человек. Облегченный дирижабль носом вверх стал тяжело подниматься в хмурое небо, унося остальных 6 членов экипажа. Десять дней об участии экспедиции ничего не было известно. Шесть стран организовали спасательную экспедицию из 21 самолета и 18 кораблей, в том числе советского ледокола "Красин", ледокольных пароходов "Малыгин" и "Г. Седов". Сотни коротковолновников шарили в эфире, надеясь услышать позывные итальянцев. Но эфир молчал. И вдруг на десятые сутки мир облетела ошеломляющая новость: 3 июня в 19 ч 35 мин советский радиолюбитель Николай Шмидт из забытой богом и людьми деревеньки Вохма Нижегородской губернии уловил едва слышимые сигналы: "Italia... Nobile... Fran Uosef, SOS, SOS, SOS, terri tengo EhH".

На следующее утро срочная телеграмма ушла в Москву. 20 июня летчик Мадалена обнаружил лагерь экспедиции, а несколько дней спустя на льдину совершил посадку летчик Лундборг.

11 июля советский пилот Борис Чухновский заметил людей, которые отправились в начале июня к берегам острова, очертания которого удалось разглядеть на горизонте.

На следующее утро "Красин" подошел к льдине и взял бедолаг на борт. Но из трех, отправившихся в путь, на льдине оказались только Цапли и Марьяно. Третий - Финн Мальмгрен, как следовало из путаных объяснений итальянцев, отморозил обе ноги, и они бросили шведа на произвол судьбы, умирать в одиночестве в ледяной пустыне. К вечеру того же дня на борт "Красина" поднялись остальные шесть путешественников.

После спасения Нобиле многих занимал вопрос, почему Шмидт своим самодельным приемником сделал то, что не удалось ни одному радисту мощных радиостанций. Ответ оказался прост. Биаджи посылал в эфир сигналы бедствия в 19 часов 30 минут на волне 32 метра.

И именно в это время почти на той же волне радиостанции мира слушают радио Эйфелевой башни.

- Эй, Виталий, ты чего задумался? - окликнул меня Саша. - Ты вот скажи, чем они там на льдине питались столько дней?

- С продуктами было у них плоховато, - ответил я, припоминая записки Бегоунека - чешского ученого, участвовавшего в экспедиции, - всего две банки с пеммиканом, килограмм по семнадцать, бочонок масла 5 кг, банка с шоколадом. Вот, пожалуй, и все. Не густо на 10 человек. Правда, им удалось подстрелить белого медведя. Но, думаю, если бы не Шмидт, кто знает, чем бы закончилась эта история.

- Спасибо, хлопцы, за рассказ и за чай, - сказал Дмитриев, поднимаясь. - Пошел шифровать. Там мне Мих работы подвалил.

Я тоже отправился восвояси. После тепла, уюта радиостанции мой закуток показался особенно неприглядным.

19 января.

Даже с завязанными глазами можно без труда определить, в чьей палатке ты оказался. Каждая из них имеет свой специфический запах. Воздух палатки-радиостанции насквозь пропитан парами бензина, в обиталище гидрологов постоянно чувствуется запах химических реактивов, с помощью которых они исследуют состав проб воды. Жилище Комарова можно узнать по "ароматам" машинного масла и металлических стружек. В домике гидрологов приятно благоухает одеколоном. Палатка кают-компаний - пережаренным луком, испарениями щей-борщей. Только наше подснежное убежище пахнет лишь сыростью и газом. А теперь, после поселения к нам собачьего семейства, к ним добавился запах псины, пропитавший полог и спальные мешки.

20 января.

Как счастье быстротечно. Камелек, сооруженный Комаровым пожирает бензин, как Молох. Одной бочки едва хватило на неделю. А их всего-то пять. Да одну удалось наскрести, слив остатки из старых бочек. Пришлось умерить свои аппетиты.

Но Дмитриев вспомнил, что на аэродромном складе горючего есть две полные бочки бензина.

Обрадованный этим сообщением, я сходил к Сомову и, получив разрешение, отправился с Дмитриевым на аэродром. Вернувшись, мы взгромоздили одну из бочек на подставку, всунули в нее трубку бензопровода и уселись рядом с камельком на корточки. Керосин разгорелся, и дымное пламя потянулось в трубу. Эх, если бы мы знали, к каким пагубным последствиям приведет наша предприимчивость.

Не прошло и получаса, как в кают-компанию буквально ворвался Яковлев.

- Доктор, злодей, ты что же это делаешь?! Всю нашу рабочую площадку засрал. Теперь показаниям электротермометров - грош цена.

Я выскочил наружу вслед за Гурием из кают-компаний и ужаснулся. Из трубы клубами валил густой черный дым. Ветер подхватывал сажу и расстилал ее по окрестным сугробам.

- Это же катастрофа, - продолжал бушевать Яковлев, - гаси свой проклятый камелек. Мало того, что актинометрическая площадка пропала, так весной здесь целое озеро образуются.

Чтобы умаслить Яковлева, я налил ему кружку крепкозаваренного чая и поставил на стол банку с его любимым клубничным вареньем.

- Ты уж извини, Гурий, что так нескладно получилось. Но пойми, без камелька я совсем пропаду. Керосина-то всего две бочки осталось, а сажу до весны сто раз заметет.

- Заметет-то оно конечно, - сказал миролюбиво Яковлев. - А если не заметет, здесь такой потоп будет, что и Комар не поможет со своими бурами.

Впрочем, потоп весной мало меня беспокоил. До весны еще надо было дожить, а вот камелек не желал работать на керосине. Густая, жирная сажа напрочь забивала широкий просвет вытяжной трубы, и я то и дело, вооружившись половником на длинной ручке, превращался в трубочиста.

Во время очередного сеанса чистки в кают-компанию забрел Костя Курко.

- Ты чего это там маракуюешь? - спросил он удивленно.

- Да все керосин проклятый. От него столько копоти, что я чистить трубу не успеваю.

- Ну это дело поправимое, - уверенно сказал Костя. - Счас я тебе покажу классный способ для удаления сажи. Потом спасибо скажешь.

Я не успел спросить его, что это за способ, как он схватил кастрюлю, стоявшую на плите, вынес наружу и выплеснул ее в жерло трубы. Эффект был грандиозный. Раздался громкий взрыв. Труба отлетела в одну сторону, камелек в другую. Из топки вырвались языки пламени и, лизнув просохший полог, поползли вверх по брезенту.

Я кинулся в тамбур за огнетушителем, но он, видимо, не был рассчитан на борьбу с пожарами в Арктике и, по змеиному зашипев, выпустил струйку пены и затих.

Отшвырнув огнетушитель в сторону, оставив на скобе примерзшие клочки кожи с пальцев, я ухватил ведро с водой и выплеснул ее на огонь. Пожар удалось быстро ликвидировать, но кают-компания приобрела страшный вид. Все было в дыму, в копоти, пол залит водой, обгоревший полог свисал черными лоскутами. Сам я, с головы до ног перепачканный сажей, стоял растерянный посреди учиненного разгрома.

- Это что здесь приключилось? - удивленно спросил Ми-ляев, пришедший перекусить.

- Да вот трубу Костя помог чистить. А она и жажнула, - смущенно сказал я. - Боюсь, теперь с обедом придется погодить.

- Тогда тебя с первым пожаром, - схохмил Николай Алексеевич.

- Это почему же с первым? - ехидно заметил Яковлев. - Лично для Курко - это второй.

Костя аж побелел от ярости, но сдержался. И, процедив сквозь зубы:

- Ну, Гурий, погоди. Попомню я тебе эту шутку, - вышел из кают-компания, громко хлопнув дверью.

Злополучное событие, напоминание о котором вызвало гневную реакцию Курко, произошло летом. 12 июля по неизвестной причине в палатке радистов вспыхнул пожар. Пламя мгновенно охватило высохший под солнечными лучами брезент, и, когда прибежали хозяева, она успела превратиться в огромный костер.

- Документы, документы спасайте! - не своим голосом закричал Петров и кинулся в огонь. К счастью, чемодан с записями наблюдений оказался неподалеку от входа. Едва успели его вытащить, как взорвался бачок с бензином и четырехметровый столб пламени поднялся над палаткой. За бачком стали рваться патроны. Пришлось оставить дальнейшие попытки спасти что-либо из имущества. Но главная беда заключалась в том, что лагерь остался без радиосвязи. Выручили станционные умельцы. Из остатков радиоаппаратуры и запаса деталей они собрали новый радиопередатчик.

Связь с Большой землей была восстановлена. Правда, пожар в кают-компания не принес особых бед, и после объявленного аврала она стала даже чище, чем раньше. К тому же Сомов разрешил разжечь камелек бензином, чтобы просушить помещение.

Но история с пожаром на радиостанции получила свое неожиданное продолжение - литературно-музыкальное. После моих настоятельных просьб радисты наконец установили в кают-компания репродуктор. Превратившись в очередной раз из доктора в повара, я принялся разделять рыбу, лихо приплясывая, чтобы не замерзли ноги, под бравурную джазовую музыку. Когда она смолкла, диктор объявил: "Передаем французскую песенку "Все хорошо, прекрасная маркиза" в исполнении Эдит и Леонида Утесовых". Не успели замолкнуть слова последнего куплета, как я схватил карандаш и принялся набрасывать полярный вариант "Маркизы". Песня писалась легко, и вскоре я, аккомпанируя ударами ножа по разделочной доске, во весь голос принялся напевать: "Все хорошо,

тепло и безопасно, работа в меру нелегка. Дела у нас идут почти прекрасно, за исключением пустяка".

Вечером, когда, насытившись, все разомлели, попивая чаек, я вдруг объявил:

- Сейчас я исполню новую песню под названием "Полярная маркиза". Предварительно объясняю: идет радиоразговор между Сомовым и Кузнецовым. Итак, "Полярная маркиза" в исполнении заслуженного кока Центрального полярного бассейна Виталия Воловича. Слова его - музыка народная.

"Алло, алло, Мих, какие вести,

Как на дрейфующей дела?

Надеюсь, дрейф идет без происшествий,

И льдина крепкая цела?"

"Все хорошо, тепло и безопасно.

Работа в меру нелегка.

Дела у нас идут почти прекрасно,

За исключением пустяка.

Случилось маленькое горе:

Чехол спалили на моторе,

А в остальном на льдине в океане

Все хорошо, все хорошо".

"Алло, алло, но как движок зимою

Работать будет без чехла?

Сообщите мне шифровкой деловой,

Потеря как произошла".

"Все хорошо, тепло и безопасно,

Работа в меру нелегка.

Дела у нас идут почти прекрасно,

За исключением пустяка.

И что чехол - не в нем терзанья:

Сгорел движок до основания,

А в остальном на льдине в океане

Все хорошо, все хорошо".

"Алло, алло, мы все теперь в волнении,

Удар полученный жесток.

Без промедленья шлите объясненье,

Как погорел у вас движок".

"Все хорошо, тепло и безопасно,
Работа в меру нелегка.
Дела у нас идут почти прекрасно,
За исключением пустяка.
И что движок - не в этом дело:
Радиостанция сгорела,
А в остальном на льдине в океане
Все хорошо, все хорошо".

"Алло, Мих, Главсевморпуть в печали.
Всему начальству тяжело,
Как вы в беду ужасную попали,
Как это все произошло?"

"Мы получили важное сообщение,
Что скоро будет самолет,
И, как один, оставив помещенье,
Ушли с лопатами на лед.

Мы чистили аэродром,
Как вдруг раздался страшный гром,
Рвануло где-то по краям
И льдина лопнула к х...м.
Дошел до рации толчок,
На керогаз упал мешок
И запылал в один момент
За ним палаточный брезент.
Мы видим, рация в огне.
Мы прибежали наконец,
Но поздно - рации п...дец.
Движок расплавиться успел,
А на движке чехол сгорел,
А в остальном на льдине в океане
Все хорошо, все хорошо".

Последние слова песни заглушил громовой хохот, от которого зазвенели бутылки. Курко было насупился и процедил сквозь зубы:

- Ну, доктор, погоди.

Но долго дуться он не умел и в знак примирения похлопал меня по плечу.

Когда все разошлись, в кают-компании появился Щетинин, заступивший на вахту. Мы мирно беседовали, как вдруг за стенкой камбуза раздались странные звуки, словно кто-то передвигает железные бочки.

Торошение!!! Набросив шубы, мы выскочили наружу.

Шум все усиливался, превратившись в непрерывное бу-бу-бу.

- Слышишь, как корежит? Может, пойдём поглядим? - сказал Жора, зажигая фонарь.

Неподалеку что-то грохнуло, застонало и смолкло. Лыдина вздрогнула от удара. Мы прошли метров сто-сто пятьдесят, и яркий луч фонаря выхватил из темноты груды шевелящихся, словно живых, глыб. Ледяной вал двигался довольно быстро. Под его тяжестью край поля треснул, а за нашей спиной появилась темная полоса воды. Мы отбежали назад, чтобы не оказаться отрезанными от лагеря, едва не угодив в быстро расширяющуюся трещину.

Торошение усиливалось. Из лагеря навстречу нам приближались огоньки. Все население станции спешило к месту происшествия.

- А все потому, что мы без конца твердили: наша лыдина надежная, прочная, ей никакое торошение не страшно. Вот и сглазили, - пробурчал Щетинин, пытаясь закурить на ветру папиросу.

Лыдину нашу основательно помяло, но взлетная полоса, к счастью, пока не пострадала. Только нашим щенятам на все это наплевать, и на торошение, и на холод. Они уже прозрели, окрепли, твердо стали на ножки и целыми днями ведут нескончаемую игру: носятся как угорелые по палатке, твякают, дерутся и все время норовят что-нибудь утащить или разорвать. То Саша, чертыхаясь, разыскивает пропавший меховой носок, оказывающийся в ведре с водой, то исчезает унт, то портянка превращается в лоскутки. В довершение ко всему их маленькие желудки работают в непрерывном режиме, и ты то и дело рискуешь вляпаться в пахучую кучку, оказавшуюся в самом неподходящем месте.

22 января.

- Гурий Николаевич на обед не придет, - сказал Ваня Петров, заглянув на камбуз, - нездоровится ему что-то. Всю ночь кряхтел и охал. Боюсь, не захворал ли. Ты зайди к нам, когда народ покормишь.

Едва кончился обед, я тотчас же отправился в палатку к леоисследователям.

- Плохо дело, док, - мрачно сказал Яковлев, поворачиваясь ко мне лицом.

- Ты что ж это захандрил, Гурий? - сказал я, присаживаясь рядом на койку.

- Мы вчера на дальнюю площадку с Иваном ходили. Видимо, перемерз я сильно. Вернулись в палатку - не могу согреться. Знобит. Я и чайку похлебал, и стопку спиртика выпил. Не помогает. Забрался в мешок, да так и не заснул до утра. А под утро, чувствую, грудь заложило и кашель появился. - Словно в подтверждение Яковлев закатился глубоким, лающим кашлем и, обессиленный, откинулся на подушку.

- А температуру не мерил?

- Иван предлагал, но я что-то не решился. Но думаю, что повышенная.

- Тогда держи, - я протянул ему термометр.

Пока Яковлев мерил температуру, я огляделся. После переезда Гудковича в "аэрологическую палатку" в жилище гляциологов стало сразу просторнее. В центре ее на столике стояли различные приборы, которые постоянно требовали ремонта. Справа и слева от входа располагались койки. Над Ваниной виднелись фотографии двух его отпрысков - Фитьки и Саши. У входа на ящике пылали обе конфорки газовой плитки, и поднимавшиеся теплые потоки воздуха шевелили чашечки вентилятора.

- Тридцать восемь и пять, - убитым голосом сказал Гурий, взглянув на термометр, - и снова

закашлялся.

- Ладно, ты не паникуй - сейчас послушаю твои легкие и все узнаем.

Я надел белый халат, что всегда положительно действует на пациентов, даже на полюсе, и прижал фонендоскоп к груди Гурия.

- Так-так. Теперь перевернись на живот. Дыши глубже. Отлично. Еще подыши. - Я невольно подражал манере детских врачей, вносивших в эту настораживающую процедуру элемент успокоения. В легких явно царил беспорядок. И если в правом было довольно спокойно, то левое, особенно в верхней доле, хрипело и свистело на все лады. Отложив стетоскоп, я принялся выстукивать, задерживаясь на каждом подозрительном участке. Результат перкуссии был не очень утешительным. Область под лопаткой на удары пальца отвечала глухим, притуплённым звуком. Правда, температура оказалась небольшой - всего 37,8. "Неужели все-таки воспаление легких?" - с тревогой подумал я. Нелегко его будет лечить здесь, на льдине, в царстве холода и сквозняков.

- Ну как там у меня, док, что-нибудь серьезное?

- Да нет, Гурий, тривиальный бронхит, - ответил я, пытаясь придать голосу уверенность. - Сейчас сделаю тебе укольчик пенициллина, а затем будешь принимать три раза в день сульфазол и аспирин. У меня их запас немереный. В общем, ничего серьезного. Так что причин для беспокойства у меня нет.

- А как там мои легкие? - настороженно спросил он.

- Ну, твои легкие меня не особенно беспокоят, - сказал я и непроизвольно улыбнулся.

- Чего это ты ухмыляешься, док?

- Да так. Просто вспомнил историю с Черчиллем.

- А при чем здесь Черчилль?

- Я прочел в его мемуарах, что однажды знаменитый английский премьер-министр сломал ногу. Врач, чтобы утешить пациента, сказал: "Ваша нога, господин Черчилль, меня совершенно не беспокоит". - "Это понятно, - отпаривал Черчилль, - ваша нога, доктор, меня тоже совершенно не беспокоит".

О чудодейственная сила шуток! Яковлев сразу как-то повеселел, заулыбался. С лица исчезло настороженное выражение, и он, откинувшись на подушку, сказал, облегченно вздохнув:

- Ну, слава Богу, а то я думал, что воспаление легких прихватил.

- Вот и прекрасно. Ты лежи, а я сбегая к себе в палатку за лекарствами.

Вернувшись, я приказал Гурию лечь животом вниз и принялся ставить банки. Намотав на корнцанг ваты, я окунул ее в кружку со спиртом и поджег. Спирт бесшумно вспыхнул голубоватым пламенем. Одну за другой я прогревал банки и с размаху прижимал к спине. Кожа мгновенно вздувалась багровыми подушечками.

- А ведь я теперь рекордсмен - первый человек, которому банки поставили на восьмидесятой широте, - хохотнул Гурий и закашлялся.

- Сейчас мы установим еще один рекорд, - подыграл я Гурию. - Вот сделаю тебе укол пенициллина - и ты будешь первым, кому на этой широте вкололи в задницу антибиотик.

Мы перебрасывались шутками, как вдруг Гурий поскукнел.

- Чего это ты вдруг скуксился? Вроде бы все у нас идет как надо.

- Да нет, я не о себе, - сказал Гурий. - Я о Ване беспокоюсь. У нас завтра должны начаться долгосрочные наблюдения. Вместо четырех надо будет восемь раз ходить на площадку. Боюсь, он без меня совсем укайдохается.

- Да ладно, старик, не беспокойся. Найдем ему помощника. Если надо, я сам могу поучаствовать в исследованиях.

Приказав Гурию лежать и не канючить, я сходил на камбуз и вскоре вернулся с пятком бутербродов и кастрюлей горячего куриного бульона. Увидев принесенные яства, Гурий радостно охнул: ну, док, спасибо.

- А скажи, - сказал он просительно, - может, и стопарик можно принять?

- Как говорил знаменитый римский эскулап Цельсий, "Praesente medico nihil nocet" - в присутствии врача ничто не вредно.

Убедившись, что настроение у Яковлева явно исправилось и даже появился аппетит, я пошел докладывать Сомову. Он встретил меня встревоженным взглядом.

- Что там с Гурием приключилось, доктор? Что-нибудь серьезное?

- Подозреваю, Михаил Михалыч, что у него воспаление легких.

- А вы не ошиблись в своем диагнозе?

- Боюсь, что не ошибся.

- Вот незадача, - огорченно сказал Сомов, закуривая папиросу. - Это же надо, подхватить такую хворь в наших условиях.

- Ничего, Михаил Михалыч. Надеюсь, что с ней я справлюсь. У меня такой арсенал лекарств заготовлен, что любую болезнь осилим.

- Ну ваши слова да Богу в уши, - сказал Сомов, несколько успокоенный моим уверенным тоном. - Но меня тревожит подозрительная тишина. Как бы торошение не началось. Ветер неделю дул не переставая и вдруг прекратился. Не к добру это.

Я вышел из сомовской палатки и замер перед открывшимся мне зрелищем. Еще минуту назад чистое, украшенное звездами небо пылало. Красноватые смерчи с бешеной скоростью неслись по небосводу, то свиваясь в кольца, словно гигантские огненные змеи, то образуя бесформенные пылающие облака. А над горизонтом повисло, мерцая, насыщаясь зеленью, огромное драпри. Словно порывы ветра шевелили этот волшебный занавес, и он переливался, подрагивая бесчисленными складками. Вдруг словно ураган подхватил его зеленовато-серебристую ткань, унес в зенит, и она рассыпалась серебристой пылью. Я замер, замороженный фантастикой зрелища, подавленный его буйством и размахом. Краски быстро померкли, и снова на льдину опустился мрак, ставший еще гуще и непроглядней.

30 января.

Погода, словно настроение капризной женщины, непрерывно меняется, то насупится низкими лохматыми тучами, то улыбнется, сверкнув драгоценными камешками звезд, то расвирепееет, обрушив на лагерь снежные смерчи, то снова наступает блаженное затишье. Эти непрерывные смены погоды, скачки атмосферного давления небезразличны для организма. Но уж тут ничего не поделаешь. Приходится смириться.

К моему удовольствию, здоровье Гурия пошло на поправку. Он приветствует меня радостной улыбкой, высунувшись до половины из спального мешка. С некоторых пор он окончательно уверовал в мои врачебные способности и безропотно выполняет все прописанные процедуры. Я стараюсь навещать его почаще, помня еще по академии, сколь благотворно действует на больного приход врача.

А здесь, на льдине, когда Петров уходит проводить наблюдения, ему становится особенно одиноко и... страшно. Впрочем, чтобы понять это, надо самому оказаться на льдине и заболеть.

Я внимательно прослушиваю ему легкие и, похлопав по плечу, удовлетворенно хмыкаю. Скоро все будет о'кей.

- Ну, слава Богу, не то я уже совсем захандрил.

Сняв с плиты чайник, я наливаю нам обоим по полной кружке и усаживаюсь рядом у изголовья.

- Послушай, док, это правда, что ты первым прыгал с парашютом в Арктике?

- На Северный полюс - действительно первым, вместе с Андреем Медведевым, а что касается Арктики, то здесь первенство принадлежит Павлу Буренину.

- А ты с ним знаком?

- Не только знаком. Ведь именно Паша Буренин рекомендовал меня в 1949 году в высокоширотную экспедицию.

- А он что, тоже доктор?

- Доктор, да притом отличный.

- А зачем ему понадобилось прыгать в Арктике с парашютом? Ради спорта, что ли?

- Да нет. Это целая история.

- Может, расскажешь? - умоляюще сказал Гурий, которому очень не хотелось оставаться в одиночестве.

Я отпил большой глоток круто заваренного чая и начал свой рассказ.

- Все началось с радиограммы, принятой Радиоцентром. Радист полярной станции на острове Бунге, это островок в архипелаге Новая Сибирь, сообщил, что в результате несчастного случая его напарник получил серьезное ранение глаза и требуется немедленная медицинская помощь. Стало начальство думать да гадать, что делать. Навигация только началась, да и на судне к острову быстро не добраться - море Лаптевых забито тяжелыми льдами. На собаках доставить врача с материка - тоже нереально. Значит, остается одно - послать доктора с гидросамолетом. Если отыщет открытую воду - сядет. Если не отыщет - сбросит врача на парашюте. Так и порешили и обратились к десантникам. Вот так Буренин и очутился на борту летающей лодки, известной в Арктике под названием "Каталина". Через неделю "Каталина" взлетела с Химкинского водохранилища и понеслась на северо-восток. Экипаж на ней подобрали первоклассный. Да ты, наверное, о многих слышал. Командиром назначили Матвея Ильича Козлова - кавалера аж трех орденов Ленина, вторым пилотом - Виталия Масленникова, Героя Советского Союза. Путь прокладывал знаменитый полярный штурман Валентин Иванович Аккуратов. А бортмеханика Глеба Косухина вся полярная авиация знала как первоклассного спеца. Вместе с Бурениным полетел и мастер парашютного спорта Опаричев. Только 1 июля они добрались до Хатанги. Дальше путь лежал почти прямо на север. Погода была отвратительная. Облачность, снегопад. В общем, все удовольствия. А тут началось обледенение. Пришлось снижаться чуть ли не до самого льда. Так и шли на высоте 100 метров. Ледовая обстановка тоже была малоутешительной. Всюду битый лед, торосы, ни единого хорошего участка чистой воды. Наконец вдаль показался долгожданный остров - пологий, какой-то унылый, весь изрезанный оврагами. Покружились они, покружились - ни одного приличного разводья. Только недалеко от берега пара широких промоин.

Матвей Ильич посоветовался с Масленниковым и решил: будем доктора бросать с парашютом. Запросили у радиста Бунге скорость и направление ветра, чтобы парашютиста снесло поближе к домику станции.

Буренин совершенно окоченел в неотапливаемом отсеке, а тут, как назло, меховые перчатки, полученные перед полетом, оказались на два размера меньше. Масленников предложил свои, но и они не подошли. Опарышев помог Паше надеть парашют, проверил, надежно ли привязана медицинская сумка, унты, иначе при открытии парашюта их может сорвать напроць. Пока они возились, машина легла на боевой курс и Буренин услышал в наушниках шлемофона голос командира: "Приготовиться!"

Масленников открыл колпак блистера, и Буренин, поднявшись на ступеньку, просунул ноги в открытый люк и ухватился за поручни. Масленников хлопнул Пашу по плечу: пошел!

Буренин подался вперед и, отпустив поручни, полетел вниз, прямо в клубящиеся облака. Отсчитал три секунды свободного падения, как было условлено, дернул за вытяжное кольцо. Купол с шорохом помчался вверх. Рывок открывшегося парашюта. Но почему-то скорость падения почти не замедлилась. Буренин взглянул вверх и ахнул. Вместо купола над ним болталась огромная белая тряпка. Видимо, при динамическом ударе ткань парашюта не выдержала, и он почти полностью оторвался от кромки. Буренин попытался открыть запасной, но пальцы так задеревенели от холода, что он никак не мог ухватить вытяжное кольцо. Наконец это ему удалось. Запасной парашют мгновенно открылся. Но скорость падения оставалась еще приличной, и он тяжело плюхнулся в промоину, нахлебавшись черной, горько-соленой воды, и потерял сознание. И тут выручил парашют. Порыв ветра надул купол, и он, словно парус, поволок Пашу к берегу. Буренин пришел в себя от удара о ледяной припай. С трудом выкарабкался на лед и, чувствуя, что замерзает, побежал к берегу, едва передвигая непослушные ноги. Силы были на исходе, когда его подхватил на руки выбежавший навстречу радист. Добравшись до станции, Буренин снял промокшую насквозь, отяжелевшую одежду, сбросил ставшие пудовыми унты и, наскоро растеревшись махровым полотенцем, принялся осматривать пострадавшего. Поставить диагноз не составило труда: тяжелое ранение глаза. Нужна немедленная операция. Операция прошла нормально, и хотя глаз спасти не удалось, больной выздоровел. Вот вроде бы и все. Могу только добавить, что Паша получил орден Красной Звезды, а Самуил Яковлевич Маршак написал повесть в стихах "Ледяной остров", посвятив ее капитану медицинской службы Павлу Ивановичу Буренину.

Кончается самый долгий, самый суровый месяц полярной зимы. Льдина доплыла до восьмидесятой широты, и, по утверждению Миляева, пора бы появиться зорьке.

Она порадовала нас лишь однажды, украсив восточный край неба светлыми полосками. Ее мягкие, чуть розовые тона плавно переходили в густую синеву предрассветного неба. Но природа радовала нас недолго. Низкие тучи нахлобутились чуть ли не на самые верхушки торосов. Повалил снег огромными тяжелыми хлопьями.

В такую безрадостную погоду одно удовольствие: побаловаться чайком, усладить душу беседой на вольные темы. Я то и дело выглядывал из камбуза, прислушиваясь к словесной дуэли завязтых спорщиков, Саши и Михаила, как вдруг камелек, пыхнув в последний раз, погас.

- Все, хана, - констатировал Курко. - Это ведь последняя бочка этилированного бензина. Ну и что будем делать, бояре?

- Мерзнуть, - мрачно сказал Миляев.

- Не будем мерзнуть, - радостно воскликнул Гудкович. - Я знаю, где раздобыть бензин. И много.

- Наверное, Зяма обнаружил тайный склад в торосах, - сказал Гурий.

- Ну и где же вы, Зяма, храните свои запасы? - спросил удивленно Сомов.

- В самолете, - выдохнул Гудкович. - Там же в самолетных баках остался весь бензин на обратную дорогу.

- Ай да Зяма, - радостно воскликнул Яковлев. - Ну, светлая голова!

- Так кто же вам разрешит жечь в камельке авиационный бензин? - сказал, криво усмехнувшись, Комаров.

- А ничьего разрешения и не требуется, - сказал Курко.

- Мое требуется, - сказал Комаров. - Все авиационные дела на станции поручены мне, и я не допущу, чтобы ценный бензин, предназначенный для заправки самолетов, расходовали на отопление.

- А мы тебя и спрашивать не будем, - зло отпаривал Курко.

- Еще как будете, - сказал Комаров. - Сказано, не разрешаю, значит, не разрешаю, и точка.

- И чего ты, Комар, выпендриваешься? - возмутился Дмитриев. - Тоже мне начальник нашелся.

Разговор грозил перерасти в серьезный скандал. Но тут вмешался Сомов. Зная упрямый характер Комарова, он понимал, что его не убедят никакие доводы.

- Возможно, Комаров где-то прав, - миролюбиво сказал он. - Но с горючим у нас, сами понимаете, напряженка. Надо искать выход. Я сейчас подготовлю радиограмму в УПА (Управление полярной авиации. - В. В.) с просьбой разрешить использование бензина из разбитого самолета. Подождем ответа из Москвы. А пока прошу прекратить все споры.

Все нехотя согласились. В остывшей кают-компании никому больше сидеть не хотелось, и все разошлись по домам злые и недовольные.

Известная русская пословица гласит: "Нет худа без добра". Как только камелек перестал функционировать, у меня тут же появилась пара лишних часов свободного времени. Никому не доставляет удовольствие сидеть после ужина в нашем дюралевом саркофаге, стенки которого излучают космический холод. Поэтому, быстренько перебив тарелки и заготовив запас продуктов на завтрак, я бегу в палатку, где меня ждет очередная книга об Арктике. Мои соседи куда-то запропастились, и я, развалившись на спальном мешке, включив обе конфорки, раскрываю книгу Роберта Пири "Северный полюс".

Это одна из серии книг, посвященной Арктике и ее исследователям, которую с 1934 года регулярно выпускает издательство Главсевморпути.

Я с волнением прочел текст записки, которую написал отважный путешественник, посвятивший 15 лет жизни достижению цели - Северного полюса:

"Сегодня я водрузил национальный флаг Соединенных Штатов Америки в точке, где, согласно произведенным мною астрономическим определениям, проходит северно-полярная ось Земли. Таким образом, я формально присоединил всю эту область к владениям Соединенных Штатов Америки. Я оставляю здесь эту записку и флаг Соединенных Штатов.

90° с. ш. Северный полюс, 6 апреля 1909 г.

Р. Э. Пири".

Удивительное существо человек. Вот уже в течение нескольких столетий он рвется в Арктику. Его не страшили ни суровые морозы, ни пурги, ни порой смертельный риск. Одних туда влекло честолюбие и жажда славы, стремление побывать там, куда до него еще никогда не ступала нога человека (черта столь характерная для рода человеческого), других дух приключений, третьих - желание испытать свои силы, бросив вызов суровой арктической природе, четвертых - желание обогатить науку, проникнув в тайны этого никем не изученного района планеты.

Но, видимо, всех их объединяло стремление постичь неведомое.

"Пожалуй, самое сильное чувство, движущее родом человеческим, - это любопытство, неодолимое желание узнавать, - писал американский писатель-фантаст Дж. Финней. - Оно может стать и нередко становится целью всей жизни".

"Все неизвестное представляется величественным" - гласит латинская пословица. "В неведомом таится манящая сила" - "Omne ignotum pro magnifico est".

Веками слова "Северный полюс" заставляли взволнованно биться человеческие сердца. Множество экспедиций пытались пробиться на кораблях к этой заветной точке, но все они вынуждены были повернуть обратно, встреченные непроходимыми льдами. Природа стойко охраняла свои тайны. В конце XIX столетия смелую попытку достичь полюса предпринял Фритьоф Нансен, снискавший к тому времени славу покорителя Гренландии, которую он вместе с пятью товарищами пересек с востока на запад. Его план был рискован, но крайне оригинален. Он предполагал вморозить судно в ледяное поле где-то у Новосибирских островов и вместе с ним продрейфовать до самого полюса. 14 марта 1896 года, убедившись, что направление дрейфа льдов делает его план неосуществимым, он покинул судно и вместе со штурманом Иогансеном отправился к полюсу на лыжах.

Однако на 86° северной широты, убедившись, что дальнейший путь невозможен, норвежцы повернули обратно. Ценой невероятных усилий они добрались до Земли Франца-Иосифа. Пришлось зазимовать. Это были месяцы тяжких испытаний. Норвежцы уже почти не верили в благополучный исход. Но счастье улыбнулось им. Их спасла английская экспедиция Ф. Джексона, посланная на Землю Франца-Иосифа для изучения ее природных условий. А через месяц пароход "Виндворд" доставил путешественников на родину.

В те же годы Северного полюса попытался достичь американский журналист Вальтер Уэльмен. В феврале 1899 года он вышел в поход с тремя товарищами. Но экспедиция кончилась полным провалом.

Столь же безуспешными оказались попытки экспедиций, организованных герцогом Абриуцким в 1899-1900 годах. Правда, одной из санных партий, руководимой капитаном Умберто Кани, удалось достигнуть рекордной широты 86°34' но это достижение стоило трех человеческих жизней. Неудача постигла американцев Э. Болдуина в 1901-1903 годах и А. Фиала в 1903-1905 годах, чьи экспедиции финансировал американский миллионер Циглер, жаждавший увековечить свое имя в истории покорения Арктики.

Точку на этих "международных скачках", как называли их современники, поставил Роберт Пири.

Еще более яркими, полными трагических страниц были псы пытки достигнуть Северного полюса по воздуху.

Первую из них предпринял шведский инженер Саломон Андре. По его проекту был построен специальный воздушный шар, названный "Ornen" ("Орел"). Вместе с физиком Н. Стриндбергом и техником К. Френкелем 11 июля 1897 года он взлетел над Шпицбергом и, влекомый попутным ветром, удалился на северо-восток. Только один раз восточку об Андре и его спутниках доставил почтовый голубь - 15 июля. На этом связь прервалась. "Орел" исчез среди бескрайних ледяных просторов.

Только тридцать три года спустя останки экспедиции были обнаружены на острове Белом восточнее Шпицбергена.

Но идея покорить полюс по воздуху не умерла. В мае 1925 года Р. Амундсен и Л. Элсуорт на самолетах N-24 и N-25 достигли 87°43' северной широты. И тут удача изменила смельчакам. Двигатель начал барахлить, и они вынуждены были совершить посадку на воду. После многодневной изнурительной работы по ремонту двигателя и постройке аэродрома, ибо полынья покрылась толстой коркой льда, им все же удалось взлететь и вернуться на Шпицберген. Успешной оказалась попытка достичь полюса Ричарда Бэрда. 9 мая 1926 года на самолете "Жозефина Форд", сделав круг над полюсом, он после шестнадцатичасового беспосадочного полета опустился на аэродроме в Кингсбее (Шпицберген). В этом же году состоялся триумфальный трансарктический

перелет Амундсена-Элсуорта-Нобиле на дирижабле "Норвегия", сконструированном Умберто Нобиле. Стартовав 11 мая в Кингсбее и пройдя 12 мая над полюсом, дирижабль после семидесятичасового пребывания в воздухе опустился на берегу Аляски.

Два года спустя Нобиле решил повторить полет, который закончился трагически.

История спасения экспедиции превратилась в эпопею, в которой участвовали 18 кораблей (в том числе советские ледоколы "Красин" и "Малыгин") и 21 самолет. Но спасти удалось лишь девять из десяти ее участников, выброшенных на лед при ударе гондолы о его поверхность.

Шесть участников экспедиции исчезли вместе с взмывшим в воздух дирижаблем. А во время поисков "Италии" погибли три итальянских летчика, разбившись на пути со Шпицбергена в Италию, и шесть членов экипажа норвежского самолета "Латам" вместе с великим Амундсеном, исчезнувших в волнах Баренцева моря. Дорогую цену заплатило человечество за эту попытку покорить Арктику.

А девять лет спустя весь мир облетело известие, что четыре советских четырехмоторных самолета совершили посадку на Северном полюсе, высадив на лед первую дрейфующую станцию, названную "Северный полюс-1".

Я не раз задумывался, что же мешало многим из этих отважных людей достигнуть намеченной цели. Ведь мужества у них было хоть отбавляй. Но этого оказывалось недостаточно. Причины были разные: недостаточное знание арктических условий, излишняя самоуверенность, свары и распри между членами экспедиций, плохая организация и, наконец, недоброкачественная экипировка. Кстати, последние две из них привели к неудаче экспедиции Г. Седова, а сам ее руководитель погиб при попытке достичь полюса на лыжах.

Я полон надежды, что нас не постигнет их печальная участь.

1 февраля.

Арктика не устает напоминать о себе всяческими каверзами. То напустит на лагерь свирепый ветер, грозя унести палатки, разметать бочки, то удивит снегопадом, перекрыв все дорожки непроходимыми сугробами. А сегодня она преподнесла нам очередную подвижку ледяных полей. Всю ночь палатки тряслись как в лихорадке. Воздух наполнился гулом и треском ломающегося льда. Поля молодого льда, окружившего наш островок, напозлази на него, нагромождая беспорядочные груды торосов. Только к утру все неожиданно прекратилось, и наступила тревожная тишина, нарушаемая время от времени уханьем обрушившихся глыб.

Поутру мы всем скопом отправились к месту событий, дабы убедиться, что натворила природа. Картина, открывшаяся нашему взору в сером рассветном сумраке, была удручающей. Куда хватал глаз виднелись беспорядочные груды льда, перемолотые, искореженные ледяные поля. Местами ровные ледяные плиты вползали друг на друга, образовав гигантские белые надгробья, окруженные черной сеткой трещин. К счастью, аэродромная полоса пока уцелела, но за ней зловеще темнела широченная полоса темно-свинцовой мертвой воды.

Убедившись, что наша льдина пока жива-здоровая, мы, промерзнув до костей, разошлись по палаткам. К температуре минус 40°C мы вроде бы притерпелись. Но поднявшийся ветер превращал работу на открытом воздухе в настоящую пытку. Это и неудивительно. Ведь даже небольшой ветерок усиливает охлаждающее действие низких температур. Эту взаимосвязь изучил американский исследователь Антарктики П. Сейпл и назвал ветро-холодовым индексом.

Я заглянул в таблицу этого самого индекса и, найдя перекрестье -40° и 10 метров в секунду, присвистнул от удивления. Сегодняшний мороз оказался ничуть не меньше -80°. Ну и ну! Куда там Оймякону с его 60°. То-то мы сегодня так трясемся от холода, несмотря на то, что напялили на себя весь комплект теплой одежды, начиная с двух пар теплого белья, шерстяного свитера, мехового жилета и кончая шубой.

Стоит повернуться лицом к ветру, как нос превращается в сосульку, а на щеках появляются зловещие белые пятна. Правда, руки надежно защищены шерстяными перчатками и огромными меховыми рукавицами-грелками, такими портативными спальными мешками. Но достаточно на пару секунд извлечь из них руки, как пальцы деревенеют и перестают сгибаться.

2 февраля.

Два раза в месяц я провожу медицинское обследование, чтобы оценить состояние здоровья товарищей. Одни - Яковлев, Никитин и Дмитриев - относятся к нему с повышенным интересом,

каждый раз выпрашивая, что да почему, другие - Гудкович, Щетинин и Петров - соглашаясь с его необходимостью, Миляев - с ироническим любопытством. И лишь Курко с Комаровым, как с неизбежным злом и докторской причудой. Комарова вообще приходится по несколько раз приглашать на осмотр, и лишь категорическое распоряжение Сомова заставляет его нехотя подчиняться. Но все без исключения охотно опрокидывают чарку со спиртовой настойкой женьшеня. Все единодушно утверждают, что это "лекарство" очень полезно, снимает усталость и повышает бодрость. Что это, результат благотворного действия веществ, содержащихся в таинственном восточном корне, похожем на фигурку крохотного человечка, или самоубеждения, вызванного моими восторженными описаниями? Трудно сказать.

Сегодня я жду к себе Макара Никитина. Зная его пунктуальность, я заранее устраиваю "Ташкент", зажигая обе горелки, и развожу паяльную лампу, чтобы хоть немного прогреть воздух в палатке. Облечившись в белый халат - это создает особый настрой у моих пациентов, - я внимательно выслушиваю легкие, сердце, подсчитываю частоту пульса, измеряю артериальное давление, а потом въедливо выпрашиваю, нет ли каких-либо жалоб, не изменились ли сон, аппетит и проч. Макар Макарыч внимательно следит за моим лицом - не появилось ли на нем озабоченное выражение. Ну как мои дела, доктор? Все в порядке, убежденно заявляю я, укладывая инструменты на место. Все - как часы. Ну и слава богу, облегченно вздыхает он, а то я стал замечать, что аппетит ухудшился, и спать стал беспокойно - просыпаюсь по несколько раз за ночь. Да и нервишки немного пошаливают - раздражаться стал по пустякам.

Впрочем, жалобы эти я выслушиваю почти у всех подопечных. Все они - признак полярного невроза. А причин для его возникновения в наших условиях предостаточно. Дают себя знать и условия нашей жизни на льдине. Все чаще на медицинских осмотрах я выслушиваю жалобы на возросшую раздражительность, повышенную утомляемость, тревожный сон. Это - результат воздействия темноты полярной ночи, холода, от которого спасают только спальные мешки, неуют палаток, постоянное ощущение опасности, которое усиливается при каждом торошении. Ко многому мы уже притерпелись. Но свыкнуться с полной оторванностью от Большой земли, порожденной секретностью, отсутствием известий от родных и близких, видимо, невозможно. Это особенно гнетет и давит.

Наверное, к нам можно было отнести строки Н. Асеева: "Гвозди бы делать из этих людей. Не было б в мире крепче гвоздей". Да, из нас получились бы неплохие гвозди, если бы их только не подтачивала ржавчина нашей жизни.

Да и сам я чувствую порой, что нервишки стали пошаливать. Меня вдруг стали раздражать мелочи, на которые я раньше не обращал внимания: кто-то стучит ложкой по тарелке, кто-то хлюпает супом. Я стал болезненнее реагировать на ехидные замечания по поводу моей поварской неумелости и кулинарного новаторства. Но я сдерживаюсь, памятуя наставления Водопьянова и обещание, данное ему перед отлетом на льдину.

"Когда под влиянием полярной ночи пространство вокруг суживается и когда ничего больше не видишь, то душа как-то сжимается, чувствуешь себя помертвевшим, подавленным, - отмечал в своем дневнике Д. Гиавер. - Иногда такое состояние приводит почти к душевному заболеванию, против которого нет другого лекарства, кроме света".

Холод, от которого избавляешься, только забравшись в спальный мешок, к которому можно притерпеться, но нельзя привыкнуть. Тысячи раздражающих жизненных неудобств, превращающих простейшие процедуры в проблему, от утреннего мытья до посещения туалета. Постоянное ощущение опасности, нависшей над станцией. Оно несколько притупляется в "спокойные" дни, когда, глядя на мирный пейзаж, напоминающий скорее заснеженное холмистое поле где-то в центре России, на время забываешь,

Что наш корабль - замерзшая вода,

Гонимый то теченьем, то ветрами.

Четыре метра пакового льда

И бездна океанская под нами.

Что мы плывем без весел, без ветрил,

Прокладывая путь в крошечном мраке.

И нет защиты от могучих сил,

Готовых к сокрушительной атаке.

Но когда начинает наступать вал торосов и лед вокруг трескается, как стекло, это чувство просыпается и держит нас в непрерывном напряжении. В дополнение ко всему состоянию нервного напряжения способствует обстановка "совершенной секретности станции", наша полная безызвестность, отсутствие нормальной человеческой связи с Большой землей, беспокойство за близких, пребывающих в абсолютном неведении о нашей судьбе.

3 февраля.

У Макар Макаровича - сорокалетие. Это круглая дата, и мы отмечаем ее традиционным банкетом с поздравлениями, скромными подарками и торжественными тостами за здоровье новорожденного. До чего же разные собрались за столом люди. И не только по возрасту, по характеру, разные по привычкам, склонностям и образованию. Одни высокообразованные, разбирающиеся в философии и литературе, другие путают Эйнштейна с Эйзенштейном, парадокс с параллаксом, гипотезу с гипотенузой, убеждены, что Эдмон Дантес (герой романа Дюма "Граф Монте-Кристо") дрался на дуэли с Пушкиным. Вот они все сидят передо мной, веселые, оживленные: подвижный как ртуть, неистощимый выдумщик и остроумец Коля Миляев, всегда доброжелательный, безотказный в работе Зяма Гудкович, ироничный умница Гурий Яковлев, самый уравновешенный и неизменно добродушный Ваня Петров, суматошный, доверчивый симпатяга Саша Дмитриев, сдержанный, немногословный "полярный волк"

Жора Щетинин, беззлобно-ворчливый скептик Костя Курко, мудрый Макар Никитин, трудяга и талантливый изобретатель упрямец Миша Комаров. И во главе этой разношерстной компании - Михаил Михайлович Сомов, объединяющий ее своим тактом и непререкаемым авторитетом.

Давно известно, что любая полярная экспедиция - это не только тяжкий труд в суровых природных условиях, лишения и опасности. Это еще и жесткая проверка человеческих характеров, стойкости, испытание, которое в условиях зимовки может выдержать не каждый.

В условиях городской жизни с человеком, который тебе не по душе, можно расстаться после первой же встречи. Но в экспедиции, где твое пребывание ограничено "четырьмя стенами", ты вынужден постоянно встречаться с тем, кто тебе неприятен. Ты живешь словно в стеклянном доме. Все, что думаешь, говоришь, все тайники твоей души становятся известны всем. И никого не обманешь ни вынужденной улыбкой, ни лживыми заверениями. Все на виду: и твои недостатки, и помыслы, и взгляды на жизнь. Это порой и служит первопричиной конфликтов, столкновений характеров, конфликтов, которые ведут к самым непостижимым, непредсказуемым последствиям. В этом лежит причина неудачи американской экспедиции А. Грили. Это они, вызвав раскол экспедиции Г. Брусилова, привели к гибели ее экипаж, из которого только чудом уцелел штурман В. Альбанов. К полному краху американской экспедиции привела распря между ее начальником Э. Болдуином и капитаном судна "Америка", в которую были постепенно втянуты все ее участники. История Арктики хранит память о трагедиях, вызванных столкновениями характеров на полярных станциях и зимовках.

В условиях вынужденной изоляции (психологи называют ее групповой изоляцией), когда люди с разными характерами, привычками и манерой поведения не могут уединиться, возникшее чувство антипатии переходит постепенно в прямую вражду. В человеке постепенно накапливается раздражение, подобно электрическому заряду в шарах электростатической машины, и когда он превысит допустимый предел, между ними проскакивает разряд-молния.

Но нас, к счастью, сия чаша миновала. Конечно, бывает, что вдруг за столом вспыхивает из-за пустяка шумный спор. Не обходится без резких слов и "непарламентских" выражений. Но эти столкновения еще ни разу не переходили в серьезный конфликт. И в этом немалая заслуга Сомова. Он всегда с необычайным тактом умеет погасить возникший конфликт. Но, главное, при всех наших различиях, нас объединяет высочайшее чувство ответственности, долга перед Родиной, доверившей почетную и опасную работу. Все эти месяцы на станции царит удивительный дух доброжелательности, готовности прийти на помощь друг другу, подставить свое плечо.

Все наши маленькие торжества - праздники, дни рождения - помогают расслабиться, снять усталость и нервное напряжение, помогают дружескому общению. И здесь чарка вина играет не последнюю роль. Однако, как ни странно, во многих арктических экспедициях царит "сухой закон". Зачастую он порожден прихотью начальника, его осторожностью, вызванной случаями тяжелых отморожений в результате злоупотребления алкоголем и даже гибели людей. Даже Нансен считал, что "употребление вина на Крайнем Севере вредно, и оно, взятое в такую трудную, опасную экспедицию, может сослужить очень печальную службу". Вот почему на "Фраме" весь алкогольный запас состоял из нескольких бутылок хорошего коньяка. Спирт же для консервации биологических

экспонатов, имевшийся в достаточном количестве, был отравлен и для питья непригоден. Но я утвердился в мысли, что эти запреты порождены недоверием к людям. К счастью, Сомов не относится к начальникам такого рода. Я бы не считал его особым поклонником Омар Хайяма, утверждавшего, что "мы должны вина чураться? Вздор! Это дивный дух, что оживляет нас". Сам Михаил Михалыч довольно равнодушно относится к "горячительному", и запас портвейна, хранящийся у него в палатке, расходуется только по праздникам. Но не отрицает благотворного действия алкоголя, позволяющего немного расслабиться, поднять настроение, снять нервное напряжение. Вернее, он просто согласен с китайским поэтом Ли Бо, написавшим еще в восьмом веке:

Мне говорили, что вино

Святые пили без конца,

Что чарка крепкого вина

Была отрадой мудреца.

Но коль святые мудрецы

Всегда любили пить вино,

Зачем стремиться в небеса,

Мы здесь напьемся все равно.

За все прошедшее время ни один из нас "не перебрал", хотя издавна повелось, что в кают-компании на ящике у книжной полки стоит бутылка спирта. Намерзнувшись на открытом воздухе, любой может опрокинуть чарку "для сугрева". Но досуг, даже самый короткий, остается досугом. Его как-то надо заполнять и разнообразить в экспедициях. В экспедициях Нансена и Амундсена со скукой полярных зимовок боролись по-разному: организацией вечеров самодеятельности, охотой, игрой в карты, чтением книг. С развитием техники в арсенале борьбы появилось радио, патефоны, кино. Папанинцы развлекались шахматами и слушаньем специальных "Арктических передач" московского радио. Седовцы, помимо всего прочего, изучением "Истории партии". Но круг наших развлечений был до предела ограничен. О кино нечего было и мечтать, открытая радиосвязь исключалась, игра в карты в советских экспедициях была запрещена, шахматы так и не привились. Оставались "посиделки" по случаю каких-либо событий и книги. К счастью, наша библиотека была разнообразной, хотя в ней преобладали книги о полярных исследованиях и приключениях. Урывая время между приготовлением супов-борщей, я читал все без разбора: русскую классику, романы Гюго и Бальзака, дневники Нансена и Амундсена, увлекательные фантастические повести академика Обручева "Плутония" и "Земля Санникова", северные рассказы Джека Лондона. Но одну книгу я перечитывал по многу раз, причем с любой страницы, заранее предвкушая события, которые должны произойти. Это было бессмертное творение А. Дюма "Три мушкетера". И каждый раз, открывая книгу, я невольно уносился памятью к далеким временам детства. Я вспоминал Кисловодск. Вечно пыльную улицу Урицкого, всю изрытую рытвинами и колдобинами. И неказистый трехэтажный дом под номером 21 с широкими балконами и застекленными верандами, с развесистой алычой у входа и огромным орешником на заднем дворе, увешанном по осени зелеными шариками грецких орехов; и запущенный вишневый сад за забором, весь поросший бурьяном и лопухами; и невысокий холмик, называемый горкой, со старенькой церквушкой из красного кирпича, где мы проводили вечера, упиваясь рассказами о подвигах знакомых нам героев. Там я услышал впервые о бесстрашном, хитроумном гасконце д'Артаньяне, о могучем и наивном великане Портосе, знатном и несчастном Атосе и лицемерном красавце интригане Арамисе. Я весело улыбался, слушая, как Портос, нанимая слугу для гасконца, остановил свой выбор на человеке, стоявшем на мосту и плевавшем в воду, полагая, что это признак, свидетельствующий о склонности к рассудительности и созерцанию, преклонялся перед благородством Атоса, считавшего, что "надо всегда поступать хорошо, а люди потом пусть говорят, что хотят", восхищался тонкой насмешливостью д'Артаньяна, прошептавшего Арамису в минуту примирения друзей: "Ах, предатель, вы заставили нас поклясться на кресте фрондерки" (герцогини де Лонгвиль. - В. В.). Но все же самым действенным из лекарств, помогающих переносить невзгоды, как я убедился, служит смех. "Этот драгоценный дар, - как сказал С. Моэм, - ниспосланный нам Богом. Он облегчает нашу жизнь в этом смешном мире и помогает терпеливо выносить удары судьбы".

Не случайно в Арктике так ценятся анекдоты, шутка, остроумный розыгрыш. Хотя запасы анекдотов уже давно исчерпаны, и мы без труда могли бы составить список и называть только номера, но воспоминания об удачных полярных розыгрышах всегда вызывают веселый смех. Вот и

сегодня припомнили Саше о резиновых женщинах, просмаковали историю "часов со Шмидтом", оценили байку Водопьянова, заставившего новичков на "Челюскине" смазывать сапоги сгущенным молоком.

- Я всей душой за остроумный розыгрыш, - сказал Сомов, - но он никогда не должен оскорблять человека.

- Беда в том, - сказал я, - что есть люди, начисто лишенные остроумия и воспринимающие шутку как личную обиду.

- И что, попадались вам такие? - поинтересовался Яковлев, поглаживая свою рыжую бороду.

- К сожалению, был в моей практике такой случай. Я со своей "хохмой" попал как кур в ощи.

- Давай, Виталий, выкладывай эту историю, - сказал Миляев.

- Это произошло в прошлом году. Экспедиция уже заканчивала свою работу, а тут подоспел праздник - Первое мая. Начальство решило отметить знаменательную дату маленьким банкетом. Все участники экспедиции собрались в штабной палатке. Накрыли стол белой скатертью. Из заначки извлекли бутылки армянского коньяка, экипаж, прилетевший накануне с Большой земли, привез свежие фрукты. Слегка омрачало празднество отсутствие поздравительных телеграмм из дома, но мы прекрасно понимали, что это несбыточная мечта. Экспедиция была совершенно секретной. Так и казалось, что всюду развешаны плакаты: "Осторожно - враг подслушивает". И тут меня осенила идея. Видимо, на нее меня натолкнул постный вид моего соседа - известного геофизика. Он со снисходительной усмешкой слушал анекдоты довольно вольного содержания и, морщась, только пригубливал бокал при каждом тосте.

"Ну, погоди. Счас я тебя, ханжу, развеселю" - подумал я и, выбрав момент, спросил:

- Кто-нибудь слушал сегодня последние известия? Никто? А ведь передали любопытное сообщение ТАСС.

- Наверное, о нашей экспедиции? - сострил Иван Черевичный.

Тут все разом наостригли уши.

- Иван Иванович, ты почти угадал, - сказал я, принимая загадочный вид. - Так вот, - продолжал я, - ТАСС сообщило: Американское правительство приняло решение провести в мае месяце в районе Северного полюса испытание новой атомной бомбы. Но, в связи с тем, что там сейчас работает советская воздушная экспедиция, испытания переносятся на осень. - Я сделал паузу, чтобы присутствующие сумели оценить сказанное мною. - ТАСС уполномочен заявить, что никакой советской экспедиции в приполюсном районе не существует и это является злостным вымыслом американской пропаганды.

Громкий хохот присутствующих свидетельствовал, что моя шутка оценена по достоинству. Правда, Кузнецов, улыбаясь, погрозил мне пальцем. Между тем мой сосед, поерзав, приподнялся и незаметно покинул палатку.

Минут тридцать спустя я вышел подышать свежим воздухом и с удивлением увидел профессора-геофизика, занятого упаковкой своих приборов. Вот тебе и на. Оказывается, он на полном серьезе воспринял мой розыгрыш и стал готовиться к эвакуации. Я было пытался объяснить ему, что это сообщение всего лишь шутка, но он, зло зыркнув на меня, продолжал начатое дело.

Наш шумный "банкет" завершился чаем с кексом, приготовление которого я уже успешно освоил, и все в отличном настроении разошлись по домам. Помыв посуду - процедура, которую я всегда делал с большим удовольствием, наслаждаясь ощущением тепла, разливавшегося по всему телу, притащив со склада продукты на завтрак для вахтенного, я надел свою "французенку", давно переменившую свой первоначальный цвет разведенного какао на черное кофе, и отправился не торопясь в палатку. Но, остановившись у входа, передумал и протопал дальше, к аэродрому. Морозный воздух был крепок и вкусен. Перевалив через гряду торосов, я остановился. В душе появилось ощущение, что я нахожусь в каком-то другом, нереальном мире. Сквозь тучи, помигивая, сверкают яркие звезды. Тишина. Не слышно ни тарахтения движка, ни трелей гидрологической лебедки, ни человеческих голосов, ни скрипа снега под ногами вахтенного, обходящего с дозором лагерь. Царство белого безмолвия. "Ничто не шелохнется, небо ясно, как отполированная медь, малейший шепот кажется святотатством, и человек пугается звука собственного голоса. Единственная частица живого,двигающаяся по призрачной пустыне мертвого мира, он страшится своей дерзости, понимая, что жизнь его не более, чем жизнь червя. Сами собой возникают странные мысли, тайна вселенной ищет своего выражения". До чего же здорово описал Джек Лондон! Тишина. Удивительная, неправдоподобная. Я вслушиваюсь в нее, охваченный каким-то щемящим чувством одиночества. Я вглядываюсь в бескрайние, заснеженные пространства с причудливыми очертаниями торосов, освещенное мертво-желтым светом луны и бликами звезд,

мерцающих в глубинах бездонного неба.

Что миру до тебя? Ты перед ним - ничто;

Существование твое лишь дым - ничто.

Две бездны с двух сторон небытия зияют

И между ними ты, подобно им - ничто.

Небо опять заволочло тучами, и крупные мохнатые снежинки, бесшумно кружась, садятся мне на плечи. Пора домой. А вот и лагерь. Ярко светится лампочка-маяк на верхушке антенны. Из темноты выплывают знакомые купола палаток: радиостанция с торчащей выхлопной трубой, похожей на пушку, и балкой с ветряком. Чуть дальше виднеются палатки гидрологов, одна - рабочая, которую легко узнать по штырю с флюгером и гуде деревянных барабанов с намотанным стальным тросом, вторая - жилая, окруженная стенкой из снежных кирпичей и длинным снеговым тамбуром; по соседству - укрытое снежно-ледовой броней жилище ледоисследователей, от которого тянутся толстые провода к заиндеветшей градиентной установке; чуть дальше виднеется скворечник метеобудки, а неподалеку от нее брезентовый трехгранник магнитологического павильона. А вот и наша родная "аэрологическая", утонувшая в огромном сугробе. За невысоким заборчиком из снежных блоков чернеют миляевские хоромы, которые он дружески делит с Комаровым. Правда, Михаил редко бывает дома, проводя целые дни в мастерской, откуда по всей округе разносится визжание пилы, перестук молотков, басовитое гудение паяльной лампы. Здесь трудится автомобильно-ремонтная фирма "Комаров и Ко", пытающаяся оживить газик, привезенный осенью.

Кто его готовил для нашей станции - неизвестно, но вскоре после отлета титловского Ли-2 обнаружилось, что в машине не хватает ряда деталей. К счастью, для Михаила Семеновича не существует технических трудностей. Он непрерывно что-то пилит, точит, режет, паяет, заставляя нас поверить, что к весне машина будет на ходу.

Между фюзеляжем и старой кают-компанией, превращенной в склад, протоптана "народная тропа", которая никогда не зарастает. Его не спутаешь ни с какой другой палаткой, столько вокруг набросано старых ящиков, наставлено бочек и газовых баллонов. Кажется, я вернулся вовремя. Откуда-то из-за торосов примчался ветер, закружил смежные смерчи и весело погнал их по лагерю.

Началась пурга. Впрочем, все эти напасти природы стали столь неотъемлемой частью нашей жизни, что как бы ни лютовал мороз, ни бесновался ветер, все равно точно в срок отправятся на метеоплощадку Гудкович со Щетининым, уйдут на дальнюю площадку к своим электротермометрам гляциологи, а Милеев с помощниками будут топтаться у теодолита, определяя очередные координаты станции.

Глава XVIII НЕПРИЯТНОСТИ НАЧИНАЮТСЯ

"Опасные ситуации, как правило, внезапны. Даже большой опыт не всегда подскажет, как лучше поступить, когда нет времени для размышлений. Богине удачи по душе смелость, находчивость, решительность".

М. Каминский. В небе Чукотки

- Наконец-то потеплело, - сказал Гудкович, зашифровывая по кодовой таблице метеоданные для очередной метеосводки на материк. - Всего минус 20 градусов.

- Всего-то минус двадцать, - не удержался я. - Представляешь, как бы такое сообщение восприняли радиослушатели в Москве?

- Наверное, как хохму, - отозвался Зяма и, дописав последние цифры, удалился на радиостанцию.

Я было взял в руки книгу, но читать не хотелось. Может быть, заняться полезным делом? Достав из стерилизатора хирургические инструменты, я принялся смазывать их вазелином, чтобы не поржавели от сырости. Подозрительно громкий скрип заставил меня оторваться от начатой работы, и вдруг палатку резко тряхнуло, словно на нее наехал комаровский газик. Я пулей выскочил из палатки и огляделся: вроде бы все спокойно. Как вдруг раздался обрывающий сердце крик: "Полундра! На помощь!!!" - и у входа в тамбур миляевской палатки, словно привидение, возникла фигура ее хозяина. Размахивая руками, он прокричал что-то невнятное и снова исчез в отверстии тамбура. Не раздумывая, я кинулся к нему на помощь. Перемахнув через сугроб, я очутился перед тамбуром палатки. В этот момент льдину потряс удар, и передо мной появилась трещина. Она, быстро расширяясь, проскользнула под тамбур, и он, скособочившись, стал разваливаться, грозя рухнуть и преградить выход. В этот момент, протиснувшись через груды снежных обломков, из палатки выскочил Коля Миляев. Полуодетый, в одном шерстяном нижнем белье и сбившемся набок летном шлеме, он протянул мне две деревянные коробки.

- На, держи! - крикнул он. - Это хронометры. Смотри не урони, - и вдруг, подавшись назад, завопил не своим голосом: - Берегись!!!

Я отпрыгнул назад и едва не угодил в трещину, уже заполнившуюся водой. В это мгновение свод тамбура рухнул. К счастью, обледеневшие обломки тамбура образовали мостик через трещину. Тут прибежали Гудкович с Дмитриевым, и мы общими усилиями выволокли из палатки оставшееся имущество. Лишь теперь, когда первая опасность миновала, Миляев, которого "полундра" застала спящим в спальном мешке, вспомнил, что одет явно не по сезону, и, схватив в охапку одежду, помчался к гидрологам одеваться.

- Ну, кажется, все обошлось, - сказал Дмитриев, усаживаясь на сугроб и пытаясь закурить на ветру папиросу.

- Вероятно... - начал Зяма, но тяжелый гул, раздавшийся за нашей спиной, прервал его на полуслове. Трах, трах - словно спички, с сухим треском переломились радиомачты. Крак, бубух - и толстенная балка ветродвигателя, сломавшись пополам, шлепнулась на снег. И тут мы с ужасом увидели, как между радиостанцией и гидрологической палаткой разверзся лед. Быстро расширяясь, трещина прошла под геофизическим павильоном, и брезент его разорвался надвое.

- Гравиметр! - завопил Миляев. - Спасайте гравиметр, - и кинулся к павильону. Мы последовали за ним. К счастью, мы подоспели вовремя. Еще секунда, и драгоценный прибор соскользнул бы в воду. Мы едва успели перетащить гравиметр в палатку Гурия, как вдруг прямо на глазах ледяное поле стало расползаться по швам. То там, то тут возникали все новые трещины, сквозь которые проступала вода. Мы метались по льдине, оттаскивая от края трещин научные приборы, бочки с бензином, ящики с продовольствием, газовые баллоны. А тут еще запуржило. Стало совсем темно. Повалил густой снег. Черная вода в трещинах покрылась салом. К счастью, природа сжалилась над нами. Подвижки внезапно прекратились, и наступившую тишину нарушало лишь посвистывание ветра, гулявшего среди торосов.

Пожинали наспех, поэтому часам к десяти вечера к нам в палатку "на огонек" пожаловали гости: Миляев и Яковлев с Петровым. Саша мигом застелил ящик-стол полотенцем, достал кусок твердокопченной колбасы, галеты и головку чеснока. Пока на плитке закипал чайник, начался обмен впечатлениями о сегодняшних событиях.

- Я только добрался до опытной площадки, быстренько отсчитал показания приборов и полез в рабочую палатку, чтобы сделать отсчеты по зеркальному гальванометру температуры в различных

слоях снежного покрова, как вдруг палатку сильно тряхнуло и я почувствовал, что ноги мои разъезжаются. Глянул вниз, а подо мной расплзается трещина. Футляр с психрометром бултых в воду, а за ним соскользнул аккумулятор и мигом, пустив пузыри, пошел ко дну. Трещина прошла у самого входа: упали и не выкарабкался бы сам без посторонней помощи. Я перетащил гальванометр в безопасный угол палатки и достал было нож, чтобы распороть брезент полога, как вдруг материя треснула и обрывки его повалились мне на голову. Я выскочил наружу - гляжу: по ту сторону трещины Алексеевич в одном белье и с треногой теодолита в руках.

- Да, натерпелся я сегодня страху, - сказал Миляев. - Только задремал, вдруг что-то как грохнет. Меня так и выдуло из спального мешка. Гляжу, у входа - трещина и прямо к астрономической площадке идет. Теодолит накренился. Вот-вот в воду шлепнется. Я его успел оттащить, чувствую, ноги холодит. Мама родная, так ведь я босиком на снегу стою. Кинулся обратно в палатку, только успел ноги в унты всунуть, опять как толкнет. Я хватъ хронометры и ходу. А тут доктор, к счастью, подоспел.

Вот и кончилась наша относительно мирная жизнь. Две больших трещины пересекли льдину, расколов ее на несколько частей. Одна из них протянулась извилистой линией от северной кромки льдины к старой "датской палатке" с приборами, прошла под палаткой-баней, затем скользнула к рабочей палатке Миляева, разрушив по дороге снежный тамбур его жилой палатки.

Затем сделала крутой поворот, уничтожив астрономический павильон, едва не утопив теодолит, чудом устоявший на ее краю. Отсюда она, круто повернув, нырнула под мою палатку и, наконец, в пяти метрах от градиентной мачты, слилась со второй трещиной. Вторая трещина, образовавшаяся у северного конца поля, пересекла аэродром и прошла около радиостанции и жилой палатки гидрологов, отделив их от лагеря вместе с автомобилем, складом продуктов, газовыми баллонами.

Время от времени с уханьем обваливается где-то в воду подмытый водой снежный пласт. Заунывно стонет в торосах ветер. Над станцией плывет ночь, и только дрожащий зеленоватый луч северного сияния равнодушно скользит по горизонту. В ночь с 5 на 6 февраля на вахту заступил Гурий Яковлев. Дежурство выдалось у него хлопотное. В разных концах льдины раздавались трески и шорохи - это то сходились, то расходились края трещин.

Да и нам было не до сна. Лишь под утро природа, видимо, утомилась. Горизонт окрасился алой полоской зари. Хотя до появления солнца остается не меньше месяца, но сумерки с каждым разом становятся все светлее. Теперь "на улице" можно не только обходиться без "летучей мыши", вечно коптящей и гаснущей, но даже книгу читать. К сожалению, сейчас нам не до книг. Зато хоть знаешь, в какую сторону бежать, если треснет лед под ногами. А ледовая обстановка с каждым днем становится все тревожней. Молодой лед, надежно служивший буфером столько время, оберегая нас от натиска окружающих полей, превратился в беспорядочное месиво. Куда ни глянешь - всюду торчат беспорядочные груды торосов. Трещина, отрезавшая нас от аэродрома, непрерывно дышит, плещет черной водой. Края ее то отходят на несколько метров, то сходятся, противно скрежеща. А тут еще запуржило.

Теперь мы спим урывками, не раздеваясь, готовые по первому сигналу покинуть палатки. Но наша палатка внушает особенные опасения. Не дай Бог при подвижке завалит вход-лаз, и тогда из нее не выберешься. Мы даже подумываем, не переехать ли в комаровскую палатку-мастерскую: черт с ним, с холодом, но зато безопаснее.

- Да не завалит нас, - неуверенно сказал Дмитриев - не должно завалить. А в комаровской палатке мы скорее околеем от холода, чем провалимся в трещину.

- Может, раскопаем лаз пошире и сугроб у входа сроем? Легче будет выбираться в случае полундры.

Мы долго спорили, обсуждая возникшую ситуацию, я невольно вспомнил историю с примусами - а может, и не взорвутся. Хорошо, что Комаров настоял и уговорил меня не дожидаться, пока они рванут. В итоге мы избрали известную формулу легкомыслия - авось пронесет и остались на старом месте. Но вход все же расширили и сугроб перед палаткой срыли напрочь.

Поскольку подвижки временно прекратились, мы занялись наведением в лагере порядка: перенесли палатку Миляева в безопасное место, обнесли стенкой новый астрономический павильон, навели через трещины, которые уже затянуло молодым льдом, мостки из широких досок. Подняли и надежно закрепили радиомачты. Только ветряк так и остался лежать на снегу: второй такой толстой балки-станины в лагере не нашлось.

Жизнь постепенно входила в свою привычную колею.

Последние несколько дней Ропак проявлял странное беспокойство. Он бегал по лагерю, что-то вынюхивал, засовывая свой нос между ящиками и мешками. Причину столь странного поведения нашего любимца открыл Курко. Разбирая ящики из-под старых аккумуляторов, он наткнулся на

тушку песка.

- И откуда он только взялся, - сказал Щетинин, разглядывая неожиданный трофей. - Наверное, его под ящики Ропак загнал, там он и подох. А может, его и сам Ропак придушил, видишь, пятна крови на шкурке.

Это был единственный песец, ставший добычей охотников. Правда, осенью строчки их следов на снегу видели многие. Но живой зверек так и не попадался.

Хитрые, осторожные, они были неуловимы. Капканы, расставленные Курко по всем правилам охотничьего искусства у медвежьих туш, лежащих в сугробах с самого лета, продолжали пустовать. Но сам факт, что песцы забираются так далеко от земли, должно быть, весьма интересен для биологов. Песец считается типичным обитателем тундры, населяющим все крупнейшие острова Ледовитого океана и его побережье от Кольского полуострова до Чукотского.

В поисках пищи песцы пробегают порой огромные расстояния, мигрируют, или, как говорят полярные промышленники, "текут". Их добычей становятся мелкие грызуны - лемминги, пеструшки, полевые мыши, птицы, особенно в период линьки, когда они теряют способность летать. Не брезгуют зверьки ягодами и водорослями. Иногда им достаются остатки медвежьей трапезы. Хозяин Арктики весьма привередлив в пище. Поймав тюленя, он обычно поедает только его подкожный жир. Все остальное остается на долю песцов. Полярный медведь, в отличие от своих бурых сородичей, не впадает в зимнюю спячку и бродит по льдам океана, преодолевая сотни километров.

Песцы следуют за ним в ожидании "звездного" часа. Устроившись неподалеку от пирующего медведя, они терпеливо ждут подачи с барского стола. Впрочем, наши песцы неплохо пристроились к лагерному камбузу и, несмотря на опасность, грозившую им со стороны собак и лагерных охотников, бесстрашно шуровали на помойке, полной сытных кухонных отходов.

Костя осмотрел тушку со всех сторон и поцокал языком от удовольствия. Отличный воротник получится. Вот Валя (жена Курко) будет довольна подарком. Она толк в песцах понимает.

Вечером я наведалься к радистам, чтобы посмотреть, как Костя будет готовить шкурку. К моему приходу тушка уже успела оттаять, и Курко ее "отминал" между ладонями, то разгибая, то растягивая в разные стороны. Когда, по его мнению, тушка дошла "до кондиции", он подвесил ее за гвоздь и, подрезав кожу вокруг десен, стал не торопясь стягивать с головы. Я с интересом следил за его манипуляциями, хотя понимал, что мне вряд ли когда-нибудь придется обрабатывать такой охотничий трофей. Тем временем Курко, содрав шкурку, разложил ее на колене и, орудуя острым ножом, принялся удалять с мездры остатки мяса и жира. Работа требовала большого терпения и умения, ибо при неосторожности тонкую мездру было легко повредить.

- Теперь бы горсточку пшеничных отрубей, - сказал Курко, - хороший охотник ими всегда протирает мездру, но придется обойтись мешковиной.

Он тщательно протер шкурку, а затем вспорол ножом огузок и лапки.

- Ну вот теперь вроде бы и все, - сказал Курко, довольно оглядывая дело своих рук. - Теперь растяну ее на доске-правилке и пусть просыхает. Ну, доктор, такое дело требуется обмыть, - добавил он, доставая из-под койки початую бутылку коньяка.

Я побрел в свою палатку. Явно похолодало. И, хотя ветер стих, пока я добирался до дома, пришлось то и дело тереть нос. Оказалось, что я не ошибся. Зяма, только что вернувшийся с метеоплощадки, сказал, что температура понизилась до -46°.

Едва пурга утихомирилась, Комаров, Яковлев и Петров отправились на аэродром. Цел ли он? Это был вопрос, беспокоивший всех. Ведь с его состоянием связана не только наша безопасность, но, может быть, даже жизнь. Сломайся он - и некуда будет садиться спасательным самолетам. Одевшись потеплее - столбик спирта в термометре опустился до -46°C, - разведчики тщательно обследовали взлетно-посадочную полосу. Результаты осмотра оказались малоутешительными. Она вся покрылась сеткой трещин шириной от 3 до 50 сантиметров. Конечно, в случае необходимости мы бы сумели ее отремонтировать, забив трещины осколками льда и снегом. К сожалению, трещина, даже самая маленькая, есть трещина и ее поведение непредсказуемо. Поднажмет лед, и они разойдутся, сделав полосу непригодной для приема самолета.

Комаров так расстроился увиденным, что в вахтенном журнале вместо 10 февраля 1951 года записал 10 января 1950-го.

Как показали события следующего дня, затишье оказалось кратковременным. Стрелка барометра быстро поползла вниз, и пурга не заставила себя ждать. Она ворвалась в лагерь, словно пытаясь похоронить его под снегом. Сейчас бы посидеть в кают-компании, попить чайку да погугарить на общие темы. Какое там. Авральные работы не прекращались ни на минуту. Кто знает, сколько

времени отпустила нам природа на подготовку к новым испытаниям. Комаров сутками не вылезает из палатки-мастерской, оказавшейся в местном "Замоскворечье", за трещиной, берега которой соединены широким трапом.

12 февраля Никитин объявил, что сегодня состоится открытое партийное собрание. Любопытно, а если бы его сделали закрытым, Сомов бы оставили за дверью? Он ведь беспартийный.

Макарыч решил соблюсти положенную процедуру; выбрали президиум, установили регламент для выступлений (смех, да и только). И все же как оно разительно отличалось от подобных соборщ с их многословием, показной деловитостью и практической бесполезностью. Вспомнились длительные жаркие дебаты по поводу состава и количества президиума (как правило, штатного), времени на доклад и выступления. А чего стоили выборы парторга, задолго до собрания обсужденного и утвержденного начальством. Зато какой шумный вздох радостного облегчения прокатывался по залу после слов председателя президиума: "Если вопросов нет, считаю собрание закрытым".

Здесь, на станции, все было по-иному. Сомов коротко сообщил о телеграмме из Арктического института, оценившего высокое качество полученных научных материалов, и сразу же перешел к нашим насущным делам.

- Главное, - сказал Михаил Михайлович, - надо тщательно подготовиться к возможной эвакуации станции на новое место.

План был четкий. Каждый получил конкретную задачу. План обсуждался долго, уточнялись каждая деталь, порядок спасения имущества, проверка аварийного снаряжения и многое другое. Это было совещание единомышленников, связанных не только научными интересами, единой целью, едиными заботами, но еще объединенных чувством громадной ответственности и грозящей опасностью.

Когда собрание подошло к концу, слово попросил Миша Комаров.

- Михал Михалыч, хочу доложить, что ремонт автомобиля на днях закончу. Все будет в ажуре. Так что транспорт на случай переезда на другую льдину у нас будет.

Действительно, Комаров проявил чудеса находчивости и изобретательности. Он ремонтировал старые детали, вытачивал новые. Перебрал по винтикам весь двигатель. Я невольно вспомнил ту далекую беседу с Сомовым и не мог с ним не согласиться, что самоотверженная работа Михаила Семеновича полностью искупала недостатки его характера.

Мы вышли из кают-компаний и окунулись в круговорот пурги. Она бушевала без отдыха почти трое суток и вдруг стихла, словно кто-то закрыл заслонку на гигантской аэродинамической трубе, придуманной природой.

- Теперь жди торошения, - уверенно заявил Яковлев. И, увы, он не ошибся. В ночь на тринадцатое заговорил лед. Сначала это были странные шорохи, потрескивания, но к утру они перешли в непрекращающийся гул. Сомов приказал выходить на вахту по двое, чтобы при первых признаках серьезной опасности успеть подать сигнал тревоги.

Аварийные рюкзаки, набитые двухнедельным запасом продовольствия и самым необходимым снаряжением, давно уже вынесены из палаток и лежат на самом видном месте на ящиках у входа.

Ну и февраль. Кажется, еще ни в одном месяце на нас не обрушивалось столько неприятностей. Пурги, торошения, трещины, морозы - чего только не было в феврале! Хорошо еще, что в нем всего 28 дней.

Ужин давно закончился, но все продолжали сидеть за столом, неторопливо прихлебывая чаек, который всегда водился на камбузе без ограничений и в любое время. Но беседа как-то не клеилась. То ли все переутомились и перенервничали за последние дни, то ли внимание наше то и дело отвлекало скрежетание и уханье льда, сопровождавшееся несильными, но вполне ощутимыми толчками.

- А знаете, братцы, - сказал вдруг Гурий Яковлевич, привычным жестом протирая очки на удивление чистым платком. - Сегодня в некотором роде юбилей. 17 лет назад, 13 февраля 1934 года, в этих краях день в день затонул "Челюскин".

- Это как же в наших? Он же недалеко утонул с Чукоткой, - возразил всегда готовый поспорить Дмитриев.

- Конечно, не совсем в наших. Но если брать в мировом масштабе - то недалеко, - примирительно сказал Макар Макарыч.

- Вот порадовал, - ухмыльнулся Миляев. - Глядишь, по закону парности случаев и с нами чего-

нибудь приключится.

- Типун тебе на язык, - буркнул Костя Курко и, нахлобучив свой малахай, поднялся из-за стола.

"Челюскин". Кто из нас не помнил трагедию этого корабля, превратившуюся в апофеоз человеческой стойкости, мужества и героизма. В 1932 году впервые в истории освоения Арктики ледокольный пароход "Сибиряков" в одну навигацию прошел с запада на восток от Карского моря до Берингова пролива. Чтобы закрепить этот навигационный успех, в 1933 году было решено повторить сквозной поход по трассе Северного морского пути. Для этой цели был избран большой грузовой пароход "Челюскин", изготовленный в Дании по специальному заказу и только что сошедший со стапелей.

10 августа корабль покинул Мурманск, а к середине сентября уже находился в районе острова Врангеля. Но самый тяжелый участок пути только начинался. Восточно-Сибирское и Чукотское моря были забиты льдом, и каждая миля давалась с трудом. Начальник экспедиции радиовал: "Экспедиционное судно "Челюскин" с 22 сентября находится в тяжелых неподвижных льдах... Лед мощностью в среднем в шесть метров плотно сжат".

В конце октября корабль вмерз в огромную льдину и вместе с ней стал петлями дрейфовать, постепенно приближаясь к Берингову проливу. До чистой воды оставалось какие-то три мили, как вдруг ветер переменился, и "Челюскин" вынесло из Берингова пролива на север. С каждым днем ледовая обстановка все усложнялась. Одно из сжатий в конце ноября было настолько сильным, что на льдину на всякий случай выгрузили запасы продовольствия. Однако на этот раз обошлось. В начале февраля у вмерзшего в лед судна наторосило восьмиметровый вал. Наступило тринадцатое. Запуржило. Семибалльный ветер с тридцатиградусным морозом заставляли людей прятаться в укрытия. В полдень торосы, образовавшиеся с левого борта, начали наступать. Стальные листы обшивки вспучивались, выгибались наружу. Еще один натиск, и льдины вспороли борт от носового трюма до машинного отделения. В сорокапятиметровую пробоину хлынула вода. Корабль зарылся носом в воду, высоко над льдинами задрал корму. Раздался ужасающий треск. К небу взметнулось бурое облако снега, смешанного с угольной пылью, и наступила тишина. Там, где только что возвышался красавец корабль, медленно кружились глыбы грязного льда, бревна, ящики.

14 февраля в эфир ушла первая радиограмма из ледового лагеря. "13 февраля в 15 часов 30 минут в 155 милях от мыса Северного и в 144 милях от мыса Уэлен "Челюскин" затонул, раздавленный сжатием льдов..." На дрейфующей льдине, на 68°16' северной широты, 172°51' западной долготы остались 104 человека, в том числе 10 женщин и двое детей. Началась героическая Челюскинская эпопея. На помощь полярникам, терпящим бедствие, пришла вся страна. 13 апреля операция по спасению челюскинцев была успешно завершена. В ознаменование подвига, совершенного полярными летчиками, было установлено звание Герой Советского Союза. И первыми, кому ЦИК СССР присвоил это почетное звание за беспримерную героическую работу по спасению челюскинцев, были А. В. Ляпидевский, С. А. Леваневский, В. С. Молоков, Н. П. Каманин, М. Т. Слепнев, М. В. Водопьянов и И. В. Доронин.

История гибели "Челюскина", стойкость его экипажа, оказавшегося на дрейфующей льдине, и героизм летчиков, осуществивших их спасение, вызвали шквал восторга во всем цивилизованном мире. "Что вы за страна, - писал Бернارد Шоу, - полярную трагедию вы превратили в национальное торжество".

Глава XIX ВЕЛИКОЕ ТОРОШЕНИЕ

Всю ночь на 14 февраля мы не спали. Льдину то и дело встряхивало. Она вздрагивала от ударов, поскрипывала, как старый деревянный дом, но пока еще держалась. Трещины, которые образовались десять дней назад и вели себя вполне мирно, сегодня задышали. Они то расходились, то снова сходились, и тогда вдоль их краев возникали невысокие грядки торосов, шевелившихся и похрустывавших.

Порой казалось, что торосит совсем рядом, и тогда дежурный выпускал несколько ракет, тщетно пытаясь разглядеть за короткие секунды их горения, что там происходит.

Наконец забрезжил рассвет, окрасив все вокруг - сугробы, торосы, палатки - в унылый, пепельно-серый цвет, придававший еще большую мрачность происходящему.

Часы показывали восемь, когда льдину потряс сильный удар, от которого закачались лампочки, а со стеллажа на пол вывалились несколько тарелок. Палатки мгновенно опустели, и их встревоженные жители столпились в центре лагеря, напряженно вглядываясь в густой туман, появившийся неведь откуда. Что скрывается там, за его непроницаемой пеленой?

- И откуда столько тумана натащило? - удивленный столь необычным для нас явлением, сказал Дмитриев.

- Чертовски дурной признак, - пробормотал, покачав головой, Яковлев. - Наверное, неподалеку образовалась большая полынья. Вот она и парит.

- Может, сходить разведать, что там творится? - сказал Курко. - Мы с Иваном мигом управимся, одна нога здесь, другая там. Как, Михал Михалыч? - И, не дожидаясь ответа, Костя шагнул в серую густую мглу. За ним последовал Петров.

- Вернитесь! Немедленно вернитесь! - крикнул Сомов, но обоих уже поглотил туман.

- Вот чертушки, - возмутился Никитин. - Ну чего они на рожон лезут? Подождали бы немного. Скоро рассветет, и тогда разберемся, что к чему.

- Вроде бы жмет с востока, - сказал Яковлев, вслушиваясь в гроыхание льда. - Похоже, дело серьезное. Только бы наша льдина выдержала.

- Должна выдержать, - уверенно сказал Сомов, - все-таки трехметровый пак. Окружающие поля много тоньше, и они должны служить хорошим буфером при подвижках.

Понемногу туман стал рассеиваться. Стали хорошо различимы дальние палатки, а за ними черные фигурки Курко и Петрова, удалявшиеся от лагеря. Они были в сотне метров от нас, как вдруг ледяное поле за их спиной треснуло с пушечным грохотом. Обломки поля разошлись на несколько метров, а затем поползли друг на друга с лязгом и скрежетом. За несколько минут образовалась высокая гряда торосов. Наши лихие разведчики бросились бежать назад к лагерю, а мы, затаив дыхание, следили, как они карабкаются через шевелящиеся льдины. Ведь стоит сделать один неверный шаг - и их раздавит многотонными громадами. Лед наступал. Огромные ледяные глыбы напозлали одна на другую, обрушивались вниз и снова громоздились. Будто адская мясорубка перемалывала трехметровый пак, и наша надежная льдина метр за метром исчезала в ее прожорливой пасти. Маленькая брезентовая палатка гляциологов затрепетала на верхушке голубовато-белой скалы и, перевернувшись, исчезла в ледяном хаосе. Вал торосов поднимался все выше и выше. Вот он достиг уже шести, восьми метров. Лед впереди него, не выдержав, трескался, ломался и под тяжестью глыб, давивших сверху, уходил под воду. Шум стоял такой, что приходилось кричать друг другу. Снова грохнуло, и метрах в двадцати перед наступающим валом возник новый. Он стал расти на глазах. Льдины скрипели, охали, налезая друг на друга. Когда высота его достигла 7-8 метров, поле, не выдержав тяжести, снова раскололось с оглушительным треском, метрах в пятидесяти от фюзеляжа образовался третий ледяной хребет и с угрожающим рокотом покотил на лагерь. Он, словно лавина белых танков, продвигался вперед, сокращая все на своем пути. Тем временем северное крыло вала неумолимо приближалось к радиостанции. Палатку то и дело встряхивало от толчков. С жалобным звоном посыпались со стола миски. Из перевернувшегося ведра выплеснулась вода, залил пол. Щетинин, стоя у отброшенной кверху дверцы, с тревогой следил за приближающимся валом.

- Давай, Костя, давай, - поторапливал он Курко. Но тот словно оглох. Приникнув к рации, он побелевшими от напряжения пальцами сжимал телеграфный ключ, впившись глазами в стрелку часов. До чего же медленно ползет эта проклятая стрелка. Наконец из приемника раздалось долгожданное ти-ти-ти, и Курко лихорадочно застучал ключом, открытым текстом сообщая о надвигающейся катастрофе: "Сильным сжатием базовая льдина дрейфующей станции уничтожена

тчк На лагерь наступают три вала торосов тчк Пытаемся перебраться на соседнее поле тчк Все здоровы тчк Сомов тчк Связь кончаю тчк Торосы подошли к станции тчк Находитесь непрерывно на связи". Наверное, точно так, не бросая ключа до последней минуты, посылали свои последние сообщения наши подпольщики-радисты, обнаруженные вражеской разведкой. Закончив передачу, Костя выключил станцию. Торопливо отсоединив кабели, он вместе со Щетининым вытащил из палатки рацию и бережно опустил на приготовленные нарты. За ней последовали аккумуляторы, аварийный передатчик и спальные мешки, зарядное устройство и движок. Радисты взялись было за постромки, и вдруг Курко заорал: "Антенна! Антенну забыли!" - и, бросив веревки на снег, кинулся навстречу наступающему валу, на пути которого сиротливо торчала спичечка радиомачты. За ним последовал Щетинин. Сбросив рукавицы, обдирая руки о торчащие стальные жилы растяжек, они принялись распутывать намертво затянутые, обледеневшие узлы. А ледяные глыбы, скатывающиеся с гребня вала, уже падали рядом с ними.

- Пора тикать. Черт с ней, с мачтой. Придумаем что-нибудь, - в сердцах сплюнул он.

Неожиданно из клубов морозного тумана вынырнула фигура Комарова, размахивающего топором.

- Держитесь, хлопцы. Сейчас я вам подмогну. Несколькими точными ударами он перерубил стальные жилы растяжек. Одну за другой. Упавшую мачту уложили поверх груза на нарты и поволокли их прочь, напрягая силы, от наступающего льда. Через несколько минут на месте, где стояла радиомачта, уже бурлила ледяная каша.

И вдруг я вспомнил, что забыл захватить чайник.

- Чайник, чайник остался на камбузе, - крикнул я и, перепрыгнув через трещину, края которой снова сошлись, пустился бежать к фюзеляжу.

- Куда?! Назад! - закричал Никитин. - Немедленно вернитесь!

Я влетел в раскрытую дверцу камбуза и стал торопливо в полной темноте нащупывать стоявший где-то под столом чайник. Это были ужасные секунды. Дюралевый корпус фюзеляжа содрогался от толчков, вибрировал, и грохот в нем стоял такой, словно сотня молотков колотили по нему со всех сторон. Никогда в жизни я не испытывал такого страха. Мне казалось, что лед сейчас разверзнется и поглотит фюзеляж вместе со мною. Наконец я нащупал в темноте злосчастный чайник и, прихватив заодно кастрюлю и мешок с продуктами, оставленными с вечера, пулей вылетел наружу.

- Ну и псих, - сказал Курко, когда я, тяжело отдуваясь, появился рядом с нартами. Сомов не произнес ни слова в упрек, только осуждающе покачал головой.

К 10 часам утра от всего огромного ледяного поля, столь надежно служившего нам почти десять месяцев, остался на западном конце лишь жалкий клочок метров 50 в поперечнике. Туда и поволокли нарты с аварийным запасом, банками с пятнадцатисуточным запасом продовольствия, газовый баллон, плитку, столь предусмотрительно подготовленные нами за несколько дней до катастрофы. На вторые нарты с документами, журналами наблюдений, упакованными в прорезиненные мешки, погрузили миляевский магнитометр и хронометры.

Тем временем Никитин, Петров и Яковлев выковыряли из ледяного фундамента гидрологическую палатку и, быстро разобрав, поволокли через трещины. Только тогда, когда все самое необходимое оказалось в безопасном месте, мы остановились, чтобы перевести дух. Вот когда мы по-настоящему оценили мудрость и предусмотрительность Сомова, настоявшего на разработке детального плана эвакуации станции в случае неожиданных коллизий. Сегодня, в час беды, каждый из нас точно знал, что и как надо делать. Это уберегло нас от многих потерь и, главное, от паники, неизбежно возникающей при катастрофах.

Впрочем, и сейчас перебравшись через трещину, мы не могли чувствовать себя в безопасности. Уцелевший кусок льдины был слишком мал, и, кроме того, если он тоже треснет, неясно было, куда драпать дальше. Ледяные валы продолжали наступать, сжимая лагерь смертельным полукольцом. Несколько обнадеживало, что скорость их значительно замедлилась, а дальше к западу обнаружился еще один кусок неповрежденного поля.

А торошение все продолжалось. Казалось, еще немного, и лагерь будет погребен под ледяными горами. И вдруг!!! Словно кто-то могущественный взмахнул волшебной палочкой, и все замерло. Остановились грозные валы, сомкнулись трещины и наступила тишина, ошеломляющая своей неожиданностью. Этот переход от грохочущей круговерти к полному покою был столь неожиданным и разительным, что все застыли, не веря происходящему, и лишь поглядывали друг на друга, растерянно улыбаясь.

- Уф, кажется, пронесло, - сказал Петров, вытирая пот, стекавший со лба.

- Да, хотелось бы надеяться, что подвижки прекратились окончательно.

- Как думаешь, Гурий Николаевич? - спросил Никитин, жадно затягиваясь сигаретой.

- Кто его знает, - сказал осторожно Яковлев, с таким видом, словно он лично был ответствен за случившееся. - Похоже, что лед временно выдохся. Но все может запросто повториться.

Пока радисты с помощью Дмитриева и Гудковича ставили палатку, укрепляли антенну, разворачивали радиостанцию, мы, воспользовавшись затишьем, вернулись в лагерь. Мрачное зрелище предстало перед нашими глазами. Самый опасный из валов замер, насупившись зубьями торосов, местами голубых, местами черновато-бурых, словно вымазанных глиной, остановившись буквально у порога кают-компаний. Всюду валялись брошенные второпях разбитые ящики, рассыпанные консервные банки, старое обмундирование, опрокинутые баллоны. Палатки с разрушенными тамбурами, обвалившейся снежной обкладкой выглядели как после землетрясения.

Ужинать решили в кают-компаниях. Холодно и мрачно. Бак с водой упал с плитки от сильного толчка, и пол покрылся коркой льда. Электричества нет, и в кают-компаниях царит кромешный мрак. Вместе с Зямой мы решили навести хоть какой-нибудь порядок. Подвесив к тросику две "летучие мыши", мы при их скудном свете скололи лед, поставили на ножки перевернувшиеся скамьи и стол, расставили миски, вскрыли десяток банок консервов, распечатали пачки галет. К приходу товарищей я успел вскипятить чайник, и все расселись за столом, не снимая курток, перебрасываясь короткими фразами.

Глава XX ДНЕВНИК (продолжение)

14 февраля.

Все палатки остались в лагере. Они так вмерзли в лед, что выволить их из плена у нас просто нет сил. Пока мы воспользовались единственной палаткой, хранившейся на аварийных нартах. Набившись в нее, как сельди в бочке, мы расстелили мешки прямо на полу, застелив его в несколько слоев оленьими шкурами. И разлеглись не раздеваясь при тусклом свете "летучей мыши", подвешенной под потолок. За тонкой сеткой палатки бушевала пурга, и мы напряженно прислушивались, пытаясь уловить сквозь ее завывание грозные звуки начинающегося торошения. Но, к счастью, лед молчал, и очередной вахтенный, нырнув в снежную круговерть, возвращался весь облепленный снегом, извещая нас, что "пока все спокойно". Пока.

Обстановка удручающая. Но мы уже пришли в себя, и сейчас, когда непосредственная угроза гибели станции миновала (временно), мы не только оклемались, но уже с юмором вспоминаем свои "подвиги".

- Ну братцы, и перетрухал же я сегодня, - сказал, ухмыляясь, Ваня Петров. - Только мы с Костей отыскивали завалящую бочку с бензином, вдруг как грохнет, льдина треснула и края ее полезли друг на друга. Мы ахнуть не успели, как перед нами целая гора выросла. Мы туда-сюда, куда ни ткнемся, вокруг глыбы трещат, шевелятся. Сунулись было в одно место, где показалось, проход образовался, а его тут же завалило. Решили, была не была - будем перебираться. Не оставаться же вдали от лагеря, еще унесет. И полезли. К счастью, все обошлось.

- Я тоже, сказать честно, натерпелся сегодня страху. И угораздило меня сунуться в фюзеляж за чайником, будто он последний. Все вокруг грохочет, трясется. Конец света. Мечусь в крошечном мраке. Еле нащупал этот проклятый чайник. Выбрался на свет божий и только тогда стало по-настоящему страшно.

- Я тоже здорово напугался, когда меня здоровенная глыба чуть с ног не сбила. Ну, думаю, хана тебе пришла, Курко. Думать-то думаю, а руки свое дело делают, - сказал Костя, разглядывая свои руки, покрытые глубокими, чуть подсохшими царапинами. - Вроде бы пора драпать, а совесть не позволяет матчу бросить. Ведь без нее на аварийном передатчике ни с кем связаться не сумеешь. Жора тоже говорит, пора драпать, а сам чуть ли не зубами трос распутывает. Хорошо, Комар подошел.

И действительно, в те страшные часы мы позабыли об опасностях, кидались в самое пекло, рискуя провалиться в трещину или попасть под ледопад.

Вечером Шетинин принял радиограмму из Москвы: "Повседневно следим за вашей работой, представляющей огромную, необыкновенную ценность. Уверены, что ваш отважный коллектив зимовки с честью преодолеет все трудности и выполнит задание правительства".

15 февраля.

- Михал Михалыч, - сказал, зябко поеживаясь, Яковлев, - может, все же рискнем и переночуем в старом лагере? Вроде бы лед утихомирился. А то какой здесь отдых - одно мученье, хоть, как говорят, в тесноте, да не в обиде.

- Вы, Гурий Николаевич, бросьте анархию разводить, - сердито отозвался Сомов. - Ладно торошение. От него мы сумеем убежать. Я боюсь, не ровен час расползется льдина на куски, разнесет их в разные стороны, и будем мы тогда аукаться, отрезанные друг от друга.

- Да, пожалуй, вы правы, Михал Михалыч, - нехотя согласился Яковлев.

Еще одна тревожная ночь на новом месте. - Под утро палатку резко тряхнуло. Петров, стоявший на вахте, выскочил наружу. Вскоре он вернулся, весь запорошенный снегом.

- Михал Михалыч, - сказал он, протирая очки, - на севере началось торошение.

Мы повysкакивали из мешков. Сквозь пелену мятущегося снега в серой рассветной мгле на севере, словно белые призраки, возникали гряды торосов. Они росли на глазах, надвигаясь на наше убежище с неумолимостью рока. А на западе, метрах в ста от палатки, клубились, словно дым лесного пожара, буро-черные испарения над огромным разводьем.

- Быстро собирайте вещи, уходим обратно в лагерь, - скомандовал Сомов.

Мы мигом погрузили на нарты палатку и поволокли их в старый лагерь. Там, к счастью, царило спокойствие. Валы замерли в грозной неподвижности. Мы собрались в кают-компанию, развели паяльные лампы, зажгли фонари и принялись наводить порядок. А я тем временем, поставил на газовую плитку чайники, благо и она и баллон оказались в целости и сохранности, наготовил бутербродов. Все молча жевали подмороженный хлеб с застывшим беконом, прилебявая горячий чай.

- Ну что приуныли, друзья, - раздался голос Сомова, - вспомните, что говорил Нансен. Трудное - это то, что может быть сделано немедленно; невозможное требует немного более времени. Так вот трудное мы уже преодолели, а невозможное наверняка преодолеем. Так что выше голову.

Постепенно еда и горячий чай сделали свое дело. Все повеселели и принялись обсуждать наши перспективы. Было решено, как только закончится пурга, немедленно начинать поиск подходящей льдины для перебазирования лагеря.

Однако рассиживались мы недолго. Первым поднялся Миляев.

- Вы, ребята, чаевничайте, а я пойду погляжу, как там торошение повлияло на силы земного магнетизма, да и в магнитном павильоне порядок надобно навести.

- Нам, пожалуй, тоже пора, - сказал Яковлев, застегивая куртку на все пуговицы. - Пошли, Ванечка, трещины промерим, а заодно структуру льда поглядим.

- А у меня метеосрок подоспел, - сказал Гудкович, нахлобучивая шапку.

- Пойдем, Саня, к машине, - сказал Комаров, - надо бы из снега выволить. Там такой сугроб навалило, что мне одному не справиться.

За ними ушли Сомов с Никитиным разбираться со своим гидрологическим хозяйством, а я отправился на склад, за продуктами. Притащив на камбуз все необходимое, я, то и дело опасливо поглядывая на восьмиметровую громаду вала, нависшего над фюзеляжем, заполнил бак снегом, водрузил его на плитку и принялся наводить порядок в кают-компании. Работа шла споро. Под ударами пешни толстый слой льда, покрывавшего пол, вскоре превратился в груды зеленых осколков. Покопавшись с ледяным "паркетом", я принялся палкой выколачивать брезент полога, очищая его от инея. Кают-компания наполнилась снежной пылью. Она набивалась в рот, в уши, лезла за воротник и, мгновенно тая, превращалась в холодные струйки, стекавшие по спине. Наконец, работа была благополучно завершена, и я уселся на скамью, распрямив занемевшую поясницу.

- Теперь, пожалуй, можно и чайком побаловаться, - сказал я вслух и, отодвинув бак, поставил на газ чайник. Хлопнула дверца, и между полотнищами полога просунулась заиндевелая физиономия Гудковича.

- Шел по улице малютка, посилен и весь дрожал, - продекламировал он осипшим голосом. - Может, Виталий, обогреешь сироту?

- Как не обогреть? А вот и чайник крышкой сигнал подает. Присаживайся за стол, я сам с тобой с удовольствием почаевничаю.

- Может, теперь пойдем поглядим на лагерь? - предложил я, допивая вторую кружку.

- Я не против, - сказал Зяма, натягивая куртку. Метрах в десяти от самолета путь нам преградила трещина шириной метра в полтора. Ее полупрозрачные, зеленоватые стены разошлись под углом 45°, образовав глубокий овраг, по дну которого журча извивались ручейки черной воды. Оглядевшись, мы обнаружили неподалеку валявшийся трап. Перекинув его через трещину, мы ползком перебрались по обледеневшим доскам на противоположный берег. Пройдя несколько шагов, мы оказались у подножия вала. Огромные глыбы нагромодились друг на друга на восьмиметровую высоту. Взобраться по ним на гребень вала было делом весьма рискованным. Ноги то застревали между льдинами, то цеплялись за их зазубренные края, скользили по отполированной поверхности. Иногда глыба, казавшаяся устойчивой, вдруг уходила из-под ног, и мы с прыткостью горных козлов прыгали на другую, рискуя сломать шею. Наконец мы добрались до гребня вала. Открывшаяся панорама лагеря повергла нас в уныние. С трех сторон его окружали огромные ледяные валы. За каждым из них виднелись, словно застывшие волны морского прибоя, еще несколько, разделенные между собой неширокими проходами, забитыми ледяным крошевом, присыпанным снегом. В полукилометре от нас на западе чернело широкое разводье. Наша лаковая льдина, одиннадцать месяцев служившая нам надежным пристанищем, превратилась в мозаику из различной формы и размеров обломков. Она напоминала кусок стекла, по которому ударили молотком.

Во всех направлениях разбегались извилистые трещины, уже подернутые молодым ледком. На белом фоне свежее выпавшего снега чернели купола

палаток с обвалившейся снежной обкладкой и разрушенными снеговыми тамбурами. На месте актинометрической площадки возвышалась пирамида торосов. Всюду валялись ящики, баллоны, какие-то свертки, брошенные при поспешном бегстве.

- Последний день Помпеи, - мрачно изрек Зяма. - Да, накрылся наш лагерь.

- Ладно, старик, не печалься. Бог не выдаст - свинья не съест, - сказал я и, вытащив из-за пазухи трубку, выпустил клуб голубоватого дыма. - Не весь же океан переторосило. Может, где-нибудь остался кусок приличного льда.

Сильный порыв ветра едва не сбросил нас вниз, напомнив, что пора возвращаться. Мы застегнули куртки и стали осторожно сползать вниз. Добравшись до подножия, промерзшие до костей, мы рысью пустились к радиостанции, откуда доносилась веселая трель ожившего движка.

- Здорово, бояре, - приветствовал нас Костя. - Где вас носило?

- Путешествовали на вершину вала, - отвечал я.

- Ну и как? Очень хреново?

- Да куда уж хреннее, - отозвался Зяма, - все вокруг перемололо. Живого места нет. А у вас, Константин Митрофанович, может, есть новости поприятнее?

Новостей оказался целый ворох. Пришли радиogramмы со Шмидта, из Тикси, из Ленинграда. Москва сообщила, что готовится группа самолетов для проведения спасательной операции. Судя по тону радиogramм все крайне обеспокоены свалившимися на нас бедами.

- Конечно, самолеты - это хорошо, - сказал Курко, - только вот сесть им будет некуда. Да и не очень-то нужно нас спасать. Теперь, думаю, сами управимся. А ты, Зяма, как считаешь?

- Конечно, управимся, - уверенно сказал Гудкович. - Пока год не продрейфуем, никуда не уйдем. Вот только льдину понадежней найдем, и тогда все само собой образуется.

Топот ног и громкие голоса у входа прервали нашу беседу. Мы выглянули наружу. У палатки, отряхивая снег, столпились наши поисковики. Судя по улыбка и веселым голосам, им удалось обнаружить подходящую льдину для нового лагеря. И действительно, километрах в двух от старого лагеря они наткнулись на вполне приличный островок размером километр на километр, совершенно не тронутый подвижками. Правда, путь к нему преграждали несколько трещин и четыре невысокие гряды торосов. Но это никого не смущало. Главное - есть новое пристанище!

- Михал Михалыч, - сказал я обрадованно, - давайте все в кают-компанию.

Обед уже готов, и горячих щей похлебать никто не откажется. Когда все отогрелись, приняли по чарке спирта, принялись обсуждать наши перспективы.

- Льдинку мы нашли неплохую, - сказал Никитин, затягиваясь папирисой, - но покорячиться нам придется. Боюсь, что без автомобиля нам не управиться. Теперь слово за Комаровым.

- За мной дело не станет, - сказал Комаров, раздвигая полог. - Мы с Саней разгребли сугроб, и я осмотрел двигатель. Полный порядок. Теперь только отогрею его, и все будет тип-топ. Можно даже на Северный полюс махнуть.

- Что ж, Михаил Семенович, надеюсь, вы нас не подведете, - сказал Сомов.

Однако большинство отнеслось к оптимистическому заявлению Комарова несколько настороженно, зная его самоуверенность. У каждого в глубине души шевелился червячок сомнения: а вдруг какая-нибудь деталь полетит, а вдруг разогреть не удастся, а вдруг? Как-никак а газик почти четыре месяца провел в сугробе, как медведь в берлоге. Однако автомобиль автомобилем, но для него надо будет проложить двухкилометровую дорогу на новую льдину через трещины и торосы. Но мы так поднатерели в разного рода такелажно-строительных делах, что предстоящий сизифов труд никого не смущает.

Полные радужных надежд, все разбрелись по палаткам. Лагерь погрузился в непривычную тишину, нарушаемую лишь посвистыванием ветра в торосах да легким побряхтыванием льда. Небо очистилось от туч, и молодая, словно отполированная луна залила окрестности желтым призрачным светом.

16 февраля.

Снова всю ночь гул торошений не дает нам уснуть. То в одном конце поля, то в другом раздается хруст ломающихся льдин. Трещину у палатки радистов исторосило и вывороченные льдины стали частоколом. Трап сбросило в трещину и придавило льдом. Единственная радость - посветлело. А при дневном свете все воспринимается спокойнее. Вроде бы теперь знаешь, куда бежать, если начнется очередное наступление льдов. Трое суток подряд мы работаем почти без отдыха. Прикурнем, забежим перекусить, хлебом кружку чаю и снова за дело. Нас не оставляет опасение, что все повторится, и мы не успеем спасти остатки нашего добра.

В первую очередь на соседнюю льдину перетасчили запасы продовольствия, баллоны с газом и оставшуюся пару бочек с бензином, без которого наша радиосвязь с Землей могла оборваться. Запасные радиопередатчики не внушают радистам доверия. Слишком долго пролежали они в холоде и вполне могли выйти из строя.

- Как, Константин Митрофанович, - поинтересовался Сомов, - бензина для движка нам хватит?

- Надеюсь, до весны дотянем, - сказал Курко, почесав голову.

- Неплохо было бы наконец воспользоваться осиповским бензином. Что ж, он так до весны и пролежит на аэродроме бесполезным грузом? - сказал Никитин. - Разреши, Михал Михалыч, мы с Гудковичем и Дмитриевым сходим на аэродром, разведаем.

Но, увы, нашим надеждам не суждено было сбыться. Команда поисковиков исходила весь аэродром вдоль и поперек, раскапывая каждый подозрительный холмик снега. Но все было напрасно. Ни плоскостей с двигателями, ни хвоста, ни даже каких-либо признаков самолета обнаружить не удалось. Они исчезли. То ли их заторосило, то ли они провалились в разводье. Впрочем, куда они исчезли, уже никого не интересовало. Главное, что бензин был утерян безвозвратно.

Злые, замерзшие, часть Комарова на все лады, они вернулись в лагерь. И, словно в насмешку, Курко вечером принял радиogramму из Москвы: "Разрешаем использовать авиационный бензин из машины Осипова для отопления палаток".

17 февраля.

Поча камбуз временно вышел из строя, я выполняю роль вахтенного. Побродив по разрушенному лагерю, по привычке заглянул в кают-компанию. Здесь тоже царит холод, но хотя бы не дует. На столе, как всегда, лежит вахтенный журнал. За месяцы дрейфа он основательно обтрепался, покрылся жирными пятнами. Я медленно перелистываю его страницы, на которых отражена вся жизнь нашей станции. День за днем. Иногда записи дежурных предельно лаконичны - координаты, температура воздуха, состояние льда. Порой встречаются глубокомысленные замечания, вроде: "Ропак катается по снегу - вероятно, погода еще больше испортится", или: "Паяльная лампа вещь хорошая, греет лучше газа, но она раздражает глаза: долго в кают-компании не посидишь". Прочти наш журнал опытный психолог, он наверняка за строками записей сумел бы определить характеры каждого зимовщика. Однако его выводы оказались бы ошибочными. Наши "тайные романтики" обычно отделиваются несколькими скупыми фразами, а весьма сдержанные на эмоции товарищи вдруг раздражаются романтическими описаниями природы, юмористическими замечаниями о происшедших событиях.

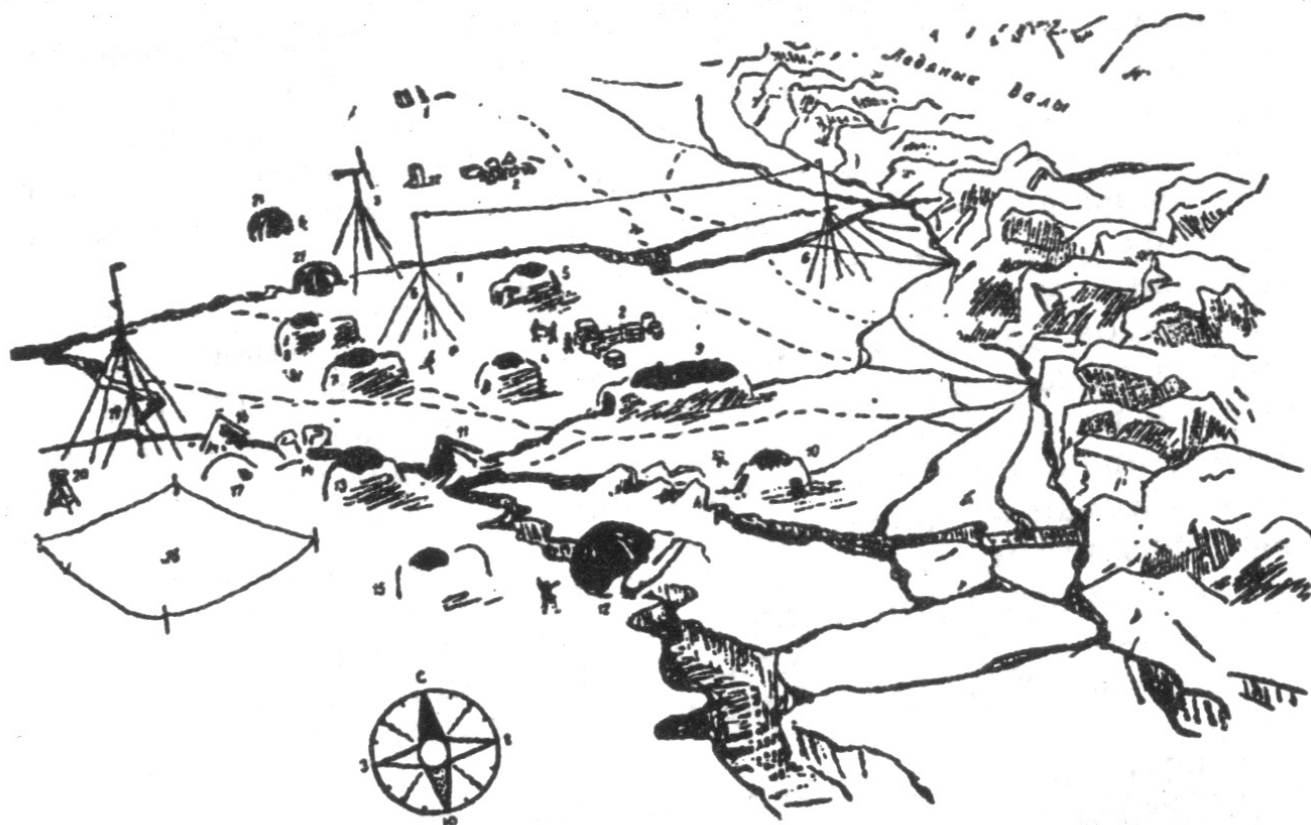
"Тишина. Бескрайние снежные просторы освещены мягким светом луны. Красок немного, преобладают снежно-белые, но лунные тени придают им множество оттенков и создают картину поистине чудесную и величественную. 23 декабря. Вахтенный И. Петров.

"Герой сегодняшнего дня - собачья мамаша Майна. Она ухитрилась при 49-градусном морозе произвести потомство в количестве пяти штук, что было обнаружено случайно доктором Воловичем несколько позже, чем это было необходимо для оказания медицинской помощи. Новорожденные были обнаружены уже обсохшими, но бодрыми и не пострадавшими от жестокого мороза. 13 января. Вахтенный К. Курко".

Немало в журнале и драматических записей.

"В 11 часов 02 минуты московского времени в лагере вспыхнул пожар. Горела палатка радистов. На крик радиста Щетинина сбежали люди и начали тушить огонь. Черная вода ведрами из соседнего озера, люди не помня себя лили воду в море огня, а огонь рвал и метал, пожирая на глазах все, что могло и не могло гореть. Взорвался на движке бак с бензином, струя огня высотой около четырех метров с шипением ударила вверх и там растаяла. Нужно было во что бы то ни стало спасти материалы наблюдений и документы.

Охваченные огнем чемоданы с документами были выхвачены из горящей палатки и залиты водой. Все это произошло в течение пяти-шести минут. Палатка сгорела как факел. 12 июля. Вахтенный М. М. Погребников".

ЛАГЕРЬ ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

- 1 - баллоны с газом;
- 2 - склады продовольствия;
- 3 - ветряк;
- 4 - жилая палатка;
- 5 - радиостанция;
- 6 - радиомачты;
- 7 - жилая палатка ледоисследователей;
- 8 - жилая палатка гидрологов;
- 9 - камбуз;
- 10 - мастерская;
- 11 - палатка магнитологов с приборами;
- 12 - баня;
- 13 - жилая палатка магнитологов;
- 14 - снежный футляр для защиты от ветра астрономических приборов;
- 15 - магнитный павильон;
- 16 - рабочая палатка ледоисследователей;
- 17 - снежный домик;
- 18 - ледоисследовательская площадка;
- 19 - градиентная мачта;
- 20 - метеорологическая площадка;
- 21 - рабочие палатки гидрологов;
- 22 - туалет;

Черными линиями изображены трещины, возникшие 4 февраля; пунктирными - трещины, образовавшиеся 18 февраля.

Или запись, сделанная Никитиным в день катастрофы самолета Осипова: "Произошло большое несчастье. При взлете Осипов потерпел аварию. Машина упала недалеко от конца аэродрома. Произошло это в 00 часов 26 октября; машина была совершенно разбита. Раненых доставили в палатки. Оказана первая помощь. Титлов прилетел в 00 часов 50 минут, в 02 часа 25 минут вылетел на Шмидт".

Или торопливо набросанная рукой Яковлева запись с 5 на 6 февраля: "С 9 утра на горизонте видна узкая полоска зари. Днем уже почти светло. Можно читать крупный текст. При свете видно, что все ледяное поле, на котором базировалась станция, разломано и трещины прошли по всевозможным направлениям. Местами лед разломало на мелкие куски, где образовалась целая сетка трещин. Жилые палатки оказались расположенными в вершине узкого клина, зажатого между двумя ледяными массивами. Научные материалы и документы запакованы в чемоданы и вынесены на лед - на открытое место".

4 февраля вахтенный З. Гудкович записал: "Температура поднялась до -18°C. Около 03 часов 25 минут раздалось несколько толчков, сопровождаемых треском. 2 трещины пересекли д/с. Первая прошла в 5 метрах от мачты градиентной установки, под рабочей палаткой ледоисследователей, разорвав ее при этом пополам, причем в трещину провалились аккумуляторы и психрометр "Ассмана", далее через астрономический павильон (точно под теодолитом; он упал, но остался на льду), затем задела жилую палатку магнитолога Н. Милева и М. Комарова, обрушив снежный тамбур. Координаты станции на 12 ч 30 м 80°35' с. ш. 199°57' в. д. Личный состав здоров. Паника отсутствует".

Я покидаю кают-компанию, захватив с собой журнал.

18 февраля.

Сегодня, согласно радиограмме, наша СП-2 превратилась в избирательный участок. В отличие от папанинцев мы не претендуем на право "быть избранным", а вполне удовлетворяемся возможностью "выбирать". Об этом столь важном событии оповестил нас Макар Макарыч, назначенный председателем избирательной комиссии. По случаю столь знаменательного события Сомов распорядился оживить наш камелек. Пожалуй, ни одно распоряжение Михаил Михайловича не выполнялось с такой охотой и быстротой. Под веселое гудение камелька нам вручили бюллетени, старательно напечатанные Дмитриевым на старенькой машинке. Бюллетени были тут же опущены в импровизированную урну, роль которой выполнял ящик из-под хим-реактивов, опечатанный по всем правилам сургучом. Комиссия, уединившись, подсчитала бюллетени, и Курко отправился на радиостанцию, чтобы сообщить на Большую землю, что весь коллектив дрейфующей станции "Северный полюс-2" единогласно отдал свои голоса за кандидатов "блока коммунистов и беспартийных". По случаю столь торжественного события я "сообразил" праздничный завтрак, присовокупив к нему 2 бутылки портвейна из сомовских запасов. Однако наша веселая трапеза была прервана пушечным салютом, от которого содрогнулся фюзеляж. Трещина между радиостанцией и рабочей палаткой гидрологов снова ожила. Ее края быстро сошлись, сминая образовавшийся за двое суток ледок, как папиросную бумагу, и полезли друг на друга. Прямо на глазах выросла трехметровая гряда торосов. Мы едва успели вытащить палатку из-под шкворчащих, переваливающихся льдин и оттащить на безопасное расстояние.

А тут с треском лопнуло поле под тамбуром жилой палатки гидрологов, и черная змеистая трещина проползла рядом с яковлевской палаткой. За ней задышала и расползлась на два метра старая трещина, разорвавшая надвое их рабочий павильон. Угрожающе зашевелились и доселе молчавшие главные валы. Мы метались по льдине, словно муравьи, перетаскивая с места на место наше добро. Впрочем, какое из них действительно безопасное, предугадать было невозможно. Только к ночи страсти улеглись, и мы получили временную передышку. Ветер тоже утихомирился, а сорокапятиградусный мороз принялся наводить порядок на трещинах, скрывая их молодым льдом.

Глава XXI ЭВАКУАЦИЯ ПОД АККОМПАНЕМЕНТ ТОРОШЕНИЯ

Едва рассвело, как Сомов, Никитин и Яковлев пошли обследовать лагерь. Он сейчас напоминает селение, затерянное в горах, с той только разницей, что горы в любую минуту могли прийти в движение. Зрелище разгрома, учиненного природой, было удручающим. Бесчисленные трещины избороздили льдину вдоль и поперек. Исследовав состояние буквально каждой из них, измерив высоту каждого вала торосов, высота которых достигала местами восьми метров, они пришли к неутешительному выводу: дальнейшее пребывание в старом лагере невозможно и надо как можно быстрее эвакуировать все имущество на соседнюю льдину, оказавшуюся целой и невредимой. Правда, она была чертовски мала, каких-нибудь сто пятьдесят на двести метров, но это все, что есть сегодня в нашем распоряжении. Некоторые упрямыцы пытались отсрочить переезд. И не только потому, что перетаскивание нашего имущества требовало гигантских усилий. Уж больно жалко было покидать насиженное, ставшее родным домом наше старое обиталище. Однако Сомов был непреклонен. И эвакуация началась.

Поскольку все аварийные запасы, документы, важная аппаратура уже покоились на соседней льдине, пора было заняться палатками. Это оказалось непростым делом. Утепленные толстыми снежными обкладками, сцементированными морозом, они буквально вросли в лед. Освободить их из снежно-ледяного плена потребовало немалых усилий. Смерзшийся снег с трудом поддавался ударам пешней и топоров. Первой на очереди была палатка радиостанции, и после двухчасовой работы она была водружена на нарты и перевезена на новое место. За ней последовала жилая палатка гидрологов. Но ледяной дот гляциологов оказался нам не под силу. Наша "аэрологическая палатка" тоже обречена. Ее можно было бы извлечь из-под снега только с помощью экскаватора. Пришлось удовлетвориться двумя. Но и они, обледевшие, насквозь промерзшие, оказались неподъемными. А ведь на очереди оставались тонны других грузов, метеобудка, катушки с тросом, гидрологические лебедки и множество разных необходимых вещей. Пожалуй, мы бы справились с этой задачей, пожелай остаться на соседней льдине. Но ведь предстоял переезд в новый лагерь. А сколько до него километров? Теперь все взоры с надеждой обращены на Комарова: удастся ли ему оживить свой автомобиль? Пока что газик стоит рядом с мастерской, до самых бортов засыпанный снегом. Но Миша уверяет, что ремонт полностью закончен и остается лишь запустить двигатель. И все же при взгляде на этот промороженный, заиндевевший агрегат в голову закрадывается крамольная мысль: удастся ли его оживить? Мы нерешительно топтались на месте, пока сердитый окрик Комарова не привел нас в чувство.

- Ну что вы стоите, ворон ловите, - гаркнул он, - беритесь за лопаты и расчищайте сугроб!

Команда была исполнена незамедлительно, и вскоре машина уже стояла на ровной, утоптанной площадке неподалеку от мастерской.

Комаров прихрамывающей походкой обошел машину кругом, постукивая ногой по скатам, а затем, подняв крышку капота, засунул под него голову. Он долго копался в моторе, что-то подкручивая, подвинчивая, тихонько матюкаясь, а мы стояли рядом, полные надежды на чудо. Наконец Комар спрыгнул на снег, неторопливо вытер руки ветошью и, сказав: "Все в ажуре", обратился к Дмитриеву:

- Давай, Санек, тащи аккумулятор.

Дмитриев нырнул под полог мастерской и, торжественно улыбаясь, вынес тяжелый аккумулятор, бережно завернутый в старое ватное одеяло. Распеленав сей источник электроэнергии, Комаров установил его на раму под капотом, тщательно зачистил наждачной бумагой свинцовые култышки электродов и, насадив на них клеммы, туго затянул барашки. Тем временем Ваня Петров уже намотал ветоши на длинный железный штырь, обмакнул его в банку с бензином и поднес спичку. Факел мгновенно вспыхнул, и дымные языки пламени осветили сосредоточенные лица окружающих. Комаров, став на колени, долго водил факелом по днищу машины, отогревая застывшие узлы. Я притащил два ведра горячей воды, залил ее в радиатор. Комаров проверил рейкой уровень бензина в баке и протиснулся на сиденье за баранку. Все замерли в ожидании. Но Комаров продолжал сидеть не двигаясь, словно не решаясь нажать стартер.

- Ну давай, Семеныч, не томи, - первым не выдержал Дмитриев.

Комаров только отмахнулся, но вдруг решительно повернул ключ, торчавший в замке зажигания, и нажал педаль стартера. Уу-УУ-УУ - натужно, словно просыпаясь, заурчал стартер. Но двигатель не подавал признаков жизни. Комаров выждал несколько мгновений и вновь нажал педаль, и вдруг, это был незабываемый момент, двигатель рыкнул раз, другой и, чихая и фыркая, вдруг загудел, выстреливая облачка черного дыма из выхлопной трубы.

- Ура! - заорал Дмитриев, и все подхватили этот радостный крик. Комаров выжал сцепление,

включил скорость, и газик рывком двинувшись с места, покатил по льдине, громко фукая еще не прогретым двигателем. Теперь нам не страшно никакое переселение.

Наша льдина, куда мы перебрались после "великого торошения", - лишь временное пристанище. Она слишком мала, и серьезный натиск льдов сомнет ее без особого труда. Поэтому Сомов отправил две группы на поиск чего-нибудь более подходящего. Правда, особых надежд никто не питал. После разгула стихий трудно было рассчитывать, что поблизости окажется хоть мало-мальски пригодная льдина. И все же нам повезло. Километрах в полутора к северо-западу группа Гудковича наткнулась на вполне приличное поле размером километр на километр. Но все же это было хорошее, почти без трещин поле пакового льда, а Яковлев с Петровым, изрядно попотев, установили, что толщина его превышает два метра. Льдину окружали старые, заметенные снегом торосы: значит, коллизии последних недель ее не коснулись. Но дорога к ней отнюдь не была усыпана розами. Заструги, трещины, торчащие из-под снега ропаки попадались на каждом шагу, а в довершение всего ее в трех местах перегородили невысокие гряды торосов. Но все эти "мелочи" нам теперь были не страшны. Вооружившись пешнями, топорами и лопатами, мы дружно принялись за прокладку автомобильной трассы. Впереди шли разведчики - Яковлев с Петровым со щупами в руках. За ними следовали строители. Колонну замыкал газик с Комаровым за баранкой. Они удалились уже метров на двести, когда лед в старом лагере вновь пришел в движение. Все загудело, затрещало, словно природа, опомнившись, решила возместить упущенное.

Я выпустил одну за другой три ракеты, подавая сигнал тревоги. Прямо на моих глазах трещина под миляевской палаткой расползлась метров на десять, а следом за ней треснул лед под палаткой-баней. Края трещины мгновенно разошлись, и "баня" повисла над глубоким обрывом, грозя свалиться при малейшем новом толчке. Подбежавшие Курко с Никитиным, ухватив ее за торчащие дуги, отволокли с трудом от края обрыва.

На следующий день, пользуясь наступившим затишьем, мы заторопились с переездом в новый лагерь. Одни ремонтируют дорогу, другие свозят на нартах грузы для газика. Работы всем хватает. Наконец загруженный "под завязку" автомобиль отправляется в свой первый рейс. Погода стоит ясная, безветренная, хотя синий столбик в спиртовом термометре не поднимается за отметку -45°C. Безоблачное небо кажется прозрачным и отливает опалово-розовым. Из-за торосов уже посверкивают первые лучи приближающегося солнца.

Старый лагерь постепенно пустеет. Но на него нельзя смотреть без грусти. Разломанные укрытия палаток, обрушившиеся тамбуры, разбросанные ящики, валяющиеся старые бочки из-под бензина. Везде следы запустения. Только Ропак с Майной в сопровождении своры щенят носятся по лагерю в поисках чего-нибудь вкусенького.

20 февраля.

Спать больше трех-четырех часов в сутки не удастся. И мы, словно в полусне, грузим, возим, опять грузим - и так без конца. А тут еще немало хлопот доставляет автомобиль. Он то проваливается в присыпанные снегом, ставшие незаметными трещины, то застревает в ямах, заполненных рыхлым снегом, то буксует на ровном месте. Но, что весьма важно, его не удастся нагрузить, как хотелось бы. Впрочем, эту проблему мы решили довольно быстро, сообразив, что к нему можно прицепить нарты. А это уже 300-400 килограммов дополнительного груза. Но оставалась другая - как перевозить палатки? Разобрать палатку нельзя: ее потом не соберешь, дуги смерзлись, тент при малейшей неосторожной попытке освободить от намерзшего льда рвется, как гнилая тряпка. Тащить палатку целиком на себе - об этом нечего и думать: в каждой из них не меньше 200 килограммов. У нас едва хватило сил перенести их на соседнюю льдину, но полутора километров нам не осилить. На нартах они тоже не помещались.

- Может, их укрепить на крыше газика? - осторожно спросил Дмитриев. Но Комаров так зло зыркнул на него, что Саша тут же умолк.

- А почему бы действительно не погрузить на газик? - вмешался Миляев. - Давайте соорудим из досок раму, укрепим ее на капоте, а на нее поставим палатку. Тент с машины снимем, а чтобы Михаилу не закрывать обзор, отшнуруем пол и повернем палатку дверью вперед.

Предложение пришлось всем по вкусу, даже Комарову. Газик с водруженной на нем палаткой напоминал бронемашину с башней из кирзового купола.

Пока все занимались перевозкой грузов, я отправился на новую льдину и там принялся оборудовать одну из привезенных палаток под камбуз. Вымел снег, настелил лучшие из имеющихся оленьих шкур, расставил койки, установил в центре палатки столик и несколько стульев. У входа в палатку укрепил большой деревянный ящик, водрузив на него обе газовые плитки. Теперь оставалось подключить их к газовому баллону, и новая кают-компания могла принимать гостей. К их приходу на плитках уже закипел чайник, в большой кастрюле весело бурлили пельмени, а под потолком,

мерно покачиваясь, оттаивали три буханки хлеба.

Трудно передать восторг товарищей, уставших, промерзших, когда они снова оказались в тепле, вдыхая аромат кипящих пельменей. Но Комаров, проглотив несколько пельмешек, снова уселся за руль газика, и все нехотя покинули наше новое уютное гнездышко.

Особенно много хлопот доставляет нам наша новая трасса. То ее переметет снегом, и в зыбучих сугробах, словно в песке, вязнут колеса. То разведет одну из трещин, и приходится на себе таскать плиты огорошенного льда, сооружая из них мостик. То неожиданная подвижка завалит дорогу ледяными глыбами, и их надо растаскивать, освобождая проезд. То очередным сжатием выдавливает на поверхность зубчатый забор, перегораживающий путь машине. И так без конца. Комаров терпеливо ждет окончания ремонтных работ, и снова колеса газика отмеривают километр за километром, швыряя из стороны в сторону тяжело нагруженные нарты. Чтобы груз не свалился, я ложусь поверх него, придерживая руками. Посвистывает в ушах ветер, мятущийся снег забивается под воротник, камнеет замерзающее лицо, а ты все теснее прижимаешься к нартам, уцепившись за веревки, чтобы ненароком не вывалиться на лед, и словно замираешь, потеряв чувство времени и пространства.

Что-то фантастическое, нереальное есть в этой гонке по океанскому льду в ночном мраке, прорезанном узкими пучками света фар. Он отражается от ледяных глыб, вспыхивает тысячами искр, пронизывает зеленоватое стекло молодых торосов. А по сторонам темнота смыкается двумя черными стенами, сквозь которые фары автомобиля словно пробили световой туннель. Мы работаем почти механически. Нагрузил, лег поверх вещей на нарты, поехал. Разгрузил, вернулся и снова в путь. И так без конца.

Глава XXII НА НОВОЙ ЛЬДИНЕ

Переселение в новый лагерь и отсутствие камбуза отнюдь не освободили меня от обязанностей кока. Время от времени я готовлю в фюзеляже, который с помощью Гудковича и Дмитриева удалось немного прибрать и навести относительный порядок. Неожиданно на продскладе за мешками с крупой я обнаружил сырокопченые окорока - два самых что ни на есть настоящих тамбовских окорока. Я немедленно принялся листать "Книгу о вкусной и здоровой пище" и, почерпнув необходимые сведения, натаил большой алюминиевый бак воды. Засунув туда окорок, я набросал не скупясь все имевшиеся под рукой специи и поставил вариться, как указывала "Книга", на шесть часов. Первым на ужин прибыл Яковлев.

- Здесь русский дух, здесь Русью пахнет, - сказал он, приняхиваясь и демонстрируя незаурядное знание классической поэзии.

- Насчет духа - это ты правильно сказал. Но торопиза не надо, - ответил я любимой сомовской присказкой, - придется малость подождать, пока народ не соберется.

- Мне-то что, - сказал Гурий, принимая безразличный вид, - могу и подождать. - Он расстегнул свою поношенную меховую куртку и, намазав сухарь маслом, стал неторопливо жевать.

Когда все собрались на обед, я поставил на стол блюдо с дымящимся окороком. Это была приятная неожиданность, и вскоре от огромной копченой свиной ляжки осталась лишь одна кость с лоскутками розового мяса. Я было решил попотчевать едоков аппетитно пахнущим бульоном, но, к счастью, попробовав его, немедленно отказался от этой идеи. Бульон оказался солонее океанской воды. Чтобы добро не пропало даром, я вынес бак на мороз, и к вечеру бульон превратился в круглый темно-коричневый слиток. Разбив его на куски, я целую неделю добавлял их в борщи и супы, придавая им необычную духовитость и особый, ветчинный привкус.

Но вскоре прогулки на обед за полтора километра всем надоели, и было решено организовать камбуз в новом лагере. Поскольку свободной палаткой мы не располагали, камбуз решили разместить в нашей жилой, где кроме меня обосновались Сомов, Дмитриев и Яковлев. Конечно, соседство с кастрюлями и сковородками ни у кого не вызвало прилива энтузиазма, но иного выхода пока не было. Вторую палатку отдали радистам, подселив к ним Гудковича. В третьей поселились Миляев, Петров и Никитин с Комаровым. Две палатки, совершенно непригодные для жилья, отдали одну гидрологам, другую Миляеву под магнитный павильон. Исследования, прерванные ледовой катастрофой, развернулись в полном объеме. Снова каждые три часа Гудкович измерял температуру воздуха, влажность и прочие показатели атмосферы и каждые три часа радисты передавали на Большую землю сводки погоды. Никитин с Сомовым, проделав во льду новую лунку, принялись обустроить ее, делая перерывы лишь на принятие пищи и короткий сон.

Миляев установил самописцы магнитного поля Земли и, как и раньше, бегал, в сопровождении записки, к своему теодолиту. Только гляциологи никак не могли оклематься на новом месте. Все их актинометрические площадки, с замороженными в лед электротермометрами, реперами и рейками, остались в старом лагере.

А природа все не оставляла нас своим вниманием. То налетит пурга, и в круговерти снежных потоков погружаются в сугробы грузы и палатки. То трахнет так, словно льдина сейчас развалится, и ты вскакиваешь как оглашенный, прислушиваясь к треску льда. А вчера сильным порывом ветра сорвало с места палатку гидрологов и понесло ее по снежной целине. Так бы и катиться ей до самой Аляски, если бы не града торосов. В ней она и застряла, метрах в двухстах от лагеря. Но 22 февраля, в преддверии годовщины Советской Армии, "хозяин Арктики" обрадовал нас солнечной, ясной погодой. Густые, мохнатые тучи, похожие на стадо бизонов, неторопливо брели, прижимаясь к вершушкам торосов, исчезая за горизонтом. До полудня мы трудились, наводя порядок в лагере. Перенесли остатки продовольствия из старого лагеря, привезли на автомобиле клиппербот и очистили его от наледи.

Едва я принялся накрывать на стол (подоспело время обеда), как раздался чей-то восторженный вопль:

- Самолет! Самолет летит! Я выскочил из палатки.

- Где самолет?

- Да вон там, - сказал Саша, показав рукой куда-то на северо-восток. Я пристально всмотрелся в белесо-голубое небо. - Слышишь, гудит?

Действительно, где-то на северо-востоке я уловил шмелиное гудение самолетных двигателей. Оно постепенно усиливалось, и вскоре уже можно было различить черную точку. Она быстро

увеличивалась в размерах, принимая очертания самолета, позади которого тянулись белые хвосты инверсии.

- Американский тяжелый бомбардировщик Б-29, - безапелляционно заявил Комаров, приставив ладонь к глазам. - "Летающая крепость". Высота пять тысяч метров.

- А может и не Б-29, - тут же возразил Дмитриев.

- Точно, "Летающая крепость", - подтвердил Никитин. - Американцы с 1947 года проводят разведку погоды несколько раз в неделю. Это так называемая "Операция птармиган", что значит "Белая куропатка". Они летают по маршруту Фербенкс-Аклавик-Северный полюс-Барроу-Фербенкс, обычно на высоте три-пять тысяч метров. Полет продолжается тринадцать-девятнадцать часов. Каждые полчаса они передают по радио в метеоцентр на Аляске сведения о температуре и влажности воздуха, барометрическом давлении, скорости и направлении ветра, состоянии облачности. Заодно с метеонаблюдениями экипаж проводит испытания образцов нового навигационного оборудования, пищевых рационов, спецснаряжения. А медики, которые находятся на борту, занимаются физиологическими и психологическими исследованиями членов экипажа.

- Я вот сейчас подумал, - сказал Миляев, усмехнувшись, - сидят себе америкашки, попивают кофий. Глядь вниз, а там наша станция. Вот бы они засуетились. Как бы не надумали пониже спуститься, чтобы нас рассмотреть.

- Только этого нам не хватало, - сказал Курко с опаской, - вот накроется наша секретность.

- Да не до нас им, - сказал Никитин. - Но на всякий случай надо бы посыпать палатки снегом, чтобы не так выделялись.

Пока шло оживленное обсуждение этого события, я решил известить Сомова. Он сидел в рабочей палатке, склонившись над лункой, из которой выползал очередной батометр. Видимо, за тархтением лебедки он не слышал ни звуков самолетных моторов, ни наших громких голосов.

Сомов поднял на меня глаза, покрасневшие от ночного бдения и гари паяльной лампы:

- С чем пожаловали, доктор?

- Самолет над станцией, Михал Михалыч! Наверное, это американцы. Они с сорок седьмого года регулярно летают. А нас они не могут заметить?

- Надеюсь, что нет.

- Ну а вдруг заметят, - настаивал я, - да еще подсядут на наш аэродром?

- Упаси нас Бог от этой напасти, - сказал раздраженно Сомов и, неожиданно помрачнев, добавил: - Тогда нам несдобровать.

- Как это несдобровать?

- Да так вот и несдобровать. Меня за неделю до отлета пригласили в Большой дом, на площади Дзержинского. Принял меня какой-то крупный чин. Правда, он был в штатском, но что большая шишка в этом ведомстве - так это точно. Небольшого роста, коренастый, с кавказской внешностью. При моем появлении он даже не привстал из-за стола и прямо с ходу спросил:

- Сомов?

- Так точно, Сомов.

- Начальник дрейфующей станции? Отлично, отлично.

Он задал еще несколько малозначащих вопросов о годе рождения, национальности, социальном происхождении и вдруг, впери в меня взгляд своих черных, немного навывкате глаз, процедил сквозь зубы:

- Вы понимаете, какое доверие вам оказали партия и правительство?

- Горжусь доверием, - отчеканил я.

- Так вот, доверие доверием, а зарубите себе на носу, что организация вашей станции - величайший государственный секрет. Американцы никоим образом не должны узнать о ее существовании. - Он помолчал, постукивая карандашом по столу, и спросил: - Вас может прибить к американскому берегу?

- Всякое возможно, - осторожно ответил я, - направление дрейфа в этом районе никому не известно.

- Слушай, Сомов, - сказал он, переходя на "ты", и я почувствовал в его голосе скрытую угрозу. - Если станцию занесет к американцам, ее надо уничтожить. Понимаешь, - повторил он, акцентируя каждую букву: - У-н-и-ч-т-о-ж-и-ть.

- Как это уничтожить? - недоуменно переспросил я.

- Нэ понымаешь? Утопить, взорвать к чертовой матери. Чтобы и следов не осталось.

- А как же быть с людьми?

- Заруби себе на носу, - сказал он, - если хоть один человек попадет к американцам, я тебе, Сомов, не завидую.

- Вот так-то, дорогой Виталий, - сказал Сомов, впервые назвав меня по имени. - Я ведь с этим камнем на душе все эти месяцы живу. - Он глубоко затянулся папиросой. - Ведь об этом страшном напутствии я и сказать никому не мог. Так получилось, что вы первый. И как-то легче стало.

- Dixi et animam meam levavi, - не удержался я.

- А что сие значит?

- Я сказал и тем облегчил свою душу.

- Ну, доктор, вы верны себе, - улыбнулся Сомов. - Только, прошу - никому ни слова. Дойдет случайно до чужих ушей, и неприятностей не оберешься. Это ведомство шутить не любит.

Я вернулся на камбуз совершенно убитый и весь день ходил словно потерянный. Работа валилась из рук. Пельмени переварились, антрекоты пригорели, а борщ пришлось варить заново, так я его пересоллил. Хорошенькую судьбу уготовили нам власти. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Вот тебе и героический дрейф.

- Ты, док, часом не захворал? - спросил Гурий участливо, заметив мое подавленное состояние.

- Да так, простыл немного, - отмахнулся я.

23 февраля, День Красной Армии, мы встречаем в тесноте, но отнюдь не в обиде. Хотя наши запасы почти на исходе, но еще осталось немного вкусностей, к которым, к всеобщему ликованию, Сомов разрешил добавить две последние бутылки армянского коньяка. В палатке тепло не столько от газового пламени, сколько от дыхания 11 человек. Все сбросили осточертевшие тяжелые куртки, честно защищавшие нас столько времени от ветра и мороза, и пропитавшиеся потом свитера. Неожиданно оказалось, что у некоторых остались в запасе нерассказанные истории, случаи из жизни, но, главное, никто не утратил оптимизма.

- Кстати, доктор, - вдруг сказал Макар Макарович, - что это за историю рассказал мне летом Канаки о ваших научных изысканиях, связанных со сбором говна на полюсе? Говорил, что вас здорово летчики разыграли.

- Давай, док, рассказывай, не стесняйся, - хором сказали Гурий и Саша, все еще жаждавший сатисфакции за историю с резиновыми дамами. Я стал отнекиваться, но тут на меня навалилась вся честная компания.

- Ладно, расскажу, - согласился я. - Ну так слушайте. Прибыли мы на полюс первой группой человек пятнадцать и не успели обосноваться, как нашу летную полосу разнесло вздым. Круглые сутки мы возили нарты, нагруженные снежными глыбами, таскали на горбу куски льда, разбирая груды торосов, забивали ими трещины и поливали их, а потом уминали бензиновой бочкой-катком, набитой снегом. Но стоило капризнице природе пошевелить пальчиком, и взлетная полоса мгновенно покрывалась черными полосами трещин, превращаясь в шкуру зебры. И так раз за разом. Наконец природа все же смиловилась над нами, и на Большую землю полетела радостная радиограмма: аэродром готов к приему самолетов. Через несколько часов над лагерем появился серебристый Ил-14 и, сделав круг почета, помчался по полосе, подняв персональную пургу.

А несколько минут спустя мы уже потчевали дорогих гостей, "чем Бог послал". "Пиршество" подходило к концу, когда Михаил Васильевич Водопьянов, порывшись в карманах необъятного реглана, извлек на свет конверт.

- Принимай, доктор, корреспонденцию. Лично. Секретно.

- Это откуда? - удивился я, рассматривая плотный, засургученный конверт.

- Прямо из Тикси.

- Из Тикси? Да у меня вроде бы и знакомых там нет.

- Ладно, не скромничай. Наверное, успел там завести какую-нибудь зазнобу.

Когда гости разошлись по палаткам, я вскрыл пакет и в первую очередь взглянул на подпись. Профессор Мац. Профессора я знал - это был известный гигиенист, неоднократно работавший на Севере.

"Дорогой Виталий Георгиевич! Наша научная группа проводит в настоящее время важные исследования, вызванные вспышкой гельминтоза среди полярников. Как известно, источником этого заболевания является сырое мясо арктических животных - белых медведей, нерпы и ряда сортов рыб, зараженных различными видами гельминтов, особенно широким лентецом (*Diphyllobotrum latum*) и трихинами (*Trichinella spiralis*).

Заражение происходит при использовании в пищу "строганины" - сырого замороженного мяса, считающегося в Арктике деликатесом, а также при контактах с собаками, которые также являются носителями этих паразитов (по американским данным, процент зараженности превышает 66,5%). Поскольку участники высокоширотной экспедиции в основном жители средней полосы, весьма важно выявить, имеются ли среди них случаи глистных инвазий. Это представляет большой научный и практический интерес. Поскольку Вы являетесь единственным представителем медицины в экспедиции, прошу Вас принять посильное участие в этой важной и актуальной работе. С этой целью необходимо собрать пробы кала у всех участников экспедиции, упаковать их в металлические емкости (можно использовать тщательно отмытые консервные банки), утеплить и с попутным самолетом отправить в Тикси в адрес Экспедиции Института коммунальной гигиены. Ваша работа войдет в комплексный отчет института в качестве самостоятельного раздела.

С глубоким уважением профессор Мац.

P.S. Если Вам потребуется для работы книга профессора Заварзина "Глистные инвазии" - сообщите. Пришлю с первой оказией".

Весьма лестное предложение. И какой молодой врач не мечтает стать служителем науки, поставив свое имя рядом с корифеями? Актуальность работы не вызвала сомнения: об этом мне было доподлинно известно из литературы об Арктике. Но внутренний голос мне шептал: а вдруг это розыгрыш, и тогда я погиб. Вот уж когда отолятся все мои "покупки", какую бурю восторга вызовет моя "научная деятельность". Однако, "обсосав" возникшую проблему со всех сторон, я пришел к выводу, что письмо не может быть подделкой. Да и кто смог бы соорудить столь хитрый документ, коли вокруг на тысячи километров не было не только ни единого врача, но даже фельдшера? Особенно убедительным был постскриптум о книге Заварзина.

Ладно, решил я, пожалуй, соглашусь, но осторожность не помешает. Пошлю-ка я радиogramму в Тикси. Пусть Мац подтвердит предложение. С этими мыслями я набросал текст радиogramмы в Тикси и, накинув "французенку", потопал в соседнюю палатку к радистам.

- Привет труженикам эфира!

- Привет, док. С чем пожаловал? Присаживайтесь к столу.

- Спасибо. Но я на минутку. Мне бы радиogramмку отбить в Тикси.

Из-за полога, где размещались шифровальщики, высунул голову Валентин Костин. Он прочел радиogramму и, покачивая головой, спросил:

- А где виза?

- Какая виза?

- Кузнецовская. Без нее не имею права. Закон - тайга. Сам понимаешь.

- Счас схожу. Будет тебе и виза, и белка, и свисток.

Я помчался в штабную палатку. Палатка штаба была вдвое просторней наших, но зато и холоднее. В центре на двух составленных вместе столах лежала огромная карта Центрального полярного бассейна, над которой склонились начальник экспедиции

Александр Алексеевич Кузнецов в своем неизменном синем генеральском кителе и накинута поверх меховой безрукавки и главный штурман Александр Павлович Штепенко. На походной койке под иллюминатором о чем-то беседовали Водопьянов и ученый секретарь экспедиции Евгений Матвеевич Сузюмов.

- Разрешите, Александр Алексеевич?

- Как дела, доктор? Больные, что ли, появились? - сказал Кузнецов.

- С больными все в порядке. Их просто нет. Я бы хотел радиограмму завизировать.

Кузнецов взял бланк, внимательно прочел и вдруг заулыбался.

- Никак не могу завизировать. Вы, кажется, письмо получили?

- Так точно, - отчеканил я. - Предлагают интересное исследование.

- Должен вас разочаровать. Вас ловко разыграли, - сказал, усмехнувшись, Кузнецов.

- Не может быть, - уверенно заявил я.

- Даже очень может быть, поскольку я знаю авторов.

Крыть было нечем. Я постоял несколько секунд, смущенно переминаясь с ноги на ногу, и, сказав упавшим голосом: "Разрешите идти?" выбрался из палатки.

Ну и ну. Так влипнуть. Но кто? Кто так блестяще подготовил это послание? А ведь я было начал даже присматривать банки, лежавшие рядом с палатками. Ответ на мучивший меня вопрос я получил только через полгода. Авторы было двое: Водопьянов и Сузюмов. Помимо присущего им обоим чувства юмора (которого было бы недостаточно) Евгений Матвеевич, как оказалось, в молодости был... ветеринарным фельдшером. Именно ему принадлежали тонкости вроде латинских наименований паразитов и книги Заварзина в постскриптуме. Ежели бы не секретность, остановившая мою радиограмму, я бы погиб. Сценарий всех событий был продуман до тонкостей, начиная от добровольного приношения в мою палатку пустых банок и кончая шумом, который должен был поднять летчик, которому я бы попытался передать ценный груз.

- Да, в Арктике надо было держать ухо востро! - закончил я свой рассказ под дружный хохот. Не успели смолкнуть раскаты смеха, как, отшвырнув полог, в палатку ворвался Костя Курко, размахивая листиком радиограммы.

- Бояре, танцуйте! Телеграмма от Мазурука: "Сижу на Врангеле. Собираюсь вылететь к вам на льдину. Сообщите состояние аэродрома".

От дружного "ура" вздрогнула палатка.

Илью Павловича знали все. Одни понаслышке, как знаменитого участника высадки экспедиции И. Д. Папанина на Северный полюс, командира одного из самолетов АНТ-6, удостоенного звания Героя Советского Союза, другие лично, как блестящего полярного аса, облетавшего Арктику вдоль и поперек, и прекрасного душевного человека. Это он, один из первых липецких комсомольцев, ушел в авиацию, поступив в Ленинградскую военно-теоретическую школу Военно-Воздушных Сил. В 1935 году в честь 10-летия Сахалина он один, без штурмана совершил смелый перелет на самолете Р-5, за четверо суток преодолев расстояние от Москвы до Сахалина. Уже в первую неделю Великой Отечественной войны бомбардировщик Ил-4 под его командованием обрушил бомбовый удар на фашистскую базу в Фаренгерд-фьорде. Но на обратном пути его самолет, перехваченный истребителями противника, был сбит, и он, единственный оставшийся в живых из членов экипажа, выдержал многочасовое плавание среди волн холодного Баренцева моря. Едва оправившись от ран, он получил ответственное задание возглавить перегон американских самолетов по воздушному мосту Фербенкс (Аляска)-Чукотка-Колыма-Якутия-Красноярск. Это была гигантская 6500-километровая трасса над безлюдными просторами Арктики и Сибири, через горы, тундру и тайгу, скованные 60-градусными морозами, без точных карт, а зачастую и радиокompасов, отсутствовавших на истребителях, руководствуясь скудными метеоданными редких метеостанций и пеленгаторных пунктов.

За два года по трассе, ставшей известной как "Линия Мазурука", советские Военно-Воздушные Силы пополнились более чем семью тысячами самолетов-истребителей Р-39 "Аэрокобра" и Р-40 "Китти-Хаук", бомбардировщиков А-20 "Бостон", бомбардировщиков Б-25 "Митчелл" и транспортных "Дугласов" Си-47. Война закончилась, и Мазурук снова сел за штурвал полярных самолетов: 20 тысяч часов в воздухе, 254 посадки на льды океана - это был своеобразный рекорд прославленного летчика. О его высочайшем летном мастерстве свидетельствовал мандат под номером 01/354, выданный начальником Главного управления Гражданского воздушного флота Г. Ф. Байдуковым пилоту первого класса И. П. Мазуруку, которому предоставлялось "право принимать решение на вылеты, прилеты и маршрутные полеты на самолетах НИИ ГВФ при проведении испытательской работы независимо от существующих минимумов погоды".

Но едва стихли радостные восклицания, как всегда практичный Комаров сердито сказал:

- Ну что вы раскричались? Аэродрома-то нет. Я с Гудковичем вчера обошел все окрестности - так ни одной приличной льдины мы так и не нашли.

Тут же Сомов распорядился завтра с утра разбиться на группы по два-три человека и отправиться

на поиски подходящей льдины.

Однако погода вмешалась в наши планы, и мы так и просидели в палатках целые сутки, пережидая пургу, которая разразилась столь некстати. Только к двум часам следующего дня внезапно прояснилось, и сквозь караван туч проблеснуло солнце. Еще тусклое, холодное, оно медленно высунуло свой багровый диск из-за облака, и все мгновенно окрасилось в розовые тона - высокие сугробы, наметенные вокруг лагеря, изломанные горбы ледяных хребтов и лохматые тучи, нахлобученные на дальние торосы.

Сомов собрал всех в нашей палатке-камбузе.

- Надо искать подходящее место для аэродрома, - сказал он, нервно разминая папиросу. - Прошу, друзья, не забывать, где мы находимся. Оденьтесь потеплее, а вы, доктор, выдайте каждому на всякий случай по пять плиток шоколада и пачке галет. Поначалу особенно далеко от лагеря не уходите. Не хватает нам еще, чтобы кто-нибудь заблудился. А вы, Николай Алексеевич, - обратился он к Миляеву, - дайте каждой группе по компасу и объясните, как ходить по азимуту. Это будет дополнительной гарантией безопасности похода.

Наша группа в составе Воловича, Курко и Гудковича направилась на юго-восток. Встречный ветер заставлял то и дело поворачиваться спиной, чтобы отдышаться и оттереть замерзающее лицо. Костя Курко, которому не раз во время работы на полярных станциях приходилось бродить по тундре, предложил делать короткие переходы, предварительно наметив какой-нибудь заметный ориентир: характерную гряду торосов, причудливый ледяной холм. С час мы брели по прямой, пока не добрались до высокого, похожего на сопку холма.

- Давайте взберемся на него и осмотрим окрестности, - сказал Гудкович и полез первым, то и дело соскальзывая с его ледяного склона. Мы последовали за ним.

Открывшаяся перед нами картина была безрадостной. Повсюду куда хватало глаз простирались перемолотые, искореженные сжатиями ледяные поля. Местами разводья уже покрылись молодым ледком, казавшимся на белоснежном фоне уродливыми черными заплатами.

Спустившись с нашего наблюдательного пункта, мы направили свои стопы к северу, где примерно в километре от нас виднелась высокая гряда торосов. Подойдя поближе, мы с удивлением обнаружили, что это не привычные взгляду торосы, которых мы насмотрелись в районе старого лагеря. Это было какое-то хаотическое нагромождение гигантских глыб. Что это? Остатки айсберга, принесенного откуда-то от Канадского архипелага, или следы чудовищной битвы между полями многолетнего пака? Наши познания в гляциологии оказались недостаточно, чтобы ответить на этот вопрос. Будь с нами Ваня Петров или Гурий Яковлев, они бы быстро разобрались, что к чему.

Солнце и ветер основательно поработали над льдинами, сгладив их резкие очертания, отполировав лед до прозрачной голубизны. Прямо перед нами зиял просторный портал, от которого в глубь нагромождения уходил неширокий коридор. Куда он ведет? Любопытство пересилило осторожность. Чтобы не заблудиться, Костя на всякий случай привязал к торчащей у входа льдине кончик шпагата, обнаруженного в кармане. Мы не без опаски перешагнули "порог" и углубились внутрь и вскоре оказались в сказочном лабиринте. Прозрачно голубели стены, уходившие на высоту пяти-шести метров. Коридор то сужался, и мы с трудом протискивались между стенами, то уходил направо, то сворачивал круто влево. Часа три мы бродили по лабиринту, напоминавшему знаменитый критский. Правда, встретить Минотавра мы не боялись, а нитью Ариадны нам служил шпагат, столь благоразумно использованный Курко. Перебираясь через груды битого льда, проваливаясь в ямы-ловушки, засыпанные пушистым снегом, мы наконец выбрались наружу и оказались на старом бугристом поле.

- Смотрите, - вскрикнул Костя, - а ведь здесь водятся песцы, - и он показал на бисерную цепочку следов, убегавших к югу. Следы были свежие, чуть припорошенные снегом. Как удалось уцелеть зверьку среди этой пустыни? По всей видимости, от голодной смерти спасала его наша "непрорыхляющая" свалка отбросов у камбуза.

Не питая никаких надежд, взобрались мы на гребень. И, о чудо, перед нами раскинулось гладкое как стол поле годовалого льда, чуть припудренное снежком. Мы шагами измерили его в длину - 500 метров. Небольшая, вполне приличная полоса, на которую можно посадить Ли-2 и даже Ил-14. Конечно, ей требуется косметический ремонт: надо будет срубить ступеньку сантиметров 15 высотой, растащить верхушку тороса на подходе к полосе. Но это уже мелочи.

Из-за гряды торосов на севере вынырнули две знакомые фигуры. Это Миляев и Петров.

- Как успехи, бояре? - спросил Курко, яростно оттирая замерзший нос.

- Порядок, - сказал Петров. - Мы побродили, побродили и наткнулись на отличное поле годовалого льда. Наверное, метров пятьсот в длину, если не больше.

- Нас тоже можете поздравить, - сказал Зяма. - Мы тоже нашли неплохое поле, и тоже с полтыщи метров.

- Вот уж не было ни гроша, и вдруг алтын, - просипел Миляев.

- Все бы хорошо, - заметил Курко, - да уж больно далеко от лагеря.

- А газик на что? - сказал я и, засунув в рот трубку, глубоко затянулся дымом.

Мы возвращались домой с хорошими вестями. Но после многочасовой "прогулки" мы так промерзли и утомились, что долго не могли согреться ни чаем, ни стопками коньяка, преподнесенного нам в награду за успех Михаил Михайловичем.

На следующее утро, едва рассвело, Комаров в сопровождении Петрова и Гудковича отправился "взглянуть наметанным глазом" на наши находки. А остальные, вооружившись лопатами, занялись ремонтом дороги в старый лагерь. Ее сильно перемело, а ветер превратил надувы в столь плотную массу, что ее не брала никакая лопата. Пришлось возвращаться в палатку за ножовками. Только с их помощью удалось пропилить сугробы.

Стало смеркаться, аэродромщики все не появлялись. Дежурный выпустил три ракеты, но ответного сигнала не последовало. Хотя все были измучены до крайности, беспокойство о товарищах заставило нас подняться на ноги. Мы снова натянули свои обледеневшие шубы и гурьбой двинулись в направлении аэродрома. Вся троица повстречалась в 300 метрах от палаток. Они застыли от ветра и холода, устали и поморозились. Особенно Зяма. Щеки и нос у него побелели и потеряли чувствительность. Пришлось уложить его на койку и долго оттирать их шерстяной перчаткой, пока они не приняли нормальной окраски.

А ночью запуржило. Чтобы не подвергать людей риску, Сомов отменил все наружные работы и посоветовал воспользоваться передышкой и заняться починкой обмундирования, которое изрядно истрепалось, ремонтом приборов и другими хозяйственными делами. Дмитриев принялся чистить карабин, то и дело меняя тряпки, принимавшие коричневую окраску от ржавчины, покрывшей ствол.

Сомов, положив на колени рабочий журнал, что-то писал. Время от времени он откладывал карандаш и, откинув голову, застывал в задумчивости, отрешенным взглядом уставившись в светлый круг иллюминатора. Я принялся приводить в порядок дневник, который запустил со дня "великого торошения".

К вечеру 28 февраля ветер стал понемногу стихать, и 1 марта встретило нас тихой, морозной, солнечной погодой.

Итак, сегодня - первый день весны. Но весна здесь, в центре Полярного бассейна, понятие весьма условное. И не потому, что нет ни набухших почек, ни щебета птиц и прочих приятных признаков пробуждения природы, а потому, что так же холодно, так же пуржит и ломается лед. И все-таки это весна. Яркое солнце уже заставляет сверкать и искриться снег. Но с появлением солнца мне пришлось вспомнить о своих. После ужина я попросил всех задержаться ненадолго.

- Что, опять будешь витамины раздавать? - съехидничал Комаров, ненавидевший витамины.

- Не волнуйся, не буду. Хочу маленькую лекцию прочесть.

- Это о чем же, если не секрет? - поинтересовался Яковлев.

- О снежной слепоте.

- Это с чего же ты надумал такую лекцию нам прочесть? - спросил Курко.

- Солнце появилось, вот и хочу предостеречь всех от неприятных последствий. Так вот, эта самая снежная слепота, или, как она зовется по-научному, "снежная офталмия", не что иное, как ожог слизистой оболочки глаза и его роговицы ультрафиолетовыми лучами солнца, отраженными от кристаллов снега и льда. Поэтому не очень-то любуйтесь сверкающими алмазами, сапфирами и рубинами. Многие жители Арктики давно наслышаны об этой хвори, особенно поражающей глаза в марте-мае месяцах, то есть в период так называемого "сияния снегов". Между прочим это заболевание не раз становилось бичом для путешественников. Помните Дмитрия Стерлигова? Так вот, его отряд вынужден был остановиться, потому что все члены экспедиции заболели снежной слепотой. Каковы же признаки этой болезни? Сначала вы замечаете, что стали плохо различать уровни снежной поверхности. Потом чувствуете "песок" под веками, затем появляется резь в глазах. Начинается слезотечение по поводу и без повода. И наконец, вы слепнете, - я выдержал паузу, - правда, временно, так как попытка раскрыть глаза причиняет сильную боль.

- И долго продолжается такое состояние? - поинтересовался Никитин.

- Дня два-три, если правильно лечить. Но лучше все-таки не болеть. Тем более снежной слепоты легко избежать. Надо только носить очки-светофильтры. Как из палатки вышел - так и надевай очки. Однако должен предупредить, что очки надо носить не только в солнечную, но и в облачную погоду.

- Ну это ты, доктор, загибаешь, - усмехнулся Комаров, - какая же может быть снежная слепота без солнца?

- Очень даже может, и даже скорей в облачный день, чем в солнечный. А секрет очень прост. В облачный день из-за рассеянного света ропаки и заструги перестают отбрасывать тень и вся снежная поверхность становится однообразно серой. Ничего не различишь. Чтобы не зацепиться за притаившуюся торосину, не угодить в яму, приходится непрерывно напрягать зрение. Глазная щель, естественно, расширяется до предела, и глаз теряет свою естественную защиту от отраженных ультрафиолетовых лучей. А в солнечную погоду вы невольно щуритесь от яркого света и тем непроизвольно защищаете глаза от ультрафиолета.

- Это все понятно, - сказал Курко, - ты вот лучше расскажи - какие стекла больше годятся для защитных очков?

- Я, например, разделяю точку зрения своего знаменитого коллеги доктора Старокадомского и предпочитаю всем другим очкам дымчатые. Кстати, адмирал Бэрд заставил всех участников антарктической экспедиции носить очки со стеклами дымчатого цвета. А вот такой полярный корифей, как Стефанссон, считал дымчатые стекла наихудшими для работы в Арктике, предпочитая им янтарные. По его мнению, в таких очках хорошо различимы многочисленные неровности снежного покрова, не заметные невооруженному глазу. Однако в яркие солнечные дни он рекомендовал носить очки со стеклами зеленого цвета.

- Но ведь очки - это изобретение относительно недавнего времени, - сказал Никитин, - а снежная слепота известна с незапамятных времен. Как же тогда защищались от снежной слепоты?

- Кто как мог. Например, Ф. П. Врангель и участники его экспедиции завешивали глаза черным крепком; экипаж Джорджа Де Лонга защищался сетками из конского волоса; Фриттьоф Нансен перед знаменитым переходом через Гренландию предусмотрительно запасся красными и синими шелковыми вуалями; Роберт Пири во время санных путешествий к Северному полюсу пользовался для этой цели кусочками меха, а Руал Амундсен снабдил всех участников штурма Южного полюса кожаными повязками с узкими прорезями. Северные народы, которым издавна была известна эта болезнь глаз, защищали их с помощью пластинок из дерева или моржовой кости, с дырочками или узкими щелками.

- Ты лучше скажи, если я заболел, чем ты меня вылечишь? - спросил Яковлев, давно уверовавший в мои врачебные способности после исцеления от пневмонии.

- Раньше слепоту лечили довольно зверскими методами: нюхательным табаком, спиртовой настойкой опия. Если кто у нас заболит, то ему придется полежать два-три дня в палатке с холодными примочками и темной повязкой на глазах. Закапаю я ему альбucid. В общем, вылечу. Но очки, Михал Михалыч, надо всем носить в обязательном порядке.

Не знаю, насколько убедительной была моя лекция, однако на следующий день все нацепили темные очки и при встрече со мной разводили руками: видишь, мол, как добросовестно выполняем твои рекомендации.

Глава XXIII ДНЕВНИК (продолжение)

2 марта.

Подул сильный юго-восточный ветер, и лед немедленно отреагировал: трещина на дороге в старый лагерь разошлась на восемь метров, хоть переплывая ее на клиперботе. За одни сутки мы уплыли на север аж на 18 километров. Правда, до Северного полюса нам даже с такой скоростью не доплыть. Сегодня все порадовались за гидрологов. Впервые после длительного перерыва они опустили трал на 3300 метров и были приятно поражены обилием выловленной живности. Вот вам и утверждение, что фауна Центральной Арктики крайне бедна. Возможно, что их ждет еще много неожиданностей, поскольку началась очередная 15-суточная станция.

Когда палатка пустеет, я приступаю к своим осточертевшим обязанностям кока. Оленье мясо на исходе, да и запас других продуктов основательно поредел. О вкусных вещах пришлось позабыть, и я каждый раз лихорадочно листаю поваренную книгу, ища блюда попроще. Благо разных круп пока предостаточно. Я поставил вариться на плитку суп из мясных консервов, принес оттаивать несколько банок рыбных консервов неизвестного содержания из-за отсутствия этикеток и, усевшись на койку, предался размышлениям. Вроде бы прошло всего полгода, а сколько событий, сколько впечатлений! Я чувствовал, как внутренне изменился за эти месяцы. Стал по-иному оценивать людей и их поступки, как-то по-иному понимать и ценить жизнь, воспринимая ее в каком-то новом, непривычном измерении. Научился, говоря словами поэта У. Блейка:

В одном мгновеньи видеть вечность,

Огромный мир - в зерне песка,

В единой горсти - бесконечность

И небо в чашечке цветка.

Мои философские рассуждения прервал приход Дмитриева.

- Доктор, нальешь стопарик женьшеня, тогда первым узнаешь потрясающую новость.

- Давай не томи, рассказывай, а за стопкой не постою.

- Так вот, слушай. Операция по снятию станции начнется в апреле. Руководить ею будет Илья Мазурук.

Вот это новость!

3 марта.

Мазурук кружит где-то в районе мыса Челюскин и сообщил радиogramмой, что при первой возможности прилетит к нам на станцию. Просит хорошенько подготовить полосу для приема самолета на колесах.

Отложив все несрочные работы, мы скопом двинулись на аэродром. Неподалеку от лагеря Яковлев с Петровым обнаружили обширное разовье, покрытое ровным молодым льдом толщиной почти 50 сантиметров. По их утверждению, с которым согласился Комаров, этого вполне достаточно, чтобы принять тяжелый Ил-14.

Уже поздно вечером пришла наконец долгожданная радиogramма: "Завтра в 3 часа 50 минут по МСК буду у вас. Мазурук".

4 марта.

Полночи мы трудились на аэродроме, наводя марафет, то и дело поглядывая на небо: не портится ли погода? Но она не подвела. Небо было чистым, безоблачным, и лишь легкий ветерок весело носился по полосе, подметая снежную пыль.

Спозаранку мы с Костей Курко отправились на аэродром. Но оказалось, что мы не первые. Там уже развил бурную деятельность Комаров, вновь ощутив себя начальником аэродрома. Снова и снова заставлял он своих помощников то засыпать снегом обнаруженные ямки, то сковыривать небольшие, ставшие торчком льдинки. Наконец кто-то зарал во весь голос:

- Летит!!!

- Зяма, зажигай шашку! - скомандовал Комаров. Гудкович воткнул в отверстие шашки толстую специальную спичку, и столб густого черного дыма, свиваясь в кольца, поднялся к небу. Мазурук пронесся над куполами палаток, а мы прыгали от радости, подбрасывая вверх шапки. Машина пошла на посадку и, легко коснувшись колесами льда, покатила по полосе. Развернувшись, Мазурук зарулил на стоянку, где маячила фигура Комарова с красными флажками в руках. Один за другим члены экипажа высыпали на лед, а мы побежали навстречу. Мы тискали друг друга в объятиях, целовались, что-то пытались рассказывать, перебивая друг друга. Нам пихали в руки какие-то свертки, яблоки, еще теплые булочки, хлопали по спине, не зная, как выразить обуревавшие их теплые чувства. К сожалению, свидание оказалось недолгим. Ледовая обстановка вокруг лагеря внушала опасения - слишком уж много было свежих разводов, - и Мазурук решил не задерживаться.

- Не журитесь, - повторял он, добродушно улыбаясь, - скоро опять прилечу, тогда и лагерь осмотрю, и докторский обед попробую, а сейчас не стоит рисковать.

Закрутились винты. Мазурук, открыв остекление кабины, приветственно помахал рукой. Самолет разбежался и, проскочив над самыми торосами, ушел в небо, оставив на льдине одиннадцать радостно бьющихся сердец, гору писем, журналов, две свиных туши, мешок свежего лука, два десятка нельм, четыре бутылки шампанского и свежие булочки - личный презент экипажа. Но бочка меда редко бывает без капли дегтя. Комаров, разряжая ракетницу, не удержал курка и ракета попала прямо ему в ладонь. К счастью, толстый мех рукавицы спас его от серьезных неприятностей. Он отделался легким испугом, синяком во всю ладонь и небольшим ожогом, а я обзавелся новым пациентом.

8 марта.

- Сегодня восьмое марта, - сказал Миляев, - это самый шумный женский день в моей жизни.

Метрах в ста от палатки с громким треском лопнула льдина и разошлась метров на десять. Но то ли яркое солнце, то ли весеннее настроение, то ли прилив бодрости, вызванный прилетом Мазурука, то ли привычка, но это событие не вызвало никаких эмоций, кроме шуток.

Однако жизнь в нашей палатке-камбузе становится просто невыносимой. От непрерывно парящих кастрюль, подтекающих газовых редукторов и кухонного чада здесь нечем дышать и приходится время от времени выскакивать на улицу поглотить свежего воздуха. Я-то в общем уже адаптировался к подобной обстановке, но каково Сомову и Яковлеву? Они молча переносят муки, выпавшие на их долю, а глядя на них, помалкивает и Дмитриев.

9 марта.

К северу от лагеря, метрах в 75, ночью образовалось разводье, а на северо-востоке опять загудело. Лед перешел в наступление. Грохот то нарастает, то, чуть утихнув, возобновляется с новой силой.

На глазах растут гряды торосов. И невольно задумываешься: а не придется ли снова удирать? Стих ветер. Температура повысилась до -25°. Небо очистилось от туч, засияло солнце, и мы почувствовали настоящую весну, несмотря на тревоги, вызванные новой подвижкой полей.

10 марта.

Чтобы окончательно не угореть, я поднимаю откидную дверь, и в палатку вместе с клубами холодного пара врывается солнечный луч. Он заливают ярким светом койки, развешанные куртки и унты, пробирается по лохматым, отсыревшим шкурам, в самые затаенные уголки и вдруг вспыхивает в стеклах четырех бутылок шампанского - подарка Мазурука.

11 марта.

Подвижки льда не прекращаются, вызывая в нас неуверенность в завтрашнем дне. Кажется, пора подыскивать новую подходящую льдину, которая послужит нам убежищем на случай очередной катавасии. Пользуясь ясной солнечной погодой, мы ежедневно уходим из лагеря в поисках надежной льдины, пригодной для постройки аэродрома. Но наши поиски, кроме разочарования, ничего не приносят. Старый аэродром перемолот до неузнаваемости, а новый, на котором мы принимали самолет Ильи Павловича, за одну ночь сломало и обломки разнесло в разные стороны.

В общем, сказка про белого бычка. Опять со всех сторон торосит. Потрескивает лед под ногами. Даже всезнающий, всеведущий Яковлев не может дать гарантию, что лед не разверзнется под палаткой.

После некоторого перерыва, вызванного февральскими событиями, мы вновь отдаем регулярную дань гигиене: моемся, чистимся, бреемся. Бородачки, к которым принадлежу и я, стали тщательно подстригать свои бороды. Но вид у нас все-таки очень затрапезный. Из протертых местами брюк торчат клочки меха, швы на куртках расплзлись, унты стерлись до ранта, свитера почернели от копоты, растянулись и посеклись. О моем костюме и говорить нечего. Он так просалился и прокоптился, что стал водонепроницаемым. Миляев утверждает, что мне не страшно никакое разводье, ибо я просто не могу в нем утонуть.

Щетинин занемог. Ангина. Я пичкаю его лекарствами, заставляя по сто раз на день полоскать горло.

И все же весна есть весна. Это особенно чувствуют щенки. Они носятся вокруг палаток, играют с консервными банками, гоняются друг за другом, методично покрывая снег вокруг лагеря желтыми кружевами. Воздух напоен солнечным светом. Все вокруг искрится, блестит, переливается, на южных скатах палаток снег полностью стаял, обнажив изрядно выгоревший, но пока еще сохраняющий прочность кирзовый тент. Гидрологи развили кипучую деятельность. Взорвав лед, они приготовили вторую лунку и теперь в шесть рук (две из них Сашиных) стараются наверстать упущенное в результате обрушившихся на нас разломов и торшений.

А сегодня природа преподнесла нам еще одно любопытное зрелище. На небе, чуть подернутом перистыми облаками, появилось сразу четыре ложных солнца.

Ложные солнца - это всего лишь одно из своеобразных оптических явлений, наблюдаемых в Арктике. Они вызваны отражением лучей от горизонтальных граней ледяных кристаллов, плавающих в воздухе. Поскольку кристаллы отличаются многообразием форм и различным расположением в пространстве, они возникают то в виде огромного радужного кольца вокруг солнца, внутренняя сторона которого наиболее ярка и окрашена в красноватый цвет, а внешняя может быть желтоватой, зеленоватой или сине-фиолетовой, то в форме вертикальных, сверкающих столбов или крестов, то в виде ложных солнц, которые мы с интересом наблюдали сегодня.

12 марта,

С утра Сомов с Никитиным, чтобы наверстать упущенное, решили пробить во льду еще одну лунку, чтобы продолжить одновременно гидрологические исследования в двух точках. Они долго долбили лед, с трудом поддававшийся ломам и пешням. Наконец к вечеру шурф был готов. Никитин заложил обмотки аммонала и поджег бикфордов шнур. Грохнул взрыв, фонтан ледяных осколков, смешанных с водой, взметнулся к небу. Широкое жерло лунки заполнилось черной водой. Призвав на помощь Дмитриева и Гудковича, они довольно быстро расширили отверстие, настелили доски и, установив лебедку, опустили в океан первую гроздь батометров. Тем временем Миляев возвел из снежных кирпичей новый астрономический павильон и, дождавшись, когда солнце выползло из-за туч, определил координаты станции. Оказалось, что мы, наконец, пересекли 81-й и продвинулись к северу еще на 34 минуты.

13 марта.

До чего же прекрасна арктическая природа. Как жаль, что я лишен поэтического таланта и не владею кистью художника. У меня не хватает слов, чтобы описать удивительные краски закатов, когда горизонт тонет в пурпуре и его тонкая, словно прочерченная тушью линия отделяет небо от океана. А чем выше по небосводу, тем мягче краски: нежно-розовые и опалово-желтые, которые постепенно переходят в зеленовато-голубые. И будто купаясь в этом празднике красок, лениво вытянулись неподвижные, темно-синие вечерние облака. А там, где гаснущие розовые тона переходят в нежно-голубые, ослепительно сверкает Венера, над которой кокетливо изогнулся кажущийся прозрачным молодой месяц. Но зима по-прежнему не сдает своих позиций. Спирт в термометре не поднимается выше отметки -30°. Но все-таки это последние гримасы зимы. Все больше признаков постепенного пробуждения природы. Как-то по-особенному заголубели, заискрились льдины. Прикрытые пушистым слоем снега, они напоминают огромные куски рахат-лукума. Если укрыться от ветра за палаткой, можно понежиться под лучами солнца в одном свитере. Впрочем, сегодня я набегался и в свитере и без свитера по причине, стоившей мне немало нервов.

14 марта.

Утро не предвещало никаких неприятностей. Все жители палатки-камбуза разбрелись по рабочим местам, а я решил совершить небольшое путешествие в старый лагерь, пошуровать в фюзеляже, может, что-нибудь затерялось в спешке из посуды, которой стало почему-то катастрофически не хватать. Нагрузив нарты найденным добром, среди которого оказался ящик рыбных консервов, пара помятых, но еще вполне пригодных кастрюль и спрятавшись под снег крупная нельма, я, довольный собой, неторопливо брел, волоча за собой нарты. Все собачье семейство, отправившееся меня сопровождать, с веселым лаем носилось вокруг, радуясь солнцу и свободе. Разложив по местам свои драгоценные находки, я ухватил за ручки опустевший водяной бак и, наполнив его снегом, притащил в палатку, водрузил на плитку и в ожидании, пока снег превратится в воду, присел на край кровати. И вдруг вскочил, лихорадочно ощупывая одежду: кольт исчез. Я обшарил всю палатку, заглядывая под каждую койку в отдельности, но пистолет словно испарился. "Спокойно, - сказал я сам себе, - не трепыхайся". Может быть, он выпал из кобуры, когда я набивал бак снегом? Не одеваюсь я помчался к месту снегозаготовки. Никаких признаков пропавшего колты. Может быть, я уронил его во время похода в старый лагерь? Не теряя надежды, я медленно побрел по дороге, всматриваясь в каждый темный предмет. Но на льду, тщательно выметенном поземкой, не лежало ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего пистолет. Я тщательно обследовал камбуз, кают-компанию, палатку-склад, но безуспешно. Пришлось возвращаться домой вконец расстроенным. Но мне не сиделось. А вдруг я его не заметил где-нибудь под обломком льда? Я повторил путь в старый лагерь. Поземка усилилась, и потоки снега, словно пыль на дороге, извиваясь, мчались по отполированному ветром льду. И опять ничего. Вот это подарочек судьбы! Теперь неприятностей не оберешься. Затаскают. Попробуй убеди начальство, что я его потерял, а не спрятал "на память". И это под самый конец дрейфа. Все труды и муки - все напрасно. Ругая себя последними словами, я внутренне поклялся, что, ежели отыщу этот проклятый кольт, не произнесу до окончания дрейфа ни одного матерного слова и вообще буду тих как мышка. Посетовав, я решил все же еще раз сходить к снежному "колоду". Вот он, с плоским кругом, оставленным днищем бачка. Но что это чернеет в сугробе? Я взгляделся и с радостным криком стал разгребать снег. Вот он, миленочек, как выпал из проклятого брезентового кобура, так и торчит кверху стволом, только самый кончик выглядывает. Я даже подпрыгнул от радости. Хорошо, что меня никто не видел, иначе решили бы, что я "того", совсем умом тронулся. Тронешься тут от такой потери. Надо сказать, что клятву свою я твердо держал до конца дрейфа, и даже оказавшись на острове

Врангеля, когда подвернулся повод отвести душу, я остался верен данному обету.

Кстати сказать, мои опасения по поводу последствий пропажи оказались небезосновательными. Саша Дмитриев, помогая гидрологам, сдуру принялся разбирать карабин. Планка от магазина выскользнула из рук и исчезла в лунке. Всего планка, но неприятностей впоследствии было столько, словно он потерял целый карабин. Такое уж было тогда время.

17 марта.

- Знаешь, Михал Михалыч, нам пора бы заменить флаг. Уж очень он хреново выглядит, - сказал Никитин, в котором проснулся парторг. - Ведь это как-никак символ государства.

- Да, пожалуй, ты прав, Макар, - согласился Сомов.

- Так чего тянуть? Давай прямо сейчас и заменим, - оживился Никитин.

- Торопиза не надо, - ухмыльнулся Сомов. - Вот предупредим ребят за столом, что в 15 часов состоится торжественная церемония, и тогда тебе карты в руки.

Действительно, наш флаг, гордо реявший над лагерем все одиннадцать месяцев (за исключением дней февральской катастрофы и хлопот с переселением на новую льдину), совсем обветшал. Его когда-то алое полотнище, иссеченное снегом, истерзанное ветрами, выжженное солнцем, превратилось в жалкую тряпку неопределенного цвета.

Ровно в 15 часов мы собрались вокруг флагштока. Никитин отвязал шнур, и флаг соскользнул вниз и улегся бесформенным комком на снегу. Сомов бережно развернул трехметровое алое полотнище с золотыми серпом и молотом, надежными морскими узлами прикрепил к фалу и, скомандовав по-флотски: "На флаг и гюйс смирно!", потянул за шнур, флаг медленно пополз вверх, добрался до кончика флагштока и, подхваченный порывом ветра, гулко хлопнув, затрепетал, словно язык пламени. Раздалось дружное "ура". Гав-гав-гав - твякнули кольты, бух-бух - отозвались карабины, фуух - взвились в небо ракеты и рассыпались фейерверком зеленых звездочек.

Сомов подозвал меня взглядом, и я, пошептавшись, бегом отправился на камбуз. Через несколько минут я возвратился, неся в руках поднос (крышку ящика, застеленную белым полотенцем) с двумя бутылками шампанского и одиннадцатью кружками. Мое появление было встречено громким "ура". Хлопнули пробки, и струя пенистого напитка хлынула в подставленные кружки.

- Ну теперь сам черт нам не брат, - сказал отдуваясь Миляев, - жаль только, шампанского мало. Может, еще один флаг поднять? - заключил он под общий смех.

19 марта.

- Друзья, - сказал Яковлев за завтраком, - сегодня начинаем охоту на "кабана". Погода в самый раз. Приглашаем помощников. Оплата сдельная;

Все, кто был свободен от сиюминутных работ, потянулись цепочкой вслед за гляциологами в старый лагерь. Собачья компания в полном составе помчалась за нами с веселым твяканьем.

Гурий с Ваней долго выбирали подходящее место и наконец подобрали участок, видимо, по всем показателям отвечавший кусок их требованиям. Толщина льда оказалась более двух метров. Покумекав, они решили действовать старым, проверенным способом: выдолбить шурф, а затем с помощью двуручной пилы выпилить, двумя разрезами - вертикальным и горизонтальным. Лед оказался крепким, как бетон, и работа продвигалась черепашьями темпами.

21 марта.

- Ну, док, совсем ты уморил нас своей стряпней, - проворчал Яковлев, втягивая в себя воздух, в котором, наверное, уже не оставалось кислорода.

- Так что же ты предлагаешь, Гурий, перейти на сухой паек? - сказал я. - Я лично не возражаю. Мне эта стряпня самому осточертела.

- А может, пошуруем в старом лагере? Вдруг да найдем какую-нибудь завалившую старую палатку, - сказал Дмитриев.

- Зачем же завалившую, - сказал Сомов, появившись на пороге нашего комбинированного жилья-камбуза. - Над старой лункой должна остаться палатка. Мы, когда делали с Макаром новую лунку, так и не смогли высвободить ее из ледяного фундамента.

- Это же отличный выход, - радостно вскинулся Гурий, потирая руки.

- Так чего же раздумывать, - подхватил идею Саша, - сейчас возьмем нарты, пешни, лопату и махнем в старый лагерь. Как, Михал Михалыч, не возражаете?

- А вам что, только одним тошно? - засмеялся Сомов. - Конечно, отправляйтесь, и Бог вам в помощь.

Через полчаса, одевшись потеплее, мы втроем уже брели по полуметровой дороге в старый лагерь. За нами увязалось все собачье семейство. Впереди родители, а за ними, вытянувшись в цепочку, семеня, забавно рыча и твякая, щенки. Им были ни почем ни тридцатиградусный мороз, ни ветер, набегавший порывами из-за гряды торосов. Они с любопытством обнюхивали каждый попадавшийся на дороге незнакомый предмет, будь то обломок доски, старый унт или консервная банка, расписывая снег желтыми узорами.

Лагерь встретил нас мертвой тишиной руин, нарушаемой лишь посвистами ветра да потрескиванием лопающегося от мороза льда. Палатку удалось разыскать сразу. На первый взгляд она казалась вполне пригодной. Сквозь наледь и снег, налипшие на ней, темнела хорошо сохранившаяся кирза тента. Осмотрев палатку со всех сторон, мы пришли к общему мнению, что ежели хорошенько очистить ее, то она еще послужит не одну неделю.

Пока Саша и Гурий, вооружившись обломками досок, принялись очищать палаточный тент, я решил покопаться в снегу около стеллажа, на котором раньше хранились продукты. К моей радости, в одном из свежих сугробов я обнаружил целую тушу оленя, а по соседству выковырял тройку нельм, полмешка муксуна и большую темно-коричневую ледышку - остаток бульона из окорока. Сложив находки на стеллаж, я отправился в нашу добрую старую палатку.

Протиснувшись сквозь полу заметенный снегом лаз, я зажег фонарь. Здесь царил полный бардак - следы поспешного бегства. Но под иллюминатором все так же мирно желтел медицинский столик, а рядом валялись два перевернутых стула. Оглядев внутренность палатки: нет ли здесь еще чего-нибудь подходящего, я вытащил "мебель" на счет божий и заковылял, увязая в пушистом снегу, к гидрологической палатке, где полным ходом шла работа. Палатка так основательно вросла в лед, что с нас сошло семь потов, прежде чем ее удалось высвободить из ледяного плена.

- Ну и что мы с ней теперь будем делать? - сказал Гурий, тяжело дыша. - В ней еще пудов десять осталось. Нам ее никак не дотащить. А ведь еще всякого барахла пуда на три набрали.

- Ничего не поделаешь, придется идти на поклон к Комару, - сказал Дмитриев, глубоко затянувшись папиросой.

- Давайте, ребята, захватим с собой, что полегче: продукты, часть посуды да мебелишку. А потом вместе с Комаром вернемся и тогда на машине привезем палатку и все, что осталось, - предложил я.

Нагрузив нарты, мы впряглись в постромки и, как репинские бурлаки, побрели, поминутно останавливаясь, обратно в лагерь.

Разгрузив имущество возле палатки-камбуза, мы без сил повалились на койки. Однако мне разлеживаться не пришлось: надо было готовить ужин.

- А теперь, Михал Семеныч, дело за тобой, - сказал я, разливая по кружкам чай. - Мы в старом лагере выковыряли изо льда гидрологическую палатку, но без твоего газика нам ее сюда не дотащить.

- Ну это мы завсегда пожалуйста, - неожиданно без спора согласился Комаров. - Завтра утречком разогреем двигатель, и сразу отправимся.

22 марта.

Как только завтрак пришел к концу, мы забрались в автомобиль и без особых затруднений добрались до старого лагеря. Используя приобретенный опыт, водрузили палатку на деревянную раму, уложили на нарты длинный деревянный стол, скамью, пару больших фанерных ящиков для обустройства камбуза и еще кое-что из мелочей.

В организации кают-компании приняли участие все, кто был свободен. Поскольку пол в палатке отсутствовал, мы перво-наперво расчистили снег до самого льда. Пол получился шикарный, гладкий, блестящий, словно из зеленоватого мрамора. Но от него несло такой стужей, что пришлось от шика отказаться и застелить его листами фанеры, а поверх укрыть брезентом от клипербота. Обеденный стол из старой кают-компании поставили в центре. У входа на один из ящиков от радиозондов поставили газовые плитки, которые, напевая "Свадебный марш" Мендельсона, приволок из нашей жилой палатки Гурий Яковлев. Внутри ящика Комаров сделал полки для посуды, а второй ящик, прибав на него толстую доску, превратил в разделочный стол.

Когда все основные работы по благоустройству нового камбуза-кают-компании были завершены, меня оставили в одиночестве наводить марафет, чем я и занялся. Накипятил целый бак воды, отмыл бензином закопченные, покрытые толстым слоем жира газовые плитки, надраил тарелки (тоже давно хорошо не мытые), застелил стол новенькой, чудом сохранившейся клеенкой, розовой, с мелкими цветочками. Чтобы довершить убранство палатки, я наткал повсюду с десяток стеариновых свечек. Когда узенькие оранжевые язычки, дыма и потрескивая, потянулись кверху, палатка сразу приобрела какой-то особый, давно забытый нами уют.

По случаю новоселья я учинил шикарный обед из строганины, наваристого супа из оленины, свиных отбивных и сладчайшего компота, чем привел в неописуемый восторг товарищей, давно отвыкших от разносолов.

23 марта.

- Гляди, ребята, земля, - раздался за стеной палатки голос Дмитриева. Мы высыпали из палаток и в первое мгновение обомлели от неожиданности.

На северо-востоке от нас поднимались крутые скалы неизвестного острова. Сквозь туманную дымку можно было хорошо различить острые пики невысоких гор, изрезанных расселинами, и уходящие вглубь узкие ущелья.

- Это куда же нашу льдину занесли ветры и течения? Неужели нас прибило к земле? - сказал, растерянно покручивая окуляры бинокля, Щетинин.

- А вдруг это Земля Санникова? - восторженно воскликнул Саша.

- Ладно, не суетитесь, - насмешливо протянул Миляев. - Это же обыкновенный полярный мираж.

- Конечно, мираж, - подтвердил подошедший Сомов. - Такие четкие миражи не раз вводили в заблуждение полярных путешественников.

- А жаль, - вздохнул Дмитриев. - Вот никогда бы не подумал, что такое на свете бывает.

Увы, это не была Земля Санникова. Не была просто потому, что ее не существует в природе. Как не существуют ни Земля Макарова, ни Земля Петермана, ни Земель Андреева в море Лаптевых, Крокера, Президента и Кинен в океане к северу от Канадского архипелага, ни Земли Гарриса в Центральном полярном бассейне, ни десятка других мифических островов. Все они - порождение человеческой фантазии, жажды открытий, арктического миража... История этих земель-загадок началась с сообщения голландского китобоя Джиллиса, увидевшего на севере от Шпицбергена высокие обрывистые берега неведомой, не обозначенной на картах земли. Но хотя преодолеть тяжелые льды, преграждавшие путь к неизвестному, ему так и не удалось, он добросовестно зарисовал виденное и нанес на карту. В последующие годы многие мореплаватели пытались отыскать этот остров, названный в честь первооткрывателя Землей Джиллиса, но тщетно. Он словно сквозь землю провалился. Правда, некоторым путешественникам удалось обнаружить "загадочную землю" в других районах, в результате чего на карте британского Адмиралтейства в 1872 году появились сразу две Земли Джиллиса: одна на 80° северной широты и 32° западной долготы, другая - на 81°30' северной широты.

Летом 1899 года знаменитый адмирал Макаров тоже видел берега неизвестного острова к северу от Шпицбергена. В 1880 году экипаж "Жанетты", дрейфовавшей во льдах к северу от острова Врангеля, заметил на северо-западе берега неизвестной земли, а в 1911 году эскимосу Так-Пук, участнику канадской экспедиции в море Бофорта удалось даже высадиться на неизвестном острове, который впоследствии тоже исчез.

Еще более загадочным было открытие Земли Андреева в 1763 году. Ее обнаружила экспедиция сержанта Андреева на севере от Медвежьих островов. Однако шесть лет спустя военные геодезисты Леонтьев, Лысов и Пушкарёв, пройдя по льдам на 170 километров к северу, вернулись ни с чем. Так же окончился неудачей поход М. Ф. Теденштрома. В тридцатых годах XX столетия несколько советских полярных экспедиций тщетно искали Землю Андреева, но не обнаружили никаких её следов.

Но особенный интерес вызвала судьба Земли Санникова. Увиденная промышленником Санниковым с северного берега острова Новая Сибирь в 1810 году, она долго будоражила умы соотечественников. Но ни лейтенант П. Ф. Анжу в 1821 году, ни геолог Э. Толь в девятисотых годах, ни экспедиция на ледокольных пароходах "Вайгач" и "Таймыр" в 1913-1914 годах, ни амундсеновская экспедиция на судне "Мод", дрейфовавшая в этом районе, не нашли подтверждений ее существования. Бесплодными оказались и поиски ледоколов "Ермак" (1937 г.) и "И. Сталин" (1938 г.). Ярм поборником идеи существования Земли Санникова выступил академик В. А. Обручев, написавший великолепную, увлекательную книгу "Земля Санникова". А в 1911 году участник экспедиции В. Стефанссона эскимос Так-Пук даже высадился на такой неизвестный остров в море Бофорта. В марте 1946 года летчик И. Котов во время ледовой авиаразведки к северо-востоку от острова Врангеля на 76° северной широты и 165° западной долготы, вблизи места дрейфа нашей станции обнаружил остров Крестьянки, достигавший в длину 30 километров и 25 километров в ширину. А год спустя летчик Л. Крузе наблюдал тот же остров, но уже на 173°30' западной долготы. Следовательно, остров обладал удивительной способностью менять свои координаты. По мнению В. Н. Степанова, эти "земли", состоявшие из ископаемых льдов, подвергались интенсивному размыву морскими водами и воздействию мощного дрейфующего ледяного покрова. В 1954 году В. Ф. Бурханов пришел к заключению, что "наши современные познания о дрейфе ледяных островов еще несовершенны. Но они уже дают основание сказать, что Санников, Андреев, Джиллис, Макаров и другие полярные исследователи, обнаружившие загадочные земли, на самом деле видели не что иное, как дрейфующие ледяные острова".

В апреле 1948 года И. П. Мазурук наблюдал мощное нагромождение льдов, напоминавшее землю с характерной волнистой поверхностью. Это был настоящий остров размерами 28 на 32 километра.

Март 1950 года ознаменовался открытием еще одного ледяного острова площадью около 100 квадратных километра., дрейфовавшего северо-восточнее острова Геральд. К сожалению, эти интересные открытия держались советским правительством в глубочайшем секрете от мировой научной общности. Однако все эти тайны давно стали "секретом полишинеля". Оказалось, что американцы еще в 1946 году с помощью радара обнаружили дрейфующий остров, известный в советских секретных документах как остров Крестьянки, и назвали его Т-1 (от английского слова target - мишень, цель). А когда в июне 1950 года один за другим были открыты еще два плавучих острова: Т-2 (остров Мазурука) и Т-3 (остров Перова), высокое начальство спохватилось, приказав немедленно опубликовать в печати сообщения о блестящих открытиях советских летчиков. Но - поздно. Приоритет открытия дрейфующих островов Арктики достался, как это было не раз, американцам.

За ужином снова завязался разговор о сегодняшнем мираже.

- А все-таки жаль, что это мираж, - сказал, мечтательно вздохнув, Гудкович. - Вот было бы здорово открыть еще никому не известную землю. Ну хоть бы паршивенький ост-ровочек.

- Запоздал ты, Зяма, появиться на свет Божий эдак лет на сорок, - сказал, улыбнувшись, Никитин.

- А почему на сорок? - спросил Дмитриев.

- Потому что последнюю неизвестную землю открыли тридцать восемь лет назад, в 1913 году, - сказал Макар Макарович, - а предсказал ее существование еще в конце прошлого века знаменитый географ и... отец русского анархизма П. А. Кропоткин. В своих "Записках революционера" он писал: "Земля, которую мы предвидели сквозь полярную мглу (Земля Франца-Иосифа. - В. В.), была открыта Вайпрехтом и Пайером, а архипелаг, который должен находиться на северо-восток от Новой Земли (я в этом убежден еще больше, чем тогда), так еще и не найден". Но природа долги оберегала тайну ее существования. Правда, если бы Семену Челюскину, первым из людей ступившему на "каменный, приятный, высоты средней" мыс 7 мая 1742 года - самую северную точку Азиатского материка, названную им Восточно-Северным мысом (впоследствии переименован в мыс Челюскин. - В. В.), повезло, он смог бы разглядеть сквозь морозную дымку купола неведомой земли. От нее отделяли первопроходца лишь 56 километров пролива. Не была фортуна благосклонна и к другим полярным исследователям: Э. Норденшельду, Ф. Нансену, Э. Толлю, корабли которых прошли этим проливом из Карского в море Лаптевых. Но вот настал 1913 год. 9 июля из Владивостока на север отплыла экспедиция в составе двух ледокольных транспортов: "Таймыр" и "Вайгач". Перед ней стояла задача: "...собрать материал по астрономии, гидрографии, лоции, гидрологии, геодезии и зоологии и все это увенчать сквозным проходом в Петербург". Вместо тяжело заболевшего И. С. Сергеева начальником экспедиции был назначен Б. А. Вилькицкий.

23 августа корабли подошли к восточному берегу Таймырского полуострова. Уже был виден мыс Челюскин. И тут на пути экспедиции встали непроходимые льды. Разочарованием ее участников не было предела. Но тут произошло событие, заставившее сразу забыть о неудаче. В ночь со 2 на 3 сентября навстречу кораблям, медленно продвигавшимся по широкой полыне, стали попадаться айсберги. Айсберги у Таймырского полуострова? Но откуда? Ведь поблизости нет и признака рождающих их ледников, да и никто из исследователей ранее не встречал эти плавающие ледяные горы вблизи Таймыра. И вдруг в предраждетной дымке появились очертания неизвестной земли. Вот как описал открытие этой земли участник экспедиции врач Л. М. Старокадомский:

"Светало, но горизонт еще закрывала мгла. И вдруг впереди, немного вправо от курса я стал различать смутные очертания высокого берега. Не ошибся ли я? В Ледовитом океане часты такие обманы зрения. Кажется, ясно видишь вдаль берег, а начнешь продвигаться к нему и оказывается, что за берег принял облако или стену тумана. Не стал ли я жертвой такого оптического обмана? Не говоря пока ни слова Гюне (начикан ничего не замечал), я, напрягая зрение, внимательно всматривался в темноту. Нет, ошибки быть не могло, я отчетливо видел землю - очертания крутых возвышенностей не менялись, были очень характерны; на горах виднелись снежные пятна. Передо мной, несомненно, был высокий гористый берег. Сдерживая волнение, я шагнул в штурманскую рубку и разбудил начальника экспедиции.

- Борис Андреевич, впереди открылся берег!

- Довольно островов, - капризно, сквозь сон, пробормотал Вилькицкий, - нам надо проходить на запад...

- Идите смотреть, Борис Андреевич, теперь это высокие горы.

Окончательно проснувшись, Вилькицкий мгновенно сбросил с себя тулуп, выскочил на мостик и стал вглядываться в указанном мною направлении. Все яснее на фоне тусклого облачного неба вырисовывались высокие берега неведомой земли".

Что это - остров ли, архипелаг? Таинственный берег уходил на северо-запад и скрывался вдаль. Попытка обследовать южную оконечность острова не принесла результатов: путь преградили сплошные льды. Однако партии исследователей удалось с помощью шлюпки высадиться на юго-восточный берег, собрать образцы пород и произвести астрономические наблюдения.

4 сентября Б. А. Вилькицкий издал приказ по экспедиции, в котором указывалось, что "при исполнении приказа начальника Главного гидрографического управления пройти после работ на запад в поисках Великого северного пути из Тихого океана в Атлантический нам удалось достигнуть мест, где еще не бывал человек, и открыть земли, о которых никто и не думал.

Мы установили, что вода на север от мыса Челюскин не широкий океан, как его считали раньше, а узкий пролив. Это открытие само по себе имеет большое научное значение, оно объяснит многое в распределении льдов океана и даст новое направление поискам великого пути".

Вдоль скалистых берегов медленно продвигались корабли на север. Высокие, почти пятисотметровые горы, совершенно лишенные растительности, были хмуры и неприветливы. Но вот берег кончился. Горная цепь, словно тая, перешла в пологое плато, плавно спускавшееся к морю. 81°. Земля - кончилась. Дальше простирался бескрайний океан, покрытый льдом.

О борьбе с многолетним паком нечего было и мечтать. Дальнейшего пути на запад не было. Пришлось ограничиться подробной съемкой восточных берегов земли и спешить обратно, иначе кораблям угрожала ледяная ловушка и неизбежная длительная зимовка.

Благополучно избежав опасностей, экспедиция с триумфом вернулась во Владивосток.

- Так вот, - продолжил свой рассказ Никита, - Вилькицкий назвал открытый остров Землей Николая II. Думаю, что это было не случайно. В Арктике уже имелась Земля Франца-Иосифа, названная в честь австрийского императора, а теперь, как бы в противовес, появился остров с именем русского царя. Но, что удивительно, землю-то открыли и... забыли о ее существовании. Правда, в 1918 году Р. Амундсен, зазимовавший на берегах Таймыра, сделал попытку добраться до нее на собаках. Но преодолеть многочисленные препятствия в виде торосов и разводий ему не удалось. Потерпел неудачу и капитан Р. Бартлетт.

У. Нобиле, пролетая вблизи берегов Северной Земли, так и не увидел ее с борта дирижабля, что вызвало сомнение в ее существовании даже у такого солидного издания, как географический справочник "Arctic Pilot". Так и оставалась целых 27 лет она отмеченной на географических картах лишь неровной линией восточного и южного берегов. Подлинное открытие этой земли, переименованной в 1926 году на Северную Землю, состоялось в тридцатых годах. 24 августа 1930 года на пустынном берегу островка, названного Домашним, высадились четверо советских полярников во главе с Георгием Ушаковым.

- Макар Макарыч, - прервал его рассказ Шетинин, - а ты, часом, не ошибся? Их вроде бы было только трое: Ушаков, охотник-промышленник Журавлев и радист Вася Ходов. Так, во всяком случае, написано в книге Ушакова "По нехоженой земле".

- Нет, Жора, не ошибся, - сказал Никитин. - Их действительно было четверо. К сожалению, имя четвертого участника экспедиции геолога Урванцева много лет нигде не упоминалось. Его арестовали в конце тридцатых годов, и военная цензура распорядилась вычеркнуть его фамилию из рукописи. Пришлось подчиниться, иначе книга не увидела бы свет. - Макар Макарович замолчал, разминая папиросу.

- Ну и чем же закончилась эта экспедиция? - спросил Дмитриев.

- Два года провели полярники на Северной Земле. Во время санных экспедиций они прошли на собачьих упряжках более 5 тысяч километров и установили, что Северная Земля - архипелаг, состоящий из четырех крупных и десятка мелких островов, общей площадью около 37 тысяч квадратных километров. Экспедиция составила подробную карту архипелага, дала названия островам и проливам, горам и ледникам. Урванцев с Ушаковым описали геологическое строение, животных и растительный мир. Работа экспедиции была оценена научной общественностью как величайшее географическое открытие XX века.

Пока Никитин рассказывал историю открытия и изучения Северной Земли, я невольно вспомнил свое первое знакомство с ней. Это памятное событие произошло в начале апреля 1949 года. Наш экспедиционный самолет опустился на лед пролива Красной Армии, разделявшего острова Комсомолец и Октябрьской Революции. Здесь располагалась промежуточная база экспедиции "Север-4". С нее запасы бензина, продовольствия, научное оборудование затем доставлялись в район Северного полюса. Перед моим мысленным взором возникла серая, запыленная снегом громада мыса Ворошилова, нависшая над кромоккой берега, и купола КАПШей, черневшие на девственно-белом снегу пролива. Вздохнувший встречей с "настоящей Арктикой", я не удержался и, закинув за плечи карабин, отправился в свое первое полярное путешествие к островку, возвышавшемуся среди льдов в километре от лагеря. Я долго карабкался по его скалистому обледеневшему склону и наконец, добравшись до вершины, замер, пораженный открывшейся картиной. Передо мной до самого горизонта простиралось закованное в лед море Лаптевых. Во всех направлениях тянулись гряды торосов, сверкавших под лучами незаходящего полярного солнца. По белоснежному небу, словно догоняя друг друга, мчались лохматые, похожие на клочья ваты облака. Меня охватило волнующее чувство первооткрывателя. Наверное, в эти минуты я ощущал себя Пири, Нансеном, капитаном Гаттерасом. Я словно забыл о времени, всматриваясь в

необъятные просторы Арктики.

24 марта.

Сегодня природа еще раз побаловала нас зрелищем полярного миража. Правда, очертания "земли" несколько изменились, но впечатление, что перед нами остров, было поразительным. И подумать только, что это всего-то навсего оптический обман, вызванный преломлением световых лучей при прохождении через слои воздуха с разной плотностью. Прямолинейный луч света, отраженный от какого-нибудь предмета, искривляется, образуя дугу, превышающую радиус Земли. При этом видимый горизонт расширяется и повышается. Поэтому эти объекты, скрытые за горизонтом, становятся видны наблюдателю. При плавании в Арктике не раз обнаруживали открытую воду среди ледяных полей или груды торосов, находившиеся на большом удалении. Это явление называется рефракцией. В тех случаях, когда нагретый слой воздуха оказывается внизу, а холодный и более плотный над ним, траектория светового луча имеет выпуклость вниз и отдаленные предметы представляются наблюдателю в перевернутом виде.

Я припомнил Э. Миккельсена, описавшего юмористический случай, связанный с рефракцией. Однажды его спутники по экспедиции Унгер и Поульсен увидели на пригорке мускусного быка. "В каждом, - вспоминал Миккельсен, - мгновенно проснулся охотник, оба поползли на брюхе по всем правилам искусства, укрываясь в русле высохшей речушки. Наконец они приблизились к ничего не подозревавшему животному на расстояние выстрела и уже подняли ружья, как вдруг - что такое? Никак у животного хвост? И впрямь, оно вдруг замахало хвостом, громко залаяло и бросилось навстречу бравым охотникам, которые, наверное, готовы были спрятаться в мышиную норку, убедившись, что зверь, к которому они так осторожно ползли, - одна из их собственных собак". Вот они - шутки рефракции.

Полярным мореплавателям не раз миражи внушали чувство удивления, смешанного с благоговейным ужасом. Во время полярной экспедиции Виллоуби неожиданно налетевший шторм разнес суда на большое расстояние друг от друга. И вдруг моряки одного из судов увидели опрокинутое изображение другого высоко в небе. Он плыл мачтами вниз, словно взлетел в небо и там перевернулся. Изображение было настолько четким, что можно было без труда узнать пропавший корабль.

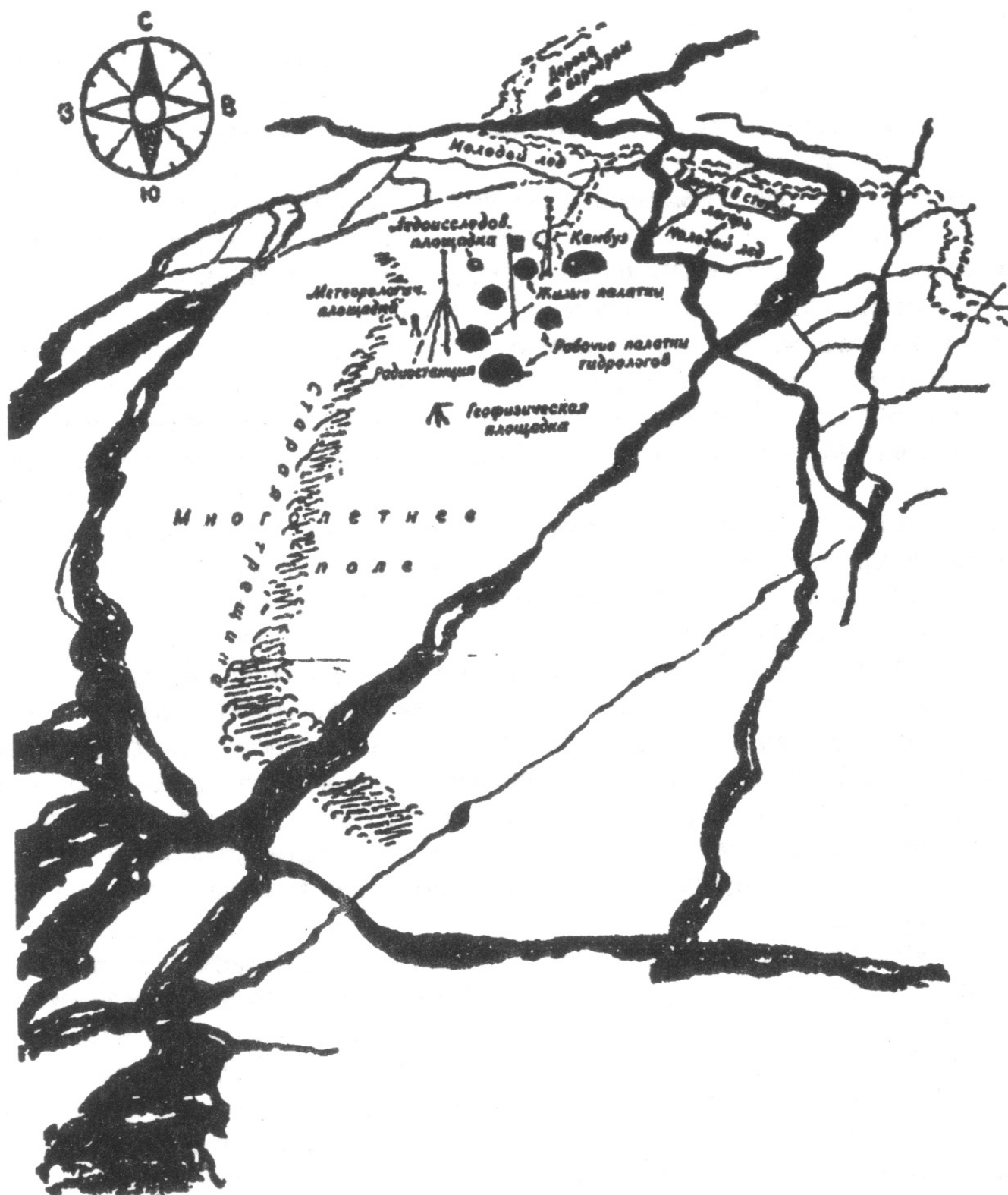
Ярко описал мираж Николай Васильевич Гоголь в своей "Страшной мести". "За Киевом показалось неслыханное чудо: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел лиман, за лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою поднимавшийся из моря, и болотный Сиваш. По правую руку была видна земля Галичская.

- А то что такое? - спрашивал собравшийся народ, указывая на далеко мерещившиеся на небе и большие, похожие на облака серые и белые верхи.

- То Карпатские горы, - говорили старые люди..."

Но, пожалуй, самым удивительным был мираж, наблюдавшийся экипажем бременского судна "Матадор". Из легкого тумана прямо навстречу ему вынырнуло, рассекая волны, большое парусное судно. Моряки в ужасе ожидали столкновения. Но "Летучий голландец", они именно за него приняли корабль, мчащийся на всех парусах, вдруг изменил курс и исчез. Только прибыв в чилийский порт Галатеа Буэна, капитан "Матадора", описав встреченный корабль, с удивлением узнал, что видел призрачное отображение датского корабля, находившегося в тот момент за 1700 километров от "Матадора".

ПОСЛЕДНИЙ ЛАГЕРЬ

25 марта.

Комаров чуть свет ушел на аэродром, посмотреть, в каком состоянии посадочная полоса. Возвратился он только в полдень, злой и расстроенный.

- Что-то вы сегодня не в духе, Михал Семенович? - спросил Сомов, увидев его хмурое лицо.

- Будешь не в духе, - отозвался Комаров, - если аэродром пропал.

- Как это пропал? - недоуменно спросил Сомов.

- Нету аэродрома, унесло его куда-то. Вроде бы никаких серьезных подвижек последние дни не было, а он словно в океан провалился.

- Ну и что же будем делать? Ведь скоро Мазурук снова собирается нас навестить.
- Надо искать новый. Вот отдохну, а потом прихвачу пару ребят и отправимся искать подходящую льдину.
- Это зачем же? - вмешался Яковлев, незаметно подошедший к собеседникам.
- Вот Михал Семенович сетует, что аэродром пропал.
- Пропал? - удивился Гурий. - Да мы с Ваней только что по нему гуляли, хотели взять пробу молодого льда.
- Брось заливать, Гурий, - окрысился Комаров.
- Ты, Семеныч, не горячись, - миролюбиво возразил Яковлев. - Ты где его искал?
- Как где? Пошел вдоль гряды торосов, знаешь, там есть такая льдина, похожая на белого медведя, а потом завернул направо.
- Вот тебе и на, - усмехнулся Гурий, - так ведь аэродром совсем в другой стороне.

Комаров смущенно потоптался на месте.

- Неужели я перепутал?
- Значит, перепутал. Аэродром целехонький, на том же самом месте, где мы принимали последний раз Мазурука.

И действительно, "непогрешимый" Комаров на этот раз ошибся. Следом за Гурием, взявшим на себя роль Сусанина, мы отправились на аэродром. Он действительно оказался целым и невредимым, если не считать десятка небольших трещин. Навести на нем порядок было для нас сущим пустяком.

26 марта.

- Михал Михалыч, может, баньку организуем? - сказал Саша Дмитриев, почесывая голову. - А то уже терпежа никакого нет.
- Пора, наверное, - отозвался Сомов. - Как, Михал Семеныч? Наверное, наш банный агрегат уцелел. Его бы привезти сюда. А по случаю такого важного мероприятия можно на один день использовать нашу гидрологическую палатку.

Комаров не заставил себя упрашивать. Он быстренько "развел пары" и в сопровождении добровольцев отправился на газике в старый лагерь. Часа через два банная команда, перебрасываясь веселыми шутками, уже трудилась на полный ход. Установила агрегат, заправила бензином АПЛ, натаскала снежных брикетов из соседнего сугроба. Вскоре в бочке забулькала закипающая вода, и первые счастливицы, орудуя мочалками, довольно отфыркиваясь, уже оттирали многомесячную грязь. Впрочем, это радостное событие было несколько омрачено неприятным происшествием. В АПЛ кончился бензин, и Курко, залив в бачок горючее, принялся качать поршнем. Но второпях он забыл прочистить капсюль. Неожиданно пламя пыхнуло и опалило ему руки. Костя примчался ко мне на камбуз, ругаясь на чем свет стоит. Руки у него покраснели и покрылись волдырями. Обработав ожоги по всем правилам, я обмотал ему обе кисти бинтами. Взглянув на толстые повязки, украсившие его руки, Миляев заметил, что нет хуже без добра и теперь Курко может обойтись без перчаток.

К сожалению, это происшествие было не первым. Пару дней назад Саша Дмитриев, прибирая в гидрологической палатке, неосторожно повернулся и опрокинул горящую паяльную лампу. Пламя лизнуло просохший пол, и он вспыхнул как спичка. К счастью, Дмитриев не растерялся и, зачерпнув ведром воду из лунки, выплеснул ее на пламя. Пожар удалось погасить, но в пологе образовалась огромная дыра. Макар Макарыч, очищая палаточный тент от наледи, полоснул ножом по руке, да так, что кровь брызнула фонтаном. Я с трудом остановил кровотечение, наложив тугую повязку. К счастью, сухожилия остались в целости и сохранности.

Я тоже умудрился подпалить полу своей французенки, а Яковлев едва не лишился меховой шапки, упавшей на горящую газовую плитку.

Все эти события крайне настораживали. Это были не просто случайности. Видимо, дали себя знать накопившееся утомление и постоянное нервное напряжение. В результате ослабло внимание, появилась рассеянность. Мы утратили осторожность, стали пренебрегать правилами безопасности. Все это могло привести к самым непредсказуемым и роковым последствиям.

27 марта.

Сегодня гляциологи отправились добывать "кабана". После трех дней утомительной работы, спустив семь потов, им удалось выдолбить шурф глубиной 115 сантиметров. Теперь предстоял заключительный этап. Вооружившись пешнями, пилой, связкой веревок, прихватив с собой нарт, они вместе с добровольными помощниками навалились на "кабана". Распахнув куртки и поплевав на рукавицы, Яковлев с Петровым взялись за ручки пилы. Джик-джик, джик-джик - визжала пила. С лица ледопилы стекали струйки пота. Они тихонько чертыхались, но решили довести дело до конца.

В расстегнутых куртках, с разлохмаченными бородами, они мне напомнили детскую игрушку - двух маленьких медведей на деревянных планках. Подергаешь планки, и каждый из них тянет пилу на себя. Только через четыре часа утомительной работы им удалось наконец отхватить внушительный ломоть льда шириной 70, длиной 60 сантиметров, толщиной метр с небольшим. Усталые, но довольные, они бережно погрузили свой охотничий трофей на нарту и, увязав веревками, поволокли его в лагерь, прямо к палатке, выпрошенной у Сомова для гляциологических исследований. Их встретило веселое тиканье двух дисковых гальванометров, непрерывно записывающих суммарную солнечную радиацию и радиационный баланс. Здесь же стоял мощный пресс для изучения физико-механических свойств льда. Гурий с Ваней полны энтузиазма и разделяют "кабана" по всем правилам. К сожалению, их кабан - единственное "мясо", которым можно воспользоваться, ибо оленья ляжка, пошедшая на приготовление вчерашнего борща, оказалась последней. Придется переходить на мясные консервы. Но их у нас предостаточно. Я невольно вспомнил старую байку. К вождю индейского племени пришли охотники.

- О вождь, - сказали они, - есть две новости: одна плохая, другая хорошая.
- Начните с плохой, - сказал вождь.
- Вчера убили последнего бизона. Осталось одно бизонье говно.
- А хорошая? - спросил вождь.
- Говна навалом.

Но еще одна новость, сообщенная мне Яковлевым, оказалась действительно хорошей. Возвратившись с "охоты на кабана", он зашел на камбуз и, заглянув в бак, в котором на дне плескалось немного воды - все, во что превратилась целая гора снега, сказал укоризненно:

- И чего это ты, док, со снегом мучаешься, когда у тебя под боком опресненного льда навалом? Идем покажу, - сказал Яковлев. Он отвел меня метров за тридцать от палатки и ткнул пальцем в ледяной бугор, нежно голубевший в лучах солнца.
- Вот это и есть старый лед, - пояснил он, - в нем соли кот наплакал, не то что в молодом.
- Это почему ж?

- Да все очень просто. При повышении температуры льда увеличивается объем включенного в него рассола и ячейки постепенно удлиняются, превращаясь в сквозные каналы, по которым рассол проникает между ледяными кристаллами, опускаясь все ниже и ниже. Этот процесс, особенно интенсивный в летние месяцы, ведет к непрерывному опреснению верхних слоев льда, которое распространяется на всю его глубину. Чем лед старше, тем меньше в нем содержится солей. И в зимнее время этот процесс не прекращается, вследствие разности температур верхней и нижней поверхностей льда. Старый, опресненный лед легко узнать по своеобразной голубой окраске, блеску и сглаженным

очертаниям. Вот он как раз перед тобой. Видимо, эта глыба пролежала здесь не один год.

Воспользовавшись советом Гурия, я принес бак, набил его до краев кусками льда и, погрузив на нарты, потащил на камбуз. И действительно, через некоторое время бак оказался почти до краев наполненным совершенно пресной водой. Ай да Гурий!

1 апреля.

Ровно год назад над этой льдиной взвился красный флаг нашей станции. Вроде бы срок невелик. Но здесь иной масштаб времени. Оно словно замедлило свой бег. Минуты превратились в часы, часы стали неделями, недели месяцами. Мы садимся вокруг стола, сосредоточенные и немного взволнованные. Михмх, гладко выбритый, в своей потертой коричневой кожаной куртке поверх черной суконной тужурки, говорит:

- Дорогие друзья! Сегодня нашей дрейфующей станции исполняется год. В масштабах человеческой истории срок этот совсем небольшой. Но, наверное, для всех нас этот год равен целой жизни. Правда, жизни трудной, напряженной, заполненной непрестанным трудом, отягощенной бременем ответственности, но такой яркой и полнокровной. Сегодня, как это принято на Большой земле, мы попробуем подвести некоторые итоги нашего дрейфа. За двенадцать месяцев станция прошла по прямой всего около шестисот пятидесяти километров, но зато ее извилистый путь среди льдов составил более двух тысяч шестисот километров. А теперь разрешите, я начну с работы нашего гидрологического отряда. Нам удалось сделать около трехсот замеров глубины, которые позволили детализировать рельеф дна в малоизученном районе Полюса относительной недоступности и определить границы материкового склона в обследованных точках. Думаю, что они помогут нашим коллегам при составлении новой батиметрической карты Ледовитого океана. Пробы грунта с океанического дна дадут возможность выяснить изменения в осадках, наблюдаемых при переходе океанских глубин к материковому склону и затем к материковой отмели.

Обнаруженные в пробах окатанная галька и свежие обломки породы наталкивают на мысль, что значительная их часть вынесена льдами с побережий Аляски, Чукотки и острова Врангеля. А другая часть, обнаруженная на краю Чукотского желоба, связана с новейшей тектоникой. Интересные результаты удалось нам получить при изучении термического режима всей толщи воды и особенно ее слоя тихоокеанского происхождения, который распространяется в центральной части Северного Ледовитого океана между слоем атлантической воды и верхним распресненным слоем полярных вод. За год удалось выполнить несколько десятков суточных станций и пять пятнадцатисуточных, во время которых мы наблюдали за характером течений на различных горизонтах.

Наши гидробиологические исследования позволяют изменить существовавшие представления о необычайной бедности жизни в Центральном полярном бассейне. Мы убедились, что полярные воды в этих широтах населяют десятки видов веслоногих рачков, а также обнаружили представителей других групп животного мира, ранее считавшихся отсутствующими в Северном Ледовитом океане. А благодаря тому, что отлов производился систематически, можно говорить о сезонных изменениях количества планктона. Наблюдения за живностью в океане позволяют предположить наличие прослойки тихоокеанских вод.

Основательно за это время потрудились наши метеорологи Зяма Гудкович и Георгий Ефремович Щетинин. Все вы знаете, что, за небольшим исключением, они почти семь месяцев подряд по восемь раз в сутки получали метеоданные, которые передавались на Большую землю и служили большим подспорьем синоптикам, особенно в восточном секторе Арктики. Но, с другой стороны, их материалы, а также данные, собранные К. И. Чуканиным, В. Г. Канаки, В. Е. Благодаровым и П. Ф. Зайчиковым в летний период, сыграли существенную роль в исследовании закономерностей атмосферной циркуляции над Центральной Арктикой. Аэрологи, например, установили, что скорость ветра возрастает с высотой и достигает максимума за один-полтора километра от тропосферы. Радиозонды, улетавшие на высоту двадцать километров, позволили получить характеристики стратификации не только тропосферы, но и нижних слоев стратосферы, где было обнаружено повышение температуры с высотой порой на пятнадцать-восемнадцать градусов. Очень интересными оказались исследования, выполненные Миляевым и его предшественниками с помощью градиентной установки. Они выявили некоторые закономерности изменения скорости ветра с высотой в приледном слое воздуха в зависимости от характера подстилающей поверхности и от скорости ветра.

Много интересных материалов собрали Гурий Николаевич и Иван Григорьевич. Им удалось доказать, что в период с мая по сентябрь радиационный баланс в этих краях положителен, а с октября до апреля он становится отрицательным. Но сколько материалов им еще предстоит обработать, чтобы оценить структуру и физико-механические свойства льдов разного возраста и вида, уже не говоря о наблюдениях за сезонностью изменений ледяного покрова и его рельефа под воздействием процессов таяния в летнее время. Заодно хочу поздравить гляциологов с успешной охотой на третьего "кабана".

Есть чем гордиться и Николаю Алексеевичу. Его геофизические исследования, которые продолжили наблюдения, начатые Е. М. Рубинчиком и В. М. Погребниковым, позволили сделать много интересных заключений о магнитном поле Земли и его особенностях, о местных магнитных аномалиях вертикальной и горизонтальной составляющих в области, расположенной к востоку от меридиана 170. Им удалось установить некоторые закономерности поглощения радиоволн в высоких широтах и влияния магнитных возмущений на радиосвязь. С помощью полученных ими данных магнитные карты Центральной Арктики, которые раньше строились на основе теоретических выводов, приобретут большую точность, столь необходимую для практических целей. А что касается его навигаторской деятельности, то она выше всяких похвал. Благодаря неутомимости Миляева мы постоянно знали, где находимся и куда нас влечет неведомая сила. Я должен особо поблагодарить Михаила Семеновича, чьи золотые руки не раз выручали нас из трудных положений, а изобретательская смекалка поражала своей неистощимостью. Низко поклониться хочу нашим самоотверженным радистам, которые в самые трудные минуты нашей жизни поддерживали бесперебойную связь с Большой землей.

Не забыл Михмх и моей врачебно-кухонной деятельности, найдя для нее хорошие слова.

Кто нас осудит, если после такого серьезного совещания и телеграммы из Ленинграда о вылете отряда Мазурука для снятия станции мы устроили шикарный банкет, истратив последние запасы деликатесов, столь бережно хранившиеся до этой минуты Дмитриевым, и две бутылки шампанского, подаренные Мазуруком.

2 апреля.

В очередную экспедицию в старый лагерь отправляется сразу человек шесть. У каждого свои дела. Я должен пошуровать в фюзеляже, может, что-нибудь интересное завалось. У Комарова в мастерской остались какие-то инструменты и детали, а Яковлев с Петровым, уговорив Зяму, пришли за последним "кабаном". За нами увязалась шумная собачья компания. Громко тявкая, щенки бежали, то и дело падая на скользком льду. Но первая же гряда торосов повергла их в смущение. Мы перебрались на другую сторону и остановились, с любопытством ожидая, как щенки преодолют возникшее препятствие. Впрочем, в собачьем коллективе, как и в людском, всегда обретается скрытый лидер. Им оказался мохнатый Шарик с белой звездочкой на лбу. Он повертелся на месте, а затем затрусил неторопливо вдоль гряды и наконец, обнаружив проход, втиснул свое лохматое тельце и проскользнул на другую сторону. Остальные щенки последовали его примеру.

Яковлев и Петров облюбовали толстенный ледяной лоб и принялись пилить его голубую твердь. Но щенки оказались тут как тут. Они рычали на пешню, лезли под самую пилу, совали любопытные мордашки в шурф, вертели под ногами, радуясь возможности принять участие в новой игре. Наконец, Петрову это надоело, и он, вытащив из кармана кусок колбасы, заманил всю щенячью компанию в палатку и захлопнул дверцу. Они сидели там, возмущенно тявкая, пока глыба полтора метра толщиной не была выпилена из ледяного массива, разделена на куски и погружена на нарты. Лед оказался совершенно пресным. Вот почему так заманчиво голубели вокруг оттаявшие льдины. На некоторых снег полностью исчез, и они поутру были лишь припудрены голубоватым инеем.

3-4 апреля.

Нас закружила, задержала предотъездная суета. По лагерю несется перестук молотков. Вся аппаратура тщательно запаковывается. По воздуху летают обрывки бумаги, клочки ваты, стружка, хранившаяся по сусекам до поры до времени.

Неожиданно Москва подкинула нам хлопот (а то своих у нас было мало). Очередной радиограммой нам предписано вывезти на Большую землю порожние газовые баллоны и... бензиновые бочки. Трудно понять начальство. Ведь этих самых железных бочек из-под бензина валяется по всей Арктике видимо-невидимо. Но приказ есть приказ. Приходится выполнять, и мы в сопровождении гаизика отправляемся в старый лагерь. Бочки грузим на автомобиль, а баллоны на санки, в которые превратилась грузовая дверца, выдранная Комаровым с помощью лома из фюзеляжа.

Казалось бы нами должно владеть единственное чувство - радость. Радость по случаю успешного окончания работы, окончания многотрудной лагерной жизни. Но почему то один, то другой, отложив в сторону топор или молоток, отрешенно смотрит куда-то в пространство? Почему все чаще и чаще я улавливаю во взглядах товарищей нескрываемую грусть? И все-таки трудно поверить, что всего через несколько дней наступит конец всему - вахтам, тревогам, изнуряющей работе. И все чаще звучит слово - последний. Последний срок, последний "кабан", последняя вахта, последнее наблюдение. А ведь скоро прозвучит: последний обед.

Строительство дороги на аэродром подходило к концу, как вдруг лед задвигался, закричал и в считанные минуты от дороги остались "рожки да ножки". Надо было только посмотреть на наши кислые лица. Столько трудов, и все насмарку! Ну да бог с ней, с дорогой. А что с полосой? Этот вопрос мучает нас до самой ночи. Едва затихло торошение, мы, найдя окольный путь, устремились на аэродром. Нам повезло. Он остался целым и невредимым.

7 апреля.

Последний праздник. Последний день рождения. Михмху исполняется 43 года. Каждый находит какие-то теплые слова, у каждого находится какой-нибудь скромный подарок - картинка из журнала, книга, мундштук. А неистощимый на выдумки Миляев вытащил из-под полы и преподнес имениннику бутылку напитка неопределенного цвета с оригинальной этикеткой, изображающей балерину в прыжке с надписью "Трест Арарат ГУСМП. Ликер ДС - Юбилейный". Напиток сильно отдавал горелым спиртом и немного кофе, но оказался приятным на вкус и ядреным по крепости. Хлопула пробка шампанского, и пенистая влага полилась за неимением хрустальных бокалов в железные кружки. Обычно после "возлияний" начиналась, "травля". Но на этот раз было не до разговоров.

Неожиданно образовавшаяся после подвижки трещина оказалась непроходимым препятствием. Пришлось идти в обход, что удлинило дорогу почти вдвое, а значит, вдвое потребуются усилия для приведения ее в порядок. Но зато аэродромная полоса стала прочной и надежной. Со дня первого прилета Мазурука толщина льда достигла метра. Но длина его, видимо, не очень устраивала летчиков, и Илья Павлович радиогаммой попросил удлиннить ее еще метров на триста. Пришлось объявить аврал, а чтобы не бегать за два с лишним километра в лагерь на обед, Сомов распорядился перенести одну из палаток на аэродром, оборудовать ее плиткой, баллоном с газом и необходимой посудой и чайником. Теперь наработавшись, намерзнувшись и шастая в палатку согреться, побаловаться чайком. Блаженство! Оказывается, как мало для этого требуется.

8 апреля.

Старый лагерь опустел. Сиротливо чернеют брошенные палатки. Осталось лишь самое ненужное. Зато в новом поселке и на аэродроме высятся штабеля грузов, готовых к отправке.

Отобедав, все вышли из камбуза покурить на свежем воздухе, как вдруг Миляев вытянулся перед Сомовым по стойке "смирно" и отпартовал: "Геофизик Миляев готов к отлету на Большую землю. Последние наши координаты 81°45' северной широты и 162°20' западной долготы. Для продолжения работ на станции оставляю своего заместителя" - и он показал на геофизическую площадку. Мы посмотрели в направлении его руки и ахнули. На площадке, пригнувшись у треноги теодолита, стоял Миляев. Да, да, Миляев, в своей неизменной зеленой ватной куртке спешащива, подвязанной обрывками веревки, черном меховом шлеме и стоптанных, сапогах, с обгорелым мехом черных унтах.

Первым расхохотался Гурий:

- Ай да Коля! Ну и выдумщик!

Двойник был сделан превосходно. Миляев с помощью подставки придал ему свою, столь характерную позу, что не будь Николай Алексеевич рядом, ни за что бы не усомнились, что он берет очередные координаты, прильнув к теодолиту.

Мы несколько ошиблись с расчетами и, когда раздался крик "летит!", были еще в лагере. Все попрыгали в машину. Она, к счастью, завелась с пол-оборота, и Комаров погнал ее по ледовым ухабам и выбоинам, рискуя поломать рессоры.

Пока самолет кружил над льдинами, Комаров развез нас по аэродрому, вручив каждому по круглой зеленой банке - дымовой шашке и коробку спичек с толстыми желтыми головками.

Самолет Мазурука садится у самого "Т" и, пробежав половину полосы, заруливает на площадку-стоянку, расчищенную от бесчисленных ропаков и надувов после ожесточенного спора с Комаровым. Теперь каждая дополнительная работа кажется нам особенно тяжелой. Следом приземляется Ли-2. Его командир наш старый друг Виктор Перов. Мы радостно обнимаемся с "крестным отцом" станции, с которым не виделись целый год. Следом за ним на лед выпрыгивает знакомая приземистая фигура в длинном, до пят кожаном реглане. Это Титлов. Он тоже переходит из объятий в объятия, пристально вглядываясь в наши похуевшие, осунувшиеся лица. Михаил Алексеевич прилетел на разведку. Его "ил" тоже будет участвовать в эвакуации станции, но пока ожидает своего командира на острове Врангеля. Комаров усаживает его в газик и с хозяйским видом везет по аэродромной полосе. Судя по улыбающемуся, довольному лицу Титлова, аэродромом он остался доволен.

- Ждите нас завтра, - сказал он. - Как только вернемся с Виктором Михайловичем, так сразу и вылетим.

- Может, на минуточку заскочите в лагерь? Чайку попьем, а если хотите, то чего-нибудь покрепче, - предложил Никитин.

- Нет уж, ребята, спасибо. Как-нибудь в следующий раз, - поблагодарил Титлов и полез по стремянке в кабину.

Но особенно радостной была встреча с Женей Яцуном. Уж как его мяти, тискали в объятиях. Поскольку времени на киносъемку у него немного, всего два дня, Женя со свойственной ему деловитостью мигом "организовал" дюралевые самолетные санки и, нагрузив их доверху киноинструментом, отправился пешком в старый лагерь. На предложение Комарова "подмогнуть" попутным транспортом он лишь отмахнулся, и вскоре его одинокая фигура исчезла за торосами. Яцун снимал все. И грозные валы, подступившие к камбузу и радиопалатке, и ползузасыпанные снегом широкие трещины, и развалины снежных домиков. Ему, прошедшему полгода на станции, все было до боли понятно. Он словно очутился вместе с нами в тот роковой день "великого торошения". Кассета за кассетой ложились в меховой мешок. Потом в киностудии эти километры отснятой пленки превратятся в потрясающий своей реальностью фильм "376 дней на льдине". Вернулся он лишь поздно вечером, усталый, потрясенный разрушениями в старом лагере.

Сидя за столом в кают-компании, он все повторял с сожалением:

- Эх, не дало мне начальство остаться на станции. Это же были бы такие фантастические кадры. Я когда рассмотрел ледяные валы - ужаснулся. А скажите, Михал Михалыч, как это вам удалось доташить самолет с аэродрома в лагерь? Откуда только силы взялись справиться с такой махиной?

Сомов только пожал плечами.

Самолеты ушли на юго-запад, увозя с собой двух наших товарищей - Гурия Яковлева и Колю Миляева. Как им не хотелось расставаться!

10 апреля.

Снова в небе гудит самолет. Это Титлов. Едва затихли двигатели, вниз по трапу буквально скатилась фигура в кожаной куртке. Я первым попал в объятия старого приятеля штурмана Льва Рубинштейна. Он то прижимал меня к себе, то, отстранившись, вглядывался в мое лицо, словно пытаюсь отыскать следы зимних испытаний, с умилением разглядывал мою сирийскую бороду.

- Ну молодчина, - то и дело повторял он. - И вообще вы все молодцы. Нам Мазурук еще на Врангеле рассказал, что вам пришлось пережить.

С Титловым прилетел еще один кинооператор - Саша Кочетков, неперенный участник всех высокоширотных экспедиций, ученик и помощник знаменитого Марка Трояновского, с именем которого связана не одна полярная эпопея.

Погода стояла отличная. На небе ни облачка. Тридцатиградусный мороз приятно щипал щеки и нос. Только легкий ветерок сдувал снежную пыль с вершушек торосов.

Следом за Титловым снова прилетел Мазурук. Пока грузились самолеты, Мазурук и Титлов, прихватив с собой кинооператора, отправились, в сопровождении Сомова навестить старый лагерь.

Вернулись они потрясенные увиденным.

- Сказать честно, я не ожидал такого, хотя в Арктике многого насмотрелся, - сказал Титлов, покачивая головой. - Уж очень страшные эти валы торосов. Даже сейчас. А представляю себе, что здесь творилось, когда они наступали.

- Да, в опасную вы попали переделку, - сказал Мазурук. - Но молодцы. Все выдержали, со всем справились. Настоящие герои.

Мазурук взлетел, а следом за ним Титлов, забрав с собой еще двоих - Макара Никитина и Сашу Дмитриева. А мы, оставшиеся, возвращаемся в наши опустевшие палатки.

Яцун устраивается на койке улетевшего Яковлева. Монотонно гудит паяльная лампа. Покачиваются подвешенные для просушки унты и куртки. В запотевший круг иллюминатора льется солнечный свет. В его широком луче резвятся серебристые пылинки. Где-то потрескивает лед и тихонечко посвистывает ветерок в вентиляторном отверстии.

Последняя ночь на льдине. Неужели последняя? Даже не верится. Неужели все осталось позади: холод, испытания, опасности? Но чувство радости смешивается с грустью.

11 апреля.

Последний день на льдине. Неужели конец? Этот вопрос чувствуется во взглядах каждого из нас. Почти все грузы уже сложены на аэродроме, ожидая своего часа.

Прилетевшие Мазурук с Аккуратовым начали было торопить нас с отъездом, но поддались на нашу общую просьбу - принять участие в последнем торжестве - дне рождения Кости Курко. Я решил блеснуть перед гостями своими кулинарными талантами: Изготовил щи из свежей капусты, добавив в них обломок "ветчинного бульона", нажарил антрекотов, открыл последние баночки с икрой, наварил картофеля, настругал мороженую нельму. (На коронный кекс меня уже не хватило.) Стол украсили бутылки шампанского и гора салата из овощей, привезенных летчиками (кстати, как и нельма, антрекоты и картофель). После скромных возлияний и чая все отправились в старый лагерь.

- А что будем делать с фюзеляжем? - спросил Сомов, повернувшись к Мазуруку.

- А зачем с ним возиться? Пусть себе лежит, как лежал до святого пришествия, - сказал Илья Павлович, недоуменно пожав плечами.

- Так с меня в Москве шкуру спустят, если мы его не уничтожим, - сказал Сомов. - Только как его ликвидировать, ума не приложу. Аммонал у нас закончился. Да и будь у нас его хоть тонна, мы бы трехметровый лед все равно не пробили.

- Может быть, ПАРсами попробовать, - подсказал Комаров, - они горят, как звери.

- Они-то горят, а дюраль вряд ли, - заметил Яковлев. .

- Еще как горит, - сказал, ухмыльнувшись, Аккуратов. - Помнишь, Илья Павлович, ту историю с пожаром машины Черевичного?

- Еще бы, - отозвался Мазурук.

- Так дюраль запылал не хуже сухого полена.

- Ну что ж, может, попробовать для очистки совести? - согласился Сомов. - Давай, Михал Семенович, неси свои ПАРсы (парашютные осветительные авиационные ракеты).

Комаров с Яковлевым отправились в палатку-мастерскую и приволокли полные нарты завернутых в промасленную бумагу метровых трубок. Их затащили внутрь фюзеляжа, протянули бикфордов шнур. Все, на всякий случай, укрылись за торосами. Но, видимо, пролежавшие под снегом в течение полугода ракеты так отсырели, что даже не пшикнули.

- Ладно, - сказал Сомов, махнув рукой, - семь бед - один ответ.

Собрав остатки имущества, мы возвратились в лагерь. Последняя палатка все еще сиротливо чернела после учиненного разгрома. Ее разобрали без особых хлопот, погрузили на нарты и окружили мачту, на которой трепетало алое полотнище, развевавшееся 376 дней над арктическими льдами. Сомов обрезал фал, и флаг медленно, словно нехотя пополз вниз. Раздался залп, второй, третий. Все. Финиш. Дрейфующая станция "Северный полюс-2" прекратила свое существование.

Комаров сел за баранку, выжал сцепление и дал газ. Машина медленно покатила на аэродром. Мы потопали следом за ней. Дорогу за ночь перемело, и нам то и дело приходилось вызывать газик из глубоких сугробов. Ветер усилился, швыряя в лицо горсти снега. Наконец машина выбралась на лед аэродромной полосы и увеличила скорость. Позади нее из стороны в сторону болтались тяжело груженные нарты. Из притороченного к ним большого ящика с решеткой выглядывали растерянные мордочки щенков. Мы разобрали последнюю палатку, служившую убежищем для строителей аэродрома, и один за другим поднялись по стремянке в мазуруковский "ил", где бортмеханик Камирный уже накрыл для гостей стол. Только Ваня Петров со своими громоздкими ящиками, набитыми оборудованием гляциологов, погрузился в самолет Титлова.

Двигатели прибавили обороты, и машина, набирая скорость, покатила по полосе. Быстрее, быстрее. И вот уже колеса оторвались ото льда. Мы в воздухе. Мазурук делает прощальный круг над руинами лагеря. Мы до боли в глазах всматриваемся в черные пятачки вросших в лед палаток, грозные валы торосов и уже поредевший столбик дыма над костром.

Прощай, льдина! Прощай!!!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переночевав у гостеприимных хозяев острова Врангеля, мы наутро вылетели в Москву. Снова замелькали знакомые названия городов и полярных поселков, только в обратном порядке: Певек, Тикси, Челюскин, Хатанга, Нарьян Мар. А вот и ночная Москва встречает нас россыпью огней и полным безлюдьем аэродрома. Итак, мы снова дома.

Постепенно привычная жизнь вошла в свою колею, с привычными хлопотами и заботами. Я отгулял отпуск в Кисловодске, сообщив под страшным секретом своим родителям, что все эти месяцы пребывал на льдине, вызвав потоки слез у матери и тяжелые вздохи у отца. В октябре, возвратившись в Москву, я первым делом отправился на Разина, 9.

Люда Ольхина встретила меня радостной улыбкой.

- Доктор, мы уже вас третий день разыскиваем. Быстренько к Кузнецову.

Я зашел в знакомый кабинет. Александр Алексеевич поднялся, вышел из-за стола и, протянув руку, сказал:

- Поздравляю вас, доктор. Вам и всем вашим товарищам присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

У меня от радости "в зобу дыханье сперло", и я едва выговорил:

- Служу Советскому Союзу! А с чем вас поздравить, Александр Алексеевич?

- Со второй Золотой Звездой.

Тут я обнаглел окончательно и спросил:

- Что, уже вышел указ?

- Да, Указ Верховного Совета уже подписан.

Не чуя ног от радости, я выкатился из кабинета.

Но, как говорят, человек предполагает, а Бог располагает. В декабре меня вызвали к заместителю начальника Главсевморпути Бурханову. В кабинете уже расположилось человек десять полярников.

Василий Федотович, красивый, вальяжный, в адмиральском мундире, вытащил из ящика какую-то бумагу и торжественным голосом сказал:

- Дорогие товарищи, разрешите поздравить вас с высшей наградой Родины. Все вы удостоены ордена Ленина.

Награда была действительно очень высокой, если бы я только раньше не знал о другой...

31 декабря, надрав пуговицы, начистив до блеска сапоги, я отправился в Кремль. Приземистый полковник МГБ с неприветливым обрюзгшим лицом нашел меня в списке, а потом долго и нудно рассматривал мое удостоверение, по несколько раз переспрашивая: фамилия, год рождения, место рождения. Видимо убедившись, что я тот, за кого себя выдаю, он протянул мне глянцевитый пропуск. Старший лейтенант, стоявший у калитки в стене рядом со Спасской башней, проверил мой пропуск и, спросив: "оружие есть?", впустил меня в Кремль. У входа в здание Верховного Совета меня остановил майор. Повторилась та же процедура с внимательным рассматриванием моего лица и вопросом "оружие есть?". На мраморной лестнице, которая вела на второй этаж, меня снова задержал офицер, но уже в звании подполковника. И тут я чуть не совершил роковую ошибку. На вопрос об оружии я, разозлившись, едва не ответил: "есть". Думаю, что после этого я бы оказался не в Георгиевском зале, а совсем в другом, малоприятном месте. Зал, сверкавший огнями хрустальных люстр, был полон. Я едва разыскал в толпе моих товарищей и с чувством облегчения опустился в кресло рядом с ними.

- Послушай, Виталий, ты не видал Сомова? Он вроде был здесь, а сейчас исчез, - сказал Костя Курко, понизив голос. - Не случилось бы чего?

Наш разговор прервал шквал аплодисментов. На ярко освещенной сцене появился сухонький старичок с усами и седенькой редкой бородкой, похожий на Калинина. Он уже, видимо, привык к такой реакции зала и спокойно принялся устанавливать треногу с фотоаппаратом. Наконец в сопровождении "ассистентов" на сцену вышел Н. М. Шверник. Процедура награждения была волнующе-торжественной. Но нас не оставляла мысль: куда запропастился Сомов? Наконец

последнему награжденному пожали руки, вручили красную коробочку с орденом. И мы шумной толпой вышли из зала. Первое, что мы увидели, - небольшую группку людей, в центре которой стоял смущенно улыбающийся Михаил Михайлович. На лацкане его пиджака сверкала звездочка Героя Советского Союза.

ЭПИЛОГ

Миновало три года. И снова надо мной купол палатки, в иллюминатор заглядывает луч незаходящего полярного солнца и тихо скребется поземка в кирзовую стенку. Я снова на льдине, снова в роли врача и на этот раз - завхоза, должности столь же ненавистной, как и прошлая - повара. Теперь нас именуют "Северный полюс-3", на станции 17 человек и среди них трое по незабываемому дрейфу "СП-2" - радист Костя Курко, шифровальщик Саша Дмитриев и механик Михаил Комаров. Мы уже два месяца как обосновались в нашем новом ледяном лагере и с нетерпением ждем главной новости: сообщения геофизиков о прибытии льдины на Северный полюс. Однако новость, услышанная нами, была еще более удивительной.

- Доктор, - раздался за стенкой палатки голос радиста Лени Разбаша, - Константин Митрофанович просит срочно зайти на радиостанцию.

Я было встревожился и, быстро одевшись, примчался к радистам, на ходу прикидывая, что там могло приключиться. Я едва переступил порог радиостанции, как Саша Дмитриев, сидевший рядом с Курко вскочил на ноги.

- Виталий, - радостно воскликнул он, - наша льдина отыскала нас. Представляешь? Масленников во время ледовой разведки ее неожиданно обнаружил. Жаль только, сесть ему не удалось. Как назло, по соседству не оказалось ни одного порядочного поля.

Действительно, летчик Виталий Масленников, совершая полеты в районе Полюса относительной недоступности, где была высажена, одновременно с нашей, дрейфующая станция "Северный полюс-4", обнаружил среди льдов, всего в 300 километрах от нее, палатки никому не ведомой экспедиции. Ошеломленные открытием, они прошли бреющим полетом над льдиной и лишь тогда поняли, что это остатки нашей доброй "СП-2".

Немедленно было принято решение высадиться на нее. И это было не только ностальгическое любопытство. Для ученых крайне важно было обследовать состояние льдины, узнать, насколько изменилась ее поверхность, что произошло с ледяными валами, сокрушившими лагерь, какие превращения претерпела льдина за три прошедших года. Однако и второй полет не принес успеха. Ни третий, ни четвертый. Льдина словно сквозь землю провалилась.

6 июня 1954 года с дрейфующей станции СП-4 поднялся вертолет Ми-4 и взял курс на север, туда, где летчик Лебедев обнаружил льдину, покинутую три года назад зимовщиками станции "СП-2". Вертолет уже в воздухе часа полтора, как вдруг командир машины В. Е. Мельников, обернувшись, крикнул в открытую дверцу пилотской:

- Внимание! Вижу по курсу сомовскую льдину.

Все преринули к иллюминаторам.

Вертолет сделал круг над лагерными руинами и опустился неподалеку от фюзеляжа-кают-компаний. Первым выпрыгнул на лед Иван Григорьевич Петров. Под лучами незаходящего полярного солнца все вокруг искрилось и сверкало.

- Вот это и есть наш старый лагерь, - сказал дрогнувшим голосом Ваня, пытаясь смахнуть набегающие слезы.

Все молча столпились вокруг, понимая, сколь волнительна для него эта встреча с прошлым. Первым молчание нарушил Александр Гаврилович Дралкин. Почти четыре года назад он вместе с Сомовым высадился на эту льдину, ставшую надолго островом жизни для маленькой группы зимовщиков.

- Давай, Григорьевич, поделись с нами своими воспоминаниями, - сказал он, оглядываясь по сторонам.

- Вот это и есть наш старый лагерь, где мы едва не погибли в феврале пятьдесят первого. А вон и наша палатка, в которой мы жили вместе с Гурием Яковлевым Много месяцев. - И он показал рукой на сооружение, напоминавшее огромный диковинный гриб. Ножкой ему служил полутораметровый толстый ледяной столб, а шляпкой - выгоревший добела купол палатки. Еще два таких же "гриба" возвышались неподалеку. Видимо, брезент и шкуры, устилавшие пол, препятствовали таянию, в то время как лед вокруг палаток расплавился под лучами солнца.

- А вот это - наша кают-компания, где мы провели немало веселых часов. Это все, что осталось от самолета Осипова, разбившегося осенью 1950 года.

- Как же вам удалось перетащить такую махину? - удивленно спросил штурман Н. Г. Черногорский.

- Так у них же автомобиль был, - сказал Дралкин.

- К сожалению, Александр Гаврилович, наш газик мирно покоился в сугробе.

- Неужели вы своими силами приволокли такую грудку металла? Это же надо, - сказал Мельников, покачивая головой. - Наверное, от аэродрома до лагеря расстояние не меньше полутора километров.

- Точно полтора километра, - подтвердил Петров.

- Ну богатыри, - восхитился Мельников. - Только за одно это вам надо памятник поставить.

- Да уж какой там памятник. Разве что этот курган, - показал он пальцем на ледяной холм, возвышавшийся неподалеку от фюзеляжа. - Это все, что осталось от вала, который едва не отправил нашу станцию в преисподнюю.

Глядя на эту мирно сверкающую голубизной восьмиметровую громаду, трудно было представить, что она двигалась, грохотала, сокрушая все на своем пути. Льдины, образовавшие вал, обтаяли, спаялись, образовав единый монолит.

- А где же ваши знаменитые трещины, расколовшие льдину на части? - спросил Дралкин, осматриваясь по сторонам.

- Ума не приложу, - сказал Петров. - Одна, самая широкая, была здесь, рядом с нашей рабочей палаткой, и разорвала ее пополам. Другая образовалась вон там, неподалеку, за палаткой гидрологов. Видите, на ее месте остался лишь небольшой холмик?

- Я думаю, - сказал Дралкин, - они смерзлись, а затем в процессе таяния сровнялись с окружающим льдом. В общем, гляжу я, ваша станция ни дать ни взять настоящий арктический музей среди льдов.

- Давайте, ребята, тащите бур. Интересно, насколько изменилась толщина льдины за эти годы?

Когда бур принесли, Ваня первым взялся за его ручки. Сантиметр за сантиметром стальное жало вгрызалось в лед. Когда наконец оно коснулось воды, Петров опустил ледемерную рейку в лунку и присвистнул от удивления.

- Вот это да! Как было три метра, так и осталось три.

- Вот вам яркий пример равновесия в природе, - сказал Дралкин. - Сколько стаяло сверху под лучами солнца, столько иросло снизу. Так что научный факт омоложения льда можно считать доказанным.

Побродив по лагерным руинам, Ваня с горечью убедился, что, кроме фюзеляжа, трех палаток-грибов да холмика на месте гидрологической палатки, больше ничего не осталось. Исчез даже сломанный столб ветряка и деревянные стеллажи, на которых хранились продукты.

- Может, навестим наш последний лагерь? - предложил Петров. - Там, возможно, тоже что-нибудь сохранилось.

Но поиски оказались безуспешными. То ли льдину сломало новым торошением, то ли унесло ее в неизвестном направлении. Пока ученые обследовали льдину, штурман вертолета уловил момент, когда солнце, вырвавшись из объятий лохматых облаков, явило свой огненный лик, и, определив его высоту, вычислил координаты льдины: 73° северной широты и 176°65' западной долготы. Взглянув на эти цифры, Петров даже присвистнул от удивления. Продрейфовав четыре года, льдина, описав гигантскую окружность, вернулась почти на то самое место, откуда начались ее скитания.

В общем, все возвращается на круги своя. И лишь наше последнее пристанище - лагерь № 2 бесследно исчез в океане вместе с останками палаток, снежными домиками и двойником Миляева, склонившимся к теодолиту.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошли годы. Всё новые станции начинали свой дрейф в ледяном безмолвии Арктики, всё новые открытия обогащали полярную науку. Но постепенно стихала газетная шумиха, все реже звучали сообщения о "героических зимовщиках". Люди потеряли интерес к событиям, происходившим на льдах океана. По-прежнему бушевала пурга, ломались и торосились льды, как и прежде, нелегким был труд ученых, но он стал рутинным, а значит потерял свою привлекательность.

И вот все кончилось. Пополз вниз по флагштоку флаг дрейфующей станции под номером 31. Надолго замолкли голоса людей, нарушавших тишину арктических просторов. Разве что маленькие группки смельчаков, решивших штурмовать полюс, время от времени тревожили покой Ледовитого океана.

Сегодня уже нет дрейфующих станций. Закрываются многие островные и прибрежные "полярки". Что, разве утратил свое важное значение Северный морской путь? Кто даст на это ответ? Теперь можно писать новую повесть, назвав ее вместо "Засекреченный полюс" - "Забытая Арктика".

Комментарии

1

Линия, соединяющая на географической карте точки земной поверхности со средней температурой июля $+10^{\circ}\text{C}$.

Руаль Амундсен (1872-1928) - знаменитый норвежский полярный путешественник и исследователь, первым осуществивший плавание северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий. В 1903-1906 гг. организатор и участник первого полета на аэропланах (в 1925 г.) к 87° с. ш. трансарктического перелета через Северный полюс на дирижабле «Норвегия». Первооткрыватель Южного полюса в 1911 г.

Каюр - погонщик собак (*чукот.*)

Лахтак - морской заяц - самый крупный представитель семейства настоящих тюленей.

Известная английская фирма по изготовлению трубок.

Пири Роберт (1856-1920) - американский полярный исследователь, первый достигший Северного полюса 6 апреля 1909 г.

Врангель Фердинанд Петрович (1797-1888) - русский полярный исследователь побережья Северо-Восточной Сибири.

ДеЛонг Дж. (1844-1881) - американский полярный исследователь, командир яхты "Жанетта".

Джексон Ф. - руководитель британской экспедиции, направленной для изучения природы Земли Франца-Иосифа в 1894 г. По счастливой случайности им удалось встретить Нансена и Йогансена, зазимовавших там после безуспешной попытки достигнуть Северного полюса на лыжах.

Франклин Джон (1786-1847) - известный английский полярный исследователь, возглавивший в 1845 г. экспедицию для отыскания Северо-западного прохода. Экспедиция погибла от голода и холода, и останки ее участников были обнаружены лишь много лет спустя.

Седов Георгий Яковлевич (1877-1914) - лейтенант российского флота. Организатор экспедиции к Северному полюсу в 1912-1914 гг. на судне "Святой Фока".

Русанов Владимир Александрович - русский полярный исследователь. Руководитель ряда экспедиций, изучавших Новую Землю. Последняя его экспедиция на судне "Геркулес" погибла при попытке пройти Северо-Восточным проходом.

Брусилов Григорий Львович (1884-1914) - лейтенант российского флота, гидрограф. Руководитель экспедиции на паровой яхте "Святая Анна", исчезнувшей среди льдов Баренцева моря. Из всего экипажа яхты уцелел только штурман Альбанов, добравшийся до Земли Франца-Иосифа.

Толль Э. В. - известный полярный исследователь, посвятивший себя изучению морей и островов восточного сектора Арктики. Погиб при переходе по льдам с острова Беннета на Новосибирские острова в 1902 г.

ДеЛамартиньер - врач датской экспедиции, направленной для изучения северных берегов Новой Земли и Шпицбергена.

Пайер Юлиус - известный полярный путешественник, возглавивший в 1872-1874 гг. австро-венгерскую экспедицию, открывшую архипелаг Земли Франца-Иосифа.

Хейс Исаак - известный полярный исследователь, руководитель американской экспедиции на судне "Юнайтед Стейтс" в 1860-1861 гг. с целью доказать, что к северу от Гренландии существует свободное ото льда море.

Бэрд Ричард - знаменитый полярный исследователь, участник первого полета на Северный полюс в 1920 г., руководитель американских экспедиций в Антарктику в 1929-1930 гг. и 1940-1947 гг.

Кент Кэн Элиша - известный полярный путешественник, руководитель американской экспедиции в 1853-1855 гг., направленной на поиски исчезнувшей в Арктике экспедиции Джона Франклина.

Нансен Фритьоф - знаменитый норвежский полярный путешественник и общественный деятель, ученый. Организатор беспримерной по своему мужеству экспедиции, поставившей своей целью покорить Северный полюс, вморозив свое судно "Фрам" в ледяное поле и используя его дрейф, достичь желанной цели. Почетный гражданин г. Москвы.

Визе Владимир Юрьевич - известный советский полярный исследователь, метеоролог и ученый. Автор многочисленных трудов об Арктике. Участник экспедиции Г. Седова к Северному полюсу в 1912-1914 гг.

Летом 1932 года советская экспедиция на ледокольном пароходе "Сибиряков" под руководством О. Ю. Шмидта впервые в истории полярного мореплавания в одну навигацию прошла северо-восточным проходом (Северный морской путь) из Архангельска в Тихий океан.

"Счастлив тот, чьи условия жизни соответствуют его характеру; но еще более достоин уважения тот, кто умеет приспособить свой характер к условиям". Д. Юм.

Здесь я нахожусь и здесь я и останусь (*французская пословица*).

Расмуссен Кнуд - известный датский полярный исследователь, гренландец по рождению. Его многократные экспедиции в Гренландию и на Канадский север собрали огромный этнографический материал о жизни эскимосов.

Стефанссон Вильямур - один из самых выдающихся полярных исследователей современности. Организатор ряда полярных экспедиций, одна из которых, получившая название Канадской арктической экспедиции, продолжалась свыше 5,5 лет, автор замечательной книги "Гостеприимная Арктика".

Явление прохождения светила через небесный меридиан.

Миккельсен Эйнар - известный датский полярный исследователь, руководитель экспедиции (1909-1912 гг.), направленной в Северо-Восточную Гренландию для отыскания пропавшей "датской" экспедиции Л. Мюлиус-Эриксона и его товарищей.

Совместный документ стран Антанты, по которому часть более или менее современных подводных лодок подлежала уничтожению, якобы в целях разоружения. Однако под флагом этого мнимого разоружения просто уничтожалось устаревшее, хотя и годное оружие для замены его новейшими орудиями уничтожения.

Английская мера длины - 30,28 см.

Свердруп Харальд - известный полярный исследователь, руководитель научных работ на судне "Мод", в течение двадцати месяцев дрейфовавшей в Восточно-Сибирском море в 1922-1924 гг.

Виллоуби Хьюго (1509-1554) - руководитель английской экспедиции из трех кораблей, посланной для изыскания северного пути в Индию в 1553 г.

Единица теплоизоляции, соответствующая 0,18 градус/ккал/м*час, что обеспечивает постоянное ощущение комфорта человеку в состоянии покоя, когда организм вырабатывает 50 ккал/м*час при $T - 21^{\circ}\text{C}$, относительной влажности воздуха менее 50% и движении воздуха 10 см/сек. Разработана английскими учеными А. Бартоном, А. Гейджем и Х. Базетом.

Психрометр Ассмана - прибор для определения относительной влажности воздуха. Он состоит из двух термометров: "сухого" и "влажного". На "мокрый" надевается батистовый мешочек, который смачивается дистиллированной водой. Чем меньше влажность воздуха, тем быстрее испаряется вода, охлаждая ртуть. По разности показаний термометра по специальным психрометрическим таблицам рассчитывается влажность воздуха.

Гиавер Джон - руководитель норвежско-британско-шведской экспедиции на Земле Королевы Мод в Антарктиде в 1949 г.

Парадокс - своеобразное мнение, противоречащее здравому смыслу или принятой морали.

Параллакс - кажущееся смещение рассматриваемого предмета, вызванное изменением точки наблюдения.

Гипотеза - научное предположение, выдвигаемое для объяснения какого-то явления.

Гипотенуза - сторона прямоугольника, лежащая против прямого угла.

Лондон Джек. Белое безмолвие.

Хайям Омар. Рубаи.